

Учебное пособие
для вузов

А.Г. Дугин

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ПАРАДИГМЫ, ТЕОРИИ, СОЦИОЛОГИЯ

*Допущено Учебно-методическим объединением
по классическому университетскому образованию к изданию
в качестве учебного пособия для студентов высших учебных
заведений, обучающихся по направлению 040200 — Социология*

Москва
Академический Проект
2013

УДК 327
ББК 66.4
Д80

*Печатается по решению кафедры Социологии
международных отношений социологического факультета
МГУ им. М.В. Ломоносова*

Научная редакция:

Н.В. Мелентьева, канд. филос. наук

Рецензенты:

*Э.Ф. Попов, доктор политических наук;
Т.В. Беспалова, доктор философских наук*

Дугин А.Г.

Д80 Международные отношения. Парадигмы, теории, социология: Учебное пособие для вузов. — М.: Академический Проект, 2013. — 348 с. — (Gaudeamus).

ISBN 978-5-8291-1477-0

В книге основателя российской школы геополитики А. Дугина последовательно излагаются основные принципы научной дисциплины «Международные отношения» (МО), дается описание ведущих парадигм и течений этой науки. Основное внимание уделяется социологическим трактовкам международных отношений. Особенность книги состоит в повышенном внимании, уделяемом автором новейшим «конструктивистским», «постконструктивистским» и «постмодернистским» школам МО.

Классическая методология дисциплины «Международные отношения» впервые масштабно и детально применяется к разбору основных направлений внешней политики России (анализируются «доктрина Козырева», «доктрина Примакова», «доктрина Путина» и др.).

Последний раздел книги представляет собой изложение Теории Многополярного Мира (ТММ), разработанной автором и его научной школой.

Рекомендуется для студентов-обществоведов и специалистов в области мировой политики и международных отношений — дипломатов, политологов, экономистов, социологов, философов, журналистов.

**УДК 327
ББК 66.4**

ISBN 978-5-8291-1477-0

© Дугин А.Г., 2013
© Оригинал-макет, оформление.
Академический Проект, 2013

Международные Отношения как академическая дисциплина

Международные Отношения¹ (International Relations) впервые стали осмысляться как самостоятельная дисциплина в контексте политической науки в начале XX века. Первая кафедра с таким названием была основана в 1918 году в Уэльском университете в Англии. Вслед за этим практически сразу возникли аналогичные кафедры в США и Швейцарии (Женева). В начале 1920-х годов, сразу по окончании Первой мировой войны, в Лондонской школе экономики был открыт факультет Международных Отношений, который впервые стал выдавать дипломы по этой дисциплине.

Отдельным университетом, занимающимся исключительно изучением Международных Отношений, стал Учебный Институт Международных Отношений (Graduate Institute of International Studies) в Женеве, основанный при активном участии Лиги Наций в 1927 году. В этом Университете были защищены первые диссертации (PhD) по этой дисциплине, что завершило ее академическую институционализацию.

С 1944 года в СССР действует Московский государственный Институт Международных Отношений, приоритетно занимающийся образованием и научными исследованиями в этой области.

Международные Отношения стали дисциплиной в контексте общего направления современной политической науки, которая начала активно развиваться с XIX века в Европе, хотя первые трактаты о политике, и в том числе об отношениях между Государствами², появились еще в Древнем мире. Но в самостоятельный предмет науки политика и, в частности, Международные Отношения, превратились лишь в последние двести лет. При этом в отдельную область политической науки Международные Отношения выделились в тот исторический момент, когда после драматических событий Первой мировой войны европейцы, в первую очередь англичане, ясно осознали взаимосвязь между политическими процессами в глобальном масштабе и стали отдавать себе отчет в том, что область Международных Отношений представляет собой некоторую *систему*, устроенную в соответствии с вполне определенной парадигмой, а значит, подлежащую научному изучению.

Так постепенно стали складываться базовые представления о поле Международных Отношений, об их структуре, основных акторах (действующих лицах), закономерностях и процессах, взаимодействиях и трансформациях. О том, вылилось ли все это, в конце концов, в строгую и полностью достоверную науку или речь все же шла о «problem solving theory», т. е. о теории, разработанной наспех, ad hoc и в чисто утилитарных целях, дискуссии ведутся

¹ Следует отличать Международные Отношения как дисциплину от международных отношений как предмета этой дисциплины. В первом случае мы будем писать это словосочетание с большой буквы (в таком случае речь идет о науке), во втором — с маленькой (в таком случае речь идет о поле отношений между Государствами и иными акторами).

² В данном учебнике ряд терминов (в частности, «Государство», «Империя», «Политическое») пишутся с заглавной буквы, как это принято в международной литературе по социально-политической культуре.

до сих пор. Но в любом случае столетняя история Международных Отношений как самостоятельной области научных исследований помогла накопить основательный теоретический, фактологический и методологический материал, на основании которого можно исследовать эту область политических процессов, структур и институтов последовательно и систематически. Даже те, кто критикуют «претензии на объективность» этой дисциплины, не могут отрицать ее пользы и релевантности для осмысления реалий мировой внешней политики, а также процессов, протекающих в сфере международных и глобальных взаимодействий.

МО как продукт политической философии Модерна (евроцентризм)

С самого начала знакомства с дисциплиной «Международные Отношения» следует учитывать то обстоятельство, что она возникла в Европе XX века, а значит, несет на себе концептуальный отпечаток эпохи Модерна в его позитивистской стадии. Поэтому социологическая традиция настаивает на том, чтобы относить классические направления в Международных Отношениях (реализм, либерализм и марксизм) к позитивистским. Это значит, что базовые теории Международных Отношений строятся в классической научной топике Нового времени, где субъект (гносеология) и объект (онтология) строго разведены между собой. Область реальных объектов и объективных отношений между ними составляет постоянную и безусловно признаваемую всеми классическими школами онтологию Международных Отношений, существующую независимо от того, как ее понимают исследователи. Наличие этой независимой онтологии и позволяет отнести Международные Отношения к науке как таковой и обосновать возможность построения отвлеченной и полностью незаинтересованной теории как субъективного отражения безусловно объективного. В этом Международные Отношения полностью вписываются в разряд остальных социально-политических дисциплин, признающих позитивную действительность исследуемых ими процессов, величин и предметов. Иными словами, Международные Отношения заведомо разделяют область *объективной* реальности (онтологию) от ее *субъективного* представления (гносеологии) и всячески фиксируют эту раздельную черту — анализируя то, как объективные реалии преломляются в субъективном восприятии, очищая по ходу дела это субъективное восприятие от некритического субъективизма и иллицитных проекций воли, сублиминально возводимых в статус объективной констатации («самосбывающееся пророчество» Р. Мертона или wishfull thinking). Насколько это разделение успешно — можно оценивать по-разному, и представители наиболее современных подходов в Международных Отношениях, опираясь на методологию постмодернизма, ставят это под большое сомнение. Так, намечается еще одна группа теорий Международных Отношений, которую принято называть «постпозитивистской», и которая отталкивается от признания слишком тесной и слишком неотрефлектированной связи гносеологии и онтологии в классических версиях Международных Отношений (критическая теория, конструктивизм), либо вообще ставит под сомнение самосуществование онтологии, отождествляя предмет этой дисциплины с текстом, подлежащим деконструкции (постмодернизм в МО). Но для того, чтобы понять претензии и критические методологии постпозитивистов в МО, необходимо рассмотреть позитивистские подходы, которые и становятся в пост-

позитивизме основным предметом социологического анализа и философской деконструкции. Классические теории МО (реализм, либерализм и марксизм) свято убеждены, что исследуют Международные Отношения как *объективную реальность*, поддающуюся логическому, рациональному и незаинтересованному осмыслению. Постпозитивистские теории своим предметом имеют не эту «объективную реальность», а *социологические конструкции*, создаваемые самими учеными-международниками в качестве симулякра реальности или ее заинтересованного проектирования. Поэтому постпозитивизм в МО может быть отождествлен с социологией и социологическим подходом в целом, что и позволяет обосновать потребность в отдельной научной области — *Социологии Международных Отношений*, куда, кроме того, можно включить те политические теории из числа классических (социологический реализм Р. Арона, частично Английскую школу и т. д.), которые в той или иной степени обращались напрямую к социологии. Полнее всего Социология Международных Отношений разработана у представителей постпозитивистского направления, известного как «историческая социология» (Ф. Холлидэй, Дж. М. Хобсон, С. Хобден и т. д.).

Три волны дебатов в МО

В истории МО как науки принято выделять несколько волн магистральных дебатов, предопределивших становление дисциплины и придавших ей тот вид, который она имеет в настоящее время.

Первые большие дебаты проходили между реалистами и либералами (идеалистами) в 1930 – 1940 годы. Реалисты настаивали на фундаментальности национальных Государств и обосновывали принцип «анархии в международных отношениях». Либералы отстаивали эффективность наднациональных структур и приводили аргументы в поддержку Лиги Наций. В ходе этих дебатов сформировался целый ряд базовых теоретических концептов, часть которых признавалась всеми школами, а часть оспаривалась некоторыми из них. В ходе дискуссий базовые школы сформировались и получили свои названия.

Вторые дебаты проходили в 1950 – 1960-е годы и касались методологических оснований МО¹. Представители МО разделились на две группы: традиционалистов, которые следовали классическим схемам описания процессов международной политики, с теоретическими обобщениями и практическими рекомендациями, но без детального критического анализа методов и критериев, и бихевиористов, считавших, что МО, как и любая другая социальная и политическая наука, должна быть основана на строгих и однозначных правилах, статистических данных, верифицируемых фактах, строгих методологиях. Бихевиористы настаивали на том, чтобы сконцентрировать основное внимание на поведении людей и их роли в социальных структурах. Бихевиористы, в частности Мортон Каплан², ввели в МО понятие «системного анализа», предложив строго различать уровни исследуемых систем — глобальную политическую систему, блоки, группы Государств, суб-государственные единицы, и так вплоть до персонального уровня. В процессе второй волны дебатов были уточнены основные научные параметры и критерии МО.

¹ Guzzini S. Realism in international relations and international political economy: the continuing story of a death foretold, New York: Routledge, 1998.

² Kaplan M. System and Process in International Politics. NY: Wiley, 1964.

Третья волна дебатов проходила с конца 1980-х годов между представителями позитивизма и постпозитивизма в МО. Она затрагивала эпистемологические основания МО как науки в свете постмодернистских тенденций, поставивших под вопрос базовую научную топику Модерна: декартовское разделение на субъект и объект и принцип автономии сознания и реальности, на чем была основана классическая наука. Постпозитивизм не являлся направлением, специфическим только для МО, но представлял собой проекцию общих философских и социологических принципов постмодернизма (или постструктурализма) на эту дисциплину. Третьи большие дебаты привели к существенному зазору между научно-теоретическими кругами, профессионально занимающимися МО, где постмодернизм распространен довольно широко и, как минимум, учитывается большинством теоретиков, а также практическими политиками и функционерами, профессионально связанными с областью международных отношений, где постмодернистские теории распространены довольно слабо и чаще всего не учитываются вообще.

МО как область теоретического знания структурирована этими тремя волнами дебатов и сформировалась в процессе их развертывания.

ПОЗИТИВИСТСКИЕ ПАРАДИГМЫ МО (КЛАССИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ)

1.1. Реализм (первая парадигма)

1.1.1. Теоретические предпосылки реализма. Философские основы

Реализм в МО как одна из основных парадигм

Реализм в Международных Отношениях (реалистская парадигма) является одной из самых развитых и распространенных научных школ. Спор реалистов с либералами (второй по значимости и распространенности школы) помог выработать основные принципы, понятия и методы Международных Отношений, вывести признаваемые всеми закономерности, очертить границы компетенции этой дисциплины. Поэтому изложение Международных Отношений логично начинать именно со знакомства со взглядами реалистов.

Реалисты предложили ряд принципов, которые до определенной степени приняли представители всех остальных направлений в МО, хотя толкование их было различно. Так, в частности, реалисты ввели два базовых понятия — анархия в МО и статоцентризм (Государство как единственная инстанция принятия суверенного решения в международной политике). Но в свою очередь реалисты основывались при построении своих теорий на классических авторах политической науки эпохи Модерна, включая отцов-основателей современных теорий Государства: Н. Макиавелли, Т. Гоббса, Ж. Бодена. К идеям этих политических философов и восходят основные теории реалистов.

В основе реалистского течения в МО и, шире, общего дискурса всей этой научной дисциплины, лежит принцип *современного национального Государства как главного актора*. Вся область международных отношений, таким образом, является в первую очередь (а для реалистов исключительно и абсолютно) полем взаимодействия суверенных Государств. Теоретически это следует из трех основных политико-философских моментов: «князя» (Н. Макиавелли), «Левиафана» (Т. Гоббс) и «суверенитета» (Ж. Боден). Эти три момента, возведенные в теорию современного Государства, стали основой европейского международного права (*Jus Publicum Europaeum*) по окончании тридцатилетней войны и были закреплены в Вестфальском договоре, получив название Вестфальской системы. Так теория превратилась в практику. Дж. Хобсон¹ называет Вестфальский миропорядок, в котором главным фактическим и юридическим актором является национальное Государство,

¹ *Hobson J.M. The Eurocentric Conception of World Politics: Western International Theory, 1760 – 2010. Cambridge: Cambridge University, 2011.*

«теорией Большого Взрыва в Международных Отношениях», подчеркивая тем самым, что, начиная с эпохи Вестфальского мира, такое отношение к Государству стало рассматриваться не просто как преобладающее, но как универсальное, нормативное и единственно возможное.

Из этого можно сделать следующий вывод: поле международных отношений есть поле отношений между национальными Государствами, которые являются здесь базовыми акторами. Этот принцип признают реалисты — абсолютизируют Государство и отказываются признавать значение каких-то иных транснациональных или внутривнутриполитических факторов при структурировании системы международных отношений, а либералы в МО, напротив, дополняют номенклатуру этих акторов другими — Транснациональными Корпорациями, Неправительственными Организациями и т. д. Марксисты же в МО полагают, что наряду с межгосударственными факторами решающее значение имеют классовые противоречия, т. к., согласно марксизму, и буржуазный и пролетарский классы по определению *интернациональны*, а следовательно, их интересы выходят за пределы границ национальных Государств.

Теперь рассмотрим несколько подробнее теоретические постулаты, лежащие в основе осмысления природы, функции и структуры современного Государства у отцов-основателей политической философии Нового времени.

«Князь» (Н. Макиавелли)

Одним из первых теоретиков современного Государства был итальянский философ Никколо Макиавелли (1469 — 1527). Макиавелли концентрирует свое внимание на фигуре «князя»¹, но понимает под ней не традиционного монархического правителя, чье правление основано на традициях и гарантировано исторической, социальной и политической инерцией, которой ему надо придерживаться, а «нового Князя», т. е. такого политического деятеля, которому предстоит создать Государство, политическую систему, с нуля, опираясь на волю и разум. Именно такой «новый принц» интересует Макиавелли в первую очередь, т. к. он сталкивается с задачей обоснования политического творчества, основанного на рациональности, воле и эффективности.

Макиавелли рассматривает (или конструирует) новый *политический объект*, не существовавший ранее в эпоху европейского Средневековья и в Античности: это современное Государство, представляющее собой аппарат эффективной организации общества в интересах правителя (нового князя), но нуждающийся в испытании на эффективность. Новый Князь в отличие от старого Князя не просто должен сохранить власть в заведомо данном ему обществе с глубоко укоренными традициями и порядками, которым ему остается только следовать, но создать это общество, эти порядки и в ходе такого создания закрепить свою власть и продемонстрировать свою эффективность на деле. При этом Макиавелли рассматривает религию и традиции как рукотворные конструкты тех, кто в свое время выступали в роли «новых князей» и заложили политические и социальные традиции, лежащие в основе политической и культурной инерции. Такое отношение к религии вызвало запрет трудов Макиавелли со стороны Ватикана.

¹ Макиавелли Н. Государь. М.: Планета, 1990.

Государство Макиавелли не имеет никакого другого смысла, кроме как инструмент властвования «нового князя», поэтому все его институты и принципы должны обязательно иметь рациональную цель и подтверждать свою эффективность. Волевой характер правления отвечает за то, чтобы менять политические правила в тот момент, когда это становится оправданным теми или иными целями. Формула «цель оправдывает средства», если не по форме, то по содержанию, вполне относится к Макиавелли и применима к осмыслению Государства в политической философии Нового времени в целом. Так, Макиавелли в другом своем труде «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия»¹ выступает в защиту республиканских идей, что позволяет толковать фигуру «нового князя» как собирательную фигуру политической власти, независимо от того, имеет ли она единоличный (монархический) или коллективный (республиканский) характер. В обоих случаях наиболее важным является то, что Государство мыслится как полностью инструментальный механизм властвования, где все сводится к эффективности захвата и удержания власти правящей элитой («новым князем») и расширению и защите национальных территорий, что и входит в основную обязанность правителей и является одним из главных критериев эффективности и устойчивости их правления.

Особенностью политической философии Макиавелли, также принятой большинством политических философов эпохи Модерна, является разделение сферы морали на две составляющие: на личную и Государственную мораль. Если личная мораль есть дань традиции и не подлежит рациональной трактовке, утверждает Макиавелли, то мораль Государственного правления, напротив, сводится к эффективности при достижении поставленных целей и поэтому при определенных условиях может входить в конфликт с нормами личной морали. Так, Макиавелли утверждает, что для захвата и удержания власти «новый Князь» может прибегать в чрезвычайных ситуациях к аморальным поступкам: отравлению, обману, убийству, насилию, подкупу, лжи и т. д., которые оправдываются интересами властвования как такового или интересами Государства (например, отстаиванием его территориальной целостности). Макиавелли не покушается на личную мораль, полагая, что она имеет право на существование, и для обычных граждан исчерпывает собой нормативы поведения. Для «князя», однако, доминирующей моралью является совершенно иной набор критериев и оценок, правил и процедур, которые измеряются эффективностью в достижении поставленных целей и, соответственно, удержанием власти в своих руках и отстаиванием национальных интересов Государства.

При том, что большинство исследователей оценивает идеи Макиавелли как циничные и аморальные (выражение «старина Ник» в английском политическом сленге иногда используется как синоним дьявола), его влияние на политическую мысль Нового времени огромно.

Левиафан (Т. Гоббс)

Другим ключевым теоретиком современного национального Государства был английский философ Томас Гоббс (1588 — 1679). Гоббс при построении этой теории исходит из антропологического пессимизма, т. е. уверенности,

¹ *Макиавелли Н.* Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. М.: Азбука-классика, 2009.

что *естественным состоянием* человеческих индивидуумов, предоставленных самим себе, является анархия, насилие, эгоизм, жажда удовлетворения материальных нужд за счет всех остальных, и вытекающая из этого «война всех против всех»¹. Гоббсу принадлежит важнейшая формула: «человек человеку волк» (*homo homini lupus est*). Эгоистическая природа человека препятствует созданию гармоничного общества, кооперации и исключает альтруизм и солидарность. Но человек при этом наделен рассудком. Это дополнительное свойство, отсутствующее у зверей (или заменяемое у них инстинктом), подталкивает человека к тому, чтобы осознать разрушительность естественного состояния и прийти к выводу о необходимости искусственного создания ограничений «войны всех против всех». Так, по мысли Гоббса, люди обнаруживают потребность в «социальном контракте», т. е. базовом соглашении, где все вместе добровольно отказываются от безграничной и ничем не сдерживаемой реализации своих эгоистических желаний в пользу системы общепринятых правил. Но эгоизм естественного состояния, т. е. сама человеческая природа, по Гоббсу, требует, чтобы сдерживание насилия осуществлялось инстанцией, способной предотвратить насилие также насильственным способом. Поэтому учреждаемая в социальном контракте инстанция должна быть силовой, могущественной, внушающей страх и ужас, способной осуществить насилие в отношении тех, кто стал бы нарушать установленные правила и возвращаться к естественному состоянию (анархии). Так Гоббс приходит к концепции Левиафана, устрашающего библейского чудовища, живущего в море, и внушающего ужас. Левиафан — это земной бог, созданный людьми в процессе социального контракта для предотвращения взаимного самоистребления и обуздания анархии. Левиафан — это современное Государство.

В отличие от традиционного Государства Средневековья и, особенно, от Империи, Левиафан не имеет никакой миссии, никакой духовной или исторической положительной цели, никакого собственно божественного предназначения. Левиафан не ставит перед собой цели исправить природу человека, Гоббс считает, что это невозможно и нереалистично. Левиафан просто предотвращает анархию и закономерное самоистребление человеком человека. Это начало и конец его функции. При этом Левиафан создается снизу, он рукотворен, он — продукт рационального вывода человека из осмысления своей социальной (точнее, асоциальной) природы.

Такое понимание Государства становится одной из главных форм толкования политики в Новое время, и в той или иной степени принимается большинством представителей политической науки Модерна.

Левиафан есть аппарат *легитимного* насилия (так определит позднее социолог Макс Вебер сущность Государства), поскольку он представляет собой продукт договора и воплощение рационального начала в человеке, преодолевающего таким образом свое естественное (животное) состояние. Внутри зоны полномочий Левиафана общество организовано упорядоченным образом, анархии нет. При этом Левиафан может быть рассмотрен как самостоятельная единица, которая действует по автономной логике, начиная с того момента, как социальный контракт заключен. Эта единица выступает как инстанция коллективной рациональности, устанавливающая пра-

¹ Гоббс Т. Левиафан, или материя, форма и власть Государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Сочинения: В 2 т. М., 1991. Т. 2.

вила поведения индивидуумов в зоне их взаимодействия и обладающая силовым потенциалом для того, чтобы покарать всякого, кто выходит за границы этих правил.

Суверенитет (Ж. Боден)

Третьим ключевым автором в политической философии Нового времени является француз Жан Боден (1530—1596). Жан Боден интересовался разными сферами — от теологии до естественной философии и даже демонологии, но больше всего его идеи повлияли на сферу политической науки: он является первым теоретиком концепции суверенитета. С точки зрения Бодена, суверенным является тот правитель, над которым не стоит никакой другой властной инстанции, кроме Бога. Эта концепция в XVI веке, когда жил и писал Боден, была направлена против Римской католической церкви, настаивавшей на том, что в определенных случаях политика европейских королей должна подчиняться христианским нормам и, в частности, согласовываться с позицией папы Римского по основным вопросам. Боден этому противопоставлял совершенно иную (протестантскую, по сути) идею Государства, которое не должно ставить перед собой цели достижения «счастья людей» (как у Аристотеля или в католической схоластике), но представлять собой искусственную организацию жизни на рациональных основаниях. Основным инструментом такой рациональной организации является суверен.

После Бодена тезис о суверенитете как об основной черте современного Государства стал общепринятым в политической науке.

Суверенное Государство как базовый актор международных отношений в Новое время

Если сложить принципиальные положения этих трех классиков политической науки Нового времени вместе, мы получим базовую структуру поля международных отношений. Относительно этой структуры в целом согласны между собой представители всех классических (позитивистских) теорий в МО. Но особенность реалистов в МО состоит в том, что они рассматривают данную структуру как постоянную, неизменную и нормативную. Для них «Князь», Левиафан и суверенитет суть три постоянных и неизменных момента всех взаимодействий, изучаемых в МО. Это значит, что для реалистов:

- единственным субъектом международных отношений является национальное Государство, созданное на основе социального контракта, устанавливаемого эгоистическими индивидуумами в целях самосохранения, и вносящего порядок в естественное хищническое состояние анархии (Левиафан);
- это национальное Государство управляется политической элитой («князем»), действующей на основании эффективности, воли и в целях удержания власти и руководствующейся моралью, отличной от общепринятой или вообще безо всякой морали;
- это Государство является абсолютно суверенным, т. е. не имеет над собой никакой высшей инстанции, способной так или иначе ограничить свободу его действий или заставить считаться с чем бы то ни было, кроме национальных интересов (суверенитет).

Эти три момента составляют сущность реалистского понимания международных отношений. Имея дело с таким актором, как современное национальное Государство, описанное теоретически в основных своих измерени-

ях Макиавелли, Гоббсом и Боденом, можно создать теоретическую модель международных отношений, истолкованных как отношения между суверенными национальными Государствами.

И здесь мы сталкиваемся с важным моментом: все основные политические философии Нового времени исходят из рассмотрения одного Государства и строят свои теории от центра к периферии, где лежат границы данного Государства. Так же структурирована и логика реалистов: Государство является главным актором международных отношений потому, что мыслит само себя, отталкиваясь от самого себя, а не от другого. Этот приоритет внутренней политики над внешней и лежит в основе феномена суверенитета (а также политической власти или легитимного насилия). Национальное Государство принимается здесь за абсолютную единицу, самодостаточную в себе и основывающую свою деятельность на целиком и полностью автономной логике.

Но специфика МО состоит в том, чтобы рассмотреть не одного актора международных отношений, а нескольких — в их взаимодействии. И это требует новых концептуализаций.

Международная анархия

Реалистская школа в МО делает на основании политической науки Нового времени следующий вывод. Сфера международных отношений как отношений между суверенными Государствами представляет собой поле анархии (или хаоса), где каждый актор (Государство) действует только в своих собственных эгоистических интересах. Если, по Гоббсу, внутри Левиафана анархия снята самим Левиафаном, то вовне, напротив, эта анархия процветает. Поэтому война между суверенными Государствами является естественным проявлением самой природы международных отношений как битвы между Левиафанами. Над суверенным Государством нет никакой высшей инстанции, следовательно, оно руководствуется в отношениях с другими Государствами только своими интересами, желаниями и возможностями. Эти интересы, желания и возможности просчитываются и реализуются политической элитой, т. е. князем, способным доказать эффективность своего владения, удержать власть и добиться (любым средствами) поставленных целей. Внешняя политика Государства, таким образом, становится исключительно делом той инстанции, которая персонифицирует собой Левиафана, т. е. делом носителей суверенитета или князя (индивидуального или коллективного). Никаких иных факторов для качественного определения среды международных отношений нет: это поле игры свободных сил (Государств), где желания и аппетиты каждого ограничены противодействием и потенциалом других игроков. В отличие от внутреннего устройства политики, в области международных отношений нет ни Левиафана (чье решение было бы обязательным для всех), ни суверена (которому подчинялись бы все остальные), ни «князя», кто распоряжался бы национальными элитами и диктовал бы им цели и предписывал методы. Здесь царит чистая анархия, хаос. И это является обратной стороной порядка, рационализации и строгой организации обществ на внутривнутриполитическом уровне.

Вестфальский мир: исторический момент возникновения нового международного порядка в Европе и мире

Это теоретическое положение, по мнению большинства классиков МО, нашло свое историческое воплощение в Вестфальском мире, когда состоял-

сы первый дипломатический конгресс в Европе и два мирных соглашения, Оснабрюкское и Мюнстерское, соответственно (15 мая и 24 октября 1648 года), завершили Тридцатилетнюю войну, расколовшую страны Европы по конфессиональному признаку (католики против протестантов). Считается, что этот же год был годом окончания Восьмидесятилетней войны Испании с ее бывшей провинцией Нидерландами, имевшей также религиозную подоплеку. Соглашения затронули Священную Римскую империю, Испанию, Францию, Швецию, Нидерланды и их союзников в лице князей Священной Римской империи. Вестфальский мир зафиксировал новые принципы европейского международного порядка, основанного отныне на признании суверенитета всех Государств, независимо от их религиозных особенностей. Тем самым возникла система, которая полностью соответствовала теоретическим построениям классиков политической философии Нового времени: их идеи были подтверждены правителями основных европейских Государств и положены в основании реальной организации политического пространства в Европе.

При этом, как замечают современные представители исторической социологии в МО¹, изначально принцип суверенитета в полной мере относился только к европейским Государствам, на колонии он не распространялся вовсе, а неевропейские (например, азиатские) Государства рассматривались как обладающие «дефолтным» и «градуированным» суверенитетом. Однако, поскольку МО как дисциплина является строго евроцентристской, то эта поправка существенно не влияла на общую ее структуру, нормативно оперировавшую в качестве базовых акторов именно с национальными Государствами, считаемыми *по умолчанию* суверенными. В случае европейских Государств нормативное и фактическое чаще всего совпадало, а иные случаи оказывались на периферии МО и рассматривались как «запаздывание» или «аномалия», подлежащая исправлению (через модернизацию)².

В своих основных теоретических положениях Вестфальская система, признающая суверенитет всех национальных Государств, прочно укоренилась на европейском пространстве и постепенно стала базовой моделью всей мировой политической структуры. Принцип суверенитета национальных Государств является главным принципом современного политического устройства мира, а, следовательно, Вестфальская система сохраняется вплоть до настоящего времени.

1.1.2. Типы реализма в МО

Номенклатура реалистских подходов

Рассмотрим теперь как на основании выявленных ранее теоретических предпосылок и исторических прецедентов сложилась одна из основных школ в МО — *реализм как таковой*³.

Реализм имеет несколько разновидностей, среди которых можно выделить как наиболее значимые следующие:

¹ *Hobson J.M.* The Eurocentric Conception of World Politics: Western International Theory, 1760 – 2010.

² *Ibidem.*

³ *Jackson R., Sorensen G.* Introduction to International Relations. Oxford University Press, 2010. Reus-Smit Ch., Snidal D. The Oxford Handbook of International Relations. Oxford University Press, 2008.

- классический реализм (Г. Моргентау, Р. Нибур, Э. Карр, Г. Киссинджер, Р. Арон и др.);
- геополитический реализм (А. Мэхэн, Х. Макиндер, Н. Спикмен, К. Шмитт и др.);
- неореализм (К. Уотлз, Р. Джилпин, С. Уолт и др.)¹.

Все реалисты в той или иной степени разделяли главные постулаты, в соответствии с которыми рассматривали структуру международных отношений. Они полностью вытекают из базовых принципов европейской политики Нового времени.

Перечислим их:

- главным актором международных отношений являются *национальные Государства*;
- суверенитет национальных Государств предполагает *отсутствие какой бы то ни было нормативной инстанции, превышающей границы Государства*;
- в силу этого между отдельными странами в структуре международных отношений существует *анархия* (хаос);
- поведение Государства на международной арене подчиняется логике максимального обеспечения *национальных интересов* (подлежащих рациональному исчислению в каждой конкретной ситуации);
- *руководство суверенного Государства* является единственной инстанцией, компетентной для ведения внешней политики, ее осмысления и ее осуществления (простые граждане, λ -индивидуумы, по определению не обладают компетенцией для суждения о сфере международных отношений и не способны влиять на протекающие в ней процессы);
- *безопасность* Государства перед лицом потенциальной внешней угрозы или конкуренции является *главной задачей* политического руководства страны в международных отношениях;
- все Государства находятся друг с другом в состоянии *потенциальной войны* за эгоистические интересы (эта война из потенциальной становится реальной лишь в определенных ситуациях критически возросшего конфликта интересов);
- природа Государств и природа человеческого общества остается *неизменной*, независимо ни от каких исторических перемен и не склонна изменяться в будущем;
- *фактическая* сторона процессов в международных отношениях *важнее* *нормативной* стороны;
- последним уровнем объяснения структур международных отношений и событий, совершающихся в этих структурах, является выявление объективных фактов и закономерностей, имеющих *материально-рациональную* основу².

Абсолютный суверенитет

Реализм в МО отличается тем, что воспринимает Вестфальскую систему как *универсальный закон*, существовавший и на ранних исторических этапах, но осознанный и принятый большинством развитых европейских держав только начиная с XVII века. В основе реалистского подхода лежит аб-

¹ Donnelly J. Realism and IR. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.

² Batistella D. Theories des relations internationales. P: Presse de Sciences Po, 2003.

солютизация принципа суверенитета национального Государства и приоритетное значение *национальных интересов*. При этом реалисты со скепсисом воспринимают любые попытки создать международные правовые и иные институты, претендующие на регулирование процессов в международных отношениях на основании нормативов и ценностей, имеющих интернациональный (сверхнациональный характер). Любое намерение ограничить суверенитет национальных Государств рассматривается реалистами как «идеализм» (Э. Карр) и «романтизм» (К. Шмитт).

Реалисты убеждены, что любое объединение или, напротив, распад традиционных Государств, приводит только к появлению новых национальных Государств, обреченных на то, чтобы на большем или меньшем уровне воспроизводить одну и ту же постоянную схему, подчиненную неизменным принципам суверенитета, национальных интересов, а Государство при любых условиях остается единственным полноценным актором международных отношений.

1.1.3. Классический реализм

Ганс Моргентау: могущество (power) и опора на собственные силы (self-help)

Одним из основателей классического реализма был американский политический философ Ганс Моргентау (1904 – 1979). Его основным трудом является «Международная политика»¹, где он излагает основные моменты своей политической философии. Моргентау ставил своей целью противодействовать слишком «оптимистическому», на его взгляд, пониманию политических процессов в международном масштабе, свойственному американским политологам в первой половине XX века, и для этой цели всячески подчеркивал базовые установки политической науки, сформулированные у Макиавелли и Гоббса. Тем самым Моргентау освежал скептический взгляд классиков политического Модерна на саму человеческую природу, которая, не без влияния социалистов, стала толковаться слишком восторженно. Моргентау старался привлечь внимание к тому, что человеческая природа спонтанна и эгоистична (тезис Гоббса «человек человеку волк») и любую ситуацию стремится использовать для удовлетворения своих индивидуалистических наклонностей. Поэтому любой политический проект, в том числе и в международной сфере, должен учитывать это обстоятельство и осознавать те риски, которые возникают всякий раз, когда человеку предоставляется новая степень свободы или самостоятельности. А, следовательно, заключал Моргентау, освобождаться от Левиафана (Государства с его легитимным насилием) не только преждевременно, а вообще не стоит и в будущем, т. к. свобода чревата обнаружением агрессивного эгоизма и способна сорвать любое благое начинание. Поэтому Моргентау советует придерживаться логики Макиавелли и отделять личную мораль от Государственных интересов и нормативный статус в политике придавать только последним. Отсюда следует вывод о полном отказе от морали в большой политике.

МО могут стать полноценной научной теорией только в том случае, считал Моргентау, если в основу будет положен принцип *национального инте-*

¹ *Morgenthau Hans J. Politics Among Nations. The Struggle for Power and Peace. Second Edition, Alfred A. Knopf: New York, 1955.*

ресса, описанный в категориях силы и могущества (*power*). Понятие интереса сочетает в себе все основные моменты Государства как актора, взаимодействующего с другими акторами. В этом понятии сходятся воедино:

- рациональный подсчет того, что требуется Государству (в категориях ресурсов, экономики, пространства, энергетики, демографии и т. д.);
- воля политической элиты к достижению необходимых результатов;
- объективное наличие силового, промышленного, военного и ресурсного потенциала¹.

Адекватным политическим деятелем является тот, кто способен более верно осознать и реализовать национальный интерес. Он выступает как организатор фирмы или рачительный домохозяин, который может включить в зону своей ответственности огромную область, охватывающую все Государство и удержаться на вершине, корректно справляясь с обозначенными и декларированными целями. Национальный интерес непрерывно меняется, но всякий раз он может быть исчислен с большей или меньшей точностью практически для любого Государства, независимо от субъективных предпочтений. Это и делает, по Моргентау, МО вполне научной дисциплиной. Вычисление национального интереса — процесс вполне рациональный, равно как и верификация того, насколько тот или иной правитель или политический деятель справился на практике с поставленными задачами. Следовательно, вся область пересечения национальных интересов при взаимодействии между собой национальных Государств представляет собой систему, поддающуюся моделированию, рациональной интерпретации и проектированию. Моргентау утверждал, что обществом управляют *объективные законы*, а не благопожелания и заклания «идеалистов». Но вместе с тем учет этих законов позволяет корректнее формулировать цели и эффективнее добиваться их достижения.

Главным вопросом и главным критерием внешней политики Государства является вопрос: *как данная политика влияет на интересы и могущество нации?* Если интересы реализуются, а могущество растет, то эта политика является объективно правильной и успешной. А как это выглядит в глазах других акторов международных отношений, вообще не имеет никакого значения, поскольку принцип суверенитета и хаоса международных отношений не допускает самого существования какой-либо инстанции, которая могла бы выносить суждение или осуждение деятельности суверенных акторов: такое суждение (осуждение) либо ограничивает суверенитет, либо исходит от другого актора, с необходимостью пристрастного и строящего свои оценки, исходя из своих собственных национальных интересов.

Ганс Моргентау справедливо считается классиком реализма в МО, т. к. его работы ярко и убедительно суммируют основные теории и принципы реализма в целом.

Рейнхольд Нибур: антропологический пессимизм и первородный грех

Существенный вклад в становление реализма в МО внес американский религиозный и политический деятель Рейнхольд Нибур (1982 — 1971). Будучи протестантским пастором, Нибур развернул жесткую критику в отношении антропологических оптимистов, полагая, что «вера в возможность «мораль-

¹ *Batistella D. Theories des relations internationales.*

ного улучшения человечества есть форма люциферической гордыни»¹. Вместо этого он предлагал сосредоточить свое внимание на проблеме «первородного греха» и рассматривать человека как существо, естественным образом ориентированное ко злу. Правильной стратегией общества в такой ситуации, по Нибуру, было бы признать это как факт (проявление скромности и смирения) и использовать политические инструменты, чтобы не позволить этой темной природе проявить себя. Такая позиция получила название «христианского реализма»². Исходя из нее, Нибур оправдывал войны, репрессии и политические преследования тех политических и общественных деятелей, которые выступали бы с позиции радикального гуманизма.

Нибур критиковал «либералов», «утопистов» и «пацифистов» за то, что они, по его мнению, переоценивают склонность человека к добру и его желание создать общество, основанное на любви и взаимопонимании. Вместо этого они открывают ящик Пандоры, и открывают бездны гордыни. Поэтому задачу Государства, как и Гоббс, Нибур видит в ограничении свобод отдельных личностей в интересах большинства. Проецируя этот подход на международные отношения, Нибур после Второй мировой войны развил теорию необходимости активного сдерживания СССР и их союзников, как носителей такого «радикального коммунизма» и предлагал положить активный наступательный антикоммунизм в основу внешней политики США и стран Запада.

Эдвард Карр: иметь или не иметь

Другой признанный классик реализма в МО — английский ученый, историк и дипломат Эдвард Халлет Карр (1892 — 1982). Карр сам себя не относил к строгим реалистам, но его полемика с либералами в МО, его критика «утопизма» и оптимизма в отношении сверхнациональных институтов, заставляют все же помещать его в разряд реалистов, как и принято в этой дисциплине.

Карр дает свое видение общей структуры международных отношений, в основании которой, по его мнению, лежит принципиальное деление всех Государств (являющихся, как и у всех реалистов, главными акторами) на «имущих» (have) и «неимущих» (have not)³. Это вносит в структуру миропорядка два принципиально противоположных импульса:

- «имущие» (have) страны (Великобритания, США, Франция и т. д. — победители в Первой мировой войне) стремятся сохранить status quo, существующий баланс сил в международной политике, и, кроме того, закрепить сложившийся порядок вещей «моральными» формулами;
- «неимущие» (have not) страны (к ним Карр относит Германию, СССР, Японию и т. д.), напротив, стремятся осуществить «ревизию» существующего расклада, пересмотреть сложившийся порядок и изменить ситуацию в свою пользу.

При этом Карр полагает, что пацифизм «имущих» проистекает как раз из факта их удовлетворенности существующим положением дел, а готовность «неимущих» к войне обоснована их ущемленным состоянием. Но оба лагеря действуют так не из-за «морального» или «аморального» отношения к международным отношениям, а из чистого национального эгоизма и рацио-

¹ Niebuhr R. Christian Realism and Political Problems. York: Charles Scribner's Sons, 1953.

² Ibidem.

³ Carr E.H. The Twenty Years' Crisis. London, 1939.

нального просчета собственных интересов. Война и мир в таком случае становятся чисто прагматическими решениями вполне внятного уравнения: одни хотят все оставить как есть, другие — пересмотреть ситуацию в свою пользу. Эта логика постепенно привела Карра к признанию релевантности Маркса и марксизма, который в аналогичной системе рассматривал взаимоотношение класса буржуазии и класса пролетариата. Буржуа жизненно необходимы порядок, стабильность и спокойствие, пролетариат имеет шанс изменить свое плачевное положение только в ходе катаклизма, потрясений и революции.

Именно реализм, старающийся интерпретировать реальность международных отношений по ту сторону «морализаторских мифов» и «утопий», лежал в основе интерпретации Эдвардом Карром политической истории СССР, которую он описал в 14 томах, став тем самым одним из самых признанных авторитетов в советологии. Его оппоненты из либерального лагеря упрекали Карра в «симпатиях к Ленину и Сталину», тогда как он старался выяснить объективную и вполне прагматическую логику тех или иных шагов советского руководства, исходя из беспристрастного и рационального расчета национальных интересов. Еще в 1919 году Карр, участвовавший в Версальской конференции, предсказывал грядущую победу красных в гражданской войне и возрождение под их руководством мощной и современной государственности. На этом основании он призывал Британское правительство отказаться в поддержке белым и начать сотрудничать с большевиками. Позднее Карр сблизился с русским общественным и политическим деятелем Дмитрием Петровичем Святополк-Мирским (1890 — 1939), одним из активистов и организаторов Евразийского движения. Вероятно, знакомство с русской культурой (Карр выучил в Риге русский язык и прочел русскую классику) и тесная дружба с евразийцем Святополк-Мирским повлияли на Карра в отношении его глубокого понимания советской политики и корректности многих его прогнозов относительно перерождения большевиков в одного из важнейших мировых игроков, что стало общепринятым фактом после окончания Второй мировой войны.

Раймон Арон: социология интернациональных систем

Раймон Арон (1905 — 1983), известный французский политический философ и социолог, внес существенный вклад в разработку МО. Причем концепции Арона носят подчеркнуто социологический характер, чаще всего упускаемый из виду прагматичными реалистами-классиками англосаксонской школы. Это придало всей дисциплине новое измерение. Свои взгляды на МО и основные концепции Арон излагает в классической книге «Мир и война между нациями»¹, впервые изданной в 1962 году и ставшей бестселлером.

Арон в своем анализе МО опирается на социологию Макса Вебера и его интерпретацию Государства как «единственной инстанции, имеющей легитимное право на насилие». Отталкиваясь от этого принципа, он приходит к принятию реалистского тезиса об анархии международных отношений. Арон утверждает, что, будучи анархистской, хаотической по определению, вся система международных отношений не может быть сведена к теории, оперирующей причинно-следственными связями. Вместо каузального подхода Арон предлагает применить принцип веберовской «понимающей социо-

¹ Aron R. Paix et guerre entre les nations. Paris: Calmann-Lévy, 1962.

логии» к анализу взаимодействия Государств между собой. При таком отношении важно не столько построить нормативную систему того, как Государства должны действовать в тех или иных обстоятельствах в отношении друг друга, сколько понять, почему они действуют именно так, как действуют, и выявить их действительные цели, часто скрытые под пропагандой, риторикой и завесой идеологии. Арон называет такой подход к МО «праксеологией», т. е. тщательным индуктивным анализом конкретного праксиса.

Арон вводит понятие «интернациональной системы», которую он определяет как «совокупность регулярных взаимодействующих между собой единиц, способных в любой момент быть вовлеченными в общую войну». Рассмотрение принципиального соотношения между Государствами через возможность военного конфликта у Арона вытекает из его признания международной анархии и делает его классическим реалистом.

Война, согласно Арону, может иметь своей причиной либо стремление увеличить могущество, безопасность, либо добиться славы. Первые два фактора можно считать «объективными» или «материальными». Третий относится к сфере ценностей. Эти ценности, культурные коды и социальные установки Арон предлагает учитывать при определении национальных интересов, наряду с чисто материальными соображениями.

Интернациональная система характеризуется главным признаком: *соотношением задействованных в ней сил*. Арон считает, что интернациональные системы могут быть биполярными или многополярными, а также однородными (гомогенными), когда они основываются на Государствах со сходными политическими режимами, и разнородными (гетерогенными), когда эти режимы и ценностные системы различны вплоть до противоположности.

Акцент на социологии, ценностях и культурных кодах, который делает Арон в своих построениях, несколько отличает его от остальных классиков-реалистов в МО, и сближает с представителями Английской школы в МО (Х. Булл, М. Уайт и т. д.)

Генри Киссинджер: судьба дипломата

Классиком реалистской школы в МО стал ныне здравствующий американский политик и общественный деятель Генри Киссинджер. Киссинджер занимал пост советника по национальной безопасности США в 1969 – 1975 годах и был Государственным секретарем США с 1973 по 1976 годы. Киссинджер на этих постах и в ином амплуа принимал самое активное участие в американской политике 60-х – 90-х годов. В частности, именно он сыграл решающую роль в процессе разрядки напряженности с СССР между Никсоном и Брежневым (политика *détente*) и в сближении между Вашингтоном и Китаем.

То, что Киссинджер был не просто политиком, но и политическим философом, принадлежащим к реалистской школе в МО, явствует из его книг¹, где он не только рассказывает о перипетиях своей дипломатической и политической карьеры, но и дает развернутые теоретические обоснования своей деятельности на основании вполне конкретной и продуманной политической философии.

Киссинджер, как и другие классические реалисты, исходит из принципа верховенства национальных интересов и ничем не ограниченного суверени-

¹ Киссинджер Г. Дипломатия. М.: Ладомир, 1997; Он же. Нужна ли Америке внешняя политика? М.: Ладомир, 2002.

тета Государств в международной системе. Тем самым он полностью признает принцип анархии и не ставит задачи тем или иным образом ее упорядочить. Такой подход делает любые Государства, которые попадают в сферу его внимания, концептуально идентичными, независимо от их политического режима, системы правления, наличия или отсутствия демократии, свободного рынка или свободы слова. Любое Государство для реалистов в МО представляет собой рациональный просчет национальных интересов, которые и стремятся как можно более эффективно реализовать его политические руководители. Поэтому, заключает Киссинджер, в реальной политике следует учитывать только этот фактор, и если его умело использовать, не обращая большого внимания на идеологическое или моральное оформление, можно добиться оптимальных результатов.

Применяя метод реализма на практике, Киссинджер отнесся к СССР и к Китаю не просто как к представителями враждебного США, НАТО, Западу в целом, идеологического лагеря, но как к национальным Государствам, имеющим вполне конкретные интересы, зоны влияния и рациональные цели. И в сфере обсуждения этих интересов в духе чистого прагматизма с «идеологическими противниками» Киссинджеру удалось на практике добиться весомых результатов для укрепления позиций США в XX веке. Вынесение за скобки идеологии, морали, соблюдения прав человека, свобод и т. д. позволило американцам найти общий язык как с Москвой, так и с Пекином, что предопределило два важнейших процесса в мировой политике эпохи «холодной войны» — разрядку в начале 1970-х годов между США и СССР и сближение Вашингтона с Пекином в начале 1970-х, что проложило путь грядущим реформам в Китае 1980-х годов. Оба эти процесса были инициированы Киссинджером и организованы при его прямом участии. Холодно оценивая реальные экономические проблемы СССР или Китая и ясно осознавая потери и преимущества американской стороны в духе соотнесения между собой национальных интересов, Киссинджер построил систему эффективно действующей дипломатии, которая снизила риски ядерного конфликта между двумя сверхдержавами, способствовала интеграции Китая в мировую экономику и, возможно, предопределила самоликвидацию СССР и Варшавского договора, т. к. бдительность Москвы в эпоху перестройки была эффективно «услышена» его реализмом.

1.1.4. Геополитический реализм

Геополитика и МО

Геополитика представляет собой совершенно отдельную дисциплину, построенную на своих собственных принципах и методологиях¹. Однако геополитика, как и МО, изучает процессы, разветвляющиеся в международной сфере, и поэтому между ними обнаруживается значительное количество пересечений. Геополитика, как и дисциплина «Международные Отношения», возникла в начале XX века в англосаксонской среде, но ее научная институционализация шла по совершенно иному пути и оказалась более проблематичной. Однако есть ряд авторов, которых принято рассматривать

¹ Дугин А. Геополитика. М.: Академический проект, 2011; Он же. Геополитика России. М.: Академический проект, 2012; Он же. Геополитика постмодерна. СПб.: Амфора, 2007; Он же. Основы геополитики. М.: Арктогея-Центр, 2000.

и в сфере геополитики, и в сфере МО, хотя и с разных позиций и в разных ракурсах.

Первое определение геополитики дал шведский политолог Рудольф Челлен, определивший ее как «науку об отношении Государства к пространству», и если бы этому определению все последующие авторы следовали строго, то геополитика смогла бы прочно укрепиться в области МО, т. к. МО приоритетно исследуют именно Государства в их взаимоотношениях, и территориальные аспекты этих взаимоотношений вполне могли быть вынесены в самостоятельную подсистему. Но уже с первых теоретических текстов геополитиков (Х. Макиндер) стало понятно, что эта дисциплина выходит далеко за рамки подсобного направления в МО и претендует на собственную структуру и отдельный предмет исследования, переходя на уровень таких обобщений, которые создают отдельную систему координат. Поэтому, строго говоря, геополитику следует рассматривать как совершенно самостоятельную науку, располагающуюся на пересечении политической науки, военной стратегии, экономической географии, социологии и цивилизационных исследований¹.

Подробное изложение геополитических теорий и основных авторов дано в специальных учебниках, монографиях и хрестоматиях по собственно геополитике², а в контексте реализма в МО можно ограничиться лишь теми сторонами геополитических теорий, которые напрямую входят в контекст этой школы, т. е. рассматривают структуру взаимодействия между собой Государств.

Альфред Мэхэн: морское могущество

Американский адмирал Альфред Мэхэн (1840 – 1914) не использовал напрямую термин «геополитика», но во многом концептуально подготовил появление этой дисциплины³. Именно он ввел понятие «морской силы», *Seapower*, которое позднее Макиндер превратил в основное понятие геополитики.

Мэхэн полагал, что «проявленная судьба» (*Manifest Destiny*) США состоит в становлении мировой морской империей, к которой должна перейти эстафета Великобритании. Поэтому основная задача американской политики состоит в развитии Военно-Морских Сил (*Navy*) и в установлении контроля над мировым океаном. Только глобальная экспансия может обеспечить, по мнению Мэхэна, безопасность и соблюдение национальных интересов США. В ходе этой экспансии США рано или поздно столкнутся с державами, которые будут противиться глобальной доминации, как это было в случае с Наполеоновской Францией или Германией Бисмарка, с одной стороны, и Англией, с другой. Но всякий раз победа достается тому, кто контролирует Море как наиболее привилегированное пространство мировой торговли. Поэтому чем быстрее США осознают свое мировое предназначение и способ его достижения через контроль над морями, тем эффективнее разделяются со своими противниками (сухопутной Россией, в первую очередь) и достигнут планетарной гегемонии.

¹ Дугин А. Геополитика.

² Там же.

³ *Mahan A.T. The Influence of Sea Power Upon History, 1660 – 1783. New York: Dover Publications, 1987.*

Хэлфорд Макиндер: Море против Суши

Основателем геополитики был британский географ, дипломат и политический деятель, один из учредителей Лондонской Школы Экономики сэръ Хэлфорд Макиндер (1861–1947). Именно Макиндер ввел понятия Суши и Моря как базовые категории геополитики. Под «Морем» он понимал морскую Империю и конкретно Великобританию. Под сушей — сухопутные континентальные Государства и, в первую очередь, Россию. Борьба Моря против Суши для Макиндера была ключом к дешифровке «Большой Игры» (Greate Game), которую в XIX — XX веках вели между собой Британская и Российская Империи и которая охватывала огромное стратегическое пространство от Балтии, Восточной Европы, Причерноморья, Кавказа до Центральной Азии, Дальнего Востока и Тихоокеанского региона. Можно предположить, что сам дуализм двух типов цивилизаций, морской и сухопутной, талассократии и теллурукратии, был открыт Макиндером, как базовый закон геополитики, на основании систематического осмысления стратегического контекста, в рамках которого эта «Большая Игра» разворачивалась.

Макиндера часто причисляют к реалистам в МО на том основании, что он полагал противостояние между талассократией и теллурукратией, т. е. между Морем и Сушей объективным историческим процессом, связанным не с конкретными обстоятельствами, политическими режимами, культурными кодами и религиозными особенностями, но с особой организацией пространства, выражающейся в структуре общества и его фундаментальных тенденций и проявляющейся на больших временных отрезках, и ярче всего — в противостоянии с другими формами этой организации. Тем самым Макиндер разделял с остальными реалистами принцип потенциального военного противостояния между Государствами как свойство нормативной и естественной среды, где разворачиваются международные отношения. Только в отличие от классических реалистов Макиндер объяснял это не столько хаосом и анархией, вытекающими из принципа суверенитета, сколько принципиальным дуализмом геополитических ориентаций и фундаментальным противоречием между геостратегическими интересами Моря и Суши. На практике Макиндер и его последователи чаще всего оказывались в лагере реалистов (хотя здесь есть существенное исключение в лице атлантистского геополитика и одновременно либерала в МО Збигнева Бжезинского), т. к. они относились с глубоким скепсисом к возможности глубинной качественной трансформации обществ, принадлежащих к противоположным геополитическим семействам. Никакие идеологические изменения в Государствах Суши не смогут приблизить их к структуре Государства Моря, и поэтому геополитические противоречия следует рассматривать как нечто неизменное, постоянное и более фундаментальное, нежели флуктуации политических систем и режимов.

Макиндер, бывший комиссаром Антанты по Украине в период гражданской войны, применял эти принципы на практике, рассматривая большевиков, контролировавших Heartland, «сердечную землю» бывшей Российской империи, как прямых продолжателей геополитики русских царей, и призывал всячески помогать белым, которые, по его мнению, могли бы способствовать скорейшему расчленению России как цивилизации Суши — извечного врага Великобритании, авангарда цивилизации Моря. В целом анализ ситуа-

ции с гражданской войной в России Х. Макиндера и другого реалиста Э. Карра совпадали, но выводы они делали из этого анализа прямо противоположные. Большинство британских политиков и аналитиков того времени были убеждены, что большевики представляют собой нечто совершенно новое в русской истории и их правление не имеет шансов продлиться долго. Макиндер же, как и Карр, и русские евразийцы (в частности, П. Савицкий), видели в большевиках прямых продолжателей цивилизации Суши, русского континентализма и предсказывали их неминуемую победу и грядущее величие. Но если Э. Карр предлагал Лондону признать это как факт и строить с СССР как с грядущей великой мировой державой с самого начала прагматические и конструктивные отношения, то Х. Макиндер, напротив, тот же самый прогноз воспринимал как угрозу Британской империи и всячески подталкивал Лондон сделать все возможное, чтобы нанести большевикам максимальный вред на взлете. Карр давил на политическое руководство Великобритании в прямо противоположном направлении. Так два реалиста, разделявшие одинаковый анализ конкретной исторической ситуации, делали на его основании прямо противоположные выводы. Этот пример показывает наглядно, насколько различны сферы научной констатации и построения на ее основании рекомендаций в области конкретной политики. Из одного и того же анализа, проведенного, кроме того, в рамках одного и того же научного направления, можно подчас сделать прямо противоположные практические выводы.

Николас Спикмен: кто контролирует Rimland?

Макиндер оказал решающее влияние на американского геополитика Николаса Спикмена (1893 — 1943), одного из основателей американской геополитики и вместе с тем представителя реализма во внешней политике США¹. Спикмен провел ревизию геополитических идей Макиндера, сделав акцент на промежуточном «береговом пространстве» (Rimland), т. е. на территории, простирающейся от Западной Европы через Ближний Восток в Азию и вплоть до Тихоокеанской зоны. Именно этот пояс Спикмен считал решающим в борьбе за мировое господство между Морем и Сушей. Макиндер настаивал, что «тот, кто контролирует Евразию, контролирует весь мир». Спикмен изменил эту формулу таким образом: «Тот, кто контролирует береговое пространство, контролирует весь мир».

Спикмен считается главным создателем теории «сдерживания», которая стала основой стратегии США в отношении СССР в период «холодной войны». Смысл ее состоял в том, чтобы не допустить распространения влияния СССР, считавшегося конкурирующим мировым гегемоном, за пределы Heartland'a и добиться установления прямого или косвенного стратегического контроля США над всей береговой зоной. В первую очередь речь шла о том, чтобы установить прямую американскую доминацию над Западной Европой, не допустив усиления в ней Германии. Далее было необходимо включить в НАТО Турцию, переориентировать на США ряд арабских стран. Добиться лояльности США со стороны шахского Ирана. Укрепить позиции в Пакистане, не разрывая контактов с Индией. Отор-

¹ *Spykman N. The Geography of the Peace. New York: Harcourt, Brace and Company, 1944; Idem. America's Strategy in World Politics: The United States and the Balance of Power. New York: Harcourt, Brace and Company, 1942.*

вать Китай от СССР, поддерживая оккупированную Западом после 1945 года Японию.

Карл Шмитт: порядок больших пространств

Огромный вклад в геополитику, как и собственно в МО, внес немецкий философ, юрист и политолог Карл Шмитт (1888 – 1985). Теории Шмитта охватывают широкий спектр вопросов, связанных с самыми различными сторонами политики, в том числе и международной, и многие его концепции и определения стали классическими. В области геополитики Шмитт первым предложил подвести философскую базу под понятия Макиндера Море и Суша, описав социологически и политологически принципиальные различия между талассократией и теллурукратией, понятыми как различные цивилизационные системы. Море соответствует торговому строю, индивидуализму, коммерциализации, предрасполагает к техническому развитию, индустриализации, модернизации и социальной динамике. Суша способствует консервативным иерархическим социополитическим системам, иерархии, ценностям жертвенности, служения, верности и чести; это, скорее, традиционное общество. Благодаря К. Шмитту геополитика приобрела солидную социологическую базу, учитывающую культурные и общественные коды.

Параллельно этому Шмитт развивал теории правового оформления «порядка больших пространств», который он тщательно исследовал, начиная с *Jus Publicum Europaeum* и заканчивая английским морским правом, американской доктриной Монро и правовыми основами Версальского договора. Шмитт показывает, что понятие «большого пространства» (*Grossraum*) не является напрямую политическим или юридическим концептом, но представляет собой стратегический проект организации мирового и регионального пространства в соответствии с национальными интересами той или иной великой державы или блока держав. Он соотносит это с понятием «Империи», включающей в себя различные политические формы, вплоть до целых Государств. Ту или иную глобальную организацию политического пространства Шмитт называет «номосом Земли»¹.

Шмитт полагает, что любая великая держава стремится либо занять привилегированное место в существующем «номосе Земли», либо создать новый номос. Это и порождает глобальные геополитические трансформации, войны, волны колонизации, формирование блоков и т. д.

Шмитт в своем понимании Государства следует за Томасом Гоббсом, которому он посвятил целый ряд работ². Он полагает, что Государство есть социальное выражение религиозного толкования мира. Иерархизированные и монотеистические религии строят вертикальные политические системы³. Политеизм способствует рассеянию центров принятия решений по разновозрастным институтам (субсидиарность).

Идеи Шмитта представляют собой фундаментальный арсенал для дисциплины МО, т. к. дают инструменты для детального анализа как философского, так и правового содержания международных процессов в их отношении к политике, Государству и общественным системам. Кроме того, в духе геополитического подхода любое рассмотрение конкретной проблемы сопрягается Шмиттом с пространственным фактором.

¹ Шмитт К. Номос Земли. М.: Владимир Даль, 2008.

² Шмитт К. Левиафан в учении о Государстве Томаса Гоббса. М.: Владимир Даль, 2006.

³ Шмитт К. Политическая теология. М.: Канон-Пресс-Ц, 2000.

Причислить Шмитта к реалистам позволяет его убежденность в том, что политическое измерение и, соответственно, Государство, является необходимой и неотъемлемой чертой человеческого общества, и что любые попытки (как либералов, так и коммунистов) поставить вопрос об отмирании Государства есть не что иное, как демагогическое прикрытие для установления «скрытого управления» (*potestas indirecta*, по Шмитту), способного легко переродиться в диктатуру. Вместо этого Шмитт предлагает открыто признать неизбежность Политического (Шмитт определяет Политическое как область, где осуществляется разделение на пару друг /враг¹) и рассуждать обо всех его аспектах, в том числе и о диктатуре², открыто и ответственно.

1.1.5. Неореализм (структурализм)

Кеннет Уолтц: баланс могуществ и двухполярность

Признанным основателем неореализма в МО является американский политолог Кеннет Уолтц. Уолтц качественно усложняет реалистскую схему, привнося в нее представление о «структуре»³ международных отношений.

Вместо хаоса и анархии (как в классическом реализме) область международных отношений становится у него полем постоянно меняющегося *баланса сил* (*the balance of powers*⁴), чей совокупный, но разнонаправленный потенциал удерживает всю мировую систему в одном и том же положении или, в отдельных случаях, провоцирует ее изменения. Таким образом, суверенитет и его объем, а, следовательно, способность реализовать в той или иной степени национальные интересы, зависит не только от самого Государства и его непосредственных противников и конкурентов в каждом отдельном случае, но от *всей структуры глобального баланса сил*. И эта структура, по мнению Уолтца, активно влияет на содержание и объем национального суверенитета, и даже на формулировку национальных интересов.

Классические реалисты начинают свой анализ с Государства-индивидуума. Неореалисты вслед за Уолтцем — с *глобальной структуры*, состоящей из Государств-индивидуумов и влияющей на их профиль. При этом, как и классические реалисты, неореалисты исходят из того, что главным принципом политики страны в системе международных отношений является принцип «опоры на собственные силы» (*self-help*).

Уолтц подробно разработал теорию о том, что двухполярный мир есть наиболее устойчивое устройство структуры международных отношений, основанной на равновесии двух гегемоний (американской и советской)⁵. Именно сама эта структура, а не интересы отдельных национальных Государств, в таком случае, предопределяют содержание всей внешней политики стран мира. Сам подсчет национальных интересов (и, соответственно, шаги по их реализации) начинался с анализа двухполярности, локализации каждой конкретной страны на карте этого двухполярного пространства, с соот-

¹ Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. № 1.

² Шмитт К. Диктатура. От истоков современной идеи суверенитета до пролетарской классовой борьбы. СПб.: Наука, 2005.

³ Waltz K. Theory of International Politics. New York: McGraw Hill, 1979.

⁴ Waltz K. Man, the State, and War. New York: Columbia University Press, 1959.

⁵ Waltz K. The Spread of Nuclear Weapons: A Debate Renewed. W. W. Norton & Company. New York, 1995.

ветствующим геополитическим, экономическим, идеологическим и политическим знаком.

Согласно Уолтцу, биполярность является приоритетной формой баланса сил, т. к. сокращает поле возможности для качественного пересмотра *status quo* Государствами-акторами: все мировое пространство жестко распределено между двумя центрами и их сателлитами, и даже локальные изменения становятся маловероятными, т. к. автоматически вовлекают в противостояние две сверхдержавы, способные уничтожить как друг друга, так и все человечество в прямом ядерном столкновении.

Крах СССР и, соответственно, двухполярного мира в 1991 году был для неореалистов полной неожиданностью, ничего подобного сам Уолтц и его последователи не предвидели и не прогнозировали, будучи убежденными в устойчивости двухполярной структуры. Однако любые эмпирические изменения системы в каждой ситуации способны дать неожиданный результат, и какое-то новое изменение всей структуры международных отношений в очередной раз может сделать структуралистские теории Уолтца релевантными, как это часто бывает с научными теориями.

Роберт Джилпин: теория гегемонистской стабильности и однополярный миропорядок

Другой крупный представитель неореализма американский специалист в МО Роберт Джилпин сосредоточил свое внимание на исследовании гегемонистских структур¹. С его точки зрения, любой мировой порядок имеет в своем центре определенную гегемонистскую силу, гегемона. Этот гегемон может существовать в единственном числе, что создает однополярный мир. Либо их может быть два, и тогда мы имеем дело с двухполярностью (исследуемой К. Уолтцем). Но гегемонов может быть и больше. С подобным подходом неореалисты этого направления оказались более подготовленными к 1991 году и окончанию «холодной войны», т. к. предполагали заведомую возможность однополярной гегемонии, заявившей о себе в конце XX века в лице глобальной доминации США.

Любая гегемония, по Джилпину, выстраивает собственную систему международного порядка, берет на себя ответственность за конфликты в зоне своего влияния и за подтягивание периферии под социально-политические стандарты центра. Тем самым, утверждает Джилпин, гегемония постоянно ослабляет себя, расточая энергию от центра к периферии, и подтачивает свое могущество. Те же, кто оказываются под контролем гегемонии, рано или поздно перенимают экономические, военные и технологические навыки и, став достаточно сильными, взрывают сложившийся миропорядок в свою пользу. Далее возникают периоды войны всех против всех, социально-экономической и культурной деградации, пока не появится новая гегемония.

После 1991 года теории Джилпина получили широкое признание, т. к. обосновывали научным образом однополярный мир и глобальную американскую гегемонию. Вместо двух гегемоний пришел черед *одной египетской американской гегемонии*, отныне предопределяющей структуру международных отношений в глобальном масштабе. Эти идеи развивали

¹ *Gilpin R. Global Political Economy: Understanding the International Economic Order. NY, 2001; Idem. War and Change in World Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1981.*

также другие авторы этого направления — например, С. Уолт¹ и М. Руперт².

Но и в этом случае неореалисты убеждены — в центре всей системы стоят *национальные интересы*. В условиях однополярного мира это национальные интересы *одной* страны — США, которая находится в центре глобальной гегемонии и является ее источником. Остальные страны вписываются в эту асимметричную картину, соотнося свои национальные интересы в региональном масштабе с ее глобальной структурой.

При этом Джилпин стремится показать, что гегемония не является для Государства самым привилегированным состоянием и вынуждена растрачивать свои силы для контроля над всей зоной влияния, что ведет к ее энтропии. Судьба СССР в этом смысле является показательной. И в отношении США Джилпин предрекает аналогичный исход. Однополярный мир несправедлив, по Джилпину, не столько для тех, кто становится объектом гегемонии, сколько для тех, кто сам является ее субъектом. Такая логика весьма напоминает колониально-расистский тезис Р. Киплинга о трудном «бремени белого человека».

Джилпин предлагает ввести понятие «гегемонистская война», которое он рассматривает как следствие неравномерного распределения ресурсов между различными политическими образованиями. Одни стремятся закрепить преимущество и поэтому воюют. Другие — перераспределить ресурсы в свою пользу, и это, в свою очередь, является побуждением к войне. Если для Уолтца, следующего духу классического реализма, война происходит в силу анархии международных отношений, т. е. просто из-за того, что нет инстанции, способной ее пресечь³, то для Джилпина это является не мотивацией, а сопутствующим обстоятельством; и реальным мотивом войны оказывается стремление к доминации, т. е. к созданию мирового порядка гегемонии и занятию в ней главенствующего положения.

Джон Миршаймер: наступательный реализм

Еще одним ярким представителем американского неореализма, отводящим центральное значение гегемонии, является Джон Миршаймер, которого вместе с его последователями принято называть «наступательными реалистами» («оффенсивный реализм», *offensive realism*), тогда как последователей Кеннета Уолтца характеризуют как «обороняющихся реалистов» («дефенсивный реализм», *defensive realism*). В этом сказывается различие в понимании структуры международных отношений. Уолтц полагает, что великие державы в своем соперничестве в определенный момент предпочтут в целях безопасности ограничить свои притязания, сосредоточившись на обороне. Миршаймер настаивает, что гегемония всегда стремится к усилению своего могущества и к ослаблению противника, т. к. в противном случае она имеет шанс упустить момент господства⁴.

Миршаймер, однако, полагает, что глобальная гегемония, т. е. однополярный мир, в полном смысле слова невозможна, т. к. это предполагало бы такое

¹ *Walt S. Taming American Power: The Global Response to U.S. Primacy.* W.W. Norton, 2005; *Idem. American Hegemony: Its Prospects and Pitfalls // Naval War College Review*, Spring 2002.

² *Rupert M. Producing Hegemony: The Politics of Mass Production and American Global Power.* Cambridge: Cambridge University Press. 1995

³ *Waltz K. Man, the State, and War.*

⁴ *Mearsheimer John J. The Tragedy of Great Power Politics.* New York: Norton, 2001.

перерастяжение инфраструктуры, которое не может себе позволить ни одно Государство, даже самое могущественное. Поэтому любая гегемония вынуждена оставаться только региональной, зорко следя за тем, чтобы в зоне ее влияния не появилась какая-то конкурирующая гегемония, способная ограничить ее интересы. В более далекие регионы гегемония может вмешиваться лишь тогда, когда локальные Государства самостоятельно не могут предотвратить появление среди них единого гегемона, правомочного в дальнейшем подчинить их своей стратегии и бросить вызов далеким могуществам.

Миршаймер считает США региональной гегемонией, которой угрожает в первую очередь Китай, также становящийся региональным гегемоном, в будущем способным конкурировать с США, по меньшей мере, в тихоокеанской зоне. Миршаймер прогнозирует в будущем столкновение США с Китаем.

Миршаймер крайне критически относится к политике Израиля и еще более критически — к произраильскому лобби в США, разоблачению которого он посвятил книгу, написанную совместно с другим известным неореалистом Стивеном Уолтом¹. Согласно Миршаймеру, израильское лобби действует не только против национальных интересов США, но и наносит вред национальным интересам Израиля, подталкивая его к безрассудным и расистским действиям в отношении палестинцев и окружающих арабских народов (Миршаймер жестко критиковал военные действия Израиля в Ливане в 2006 году).

Миршаймер является сторонником распространения ядерного оружия, т. к., по его мнению, только это способно по-настоящему обеспечить региональную безопасность крупным державам и привести к сбалансированной мировой политике.

Защитный (оборонный) реализм

Иногда в особую категорию выделяют группу неореалистов, стоящую на позиции «оборонного» или «защитного» реализма (*defensive realism*). Согласно «защитному реализму», анархия на мировой арене приводит к тому, что Государства становятся «одержимыми» безопасностью. Это порождает «дилемму безопасности», когда попытки одного Государства увеличить свою безопасность (из-за того, что безопасность рассматривается как игра с нулевой суммой) приводят к нарастающей нестабильности, т. к. его оппоненты сразу же реагируют на уменьшение собственной безопасности стремлением снова восстановить баланс. Это ведет напрямую к «гонке вооружений».

Основными теоретиками защитного реализма считаются Стефан Уолт, Кеннет Уолтц, Стефан Ван Эвера, Шипин Тан² и Чарльз Глэйзер³.

Ч. Глэйзер утверждает, что Государства в определенных обстоятельствах могут оповещать друг друга о своих мирных намерениях. Если одно Государство способно довести до сведения другого Государства, что его намерения являются благими, то «дилемма безопасности» может быть преодолена⁴.

¹ *Mearsheimer John J., Walt Stephen M. The Israel Lobby and U.S. Foreign Policy. NY: Farrar, Straus and Giroux, 2007.*

² *Shiping Tang. A Theory of Security Strategy for Our Time: Defensive Realism, Palgrave, 2010.*

³ *Charles Glaser and Chaim Kaufmann, What is the Offense-Defense Balance? International Security 22, Spring 1998, 44 – 82.*

⁴ *Charlie Glaser. «Realists as Optimists: Cooperation as Self-Help.» International Security 19 (Winter 1994/95), 50 – 90.*

Кроме того «защитные реалисты», в отличие от «наступательных», полагают, что внутренняя политика Государства может до некоторой степени влиять на внешнюю политику, что сближает их отчасти с либералами в МО.

Гиперреализм Б. Челлани

Еще одним видом неореализма считается так называемый «гиперреализм». Его ярким представителем считается Брахма Челлани¹.

Гиперреалисты усматривают в межГосударственных взаимоотношениях бесконечный *цикл повторений*. Для них конфликты и конкуренция между Государствами ни при каких обстоятельствах не могут преобразоваться в мир и дружбу (кроме как в случае временного союза против общего противника), поэтому лучшими инструментами для достижения политических целей во внешней политике они считают угрозы и применение насилия. Как и большинство других реалистов гиперреалисты убеждены, что самый верный способ достичь мира и стабильности — это накапливать военную силу и быть всегда готовым к ее применению. Кроме того, гиперреалисты в принципе отклоняют любые возражения своих оппонентов по поводу безудержного роста расходов на вооружения, а также высказывают сомнение относительно эффективной роли институций, законов и соглашений в мировой политике. Для гиперреалистов в МО в расчет берется только власть и сила; все остальное — «гуманитарная иллюзия». При этом война обязательно случается всякий раз, когда конкурирующие Государства приходят к пониманию, что другая сторона стала либо слишком сильной, либо слабой².

Стивен Краснер: «сильные» против «слабых»

Ярким представителем современного неореализма является американец Стивен Краснер.

Краснер в своих теориях выделяет такое явление как «слабое Государство», которое, с его точки зрения, является фактором нестабильности и угрозы для «состоявшихся Государств»³. «Слабое Государство» неспособно обеспечить действия законов на своей территории, а это, в свою очередь, создает благоприятные условия для появления центров международного терроризма. Краснер полагает, что для предотвращения угрозы «слабые Государства» должны контролироваться со стороны «сильных Государств», обладающих региональной или глобальной гегемонией. Уже тот факт, что Государство является «слабым», по Краснеру, достаточен, чтобы оправдывать вмешательство в его внутренние дела. Эту идею он развивает в теории «градуированного суверенитета», полагая, что не все номинально суверенные Государства следует считать в полной мере суверенными. Подлинным суверенитетом обладают лишь сильные состоявшиеся западные демократические державы. В этом ключе Краснер исследует режимы Третьего мира, показывая, что либералы в МО имеют, с его точки зрения, неверную тенденцию рассматривать их с позиции экономической помощи и технической поддержки их раз-

¹ *Chellaney B. Securing India's Future in the New Millennium*. New Delhi: Orient Longman, 1999. p. XVIII.

² *Савин А.В.* Динамика дромократии и политический гиперреализм. ЦКИ, 08.09.2010. <http://konservatizm.org/konservatizm/theory/080910180540.xhtml>

³ *Krasner S., Pasqual C. Addressing State Failure //Foreign Affairs*, 84, 4, 2005. P. 153 – 163.

вития¹, тогда как, по мысли Краснера, они, как и все Государства, стремятся лишь к могуществу и безопасности. Получая от Запада экономическую и структурную помощь, они стремятся обратить ее в силовой потенциал. В определенных случаях это способно привести к новым конфликтам и опасности для самого Запада.

Другой темой, разработанной Краснером в духе неореалистского подхода в МО, является идея принятия решений во внешней политике². С его точки зрения, важные решения в этой сфере должны приниматься по возможности самими высокопоставленными официальными лицами (в первую очередь, Президентом), а не анонимными кругами бюрократии, не имеющей легитимного мандата от общества на активную деятельность в области международных отношений.

Резюме

В политике к реализму в МО тяготеют, как правило, представители правоконсервативных партий (республиканцы в США, тори в Великобритании и т. д.).

Надо заметить, что реализм является одной из двух самых популярных в США *paradigm* в оценке и расшифровке событий и процессов, проходящих в международной политике.

Реалистская парадигма не делает выбора между Вестфальским миром на основе суверенитета многих национальных Государств, между двухполярностью или однополярностью. Разные приверженцы реалистского подхода могут придерживаться в этом вопросе различных мнений. Но всех их объединяет совокупность ранее введенных аксиоматических истин и вера в то, что при любых соотношениях потенциала национальных Государств друг с другом, именно национальные Государства (одно, два или несколько) выступают как главные и высшие акторы в области международных отношений и, соответственно, суверенитет, национальные интересы, безопасность и оборона являются главными критериями при анализе любых проблем, связанных с МО.

Реалисты никогда не выходят в своих теориях за пределы идеи национального Государства или нескольких национальных Государств, т. к. это противоречило бы их базовой установке. Поэтому реалисты всегда скептически относятся ко всем международным инстанциям и процессам, претендующим на ограничение национального суверенитета или организации наднациональных инстанций и институтов. Никакой конкретной политической реальности в международной сфере за наднациональными (равно как и внутринациональными) структурами реалисты не признают. Внешняя политика есть целиком и полностью область компетенции легального политического руководства национальных Государств. Никакого значения международные инстанции или позиции отдельных сегментов внутри национального Государства не имеют и могут быть дисконтированы (вложены как составляющие в простой и конкретный факт принятия политических решений властными инстанциями, уполномоченными легально заниматься внешней по-

¹ Krasner S. Structural Conflict: The Third World Against Global Liberalism. Los Angeles: University of California Press, 1985.

² Krasner S. Are Bureaucracies Important? // Foreign Policy. No. 7. Summer, 1972.

литикой — как правило, это президент, премьер-министр, правительство, парламент и т. д.).

Соответственно, реалисты скептически относятся к глобализации, интернационализации и экономической интеграции и постоянно полемизируют с теми, кто, напротив, приоритетно обращают внимание именно на эти вопросы.

1.2. Либерализм (вторая парадигма)

1.2.1. Теоретические предпосылки либерализма. Философские основы

Либерализм в МО как одна из основных парадигм

Второй по значимости теорией Международных Отношений, наряду с реализмом, является либерализм. Он концептуально связан с либерализмом и в области экономики, и в области политики, но в МО представляет собой все же нечто особенное, т. к. бывают случаи, когда либералы в экономике или политике не разделяют принципов либерализма в МО, предпочитая, например, реализм, или, напротив, к либерализму в МО склоняются авторы, не относящиеся к лагерю убежденных и последовательных либералов в экономике и политике. Чтобы прояснить это, следует дать ряд вводных определений, касающихся либерализма в целом.

В политике либерализм означает объявление высшей ценностью индивидуума, взятого в отрыве от каких бы то ни было связей с коллективной идентичностью. Свобода, за которую ратуют политические либералы, это прежде всего «свобода от» (Дж. С. Милль). Конкретизируя, от чего именно призывают освободиться либералы, можно последовательно указывать на Государство, религию, сословную, этническую и расовую принадлежность, и в последнее время, гражданство и строго фиксированную гендерную идентичность (пол). Обобщая, можно сказать, что политический либерализм ставит своей задачей освобождение индивидуума от всех форм коллективной идентичности. Отсюда стратегия либеральной политики, всегда направленная против любых форм и практик ограничения индивидуальной свободы.

Можно различать «правый» и «левый» либерализм: «правый» либерализм настаивает, что при реализации равенства возможностей вполне может возникнуть социальная иерархия, основанная на экономическом неравенстве (*winner vs losers*), и что такая иерархия не является нарушением свободы, т. к. в ее основе лежат одни и те же стартовые позиции; левый либерализм полагает, что фактическое неравенство способствует увеличению пространства свободы одних за счет свободы других, и поэтому тоже подлечит коррекции.

В экономике либерализм означает принципы: свободного рынка, ухода Государства из экономической сферы, *laissez-faire* (свободной конкуренции, невмешательства в экономику, неограниченной свободы предпринимательства) и фритрейдерства (свободной торговли). Здесь преобладает правило «невидимой руки» и «саморегуляции», т. е. оптимальной организации экономических процессов в том случае, если какие бы то ни было управляющие инстанции отсутствуют. По мнению либералов, в экономике, ведомые «разумным эгоизмом» и ничем, кроме конкурентов, не ограниченные извне, индивидуумы, действуя свободно, выберут оптимальную стратегию само-

обогащения и добьются максимального успеха. Но если каждый будет богат по отдельности, все общество будет процветать, даже если задачи «повышения общественного благополучия» никто и не ставил.

Либерализм в политике и экономике чаще всего идут рука об руку, но есть определенные случаи, когда они могут присутствовать и по отдельности: например, в современном Китае либеральная экономика сопряжена с нелиберальной (и даже открыто антилиберальной) политикой (коммунизм).

В сфере международных отношений либерализм ставит акцент на ином принципе. Либерализм в МО утверждает, что человеческие общества подлежат совершенствованию и движутся по пути прогресса. Сама природа человека либо подлежит улучшению через воспитание, либо блага сама по себе, а следовательно, можно построить общество на разуме, сотрудничестве и обмене без каких бы то ни было инструментов ограничения, принуждения и насилия. Мир является для человека более приемлемым состоянием, нежели война, а соответственно, рано или поздно в мире сложится такая ситуация, что война исчезнет как принцип. Это произойдет по мере того, как все общества будут становиться современными, демократическими, рыночными и либеральными. В этом случае потребность в Государстве отпадет и наступит эпоха вначале наднационального Мирового Правительства, а затем эра глобального управления, основанного не столько на принципе политической власти, сколько на принципе менеджмента и управления экономической единицей — фирмой, корпорацией, отраслью и т. д.

Либерализм в МО предполагает экспорт демократии как главное содержание внешней политики, т. е. распространение на все страны норм политического либерализма. Вместе с тем это должно сопровождаться развитием рыночной экономики и переносом внимания от политических взаимоотношений между Государствами на торгово-экономические. В ходе этого процесса, по мнению либералов в МО, должна сложиться мирная транснациональная глобальная система, где экономика вытеснит политику окончательно.

Главный принцип либералов в МО формулируется так: «демократии друг с другом не воюют». Сами либералы в МО рассматривают это как закон МО. Объясняют они это следующим образом: в либерально-демократических политических режимах массы оказывают большое влияние на политику элит. Так как бремя войны ложится в основном на массы, то они всегда будут склоняться к миру. Если военный конфликт назревает между двумя демократическими Государствами, давление масс на правительства будет направлено в миролюбивом ключе, что предотвратит угрозы войны и заставит власти договариваться друг с другом мирным способом. С другой стороны, сходство либеральных режимов будет способствовать открытости Государств и постоянному росту плотности коммуникации между различными обществами, что сделает irrelevantными границы и различия в национальных законодательствах. И наконец, принцип свободной торговли выровняет экономики всех демократических Государств и постепенно превратит их в единую экономическую зону, где военный конфликт будет просто невыносим.

Прежде чем перейти к рассмотрению основных школ и авторов, представляющих либерализм в МО, следует обратиться к тем философам, которые заложили на заре Нового времени основы для либеральной философии.

Начнем с того, что либерализм обнаруживает свои христианские корни в идее спасения человечества Христом. Возникает новый человек, способный отныне к духовному прогрессу и самосовершенствованию. Такой ан-

тропологический оптимизм в Новое время получил секулярное светское толкование в гуманизме Просвещения, где одной из главных тенденций стала вера в человека, в его совершенствование, сознательность и разумность. Если реализм в МО в своих идейных предпосылках так или иначе обращается к антропологическому пессимизму, то либерализм в МО, напротив, строит свои теории, исходя из антропологического оптимизма.

Джон Локк: человек и его совершенство

Другим принципиальным автором для либералов в МО является английский философ Джон Локк (1632—1704). Локк предложил радикально иной взгляд на природу человека, нежели Томас Гоббс. С точки зрения Локка, человеческая природа изначально наделена разумностью и терпимостью, т. е. склоняется к благу. Но при этом она есть «чистая доска» (*tabula rasa*), и в решающей степени содержание человеческого сознания формируется чувственным опытом и воспитанием. Естественное состояние человека для Локка есть «не война всех против всех», как у Гоббса, но миролюбивое распоряжение людьми самими собой и своим имуществом. Индивидуум наслаждается безопасностью и дружелюбием, а также частной собственностью, которая входит как базовая составляющая в естественное право индивидуума. При этом Локк признает, что в человеческой природе есть место и для эгоизма и для дурных наклонностей, которые могут быть усилены дурным воспитанием.

Таким образом, естественная природа человека, по Локку, нейтральна, хотя и склоняется к добру и миролюбию. Чтобы закрепить положительные наклонности и структурировать мораль и разумность человеческого общества, необходимо активно проводить политику образования. Государство же, которое, по Локку, является продуктом «социального контракта» (как и у Гоббса), призвано воспитывать своих граждан в моральном духе, поддерживать добро и миролюбие и противодействовать злу. Оно необходимо в той степени, в которой требуется гарантировать естественные права (свобода, частная собственность, безопасность). Если же в обществе естественные права и так укоренены (это Локк называл «гражданским обществом»), нужда в Государстве отпадает. Более того, если Государство ограничивает естественные права, то общество имеет право разрушить его через практику демократического восстания.

Локк первым предложил ввести принцип разделения властей, чтобы ограничить всевластие Государства над обществом и поставить ветви власти под взаимный контроль.

Все эти принципы легли в основу философии либерализма, начиная с главного — с утверждения о принципиальной «перфектибельности» человеческой природы, т. е. способности человека и общества становиться все лучше, миролюбивее и разумнее. При этом прогресс общества Локк сопрягает с демократией и частной собственностью. Тезис об инструментальном значении Государства как прагматического инструмента на службе «гражданского общества» стал лейтмотивом либералов в МО, в отличие от устрашающего Левиафана Гоббса, с которым нормативно оперируют реалисты.

Иммануил Кант: гражданское общество и трансцендентальный рассудок

Еще одним ключевым автором для либерализма в МО является великий немецкий философ Иммануил Кант (1724—1804). Философия Канта в целом

основана на выявлении особой инстанции «чистого разума», который является трансцендентальным, т. е. присущим всем людям вообще. Таким образом, человек является человеком в силу его разумности, которая устроена у каждого принципиально одним и тем же образом. Из этого Кант выводит «золотое правило морали» — «поступай с другим так, как ты хочешь, чтобы он поступил с тобой». Люди реализуют свою индивидуальность лучше всего через возвышение до всеобщей разумности. Таким образом, Кант является сторонником «оптимистической антропологии», настаивая на том, что любой индивидуум, развивающийся в соответствии со своей природой, логически движется в сторону всеобщей рациональности, а, следовательно, общество развивается в направлении разумности, миролюбия и коллективной ответственности. Гражданское общество, по Канту, это не просто общество индивидуумов, но общество индивидуумов, развивающих свои рассудочные свойства и тем самым совершенствующих себя и других.

Отсюда рождается политическая идея Канта о «всеобщем мире» как оптимальном международном устройстве.

Государство, по Канту, достигает своего апогея в Республике, смысл которой состоит в том, что в ней преобладает не воля отдельной категории (ни элиты, ни монархии, ни большинства — Кант был противником демократии), но «право как таковое». Это и есть принцип «правового Государства», где право выражает собой всеобщую рациональность, т. е. выступает как прямое проявление «трансцендентального разума». Разумность, воплощенная в праве, должна быть обязательной и для правителей, и для элиты, и для масс. Но если таким будет и одно и другое Государство, то оба они вполне могут обосновать свои отношения также на нормах этого всеобщего разума. А разум, по Канту, предписывает этику, миролюбие и рассудочность в решении споров и противоречий. Поэтому две Республики почти гарантированно несут в себе мир. Если все Государства будут правовыми, то это станет гарантией всеобщего мира. Гражданское общество в них реализует свой универсальный потенциал, и прогресс человечества достигнет своего апогея.

Для Канта не так важно, благородна ли природа человека, или эгоистична, главное, что она разумна. А раз так, то разумность рано или поздно будет открыта и признана всеми индивидуумами, и на ее основании будет построено миролюбивое «гражданское общество».

1.2.2. Принципы либерализма

Антропологический оптимизм либералов

Главными оппонентами реалистов в МО были и остаются *либералы*. При этом либеральная парадигма разделяет с парадигмой реалистов ряд базовых установок. Так же, как и реалисты, либералы рассматривают преимущественно современные западные Государства, принимая их за универсальный образец, с которым оперирует их теоретическая мысль. Вместе с тем, либералы отличаются от реалистов по целому ряду принципиальных позиций.

В первую очередь, в отличие от реалистов, либералы убеждены, что природа человека, а, соответственно, человеческого общества и его политического выражения в форме Государства, подвержена качественному изменению (предполагается, что в лучшую сторону). Из этого вытекает, что политические формы общества могут эволюционировать и в какой-то момент выйти за границы Государства, национального эгоизма и индивидуализма.

А это, в свою очередь, означает, что можно допустить при определенных обстоятельствах кооперацию, сотрудничество и интеграцию между разными Государствами на основе «моральных» идеалов и общих ценностей.

В своих философских основаниях либералы вдохновляются идеями Дж. Локка о нейтральности человеческой природы, поддающейся улучшению через воспитание, тогда как реалисты исходят из концепций Т. Гоббса о том, что по своей природе человек эгоистичен, агрессивен и зол (откуда его известная максима «*homo hominī lupus est*»).

В отличие от реалистов, которые рассматривали Государства как главных акторов процессов, протекающих в сфере международных отношений, независимо от того или иного политического режима, устройства и идеологических особенностей, либералы, напротив, ставили в центре внимания вопрос: о каком политическом режиме в том или ином Государстве идет речь, и, исходя из того, является этот режим либеральным и демократическим или нет, разворачивали свои концепции МО. Решающим был фактор — является ли то или иное Государство демократическим (это включает в себя парламентаризм, рынок, свободу прессы, разделение властей, выборы и т. д.) или нет. Для сторонников либеральной парадигмы отношения демократических стран друг с другом предполагают совершенно иную структуру, нежели взаимодействия недемократических стран между собой или демократической страны с недемократической. Либералы уверены, что развитая демократия во *внутренней* политике радикально влияет и на *внешнюю* политику Государства.

Вся теория либералов в МО строится вокруг важнейшего утверждения: «*демократии друг с другом не воюют*». Это значит, что демократические режимы относятся друг к другу так же, как их граждане внутри самой страны: вместо агрессии, принуждения, насилия, иерархии и т. д. отношения основываются на мирной конкуренции, признании приоритета права, рационализации взаимодействий и процедур. Демократия может быть повторена и на уровне МО, утверждают либералы. Это значит, что вся область МО есть не борьба всех против всех и следование слепому эгоизму, но т. н. «анархия Локка» (или «анархия Канта», по выражению А. Вендта), т. е. мирное и открытое партнерство между собой различных стран — даже в том случае, если их национальные интересы входят в противоречие (в отличие от «анархии Гоббса», предполагающей, что «Государство Государству — волк», в незыблемости чего убеждены реалисты). На этой демократической платформе можно создать транснациональные структуры¹, способные преобразовать хаос в систему.

Основные принципы либерализма в МО

Либералы в МО оспаривают основные тезисы реалистов. Для либералов:

- национальные Государства являются важным, *но не единственным* и в определенных ситуациях не главным актором международных отношений;
- может существовать определенная *наднациональная инстанция*, чьи полномочия будут стоять над суверенитетом национальных Государств;
- *анархия* в международных отношениях может быть, если не ликвидирована, то *гармонизирована*, умиротворена и смодерирована;

¹ Woolf Leonard. International Government. London: Allen & Unwin, 1916.

- поведение Государств на международной арене подчиняется не только логике максимального обеспечения национальных интересов, но и *универсальным ценностям*, признаваемым всеми сторонами (если страны — демократии);
- руководство Государства является *не единственной инстанцией*, компетентной для ведения внешней политики, ее осмысления и осуществления (простые граждане в развитых демократических обществах могут быть не λ -индивидуумами, но «искусными индивидуумами», по выражению Дж. Розенау¹, и в таком случае способны адекватно понимать протекающие в зоне международных отношений процессы и даже частично влиять на них);
- безопасность Государства перед лицом потенциальной внешней угрозы является задачей всего общества, и самым прямым путем к достижению ее становится *демократизация всех стран мира* (т. к. «демократии друг с другом не воюют» и ищут способ мирно ликвидировать трения и противоречия на основе компромисса);
- демократические Государства находятся друг с другом в состоянии относительно устойчивого и *гарантированного мира*, и угроза войны исходит только от недемократических Государств и иных акторов мировой политики (например, международного терроризма);
- природа Государств и природа человеческого общества постоянно меняется, *улучшается* и совершенствуется, количество свобод возрастает, процессы демократизации крепнут, уровень толерантности и гражданской ответственности растет (это дает надежды на эволюцию всей мировой политической системы и постепенный отказ от жестко иерархических структур и милитаризации области международных отношений);
- фактическая сторона процессов не должна затмевать в МО *нормативной стороны* (сила идеала, норматива и ценности подчас не менее существенна, чем сила материальных технологий и ресурсов);
- последним уровнем объяснения структур международных отношений и событий, совершающихся в этих структурах, является выявление, наряду с объективными фактами и закономерностями, имеющими материально-рациональную основу, *нормативно-идеалистических мотиваций и ценностных факторов*.

Как мы видим, сторонники либеральной парадигмы в МО во всем противоположны представителям реализма. Спор между ними и составляет основное содержание развития МО как научной дисциплины.

1.2.3. Классические либералы в МО

Ричард Кобден: наднациональные институции

Ранние либералы (какими являлись английский политик Р. Кобден,² президент США В. Вильсон или пацифист Н. Энжелл³) в основных своих постулатах противостоят реалистам в том, что для них политический режим (конкретно: демократия или недемократия) имеет решающее значение при ана-

¹ *Rosenau J.* Turbulence in World Politics: A Theory of Change and Continuity. Princeton, 1990.

² *Cobden R.* Political writings. 2 vol. London: Fisher Unwin, 1903

³ *Angell N.* The Great Illusion — a Study of the Relation of Military Power to National Advantage. London: Heinemann, 1910.

лизе международных отношений. Если страны являются демократическими, то совокупность этих стран неуклонно эволюционирует, движется в сторону создания наднациональной системы и появления особых над государственных институтов. По мере демократизации других стран они также будут включаться в эти институты. Поэтому принцип национального эгоизма и «опоры на собственные силы» (self-help) способен быть преодоленным в ходе демократизации, что может стать основой гражданского мира и интеграции различных обществ, пока еще разделенных национальными границами, в единое демократическое гражданское общество.

Предшественником либерализма в МО был английский политический деятель Ричард Кобден (1804 – 1865), идеолог буржуазных трансформаций и последовательный сторонник пацифизма. Кобден выдвинул ряд фундаментальных для либерализма тезисов, в частности, о том, что торговля между странами является наилучшей профилактикой военных конфликтов. Кобден настаивал на том, чтобы были введены наднациональные инстанции, способные регулировать отношения между Государствами, ограничивать их свободу в ведении войн и принуждать в определенных случаях к миру и сотрудничеству даже помимо их воли. Свободная торговля виделась Кобденом как самое эффективное средство для учреждения мира и противодействия войнам. Защита полной свободы торговли, фритрейдерства, сделали Кобдена радикальным противником всех форм «протекционизма» и одним из первых сторонников глобализации, которую он видел логическим следствием развития мировой торговли и продвижения мира.

Кобден настаивал на тесном сотрудничестве Великобритании с США и Канадой, полагая, что интенсивные экономические связи будут способствовать гармоничному развитию всех участников торговых взаимодействий и предотвратят конфликты и трения, неизбежные в силу конкуренции между метрополией и ее бывшими колониями в Новом свете.

Норман Энджелл: великая иллюзия

Норман Энджелл (1873 – 1967) является классическим автором, придавшим либерализму в МО законченную теоретическую форму. Убежденный пацифист и интернационалист Энджелл получил в 1933 году Нобелевскую премию мира.

Свои основные идеи Норман Энджелл изложил в книге «Великая иллюзия» (1911), которая была полностью посвящена опровержению империализма, а также идеи того, что завоевания, колонизация и успешные войны якобы способствуют экономическому процветанию наций — безопасности, контролю над природными ресурсами и развитию торговли.

Теория Энджелла построена на трех основных пунктах:

- развитие промышленности и свободной торговли в международном масштабе приводит к повышению «взаимозависимости» (interdependance) Государств друг от друга, что делает перспективу военного конфликта нерентабельной и нерациональной, а, следовательно, является надежным инструментом в укреплении мира;
- Государства вынуждены «адаптироваться» к наиболее успешным экономическим и политическим практикам, а т. к. этими практиками являются «свободная торговля», «либерализация рынков» и промышленная модернизация, то рано или поздно все страны встанут на этот путь, что делает всю планету зоной мира и открытой торговли;

- Правительства и политические деятели отстают от новых тенденций в развитии международных отношений и продолжают использовать империалистический и милитаристский язык, а также привлекать националистические аргументы, которые не соответствуют новым либеральным условиям (это, собственно, Энджелл и называет «великой иллюзией»).

Энджелл на основании этих принципов предлагает сосредоточиться на третьем пункте и привести политико-идеологическое оформление международных процессов в соответствие тем объективным, с его точки зрения, процессам в экономике, промышленном развитии и социальной сфере, которые уже достигли необратимости и в ближайшем будущем станут еще более наглядными и глобальными. Поэтому следует постепенно отказываться от национальных Государств и двигаться к единому транснациональному порядку вместе с учреждением Мирового Правительства и иных структур глобального управления.

Тезисы, сформулированные Энджеллом, сразу же стали объектом критики со стороны реалистов (от адмирала А. Мэхэна до Э. Карра). Тем самым была открыта первая волна принципиальных дебатов в МО, где Энджелл играл ключевую роль.

Вудро Вильсон: глобальная демократия и ее враги

Двадцать восьмой президент США Вудро Вильсон (1856 – 1924) был первым Президентом США, имевшим диплом доктора политических наук (PhD). В своей политической практике он руководствовался четкими моральными принципами, пацифизмом и последовательным либерализмом. Тот факт, что он возглавлял крупную мировую державу, активно вовлеченную в мировые процессы, делало его взгляды и теории особенно значимыми для глобальных процессов.

Так Вильсон, переживший в детстве драму Гражданской войны, навсегда сохранил ненависть к войне и убежденность в том, что никакие материальные выгоды не оправдывают военные конфликты. При этом в Первую мировую войну он вступил, будучи убежденным, что это была война за либерализм, демократию и против германского милитаризма (то есть «справедливая война» по Гроцию).

Вудро Вильсон изложил свою мировоззренческую позицию в знаменитых «14 пунктах», которые представляли собой последовательную и стройную программу движения США к роли глобальной мировой державы, чья миссия состоит в установлении всемирной демократии, открытой торговли (фритрейдерства) и мира. Вильсон в духе классического либерализма в МО, символом которого и стали его «14 пунктов», видел будущее человечества как последовательное движение к мирному торговому и промышленно развитому обществу, где агрессивные Государства станут испытывать давление демократических режимов и постепенно демократизироваться и модернизироваться, а между либеральными державами отношения будут гармоничными, мирными, основанные на общности экономических интересов и единой системе безопасности. При этом в полном противоречии с традициями американского изоляционизма, Вильсон предлагал США активно вмешиваться во все мировые процессы, исполняя активную роль гаранта демократии, свободы и прогресса. Стратегия Вильсона стала не только магистральным путем американской политики в XX веке, но и фундаментальным

соединением либеральной теории МО с масштабной планетарной политической практикой.

В качестве института наднационального управления, контроля и площадки для мирных демократических переговоров Вильсоном был предложен проект создания Лиги Наций, которая, по его мысли, была призвана стать прямым воплощением интернациональной структуры нового пацифистского мира. И хотя Лига Наций не смогла предотвратить Второй мировой войны, после 1945 года та же либеральная идея была повторена в виде Организации Объединенных Наций (ООН).

Альфред Циммерн: мировое правительство

Одним из представителей классического либерализма в МО был английский теоретик Альфред Циммерн (1879 – 1957). Он был одним из наиболее ярких интернационалистов и либералов, активно поддерживал Лиги Наций. Его книга, изданная в 1936 году, посвященная Лиге Наций¹, до сих пор остается важным программным текстом всего этого направления. В ней Циммерн описывает желательную, «идеалистическую» модель мирного существования демократических режимов, объединенных в прогрессивную систему, которая постепенно приведет к созданию наднационального управляющего органа. Прообразом такого наднационального органа, «мирового правительства», Циммерн считал Лигу Наций.

Осознавая важность культурного фактора в процессе социальной интеграции, Циммерн был одним из инициаторов создания ЮНЕСКО.

В работах Циммерна прослеживается важный для британских либералов в МО переход от Британской Империи к глобалистскому мироустройству. Если британские реалисты предпочитали мыслить в понятиях империи и «национальных британских интересов», либералы постепенно переводили дискурс в контекст демократического сосуществования Государств, находящихся в зоне исторического влияния Британской империи. Тем самым на теоретическом уровне подготавливался переход к постколониальному порядку. Так, Циммерн в своей книге «Третья Британская Империя»² вводит понятие «Британское Содружество Наций» (British Commonwealth), которое становится позднее общепринятым. Для Циммерна процесс деколонизации должен был логически привести к мирному сосуществованию бывших английских колоний на основе общей культуры и общих ценностей («интернациональные стандарты цивилизации»), сложившихся в ходе усвоения английской модели демократии. Империя постепенно трансформировалась в зону общего экономического процветания. Циммерн предлагал варианты правового оформления интернациональных систем через создание надгосударственных институтов.

В 1930-е годы, когда Циммерн активно пропагандировал Лигу Наций, его идеи не смогли воплотиться в жизнь и рассматривались его критиками как «несбывшиеся пророчества». Но после окончания Второй мировой войны и создания ООН они снова стали актуальными и были взяты на щит либеральной школы в МО.

Циммерн и его оптимистический взгляд на развитие мира и демократии был объектом жесткой критики со стороны реалиста Э. Карра. Карр и Цим-

¹ *Zimmern A. The League of Nations and the Rule of Law, 1918 – 1935. London: MacMillan, 1936.*

² *Zimmern A. The Third British Empire. New York: Columbia University Press, 1928.*

мерн считаются классической парой, представляющей антагонистические школы в МО (реалисты и либералы).

1.2.4. Неолиберализм

Транснационализм

Развитием классической либеральной парадигмы является *неолиберализм* (иногда его определяют как самостоятельную парадигму в МО — «транснационализм»).

Неолибералы (М. Дойл¹, Дж. Розенау², Дж. Най³, Р. Киохейн⁴ и т. д.) основное внимание уделяют процессам глобализации, становления единого экономического, информационного, культурного и социального пространства, а также распространению западных демократических ценностей во всех странах мира и углубленному внедрению их в социальные структуры и общественную жизнь. В явлении глобализации неолибералы видят наглядное подтверждение правоты своей парадигмы, утверждающей необходимость создания наднациональных структур — вплоть до мирового правительства (мирового управления). Неолибералы подчеркивают, что наряду с Государствами в современном мире все большим значением начинают обладать НПО, сетевые и общественные структуры (движения за «права человека», «врачи без границ», «международные наблюдатели на выборах», Green Peace и т. д.), которые оказывают растущее влияние на процессы внешней политики Государств.

Роберт Киохэйн: взаимозависимость и диверсификация акторов

Классическую неолиберальную теорию (теория взаимозависимости) разработали американские политологи Дж. Най и Р. Киохэйн⁵. Они считают главными теоретиками транснационализма.

У истоков этой теории стоял английский либерал Рамси Муир (1872 — 1941), который еще в 1933 году ввел понятие «взаимозависимости» и провозгласил, что «уничтожение дистанции между людьми за счет техники меняет параметры войны и мира»⁶. Позднее эту тему развивал другой либерал Карл Кайзер, который ввел понятие «транснациональной политики»⁷. Киохэйн и Най придали этой теории систематический характер.

Согласно этой теории, эпоха национальных Государств как главных акторов международных отношений ушла в прошлое, и сегодня суверенные Государства являются лишь одной из активных единиц наряду с отраслевыми (внутригосударственными) структурами и различными социальными

¹ Doyle M. Liberalism and World Politics // American Political Science Review, 80 (4), 1151 — 1169, 1986.

² Rosenau J. Turbulence in World Politics: A Theory of Change and Continuity. Princeton, 1990.

³ Nye Jr., Joseph S. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. New York: Basic Books, 1990.

⁴ Keohane Robert O. After Hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy. Princeton, 1984

⁵ Keohane Robert O., Nye Joseph S. Power and Interdependence: World Politics in Transition. Boston: Little, Brown and Company, 1977.

⁶ Muir Ramsay. The faith of a liberal. London, 1933.

⁷ Kaiser K. Interdependence and autonomy // Morgan R., Kaiser K. (ed.) Britain and Germany. London: Oxford University Press, 1971.

группами, получающими все более широкий доступ в сферу международных отношений и наращивающими свою активность на транснациональном уровне¹.

В своей теории Киохэйн подчеркивает, что взаимозависимость современных обществ резко усложняет систему международных отношений.

Между Государствами отношения интернациональные. С ними только и имеют дело классические теории МО, и на их преобладании особенно настаивают реалисты. Между инфрагосударственными структурами — отдельными отраслями, политическими партиями и т. д. — развиваются другие, межправительственные, отношения, значение которых постепенно возрастает. Ситуация еще более усложняется в силу развития и интенсификации третьего типа отношений — транснациональных, развертывающихся между неправительственными акторами — фирмами, НПО, группами и даже индивидами. Важнейшим трендом современности является то обстоятельство, что иерархия между этими уровнями постепенно стирается. Из этого следует очень важный вывод: в таких условиях применение военной силы в международной сфере становится все менее и менее эффективным. Киохэйн предлагает признать следующее обстоятельство в статусе закона транснациональной фазы развития международных отношений: «по мере роста взаимозависимости уменьшается риск решения проблем военными средствами».

Киохэйн занимается также вопросами «глобального управления»². Тезис об «управлении» (governance) в контексте неолиберализма имеет центральное значение, т. к. в ходе сближения между собой Государств и обществ, неолибералы предвидят не просто создание глобального Государства, но социальную организацию, основанную на принципах демократии и открытого гражданского общества, где вместо вертикали власти (правительство) будет преобладать гибкая инстанция управления.

Джозеф Най: «мягкая сила»

Именно Дж. Най ввел в оборот термин «soft power», «мягкая сила»³, чтобы подчеркнуть значение фактора идей, норм и интеллектуальных методологий для успеха глобализации и демократизации в планетарном масштабе⁴. Реалисты чаще всего выступают как сторонники «hard power», «твердой силы». Либералы же делают акцент на более тонких, сетевых инструментах влияния. Неолибералы развивают типичное для либералов в МО разделение на «высокую политику», куда относятся отношения между Государствами, и «низкую политику», которая включает в себя культурные и социальные, а также экономические взаимодействия, развертывающиеся на более низком уровне, нежели прямые внешнеполитические связи. «Низкая политика» может оказывать огромное влияние на «большую политику»: так, к примеру, экспорт в глобальном масштабе кинематографической продукции способен усилить мировой престиж Государства, хотя напрямую к политике сфера ис-

¹ Keohane Robert. *After Hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy*. Princeton: Princeton University Press, 1984.

² Keohane R. *Power and Governance in a Partially Globalized World*. New York: Routledge, 2002.

³ Nye Joseph S. *Soft Power: The Means to Success in World*. NY: Public Affairs, 2004.

⁴ Nye Joseph S. *Soft Power: The Means To Success In World Politics*. NY: Public Affairs, 2004.

куства не относится. То же самое справедливо и для развития торговых сетей, брендов и т. д. Все это и включается, по Наю, в «мягкую силу». Другим сходным концептом, предложенным Наем, стало понятие «smart power», «умной силы»¹, использующей рациональные коды, привлекательность, соблазн и иные тонкие стратегии вместо грубого физического принуждения.

Такие явления, как создание Евросоюза, учреждение Страсбургского суда по правам человека и Гаагского трибунала, по мнению неолiberaлов, представляют собой прообраз будущего мироустройства, где возникнут инстанции, чья компетенция будет выше национальных Государств. Функции самих Государств постепенно станут сокращаться, пока они в конце концов вообще не будут упразднены.

Уолтер Рассел Мид: «липкая», «острая» и «притягательная» силы

Есть и другие определения силы, которые можно назвать промежуточными или смешанными между «hard power» и «soft power». Так, Уолтер Рассел Мид предложил использовать термины «липкой силы», «острой силы» и «притягательной силы», на которых, по его мнению, построена американская гегемония.

Первая связана с экономикой и, как правило, с различными донорскими программами США в отношении других стран, а также с двусторонними торговыми отношениями, что позволяет этим странами «прилипнуть» к США в плане экономической зависимости.

Вторая, т. е. «острая сила», связана с военной мощью, однако эта военная машина нацелена на поражение точечных целей, а не на ведение тотальной войны. Отсюда приоритетное развитие «умного оружия», в частности беспилотников-дронов и т. д.

Третья, «притягательная», сила здесь выступает синонимом «soft power»² Дж. Наю.

Джэймс Розенау: турбулентность в МО

Наиболее развернутую и обобщающую картину неолiberaльной парадигмы в МО разработал американский политолог Джэймс Розенау (1924 — 2011). Розенау выдвинул теорию «турбулентности в МО»³, которая в значительной мере является суммой транснационалистских тенденций.

Смысл ее состоит в том, что по мере демократизации и глобализации структура международных отношений качественно меняется и усложняется. Фундаментально меняются параметры, характеризовавшие международные отношения, начиная с эпохи Вестфальской системы. Ранее в международных взаимодействиях существовало два уровня: индивидуальный (гражданин) и структурный (Государство). Во внутренней политике главным алгоритмом были отношения индивидуум-структура; во внешней — структура-структура. Правительством представляло собой структуру, в которой индивидуум был снят и на внешнюю политику никакого влияния не оказывал. Это позволяло построить линейные модели МО, где доминирующей осью была ось «структура-структура». В современном мире при переходе

¹ Nye Joseph S. Smart Power // The Huffington Post. November 29. 2007.

² Уолтер Рассел Мид. Власть, террор, мир и война. Большая стратегия Америки в обществе риска. М.: Прогресс-традиция, 2006.

³ Rosenau J. Turbulence in World Politics: A Theory of Change and Continuity. Princeton: Princeton University Press, 1990.

от Модерна к Постмодерну (от индустриального к постиндустриальному обществу) резко возросло значение индивидуума. Розенау вводит понятие «skilfull individual», «искусный индивидуум» — вместо «лямбда-индивидуума», т. е. такого среднестатистического индивидуума, который не обладает ни компетенцией во внешней политике, ни способностью на нее влиять, и полностью уступает свою власть структуре (что особенно явно в международных отношениях). «Искусный индивидуум» получает возможность участвовать в сетевых, культурных и экономических процессах на транснациональном уровне, что аффилирует в конечном итоге и политические структуры. Отсюда рост влияния НПО, транснациональных корпораций, сетей. Все это делает систему международных отношений нелинейной и турбулентной.

Турбулентность, по Розенау, строится на трех идентичностях, которыми наделен современный индивидуум в развитом демократическом обществе:

- 1) государственная идентичность (национальное гражданство);
- 2) сетевая идентичность (транснациональные связи);
- 3) локальная идентичность (общинные) связи.

Идентичности 2) и 3) не покрываются Государством и не снимаются полностью правовой и властной компетенцией структуры. Идентичность 2) имеет трансгосударственную природу, пронизывает границы и территории, подконтрольные национальным администрациям. Идентичность 3) также относительно независима от Государства, и также может быть эксцентрична по отношению к нему — этнос, конфессия, профессия способны объединять группы, относящиеся к разным Государствам. В современном обществе роль второй и третьей идентичности постоянно растет в сравнении с первой, что создает новую симметрию в политике, в том числе, в международной политике.

Международные отношения складываются в турбулентную модель, где, наряду с государственными акторами, важнейшую роль начинают играть сетевые и локальные структуры. Вместе они создают неустойчивую, постоянно перестраивающуюся, неиерархизированную систему.

Д. Уолтон: непредсказуемость и революция в стратегии

К данной модели близка концепция Дэйла Уолтона¹ о революции в вопросах стратегии. Д. Уолтон полагает, что нынешняя ситуация в международных отношениях представляет собой *переходный период*, который связан с изменением геополитической картины мира и отмечен *непредсказуемостью* поведения акторов. Революция в стратегии, по Уолтону, требует радикального изменением взгляда на политику.

Последняя такая революция проходила во времена Великих географических открытий (XVI век), после чего началась постколумбова эпоха, завершившаяся в XX столетии. На каждом этапе радикально менялась стратегическая картина мира, трансформировались представления о пространстве, основных вызовах и угрозах, динамично эволюционировали правила игры.

Сегодня нечто аналогичное происходит в силу глобализации, в ходе которой баланс значения малых и больших факторов становится качественно иным и, кроме того, непрерывно изменяется. Малые группы (к примеру,

¹ Walton D. Geopolitics and the Great Powers in the Twenty-first Century: Multipolarity and Revolution in Strategic Perspective. Routledge, 2009.

структуры международного терроризма) способны оказать влияние на крупных акторов (Государства). Из аналогичных асимметрий рождается радикально новая карта мира, где внутреннее и внешнее в политике и в стратегии перестает быть столь же строго фиксированным фактором, как на предыдущих этапах истории.

Эндрю Моравчик: либеральный структурализм

В ответ на создание неореалистами структурной теории международных отношений некоторые неолиберальные авторы попытались выстроить либеральную структуралистскую модель. Такова была инициатива Эндрю Моравчика. Моравчик предложил структурный анализ процесса глобализации, показав на примере Евросоюза, как происходит взаимодействие политических кругов и иных акторов, преодолевающих национальные ограничения в силу рационального осознания тех структурных преимуществ, которые дает интеграция, интенсификация экономического взаимодействия, открытость и глобализация¹.

По мысли Моравчика, глобализация, повышение социальной и экономической взаимозависимости между обществами являются главным трендом мировой истории, и корректный анализ мировой политики может быть осуществлен только на основе признания этого структурного факта. Глобальный мир — это структура, к которой естественным образом тяготеют основные тенденции в развитии обществ и взаимоотношений между ними. Но если неореалисты продолжают настаивать, что эта мировая структура основана на балансе сил, то Моравчик, делая упор на «преимуществах» глобализации, рассматривает мировую систему как потенциальное единое целое, транснациональную структуру, естественным образом движущуюся в сторону открытости и однородности.

Збигнев Бжезинский: мировые шахматы

Совершенно особым случаем либерализма в МО является известный американский стратег и геополитик Збигнев Бжезинский, постоянный партнер и коллега реалиста Генри Киссинджера. Бжезинский исходит из того, что основной тенденцией мировой политики является глобализация и в перспективе — создание Мирового правительства и Мирового Государства. В духе идей Вудро Вильсона Бжезинский полагает, что США в этом процессе уготована центральная роль — быть флагманом демократизации, модернизации и интернационализации. Однако если большинство либералов ставят акцент на пацифизме и мирном решении конфликтных ситуаций, Бжезинский, напротив, повышенное внимание уделяет необходимости демонтажа недемократических режимов, особенно коммунистических, настаивая на том, что именно наличие недемократических обществ и тоталитарных или авторитарных политических систем ставит под удар мирное развитие человечества и отдаляет установление Мирового Правительства. Поэтому Бжезинский опирается на классические тексты геополитиков и рассматривает противостояние капиталистического и социалистического лагерей, позднее — стран НАТО и России, как выражение конкуренции между двумя идеологическими проектами мироустройства: глобалистским и демократи-

¹ Moravcsik A. Taking Preferences Seriously: A Liberal Theory of International Politics // International Organization 51 (4): 513–53. 1997.

чекским (либеральным), с одной стороны, и авторитарным и нелиберальным, с другой. Разделяя формулу либералов «демократии друг с другом не воюют», Бжезинский настаивает на другой, невысказанной ее части: «а с недемократиями воюют, и не на жизнь, а на смерть». Отсюда стратегические проекты по дестабилизации тех Государств, которые Бжезинский относит к «недемократическим», и в частности, России.

В своей программной книге «Великая шахматная доска»¹ Бжезинский описывает структуру американских, и шире, западных интересов в Евразии, которые, по его мнению, состоят в ослаблении и расчленении России, отрыве от нее стран СНГ и интеграции ее частей в различные соседние мировые регионы. Но эти проекты обосновываются им отнюдь не холодными национальными интересами США как державы, а требованиями глобальной демократизации и глобализации, которым, на его взгляд, суверенная и самостоятельная Россия препятствует.

1.2.5. Институционалистское направление в либеральной парадигме МО

Первичность институций

Одним из самостоятельных направлений в рамках либеральной теории МО принято считать институционализм.

Основной догмой институционализма является первичность законов и нормативных актов, исходя из которых акторы международных отношений должны выстраивать свою политику. Согласно институционализму международная система на практике имеет имплицитную или эксплицитную структуру, которая предопределяет, как Государства должны (будут) действовать в этой системе. Институции являются правилами, которые выстраивают процесс принятия решений.

На международной арене институции взаимозаменяемы с «режимами», являющимися, согласно Краснеру, «набором эксплицитных или имплицитных принципов, норм, правил, процедур принятия решений, вокруг которых ожидания акторов конституируются в определенную проблему»².

Теория институционализма, в первую очередь, связана со следующими вопросами:

- 1) формация институций (почему суверенные эгоистические Государства согласились создать международные институции)?
- 2) постоянство и изменения институций (почему одни остаются, а другие меняются или исчезают)?
- 3) влияние институций на индивидуальное поведение (если поведение Государства находится под влиянием международных институций, как это происходит и почему)?
- 4) структура институций (она лучше всего объясняется функциональными нуждами либо социальным процессом или изоморфизмом)?³

В целом, под институционализмом в МО принято понимать не одну, а несколько различных теорий, таких как:

¹ Бжезинский З. Великая шахматная доска. М.: Международные отношения, 2009.

² Krasner, Stephen D. 1982. «Structural Causes and Regime Consequences: Regimes as Intervening Variables.» International Organization 36 /2 (Spring). Reprinted in Stephen D. Krasner, ed., International Regimes, Ithaca, NY: Cornell University Press, 1983.

³ Jonsson Christer. Tallberg Jonas. Institutional Theory in International Relations. <http://www.uni-muenster.de/Politikwissenschaft/Doppeldiplom/docs/IIR.pdf>

- теория функционализма;
- теория режима;
- теория государственного картеля.

Их объединяет то, что все они акцентируют свое внимание на структурах международной системы, но методы этих школ отличаются.

Морис Ориу: принципы институционализма

Основоположником теории институционализма считается социолог Морис Ориу (1856 — 1929). По его мнению, «общество представляет собой совокупность огромного числа институтов, которые включают в себя людей, а также идею, идеал, принцип, которые служат своего рода горнилом, извлекающим энергию этих индивидов»¹. Отличительным признаком института Ориу считал «направляющую идею». Большое внимание Ориу уделял корпоративным институтам, которые рассматривал как один из главных инструментов укрепления капиталистического общества. Государство, по Ориу, должно быть нейтральным посредником, представляющим из себя «юридическую персонификацию нации, приведенной к упорядоченному и уравновешенному режиму».

Основными теоретиками этого направления в социологии являются Ж. Ренар, Ж. Гурвич, Ж. Бурдо, Д. Стрейчи, С. Файнер, С. Романо, Т. Веблен.

Ж. Бурдо, в частности, развил идеи Ориу, сформулировав принцип *плюралистической демократии*, где политика является сложным процессом с большим количеством участников, что качественно усложняет классическую либеральную парадигму, которая строится на взаимоотношениях между Государством и индивидуумом.

Институционализм критиковался сторонниками марксистской школы, которые относили его к буржуазной науке, оправдывающей монополию капитала, называемого институционалистами «административным капитализмом». Также на институционализм значительно повлияла и идеология либерализма.

Неоинституционализм

В дальнейшем это направление развилось в «социологический неоинституционализм».

«Старый институционализм» в МО связывают с межвоенным идеализмом (основной теоретик — британский функционалист Д. Митрани, изучавший причины неудачи Лиги Наций) и поствоенными исследованиями международных организаций, а неоинституционализм — с интеграционными процессами, прежде всего в ЕС. Неоинституционализм подчеркивает более самостоятельную роль политических институтов в политическом процессе. Если «старый институционализм», в духе классической либеральной парадигмы, полагает, что создание наднациональных институтов зависит исключительно от политических руководителей демократических Государств, то неоинституционалисты включают в этот процесс более широкую номенклатуру акторов, распространяя ее на все институты гражданского общества, постепенно повышающих свое значение в сфере международных отношений.

Одним из видных теоретиков неоинституционализма является Эрнст Хаас, убежденный, что неоинституционализм построен на строгих научных

¹ Hauriou M. Précis de droit administratif et de droit public. Paris: Sirey, 1907.

обоснованиях и может иметь универсальную географическую применимость, в том числе использоваться в целях типологизации интеграционных процессов в мире¹. Э. Хаас, как и либералы в целом, полагал, что интеграционные процессы в современном мире логически приведут к упразднению национальных Государств, на место которых придут новые транснациональные институты.

Рациональные и исторические институционалисты

Кроме того исследователи институционалистского направления в МО выделяют в самостоятельные течения:

- школу рационального выбора;
- исторический институционализм.

«Рациональные институционалисты» настаивают на том, что институты являются *рациональным выбором* акторов, которые принимают правила как обязательный стиль поведения в преследовании своих целей. Таким образом, само существование институций, равно как и решение признать и легитимизировать какие-то конкретные институты при упорядочивании стихии поведения в международных отношениях, строятся на основании строго рациональных стратегий и последовательности шагов.

Школа исторического институционализма полагает, что институциональные факторы обязаны своим существованием историческому процессу. И институциональное «статус кво» объясняют различия в политических результатах деятельности разных акторов международных отношений.

Представители «исторического институционализма» руководствуются двумя главными принципами:

1. Институты формируют предпочтения актора, структурируя стимулы, перераспределяя власти и влияя на культурный контекст.

2. История — это «путь зависимости». Выбор или иные значимые события на ранних стадиях процесса институционализации могут сформировать путь, от которого в дальнейшем становится трудно отклоняться.

Тем самым «исторические институционалисты» обращают приоритетное внимание на фактически существующие институты в международных отношениях, которые, по их мнению, оказывают решающее влияние на разворачивающиеся в этой сфере процессы. Для них «стартовые условия» имеют огромное значение.

Хотя институционализм является подходом, характерным именно для либеральных теоретиков в МО, здесь есть некоторые исключения. Так, элементы институционалистского подхода мы встречаем у классического реалиста К. Шмитта и неореалиста С. Краснера, сопрягающих их с контекстом, весьма далеким от либерализма.

1.2.6. Теории глобализации

Мировая политика: Дж. Мейер, Дж. Боли, Дж. Томас

К неолиберальным теориям примыкают различные теории глобализации. Одной из них является теория «мировой политики». Концепция «политии» подразумевает наличие политического образования с неопределен-

¹ Haas E.B. The Uniting of Europe. Stanford:Stanford University Press, 1958; *Idem*. Beyond the Nation-State. Stanford: Stanford University Press, 1964.

ным статусом — это может быть и традиционное Государство, и какая-то иная более растяжимая и гибкая система социально-политического образования, более напоминающая социальное единство или гражданское общество.

Теория мировой политики сформулирована в трудах Дж. Мейера¹, Дж. Боли, Дж. Томаса, Ф. Рамиреса² и других близких к ним авторов.

Создание мировой политики предполагает следующие шаги³:

1. Выделение национальных Государств как ключевых акторов глобализации на том основании, что сами они суть продукты рационального отношения к обществу и способны, соответственно, рационально воспринять глобализационный проект как новое утверждение тех же принципов, на которых они сами и были созданы.
2. Призвание национальных Государств униформизировать свои структуры — создать единую систему образования (например, Болонская система), единообразные политические модели (демократия, свобода прессы, свобода предпринимательства, невмешательство Государства в экономику), общий социальный климат толерантности по этническому, гендерному, социальному и иным признакам.
3. На следующем этапе неправительственные организации наднационального характера, развившиеся при благожелательном нейтралитете национальных Государств, начинают разработку глобальных правил и процедур по дальнейшему продвижению принципов «открытого общества», индивидуализма, космополитизма, рационального поведения, «прав человека».
4. Идеология «глобального общества» становится доминирующей, и происходит реструктуризация национальных Государств на новой глобальной основе: сегменты «гражданского общества» одной страны сближаются с аналогичными сегментами в другой, образуя транснациональные социальные общества, которые при развитии коммуникаций и свободе передвижения приводят к стиранию национальных границ и переходу к единому мировому Государству.

Эта теория глобализации имеет ряд важных преимуществ:

- она откровенно апеллирует к евроцентризму и не скрывает того, что берет западные ценности как универсальные и всеобщие;
- обращается к философской парадигме западной социально-политической культуры;
- четко излагает последовательный план социально-политических трансформаций как внутри национальных Государств, так и в глобальном масштабе;
- откровенно называет «глобальное общество» идеологией;
- выделяет главных акторов глобализации на завершающем этапе в лице НПО, которые становятся инструментом расчленения национальных обществ и организации общества транснационального.

¹ Meyer John W. *The World Polity and the Authority of the Nation-State* / Bergesen A. (ed.) *Studies of the Modern World-System*. New York: Academic Press, 1980. С. 109–137.

² Meyer J., Boli J., Thomas G., Ramirez F. *World Society and the Nation-State* // *American Journal of Sociology*. 1997. № 103 (1). С. 144–181; Boli J., Thomas G. *World Culture in the World Polity* // *American Sociological Review*. 1997. № 62 (2). С. 171–190.

³ Meyer J., Boli J., Thomas G., Ramirez F. *World Society and the Nation-State*.

Теория мировой культуры: Р. Робертсон

Существенно отличную теорию глобализации представляет в своих книгах английский социолог Роланд Робертсон, а также ряд авторов, исповедующих близкий к нему подход к глобализации (С. Лэш¹, М. Физерстоун² и т. д.).

Р. Робертсон одним из первых стал систематически исследовать глобализацию, которую он определяет как «сжатие мира и интенсивное осознание мира как целого»³.

Р. Робертсон видит главную черту глобализации в том, что все человеческие общества и все индивидуумы оказались в настоящее время в одном и том же пространстве, «все вместе», и это «место» (качественное пространство) требует от каждого выработки определенного к нему отношения, чего раньше можно было избежать через ограничение локальным контекстом. Наличие глобального контекста во всех ситуациях и на всех уровнях, по Р. Робертсону, есть сущность глобализации, и он относится к этому как к свершившемуся факту. Наличие мира как целого, представшего перед взглядом всех индивидуальных и коллективных субъектов, составляет сущность «глобальной культуры». Любой выбор, любое решение, любой жест в таком контексте автоматически приобретает «глобальное измерение». Мы уже сегодня живем в глобальной культуре, и это необратимо.

Но далее начинаются отличия. Робертсон (в отличие от сторонников теории «мировой политики») считает, что распространение западноевропейского культурного, социального, экономического и, в целом, рационалистического кода на все человечество есть лишь один из множества процессов, и поэтому к нему ни в коем случае нельзя сводить глобализацию.

Робертсон выделяет четыре главных актора глобализации:

- национальное общество (в рамках Государства);
- система обществ;
- индивидуум;
- человечество.

Им соответствуют четыре формы идентификации:

- социализация;
- интернационализация;
- индивидуализация;
- обретение планетарного общечеловеческого сознания.

Наличие четвертого уровня, представляющего собой характерную черту именно глобализации («мировой культуры»), аффицирует остальные формы идентификации, т. к. открывает дополнительное измерение. Отныне выбор, осуществляемый на уровне «планетарного сознания», существенно влияет и на отдельное национальное Государство, и на международные отношения, и на индивидуальное самосознание, существенно меняя их структуры. Например, для полноценной социализации индивидуум не обязан более помещать себя в контекст национального общества; он может перешагнуть эту стадию и обратиться напрямую (или опосредованно — через международные

¹ Lash S., Szerszynski B., Wynne B. (eds.) Risk, Environment and Modernity. London: Sage (TCS), 1996; Lash S., Featherstone M., Szerszynski B., Wynne B. Spaces of Culture: City, Nation, World. London: Sage, 1999; Lash S., Lury C. Global Culture Industry: The Mediation of Things. Cambridge: Polity, 2005.

² Featherstone M. (ed.) Global Culture. London: Sage, 1992

³ Robertson R. Globalization: Social Theory and Global Culture. London: Sage, 1992.

социальные группы и НПО) к «человечеству». Точно так же глобальный горизонт человечества (например, в вопросах экологии, изменения климата и т. д.) обязан отныне учитывать и суверенные Государства (независимо от своих узко национальных экономических и стратегических интересов).

В рамках своей концепции Р. Робертсон выделяет и описывает пять свойств глобализации:

- релятивизация;
- эмуляция;
- глокализация;
- интерпретация;
- контестация.

Релятивизация подразумевает, что все традиционные инстанции социальной и политической иерархизации общества становятся относительными. Гражданство, профессия, этнос, гендер, а также суверенитет или система международного законодательства перестают быть фундаментальными категориями, становятся более гибкими, рефлексивными.

Эмуляция означает, что все общества вырабатывают свои особенные отношения к глобализации и к общему месту единого мира, и на основе глобального вызова дают на него разнообразные и оригинальные ответы. Этот момент резко отличает теорию мировой культуры от теории мировой политики, предполагающей универсальное принятие всеми обществами единого кода. Р. Робертсон считает, что признание общности глобального пространства не означает автоматически общности его восприятия. Так, например, глобализм может быть оценен, отвергнут или использован религиозными обществами, воспринявшими глобальный вызов, но прореагировавших на него в духе своих философских установок (что демонстрирует наглядно явление исламского фундаментализма).

«Глокализация» — наиболее известный неологизм Р. Робертсона означает, что, наряду с внедрением в определенных областях (информатика, экономика, торговые сети, молодежные моды, политическая демократия) унифицированного кода, глобализация влечет за собой и прямо противоположные явления — распад национальных образований вплоть до этнического уровня, регионализацию и возврат к малым общинам, возвращение религиозного фактора, подъем архаических культурных пластов и т. д. Национальные Государства трансформируются сразу в двух направлениях — в сторону наднациональной глобальной системы и в сторону мозаичной локальности и архаичности. Согласно Робертсону, это не взаимоисключающие друг друга процессы, но две стороны одного и того же явления.

Интерпретация глобализации представляется Робертсону как открытый процесс, где стремление к универсализации и партикуляризации (глокализации) находится в состоянии динамической конкуренции; баланс этих форм постоянно меняется, создавая конфликты толкования одних и тех же (безусловно, глобальных) феноменов, принимающих разные значения в зависимости от ожиданий, точек зрения и ситуаций.

Контестация — это оспаривание глобализации со стороны различных акторов. Будучи безусловно достоверной, глобализация не обладает моральным императивом и общепризнанной ценностью. А, следовательно, она может быть осмыслена как зло, катастрофа и бедствие, которому необходимо противостоять. Такая возможность вытекает из самого понимания сущности глобализации в теории «мировой культуры».

Резюме теории Робертсона может служить *принцип неопределенности*. Так как глобализация многосложна и открыта, то никто не может сказать, какие тенденции в ней возьмут верх и предопределят ее дальнейшее развитие.

**«Общество риска» и культурное пространство: С. Лэш,
М. Фезерстоун**

К направлению «глобальной культуры», кроме Р. Робертсона, относят ряд социологов, занимавшихся вопросами общества Постмодерна — Скота Лэша и Майка Фезерстоуна.

Скот Лэш в своих исследованиях развивает тему открытости и неопределенности «глобального общества», которое переходит из парадигмы Модерна к парадигме Постмодерна. Это означает, что к «глобальной культуре», по его мнению, не следует применять подходов, свойственных эпохе Модерна. С. Лэш, параллельно Ульриху Беку¹ и Энтони Гидденсу², исследует «общество риска»³, где все проблемы и конфликты не проецируются вовне, на фигуру «другого», но интериоризируются индивидуумом, которому предстоит решать их на внутреннем уровне. Если в обществе Модерна угроза исходила извне, то теперь она локализуется внутри самого человека. Лэш призывает отдать себе отчет, что глобальное сообщество будет основано на *иной рациональности*⁴, свободной от многих издержек Модерна, которые, в свою очередь, уходят корнями в традиционное общество. Эту новую рациональность Лэш трактует в духе французских философов-постструктуралистов (Ж. Делез, Ф. Гваттари и т. д.).

Согласно С. Лэшу и его частому соавтору М. Фезерстоуну, основой глобализации является «культурное пространство»⁵, которое не соответствует границам национальных Государств. Культура имеет иную географию и ее трансформации относительно автономны. В глобальном обществе оппозиции между странами и идеологиями переходят во внутренние трения и конфликты культурной среды. Сфера знаков, к которой сводится современное капиталистическое производство (Ж. Бодрийяр⁶), трансгранично, равно как и сама современная экономика. Но именно в культуре находит свое выражение семантика экономических процессов. Поэтому судьба глобализации, которую С. Лэш и М. Фезерстоун так же, как и Робертсон, считают открытой, и что именно в ней возобладает: универсальное или локальное (и какое именно универсальное и какое именно локальное), будет решаться в контексте культурных формализаций — в сфере производства (трансграничных) знаков.

Тезис «конца истории»: Ф. Фукуяма

Рассмотрим три этапа, которые можно выделить в осмыслении глобализации в самые последние времена — с конца 1980-х годов до настоящего вре-

¹ Beck U. Risikogesellschaft. Auf dem Weg in eine andere Moderne. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1986.

² Giddens A. Risk and Responsibility // Modern Law Review. 1999. № 62 (1). С. 1 — 10.

³ Lash S., Szerszynski B., Wynne B. (eds.) Risk, Environment and Modernity.

⁴ Lash S. Another Modernity, A Different Rationality. Oxford: Blackwell, 1999.

⁵ Lash S., Featherstone M. (eds.) Spaces of Culture: City, Nation, World. London: Sage, 1999.

⁶ Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. М.: Библион-Русская книга, 2003.

мени. Эта периодизация была предложена группой ученых Стэнфордского университета (Д. Хэлд, Э. МакГрю, Д. Голдблатт, Дж. Перратон)¹, подхвачена американским специалистом по глобализации Дэвидом А. Крокером² и постепенно стала общепринятой.

Эти авторы выделили *три модели* обобщенной оценки глобализации — *гиперглобализм, скептицизм и трансформационизм*³. Рассмотрим их последовательно.

После распада социалистического лагеря и СССР у целого ряда политологов, аналитиков и экспертов сложилось впечатление, что это событие ставит точку в сложной диалектике этапов глобализации и отныне мир становится полностью интегрированным, т. к. ничто больше не сможет помешать развитию либерально-капиталистической парадигмы, воцарившейся в планетарном масштабе. Гиперглобалисты относились к этим изменениям с оптимизмом и полагали, что «точка невозврата» пройдена и мир уже стал в целом глобальным, единым и планетарным, а остаточные конфликты и противоречия постепенно сгладятся сами собой.

Такой точки зрения в начале 1990-х годов придерживался американский политолог Фрэнсис Фукуяма, написавший эпохальный текст «Конец истории»⁴. Ф. Фукуяма опирался на философию истории Гегеля, который считал, что воплощение Абсолютной Идеи в историческом процессе ориентировано на ее кульминацию в субъективном духе. История, став осмысленной, окажется конечной: достигнув определенной цели, она исчерпает свое содержание. К. Маркс применил гегельянский тезис к своей версии диалектического развития производительных сил и производственных отношений, которое должно было закончиться мировой революцией и наступлением «коммунистической формации» как «конца истории». Философ-гегельянец А. Кожев предположил, что история может завершиться и полным планетарным торжеством *либерального* капитализма, рынка и буржуазной демократии. Фрэнсис Фукуяма, анализируя крах СССР, посчитал, что на глазах сбывается кожевская версия трактовки Гегеля, и написал вначале программный текст, а затем и книгу с соответствующим названием.

Смысл «конца истории», согласно Ф. Фукуяме, сводится к окончанию основных политических конфликтов, разрывавших человечество на предыдущих этапах и составлявших тем самым содержание исторического процесса. Некогда в эпоху «варварства» все воевали со всеми и преобладало право сильного. В Новое время субъектом истории и носителем суверенитета были объявлены национальные Государства, и этот принцип лег в основу Вестфальской системы. Национальные Государства враждовали друг с другом и тем самым творили европейскую историю, а заодно — через колониальные эпопеи — и историю всего остального мира. После Второй мировой войны соперничество между нациями отошло на второй план перед лицом идеологического противостояния мирового капитализма и мирового социа-

¹ Held David, McGrew Anthony, Goldblatt David, Perraton Jonathan. Global Transformations. Stanford: Stanford University Press, 1999.

² Crocker David A. Ethics of Global Development: Agency, Capability, and Deliberative Democracy. Cambridge: Cambridge University Press, 2008; *Idem*. Development Ethics, Globalization, and Democratization / Chatterjee D., Krausz M. (eds.) Globalization, Democracy, and Development: Philosophical Perspectives. Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 2007.

³ Crocker David A. Development Ethics, Globalization, and Democratization.

⁴ Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ, 2004.

лизма, и тогда смыслом истории стало противоборство двух политико-экономических систем. Крах СССР и победа Запада в «холодной войне» завершает и этот период, и значит, у истории больше нет содержания, нет смысла. За время идеологического противостояния с коммунизмом буржуазные Государства достаточно сблизилась между собой, чтобы стать основой нового социально-политического и экономического устройства, а исчезновение идеологического противника теоретически позволяет распространить либеральную демократию, рыночную экономику и идеологию «прав человека» на весь мир. В такой ситуации национальные Государства постепенно отмирают, а политика полностью заменится экономикой. У экономики нет истории, т. к. нет смысла, нет драматического напряжения, нет содержания. Мир станет глобальным рынком, в котором восторжествует логистика и оптимизация, что позволит постепенно подтянуться отстающим участникам глобальной экономики к уровню развитых передовых обществ.

Надо сказать, что позже Ф. Фукуяма существенно пересмотрел свои взгляды и признал, что его прогноз оказался слишком оптимистичным¹, но его поправки и оговорки значительно менее интересны по сравнению с главным тезисом о «конце истории». И дело не в том, что он поспешил и забежал вперед, а в том, что он совершенно точно воспроизвел философию современного глобализма в ее наиболее законченной, последовательной и стройной форме.

Гиперглобализм: Т. Фридман, Дж. Бхагавати

Сходные с «ранним» Ф. Фукуямой взгляды исповедует известный американский журналист Томас Л. Фридман, описывающий в своей книге «Плоский мир»² и в других работах³ новую картину миропорядка, где глобализацию остановить невозможно. В отличие от Фукуямы, Томас Фридман до сих пор придерживается именно этой позиции. Если кто-то попытается уклониться от глобализации, считает Т. Фридман, то он заплатит огромную цену технологического отставания, экономической стагнации, маргинализации в международном сообществе и, наконец, добровольного или «под воздействием обстоятельств» включения в глобальные процессы. В открытом мире могут существовать только «открытые общества»; попытка закрыться в условиях всепроникающих информационных технологий заведомо обречена. Поэтому у глобализации нет альтернативы, и сегодня стоит не вопрос: «глобализация или не глобализация», а вопрос: «глобализация какими темпами, с какими нюансами, в каких приоритетных областях и т. п.».

Столь же оптимистического взгляда на процесс глобализации придерживается известный экономист Джагдиш Бхагавати⁴. Он утверждает, что глобализация есть однозначное благо для всех развитых и неразвитых об-

¹ Фукуяма Ф. Идеи имеют большое значение. Беседа с А. Дугиным // Профиль. 2007. № 23 (531).

² Friedman Thomas L. The World Is Flat: A Brief History of the Twenty-First Century. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2005; *Idem*. The Lexus and the Olive Tree: Understanding Globalization. New York: Farrar, Straus & Giroux, 1999.

³ Friedman Thomas L. The Lexus and the Olive Tree: Understanding Globalization. New York: Farrar, Straus & Giroux, 1999.

⁴ Bhagwati Jagdish N. Free Trade Today. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 2002; *Idem*. In Defense of Globalization. New York: Oxford University Press, 2004.

ществ, поэтому она должна разворачиваться и вширь и вглубь, включая беднейшие страны, которые получают тем самым шанс ускоренно пройти важнейшие этапы развития. При этом он подчеркивает, что глобализации не нужно иметь «человеческое лицо», поскольку она и так его имеет (в отличие от колонизации или эпохи идеологического противостояния двух систем). Д. Бхагавати отождествляет глобализацию (как интеграцию всех обществ в одну планетарную социально-экономическую систему) с экономическим ростом, и поэтому настаивает на том, что сам факт включения стран в глобальные процессы может вполне заменить наличие у них стратегии экономического и социального развития. Глобализация видится ему единственным ответом на все существующие вопросы.

Можно сказать, что смысл гиперглобализма заключается в следующем:

- глобализация считается однозначным *благом*, а ее издержки незначительными;
- глобализация представляется *объективным* процессом, к которому направлена вся логика истории человечества;
- глобализация рассматривается как принципиально *состоявшаяся*, прошедшая «критическую точку» и далее намеревающаяся решать только технические (а не исторические, политические или идеологические) вопросы;
- глобализация декларируется как *ответ*, ставить под вопрос который бессмысленно.

Резюме

Либеральная парадигма в МО является чрезвычайно распространенной и наряду с реализмом составляет одну из двух главных моделей интерпретации, анализа и прогнозирования процессов, протекающих в области международных отношений. В политической сфере к либеральной парадигме традиционно тяготеют представители левоцентристских и демократических партий, тогда как реалистами чаще всего являются консерваторы, изоляционисты и патриотические силы. В американской политике либеральная парадигма характерна для большинства представителей Демократической партии, склонных к таким моделям внешней политики, как беспоплярность и многосторонний подход (мультилатерализм).

Начиная с 90-х годов XX века, либеральный и неолиберальный подходы становятся все более популярными и в европейских странах, чему способствует интенсивное становление Евросоюза, представляющего собой наглядный образец того, как либеральные концепции транснационализма могут быть воплощены в жизнь. Хотя традиционно силен в европейских странах и реалистский подход («суверенизм»), представители которого относятся к евроинтеграции с определенной долей скепсиса.

Сделаем несколько выводов относительно транснационализма, глобализации и неолиберальных теорий.

1. Процессы глобализации *изменяют параметры соотношения между внутренней политикой и внешней политикой*, бывшие нормой для позитивистских теорий (реализм, неореализм, отчасти классический либерализм). Тем самым релятивизируется базовая для МО топика: порядок (внутригосударственный) — беспорядок (поле международных отношений). Это ведет к взаимозависимости и турбулентности.

2. Принцип сети предполагает *глобальную модерацию* (квази-порядок — новый мировой порядок /мировое правительство) вовне и некоторую хаотичность, анархизм, разжижение иерархии внутри Государств. Демократизация внутренней политики сопровождается усилением позиций сверхнациональных инстанций (примеры — Страсбургский суд по правам человека, Гаагский трибунал и т. д.).
3. Идеология *прав человека* (а не гражданина!, World citizen) формализирует концепт «искусного индивидуума» как антропологическую данность. Норматив берется за фактичность и на этом основании строится новая система глобального права.
4. Возникает новый концепт, иногда называемый *мировой политией* или *глобальным обществом*. Мировая полития — основана на том, что мир есть единое глобальное общее открытое политическое поле, с некоторыми внутренними анклавами (относительно закрытыми). И что человечество есть общество, пребывающее в контексте транснациональной взаимосвязанности.
5. Это конституирует новый предмет для МО, выходящий за пределы классических позитивистских теорий МО.
6. Так как мы имеем дело отныне с обществом (World Society), причем *качественно новым* — глобальным, для которого больше нет оппозиций внутреннее /внешнее, для социологии открывается новый горизонт. Здесь, собственно, социология международных отношений (СМО) и входит в свои полномочия, т. к. инструментарий классических школ МО постепенно утрачивает релевантность, и включение социологических методов становится неизбежным.

1.3. Английская школа в МО (промежуточная парадигма)

Основные принципы

Особое положение среди теорий в МО занимает *Английская школа*. Чаще всего ее не выделяют в отдельную парадигму, т. к., обладая рядом общих черт с реализмом и либерализмом, она представляет собой оригинальное сочетание элементов, свойственных обоим этим подходам. Тем не менее ее нельзя считать и синтезом обоих школ в МО, т. к. по ряду вопросов ее представители придерживаются довольно оригинальных позиций, не сводимых ни к либерализму, ни к реализму.

Основанная австралийцем Хэдди Буллом¹ эта школа отличается повышенным вниманием к *социологическому анализу* всей сферы МО.

Гуго Гроций: естественное право

Одним из провозвестников Английской школы в МО можно считать голландского протестантского теолога, юриста и философа Гуго Гроция (1585 — 1683). Гроций одним из первых выдвинул теорию всеобщего мира как цели, к которой народы должны стремиться. Но в то же время он предложил три ситуации, в которых войну можно считать «справедливой»:

¹ Bull H. The Anarchical Society. A Study of Order in World Politics. New York: Columbia University Press, 1977.

- для самообороны;
- для возмещения убытков от агрессии;
- для осуществления возмездия.

Кроме того, Гроций настаивал на том, что после начала войны (справедливой или нет), те, кто в ней участвуют, все равно должны соблюдать определенные правила (*jus in bello*) — в частности, право военнопленного, разделение между комбатантами и не-комбатантами и т. д.

Принципы, выделенные Гроцием, легли в основу международного права.

Важным принципом Гроция стала идея о «свободном море», т. е. о наличии определенных мировых территорий, которые являются открытыми для всех народов и наций и не могут быть рассмотрены как зоны исключительного контроля какого-то одного Государства. Таким образом, Гроций подготовил основу для глобального понимания мировой политики.

В сфере права Гроций первым ввел классическое для юриспруденции Нового времени понятие «естественного права» человека, которое он считал неизменным для всех культур и эпох. Это «естественное право» он связывал с самой природой человека, которую он представлял благой и ориентированной на разумное сотрудничество с другими людьми (антропологический оптимизм). Решение спорных ситуаций между народами на основе «естественного права» всегда достигается мирным путем, настаивал он.

Существует также «волюнтаристское право», к которому относится Божественное право, выраженное в священных текстах, и человеческое право, созданное в тех или иных исторических обстоятельствах. И божественное и человеческое волюнтаристское право оказывают воздействие на общество через Государство, где и происходит взаимодействие между естественным и волюнтаристским правом. Божественная воля дает ориентацию, которой надо следовать и всегда является благой. Человеческая же воля может быть ориентирована как к добру, так и ко злу. Задача общества, по Гроцию, в том, чтобы создать такие Государства, в которых естественное право преобладало бы над волюнтаристским, но при общей гармонии с Божественным моральным законом.

Мировое общество

Представители Английской школы (Х. Булл, М. Уайт¹, Дж. Бертон, Дж. Винсент² и т. д.) вводят понятие «мировое общество» или «мировая система», чтобы подчеркнуть, что отдельные Государства (признаваемые представителями Английской школы в качестве главных приоритетных акторов в области международных отношений), взятые все вместе, представляют собой не просто механический агломерат эгоистически мотивированных индивидуумов, действующих исключительно в частных интересах (как настаивают реалисты), но «общество», социальную систему, заведомо предопределяющую социологическое, и отчасти политическое, содержание поступков акторов и международных событий: подобно тому, как общество распределяет социальные статусы и роли среди своих членов, наделяя каждый элемент их социальным смыслом. Поэтому, по мнению представителей Английской школы, для того, чтобы национальное Государство было *суверенным*, в качестве необходимого условия требуется его *признание* таковым от лица других су-

¹ *Wight Martin*. *Systems of States*. Leicester: Leicester University Press, 1977.

² *Vincent R.J.* *Human Rights and International Relations*. Cambridge: Cambridge University Press, 1986.

веренных Государств, и одновременно взаимное признание ими друг друга. Суверенитет, таким образом, есть не только свойство государства, автономно присущее ему, но одновременно и продукт *социального контракта* на международном уровне.

А это значит, что хаос и анархия в международной сфере являются *относительными* и представляют собой особый тип системы, поддающейся рациональному изучению и намеренному изменению.

Этот момент релятивизации хаоса в международной среде отчасти сближает представителей Английской школы с классическими либералами. Более того, сходство есть и с некоторыми неолиберальными теориями, настаивающими на расширении номенклатуры акторов в МО. Однако, вместе с тем, теоретики Английской школы согласны с реалистами в оценке значения фактора гегемонии в общей модели международных отношений и строят свой анализ на оценке реального силового потенциала великих держав как ключевого и предопределяющего параметра всей системы международных отношений, что, в свою очередь, сближает их именно с реалистами.

Эта неопределенность в классификации не исчезла со временем, и до настоящего момента тот или иной специалист в МО предлагает свое толкование роли и места Английской школы среди основных парадигм в МО, то настаивая, что ее сторонники являются «идеалистами эпохи холодной войны» (Дж. Миршаймер¹), то возвращаясь к более привычному причислению ее к одной из разновидностей реализма.

Акцент на социологической составляющей анализа МО характерен для теорий Р. Арона, которого, тем не менее, однозначно и безоговорочно относят к реалистам.

Английская школа оказала существенное влияние и на некоторые пост-позитивистские теории в МО, которые мы кратко рассмотрим далее. В частности, в ее лоне сформировалось направление исторической социологии и нормативизма.

Хэдли Булл: сообщество Государств

Хэдли Булл (1932 – 1985), основоположник Английской школы в МО, родился в Австралии, но академическую карьеру сделал в Англии, в Лондонской школе экономики. Главным трудом Булла является книга «Анархическое общество»², в которой он тщательно разбирает принцип анархии в международных отношениях. Булл предлагает толковать анархию весьма специфически — не как полностью не зависящие друг от друга алгоритмы эгоистического поведения отдельных акторов (национальных Государств), на чем настаивают реалисты, но и не как общую систему демократических обществ, лежащих сверхнациональному контролю (к чему стремятся либералы). Булл, отчасти продолжая идеи Р. Арона, предлагает рассматривать эту анархию как поле социальных взаимодействий, где акторы отчасти автономны, но отчасти аффектированы друг другом и общей системой.

Булл так определяет понятие Государства в МО. Чтобы некоторая единица могла называться Государством, она:

¹ Mearsheimer John J. E. H. Carr vs. Idealism: The Battle Rages On //International Relations, Vol. 19. No. 2.

² Bull H. The Anarchical Society. A Study of Order in World Politics.

- 1) должна установить суверенитет над группой людей;
- 2) контролировать определенную территорию;
- 3) иметь правительство.

Совокупность Государств составляет систему Государств в том случае, если между ними существует определенный уровень взаимодействия — такой, что решения, принимаемые одними, влияют на остальных. В таком случае они являются, пусть относительно, но «частями целого» (системы Государств). Однако, по Буллу, система Государств еще не тождественна «обществу Государств» (society of States). «Общество Государств» появляется только тогда, когда группа Государств, осознающая общие интересы и общие ценности, формирует общество в том смысле, что признает общую для всех совокупность правил поведения в отношении друг друга и общую систему институций».

Булл мыслит международное сообщество, определяемое «анархией» (или «анархическое общество»), вытекающей из самого принципа суверенитета (и в этом Булл солидарен с реалистами), как носителя целого ряда ценностей, которые можно назвать моральными. С его точки зрения, интернациональное общество должно:

- 1) сохранять само себя как интернациональную систему, основанную на принципе межГосударственных отношений;
- 2) укреплять независимость членов интернационального сообщества, поддерживая мир, помогая обеспечить нормативные основания социальной жизни и ограничивая насилие (через правила ведения войн);
- 3) исполнять взятые обязательства (то есть следовать принципу взаимности);
- 4) гарантировать «стабильность собственности» (что выражено в принципе взаимопризнания суверенности)¹.

Такая форма взаимоотношений суверенных Государств порождает особое понимание «международной анархии», отождествляемой в данном случае с «интернациональным обществом» (International Society). Это не сверхнациональные структуры, ограничивающие суверенитет де-юре, к которым призывают либералы в МО, но и не свободное столкновение полностью независимых единиц, не признающих в своих отношениях никаких нормативов (как можно истолковать реалистов).

Булл утверждает, что «интернациональное общество» призвано гарантировать два главных принципа: *порядок и справедливость*. И порядок и справедливость он рассматривает на трех уровнях².

Порядок	Справедливость
порядок в социальной жизни	человеческая справедливость
международный порядок	справедливость в отношениях между Государствами
мировой порядок	справедливость во всемирном масштабе

Выделение этих уровней позволяет построить такую модель «интернационального общества», где жесткая оппозиция внутренней и внешней политики будет смягчена, но в отличие от глобализации и десуверенизации, к кото-

¹ Bull H. The Anarchical Society. A Study of Order in World Politics. P. 16—19.

² Ibid. P. 3—21.

рой призывают либералы (и особенно неолибералы), функции Государств сохраняются, только вместо приоритета эгоистических национальных интересов, эти функции постепенно трансформируются в пользу обеспечения порядка и справедливости, как в локальном, так и в глобальном масштабах.

Джон Бертон: мировое общество

Другой представитель Английской школы, также австралийского происхождения, Джон Бертон (1915–2010), развивая идеи Хэдли Булла, предложил концепт «мировое общество» (World Society). Бертон анализирует причины конфликтов в международных отношениях и приходит к выводу о том, что причины всех конфликтов лежат не в области национальных интересов, но в субъективной оценке индивидуальных стремлений, и эта оценка всегда может быть скорректирована в процессе социального диалога (как и происходит в обществе, нормально функционирующем, не смотря на противоречия индивидуальных желаний и интересов). По Бертону, если бы мы рассматривали Государства как социальные системы, то их взаимодействия строились бы по той же самой схеме, и любых конфликтов и войн можно было бы избежать, а социальные изменения гармонично отражались бы в соответствующих трансформациях общественных систем. Бертон убежден, что конфликт всегда можно погасить в зародыше, т. к. речь идет о социальной дисфункции, не более того.

Причиной войн Бертон считает инстанцию Государства, которое, будучи в определенных ситуациях не способным двигаться навстречу социальным изменениям, проецирует внутренние дисфункции во внешнюю сферу. Поэтому Государство служит источником конфликтов в силу самого его отставания от динамики социальных изменений, на которые оно реагирует неадекватно. Поэтому необходимо перейти от принципа «национальной безопасности» (на чем настаивают реалисты) к принципу «общей безопасности».

Мартин Уайт: система Государств

Другим выдающимся представителем Английской школы в МО является англичанин Мартин Уайт (1913–1972). Он долгое время преподавал в Лондонской школе экономики. Уайт развивал идеи существования «системы Государств» как особого измерения международных отношений, не совпадающего ни с совокупностью пересечений эгоистических национальных интересов (как у реалистов), ни с ансамблем демократических режимов, создающих наднациональные структуры (как у либералов)¹. Уайт полагал сам принцип суверенных Государств ограничивающим фактором развития социальной системы в международном масштабе, противопоставляя в своем основном концепте «система Государств» — «систему», с одной стороны, и «Государство» — с другой.

После смерти Уайта его принципиальные труды в области МО были систематизированы и изданы Хэдли Буллом, с которым он активно сотрудничал при жизни.

Барри Бузан: интернациональные системы в истории

Новое дыхание Английская школа в МО получила в 90-е годы XX века, в эпоху, когда глобализация и интенсификация социальных взаимодействий

¹ Wight M. System of States. Leicester: Leicester University Press, 1977.

между различными странами получили новый масштаб, демонстрируя релевантность тех теорий, которые изначально подчеркивали социальный элемент в структуре международных отношений.

Так, английский специалист в МО Барри Бузан¹ совместно с соавтором Ричардом Литтлом продолжил систематизацию «интернациональных систем»². Бузан и Литтл предложили рассмотреть систему в МО как иерархическую модель, имеющую следующие уровни:

- индивидуум;
- под-единица (sub-unit);
- единица (unit);
- подсистема;
- система.

Каждая из рассматриваемых интернациональных систем имеет свои особенности в качестве и интенсивности взаимодействий на каждом уровне. Кроме того каждый уровень может соответствовать различным социальным явлениям.

Анализ интернациональной системы осуществляется через три момента:

- исследование взаимодействий (они бывают линейными или многоуровневыми, а также различаются по степени интенсивности);
- анализ структур (представляющих собой статичную модель организаций единиц в систему);
- рассмотрение процессов (трансформаций идентичностей каждого уровня и их соотношений).

Кроме того, следует рассматривать взаимодействия качественно. В этом случае они могут быть обобщены в следующие категории:

- война;
- союз;
- обмен;
- заимствование;
- доминация.

Все интернациональные системы делятся на:

- прединтернациональные системы;
- античные (или классические) интернациональные системы;
- глобальные интернациональные системы;
- постмодернистские интернациональные системы.

Прединтернациональные системы представляют собой архаичные общества охотников и собирателей, подвижных и не закрепленных за какой-то конкретной территорией. Главной единицей здесь выступает племя, делящееся на кланы и индивидуумов, и иногда поднимающееся на уровень слабо связанной подсистемы (союз племен). Эта система несвязная и неструктурированная. Взаимодействие в ней является линейным и характеризуется низким уровнем интенсивности.

Античные (классические) системы связаны с оседлостью. Здесь происходит образование иерархизированных политически территорий, городов-Государств и даже огромных Империй (наподобие Китайской или Римской).

¹ Б. Бузана относят также к постпозитивистскому направлению исторической социологии, появившемуся в контексте Английской школы.

² *Buzan B., Little R. International Systems in World History. Oxford:Oxford University Press, 2010.*

Возникает новая главная единица — Государство как военно-политическое образование. Эти образования складываются в систему, которая отличается:

- многоординатными взаимодействиями;
- сложной полицентричной внутренней структурой;
- интеграцией ряда акторов — юнитов;
- объединением в одну взаимосвязанную структуру империй, (собственно системы), городов-Государств, лиг городов, кочевых племен, дисперсных сельских общин.

Глобальная интернациональная система возникает в эпоху Нового времени. Это мультиординатная система высокоинтенсивного взаимодействия. Главной единицей в ней является военно-политическое образование, воплощенное в национальном суверенном Государстве. Границы Государств представляют собой строго унифицированные иерархические структуры. Государства объединены в Вестфальскую систему. Все единицы этой системы однотипны с точки зрения структур и нормативности политических систем. Эта интернациональная система является глобальной, т. к. настаивает на своей универсальности и обязательности для всех политических образований, существующих в мире. Все обитаемое пространство планеты на сегодня представляет собой политическую карту, состоящую из Государств.

Наконец, постмодернистская интернациональная система, складывающаяся на наших глазах в конце XX — начале XXI веков, характеризуется расширением номенклатуры единиц, дробящихся на негосударственных акторов. Возникает еще более высокая интенсивность взаимосвязей, а также новые сверх-государственные сетевые пространства: интернет, информационное поле, ТНК, НПО, торговые и дистрибуторские сети, стили, моды, брэнды и т. д.; параллельно происходит дисперсия военно-политических единиц (традиционных суверенных Государств). Осуществляется переход от военно-политического к торгово-экономическому и социальному взаимодействию.

Смена интернациональных систем, по Бузану, отражается как в социальной, так и в политической сфере.

Бузан уделяет значительное внимание и трансформациям системы безопасности¹, т. к. при переходе к постмодернистской интернациональной системе меняется как содержание понятия «безопасность», так и ее субъект (от национального общества к транснациональному).

1.4. Марксизм (третья парадигма)

Неомарксизм (третья парадигма)

Третьей по популярности парадигмой в МО (после реализма и либерализма) является *неомарксизм*. Эта модель анализа в МО основана на антикапиталистическом и антибуржуазном подходе, берущем свое начало в марксизме, и одно это обстоятельство объясняет тот факт, почему она исключена из официального политического дискурса, преобладающего в капиталистических странах. Здесь существует явный когнитивный диссонанс между аксиоматикой либерал-капитализма (национального у реалистов или

¹ Buzan B., Wæver O. *Regions and Powers: The Structure of International Security*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

транснационального у либералов) и марксизма в самих базовых философских подходах к оценке современного общества и основных политических, экономических и социальных процессов, в нем разворачивающихся. В то же время неомарксизм в МО обладает очень высокой степенью проработанности своих концепций и теорий, он основан на научно-рациональном дискурсе и поэтому наделен высокой степенью научной релевантности безотносительно к тому, рассматриваются ли его аналитические методологии самими марксистами или сторонниками буржуазной идеологии. Неомарксизм в МО может теоретически быть задействован в идеологически нейтральном контексте, в том числе и для осмысления структуры МО с позиций либерального правящего класса.

Иммануил Валлерстайн: мир-система

Классическим образцом неомарксистской модели в МО сегодня можно считать теорию «мир-системы» И. Валлерстайна¹.

Валлерстайн основывает свою теорию на следующих источниках:

- марксизм;
- идеи Фернана Броделя²;
- теории зависимости (Сингера³ – Пребича⁴).

С точки зрения Валлерстайна, капиталистическая система изначально складывалась как явление глобальное. Поэтому глобализму как минимум пятьсот лет. Деление европейских стран на национальные Государства было лишь переходной стадией⁵. На всех уровнях и на всех этапах буржуазный класс тяготел к тому, чтобы интегрироваться в единое целое по ту сторону национальных границ, стягиваясь в ядро интернациональной буржуазии. К этому его подталкивала сама логика капитала, принцип свободной торговли и поиск все новых и новых рынков. Капитализм транснационален изначально и сущностно. Поэтому в нашем мире глобализация и ослабление границ между Государствами не являются чем-то уникальным, но лишь окончательно оформляют на планетарном уровне ту пространственную структуру, которая изначально присуща капиталистической системе⁶.

Буржуазный класс есть глобальный класс, и в наше время этот класс получает пространственно-географическую локализацию в лице «богатого Севера» (иначе — «глобального Запада» или «ядра мир-системы») ⁷. Центром мировой буржуазии становится Запад в широком смысле, там концентрируются капиталы, высокие технологии. Там сосредоточены экономические бенефициары основных макроэкономических процессов, разворачивающихся в мировой экономике. Там же логически концентрируется и глобальная по-

¹ *Wallerstein I. Geopolitics and geoculture: essays on the changing world-system. Cambridge: Press Syndicate, 1991.*

² *Braudel F. Civilisation matérielle, économie et capitalisme (XVe-XVIIIe siècles). 3 volumes. Paris: Armand Colin, 1979.*

³ *Singer Hans W., Ansari Javed A. Rich and Poor Countries: Consequences of International Disorder. London: Routledge, 1988.*

⁴ *Prebisch Raul. The Economic Development of Latin America. New York: United Nations, 1950.*

⁵ *Wallerstein I. Historical Capitalism, with Capitalist Civilization. London: Verso, 1995.*

⁶ *Wallerstein I. World-Systems Analysis: An Introduction. Durham, North Carolina: Duke University Press, 2004:*

⁷ *Wallerstein I. The End of the World As We Know It: Social Science for the Twenty-first Century. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1999.*

литическая власть. Тот факт, что национальные Государства и соответствующие администрации продолжают существовать, никак не влияет на сущность функционирования мир-системы: основные решения в международных отношениях принимают не правительства и Государства, а *мировая космополитическая капиталистическая элита*, состоящая из представителей самых разных народов — от классических американских финансистов и европейских промышленников до нефтяных шейхов, новых русских олигархов или нуворишей Третьего мира. Это и есть «ядро», остов мирового правительства.

На противоположном конце мир-системы, в зоне мировой периферии, в странах Третьего мира, сосредоточен *глобальный пролетариат*. Это обездоленные слои населения бедных стран, живущие в крайней нищете и бесправии. Мировая периферия представляет собой пространственную локализацию мирового пролетариата, «обездоленных мира сего». На них влияние *национальных* и региональных политических структур пока еще довольно сильно, и в отличие от мировой буржуазии, включая ее региональных представителей, они еще очень слабо осознают свою классовую природу, и, соответственно, необходимость классовой солидарности. Но по мере оформления глобализации в *правовую* модель мироустройства, все большие слои мирового пролетариата оказываются вовлеченными в миграционные процессы. Под давлением материальных факторов они вынуждены перемещаться в новые пространства и смешиваться с пролетарскими слоями других этнических и национальных групп. В ходе этой миграционной интернационализации мировой пролетариат Третьего мира начинает осознавать свою историческую роль *революционного класса будущего*¹. В более развитых странах в состав пролетариата интегрируются представители низших слоев более развитых обществ, привнося с собой в пролетарскую среду более высокий уровень исторической и социальной саморефлексии. Так, в глобальном масштабе в «мир-системе» постепенно складываются предпосылки для мировой революции, которая станет возможной на следующих, завершающих стадиях глобализации, когда мировая капиталистическая система, дойдя до естественных природных и географических границ своей экспансии, войдет в череду потрясающих ее основание системных экономических, финансовых и политических кризисов и рухнет².

Еще одной важной составляющей глобальной структуры в неомарксистской теории являются страны *полупериферии*. К ним относятся некоторые крупные державы, обладающие неизмеримо большим потенциалом, чем общества Третьего мира, но все же по основным критериям уступающие в развитии региону «богатого Севера». Типичными образцами таких стран полупериферии являются страны БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай и Южная Африка). В этих странах сосредоточен огромный экономический, ресурсный, военно-технологический и демографический потенциал. Но при этом страны полупериферии зависят от Запада в отношении технологий, патентов, самой логистики организации общества и экономики на самых разных уровнях — от политического и социального до правового и культурного. Страны полупериферии образуют своего рода «*второй мир*». В нем буржуазия еще не столь полно интегрировалась в мировой планетарный класс, а

¹ Wallerstein I. After Liberalism. New York: New Press, 1995.

² Wallerstein I. Utopistics: Or, Historical Choices of the Twenty-first Century. New York: New Press, 1998.

пролетарские массы не находятся в таком нищенском положении, как в странах Третьего мира. С точки зрения Валлерстайна, полупериферия — это не альтернатива глобальному капитализму, но временное явление. Под воздействием процессов глобализации странам полупериферии придется так или иначе пойти вслед за странами «богатого Севера». А это значит, что буржуазная элита рано или поздно интегрируется в глобальный класс и мировое правительство, а процессы миграции приведут к смешению местного пролетариата с потоком из стран Третьего мира, что приведет к интернационализации пролетариата. В результате страны полупериферии развалятся и их сегменты будут полностью интегрированы в мир-систему на классовой основе: буржуазия волеется в «глобальный Запад», а низшие классы рухнут в столь же космополитическую массу мигрантов, стремительно утрачивая национальные и культурные отличительные черты. После распада полупериферии «мир-система» станет совершенной и законченной. Но в тот момент, когда произойдет ее окончательный кризис и она рухнет, согласно неомарксистам, в ходе глобальной пролетарской революции к власти в мировом масштабе придет интернациональный пролетариат¹.

Согласно И. Валлерстайну, в настоящее время глобальная мировая система достигла границ своего развития. Экономические, социальные, культурные, информационные и технологические коды проникли глубоко в периферию, и пространства для дальнейшей экспансии мировой системы больше не осталось. Это означает, что мировой капитализм стоит на грани исторического исчезновения: он возник в определенных исторических условиях и дошел в реализации своей модели до предела. Сегодня вся мировая система переживает смертельный кризис. Либеральная идеология, являвшаяся ее основой, рассеивается в отсутствии масштабной идеологической альтернативы (которой долгое время был коммунизм).

И. Валлерстайн утверждает: «Структурные ограничения процесса бесконечного накопления капитала, который управляет нашим миром, достигли носовой (части судна) и теперь действуют как функциональный тормоз. (...) Они создают хаотическую ситуацию. (...) Через пятьдесят лет из этого хаоса появится новый порядок»².

Современная глобализация, таким образом, не начало нового процесса, а конец и завершение старого — то, чем кончится «эра перехода», Валлерстайн не уточняет, признаваясь: «Мы стоим лицом к лицу с неопределенностью»³.

Такой анализ «мир-системы» настолько точно описывает и интерпретирует определенные процессы, протекающие в современном мире, что даже в чисто прагматических целях на него все чаще и чаще опираются специалисты в МО или просто привлекают его для анализа тех или иных отдельных явлений. В сфере научных теоретических исследований этот подход, начиная с 1960-х годов, прочно завоевал себе достойное место наряду с реализмом и либерализмом и сегодня в учебниках по этой дисциплине описывается как *третья парадигма в МО*, необходимая для изучения всем специалистам в данной сфере, хотя из политических дебатов или деклараций политиков и

¹ Wallerstein I. After Liberalism. New York: New Press, 1995

² Wallerstein I. Utopistics: Or, Historical Choices of the Twenty-First Century. New York: The New Press, 1998. С. 89 — 90.

³ Wallerstein I. The Twentieth Century: Darkness at Noon? Keynote address. Boston: PEWS conference, 2000. С. 6.

экспертов, обращенных к широкой публике, апелляции к этому типу анализа почти полностью исключены.

Парадоксы альтерглобализма (троцкизм и анархизм в МО)

Следует добавить, что с позиции Валлерстайна глобализация есть зло, но *необходимое* зло. Точно так же для самого Маркса капитализм был злом, с которым надо бороться, но при этом в сравнении с сословным феодальным обществом он рассматривался как прогрессивное и передовое явление. Аналогично дело обстоит и в неомарксизме: его сторонники называют себя «антиглобалистами» постольку, поскольку они прекрасно осознают буржуазную сущность этого процесса и занимают свою идеологическую позицию *по ту сторону* от глобального буржуазного класса, являющегося движущей силой глобализации. Но при этом они считают глобализацию неизбежной и исторически, технологически и материалистически *предопределенной*, и даже «передовой» и «прогрессивной» — в сравнении с национальными Государствами или странами «полупериферии». *Мировая пролетарская революция возможна только после победы глобализма, а никак не до нее*, убеждены современные неомарксисты. И чтобы подчеркнуть это, они предпочитают называть себя «альтерглобалистами», т. е. «альтернативными глобалистами». Они выступают не столько против глобализации, сколько против мировой буржуазной элиты, а сопровождающая глобализацию интернационализация мирового пролетариата как неизбежный коррелят глобализации как таковой, напротив, является для них *положительным* процессом. С этим связано и нежелание альтерглобалистов принимать в свои ряды те силы, которые выступают столь же радикально против глобализации и глобализма, но с позиции сохранения национального суверенитета или конфессиональной идентичности. Национальные Государства на пространстве всех трех зон мир-системы должны быть упразднены, считают альтерглобалисты. И в этом они повторяют критику Марксом антибуржуазных движений феодальной или клерикальной ориентации: выяснению того, что отличает коммунистов от некоммунистических, но тоже *антибуржуазных* течений, посвящена большая часть Манифеста Коммунистической Партии¹. Точно так же, современные альтерглобалисты, будучи врагами мировой буржуазии, частично *солидарны* с ней исторически — перед лицом тех «антиглобалистских» сил, которые считаются неомарксистами «реакционными». Без глобальной победы и завершившейся интернационализации планетарного мирового класса и установления мирового правительства невозможна пролетарская революция, убеждены они. Этим определится подход сторонников этой парадигмы в МО к буржуазной глобализации как к исторически неизбежному и даже необходимому процессу. Пока не произойдет полной интернационализации буржуазного класса в глобальном масштабе, мировой пролетариат не станет, в свою очередь, интернациональной и глобальной силой, не сможет осознать по-настоящему своего исторического всемирного предназначения. А это невозможно без интенсивной глобальной миграции и расового и культурного смешения обездоленных масс всего мира — с параллельной утратой этнической, культурной, конфессиональной и национальной идентичностей всем человечеством. *Глобальная космополи-*

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической Партии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 4. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. С. 419–459.

тическая буржуазия должна столкнуться с глобальным космополитическим пролетариатом — только так можно осуществить настоящую пролетарскую революцию, считают неомарксисты.

В этом легко различить их преемственность троцкистской версии марксизма, к которой неомарксисты подчас открыто апеллируют. Троцкий критиковал сталинский режим как раз за теорию о возможности построения социализма в одной стране, выдвинутую Сталиным в 1924 году¹. Вместе с Лениным Троцкий считал, что победа пролетарской революции в одной стране возможна, но затем должна начаться мировая революция. Если же этого не происходит, то социализм вырождается в бюрократию и только препятствует настоящей мировой революции, а не способствует ей. В этом и заключался смысл троцкистской критики сталинской системы. На основании подобной логики строят свои теории и неомарксисты в МО, настаивающие на том, что пролетарская революция может быть только радикально интернациональной и глобальной, т. е. мировой. Любая попытка построить социализм в одной стране (или в нескольких) поместит классовые противоречия в национальный контекст и замедлит, а не ускорит искомый момент истории. Отсюда вытекает и отношение неомарксистов к «полупериферии». То, что в этих странах интернационализация на классовой основе замедляется и отчасти искусственно блокируется национальной политикой властей, лишь затормаживает *эксплицитное* оформление *имплицитной* глобальности мир-системы, а, следовательно, это ведет лишь к замедлению исторического процесса и бессодержательной самой по себе задержке.

Довольно подробно это обстоятельство рассматривается в книгах теоретических вождей альтерглобализма А. Негри и М. Хардта². В своей терминологии они называют мир-систему «Империей», в центре которой стоят США и глобальный буржуазный класс. Им противостоят «множества»³ — разрозненные и распыленные индивидуумы, лишенные социального статуса в мировой элите и каких-либо социальных свойств. Эти множества мыслятся как революционный класс будущего, способный осуществить глобальный саботаж «Империи». Но это может произойти только *после* того, как «Империя» победит. Таким образом, логика неомарксистов и альтерглобалистов в МО такова: пусть как можно скорее победит «Империя» и возникнет «мир-система» во главе с мировым правительством; тогда и наступит момент восстания множеств.

Резюме

Теперь посмотрим, как неомарксисты в МО строят свою полемику с представителями других классических парадигм.

В противовес реалистской парадигме они утверждают следующее:

- главными акторами международных отношений выступают не национальные Государства, но глобальные *классы*: структура международных отношений организована не правительствами, но *логикой капитала*, приобретающей в период глобализма пространственный смысл;

¹ Дугин А. Этносоциология. М.: Академический проект, 2011. С. 531 — 534.

² Негри А., Хардт М. Империя. Москва: Праксис, 2004.

³ Негри А., Хардт М. Множество: война и демократия в эпоху империи. М.: Культурная революция, 2006.

- следовательно, понятие суверенитета весьма условно и анархия международных отношений управляется законами капитала: *вместо хаоса надо говорить о логике капитала*;
 - национальные интересы являются лишь частичной зоной в общем процессе исчисления выгод, которые может приобрести капитал и, соответственно, они зависят от его структуры: национальные интересы есть, в конечном счете, *интересы буржуазного класса* данного общества;
 - не фактические и юридические правители, но финансовые и промышленные круги, т. е. буржуазия как класс влияет на принятие основных решений во внешней политике любого Государства, а политические правители лишь оформляют и легализуют эту волю: *внешней политикой заведует буржуазный класс*;
 - призывы к безопасности и мобилизация «национальных чувств» являются *пропагандистской информационной стратегией* буржуазии, призванной отвлечь пролетариат от классовой борьбы, предотвратить рост интернационального самосознания и классовой солидарности с трудящимися других стран;
 - помимо национальных противоречий существует стовор глобальной буржуазии через голову национальных Государств, он-то и предопределяет логику развития процессов в международных отношениях;
 - главной войной, которая ведется нескончаемо (тайно или явно), является *классовая борьба*: она имеет интернациональный характер, а международные конфликты и противоречия лишь отвлекают пролетариат от революции и уведат его в сторону от исполнения его исторической миссии;
 - природа Государств и природа человеческого общества постоянно *эволюционирует*, что проявляется в обострении противоречий между уровнем развития производительных сил и характером производственных отношений и составляет сущность исторического прогресса, в ходе которого классовые противоречия вначале обостряются, достигают глобального масштаба, приводят к кризису, а затем выливаются в мировую пролетарскую революцию, после которой Государства отмирают, а человеческое общество движется к коммунизму;
 - фактическая сторона процессов в международных отношениях важнее нормативной стороны, если интерпретировать эту фактическую сторону методами *классового марксистского анализа*: главными фактами будут факты конкретики классовой борьбы;
 - последним уровнем объяснения структур международных отношений и событий, совершающихся в этих структурах, является выявление объективных исторических фактов и закономерностей, имеющих классовую идеологическую и основу.
- Против либералов в МО неомарксисты выдвигают следующие тезисы, частично дополняя, а частично их опровергая:
- международные отношения имеют классовую природу, а *демократические режимы полнее соответствует структуре буржуазно-капиталистической системы* и прозрачнее обнажают классовые противоречия;
 - *логика капитализма стоит над интересами национальных Государств*, следовательно, создание мирового правительства на демократической (читай: буржуазной) основе, действительно, возможно, и даже необходимо и исторически предопределено (как считают и либералы);

- анархия в международных отношениях есть *видимость*: подчиняясь логике мирового капитала и глобального буржуазного класса, она в определенный момент может быть преодолена и заменена на формальное институционализирование наднациональной инстанции (и в этом неомарксисты согласны с либералами);
- поведение Государств на международной арене подчиняется не только логике максимального обеспечения национальных интересов, но и исторической необходимости развития капиталистической мир-системы, что яснее всего проявляется в буржуазных демократиях и не столь ясно в других политических режимах: национальные Государства лишь вуа-лируют эту логику (*национальное Государство есть, таким образом, капиталистический блеф*);
- в международных отношениях разворачиваются процессы классовой борьбы, потому вся эта зона является зоной противостояния двух надгосударственных, транснациональных сил — мировой буржуазии и мирового пролетариата: они и являются главными акторами МО;
- *безопасность Государства является буржуазным мифом*, прикрывающим свободу правящей буржуазии безнаказанно эксплуатировать пролетариат: главная опасность исходит от капитала, и борьба с ним, включая прямое революционное действие, является исторической миссией обездоленных;
- «демократии друг с другом не воюют» только потому, что господствующая в них буржуазия прекрасно осознает, что *наиболее эффективно* эксплуатировать пролетариат она может лишь в классовой координации на интернациональном уровне;
- *демократический мир скрывает под собой классовую войну*, постоянно экспортируемую демократиями в Третий мир, где демократизация политики и либерализация экономики становятся средствами для установления системы буржуазной диктатуры в интересах мирового капитала: война против недемократий есть действие, направляемое логикой капитала, стремящегося к достижению планетарных границ, а международный терроризм — это искусственный жупел для запугивания масс и оправдания капиталистических интервенций и прямых агрессий;
- история человека и общества развивается диалектически и прогрессивно, но не линейно, а циклически: каждый следующий виток развития переводит общество на новый уровень, но при этом *классовые противоречия не смягчаются, а обостряются*: история имеет *конфликтный* характер и организуется через череду войн и революций, пока классовая природа этих процессов не будет осознана в глобальном масштабе (только победы социалистической революции и построение мирового коммунизма избавят человечество от Государств, войн, страданий, эксплуатации и насилия);
- фактическая сторона процессов в международных отношениях и нормативная сторона составляют *два аспекта классовых отношений* — выраженных материально и оформленных идеологически (демократия наиболее отчетливо формализует реальную картину материальных отношений в обществе через буржуазную идеологию, которую следует разоблачать и критиковать с пролетарской точки зрения, на основе альтернативной марксистской идеологии, трактующей те же самые материальные и экономические закономерности в совершенно ином полити-

ческом ключе; т. е. существует не одна дисциплина МО, а *две* — МО глазами буржуазии, что воплощено в реализме и либерализме, и МО глазами пролетариата, что воплощено в неомарксистских теориях МО);

- последним уровнем объяснения структур международных отношений и событий, совершающихся в этих структурах, является выявление *классового смысла* и логики развития и кризисов мирового глобального капитала.

Если сравнить между собой неомарксистские возражения реалистам и либералам, можно заметить следующую закономерность: у неомарксистов *больше общего с либералами*, чем с реалистами, и именно в либералах, и особенно в неолибералах, неомарксисты видят более правдивое отражение тех глобалистских тенденций, которые ближе всего подходят к описанию «мир-системы», хотя и трактуют ее со своих классовых позиций: от лица мирового буржуазного класса. Реалисты же, по мнению неомарксистов, отстаивают реальности «вчерашнего дня», и постоянным обращением к национальным Государствам лишь затемняют классовую сущность основных процессов в международных отношениях и откладывают осознание их классовой природы.

Несмотря на то, что коммунистические теории, и особенно практики, в западном мире существенно «демонизированы», представители неомарксистской парадигмы в МО в научном сообществе остаются престижными и авторитетными.

ПОСТПОЗИТИВИСТСКИЕ ПАРАДИГМЫ В МО (ПОСТМОДЕРНИСТСКИЕ ТЕОРИИ)

2.1. Постпозитивистские теории в МО

Основные принципы

Видный теоретик МО А. Вендт так классифицирует три преобладающие на сегодняшний день классические теории в МО на основании двух пар критериев¹:

Материализм vs идеализм.

Индивидуализм vs холизм.

Материализм предполагает, что в основе процессов, развертывающихся в сфере международных отношений, лежат строго фиксируемые и эмпирически достоверные материальные *факты*, складывающиеся по своей присущей им логике. Дело ученых и аналитиков — лишь корректно и точно описать, осмыслить, систематизировать и проинтерпретировать их в своих (субъективных) теориях. Политики же должны строить рациональную стратегию на основе и самих этих материальных закономерностей непосредственно, и с учетом наиболее релевантных теорий их осмысляющих.

Идеализм исходит из предпосылки, что не столько факты, сколько *ценности и гносеологические концепты*, т. е. субъективный фактор, определяют сущность процессов развертывающихся в международных отношениях, а, соответственно, изменения сознания акторов или расширение их номенклатуры могут повлиять на материальную сторону развертывающихся событий и процессов. Нормы важнее, чем факты, «идеи имеют значение» — такова максима идеалистов в МО.

В другом социологическом регистре противопоставлений контрастируют друг с другом два иных подхода: *индивидуалистический и холистский* (см. Л. Дюмон²)

Индивидуализм предполагает, что решения принимаются акторами (какими бы они ни были) на основании своих эгоистических предпочтений, исходя исключительно из обеспечения собственных интересов.

Холизм (от греческого ὅλος — «целое») исходит из того, что *целое больше части*, и, соответственно, общество в своей совокупности предопределяет

¹ Wendt Alexander. Social Theory of International Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

² Дюмон Л. Homo hierarchicus: опыт описания системы каст. М., 2001; Dumont L. Essais sur l'individualisme. Une perspective anthropologique sur l'idéologie moderne. Paris: Le Seuil, 1983; Idem. Homo Æqualis I: genèse et épanouissement de l'idéologie économique. Paris: Gallimard / BSH, 1977.

решение и выбор отдельных своих элементов — будь то общество в пределах одного отдельно взятого Государства, совокупность Государств или класс.

На основании двух пар критериев, считает А. Вендт, можно составить следующую картину:



Получаем 4 возможные модели:

- 1) Материализм + индивидуализм. По Вендту, это соответствует реалистской парадигме.
- 2) Идеализм + индивидуализм = либеральная парадигма.
- 3) Материализм + холизм = неомарксистская парадигма
- 4) Идеализм + холизм = ?

Вопросительный знак, поставленный в конце четвертого сочетания терминов, имеет большое теоретическое значение для всей дисциплины МО. Первые три сочетания описывают доминирующие классические парадигмы, к которым относится и марксизм, несмотря на революционный пафос и конфликтологический стиль анализа. Все эти формы познания соответствуют современной научной картине мира и основываются на общей теоретической топике, свойственной Модерну. Здесь все зиждется на представлении о том, что существуют строго разграниченные между собой *субъект и объект*, и оба они имеют автономное бытие¹ — в зависимости от типа философии можно начинать в такой паре как с субъекта (в МО — либерализм), так и с объекта (в МО — реализм и марксистский материализм). Поэтому три парадигмы в МО — реализм, либерализм и неомарксизм — принято называть «*позитивистскими*». Все они оперируют с эмпирически фиксируемыми «*позитивными*» реалиями, обращением к ним подтверждая свои теории или опровергая и критикуя теории оппонентов.

Но с 1960-х гг. в гуманитарных науках в целом (философия, социология, политология и т. д.) стал нарастать интерес к *Постмодерну* и его особой интеллектуальной топике, которая стремится выйти за рамки научной картины мира, сложившейся в основных чертах на заре Нового времени (Декарт, Ньютон, Спиноза и т. д.). Постмодерн, предельно радикализируя интуиции И. Канта, ставит под вопрос саму пару субъект /объект, считая бытие (онтологию) и того и другого проблематичным и недоказуемым. Структурализм и обращение к языку и тексту обосновывают это сомнение, предлагая вместо традиционной пары означающее /означаемое обращение к языку и его структурам, где на место денотата (отдельного, объективно, эмпирически, позитивно существующего объекта внешнего мира, на который указывает языковой знак, нотация) заступает коннотат (смысловое поле, связанное с самим языком и задающее семантическую нагрузку знака, *не выходя за пределы самого языка*). Это приводит к выводу: объект и субъект не существуют отдельно друг от друга; любой научный, фило-

¹ *Латур Бруно*. Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2006.

софский, социологический концепт представляет собой комплексный *гибрид* (Б. Латур¹).

Постмодернизм, неуклонно расширяющий свои позиции в гуманитарной сфере, в определенный момент достиг и дисциплины МО. На его основании возник целый спектр новых теорий в МО, которые совокупно принято называть «постпозитивистскими» и строго отличать от «позитивистских» (реализм, либерализм, неомарксизм). Этим-то постпозитивистским теориям и соответствует зарезервированное А. Вендом сочетание: *идеализм + холизм*. Теперь на место вопросительного знака можно поставить термин «постпозитивизм» — как общее название для целого спектра новых теорий в МО, так или иначе окрашенных постмодернизмом и его специфической методологией.

Идеализм здесь подчеркивает то определяющее значение, которое отводится *концептам* (теориям, идеям, воззрениям, текстам) по сравнению с «*материей*» (эмпирическим полем, считающимся вторичным и производным). *Холизм* же обращает наше внимание на то, что речь идет о *целостной системе*, предшествующей выделению отдельных атомарных акторов, а то и вовсе способной обходиться без них (например, «ризома»² Ж. Делеза или «тело без органов» А. Арто).

На философском уровне постпозитивисты апеллируют к теориям «языковых игр» Л. Витгенштейна³, «научным парадигмам» Т. Куна⁴, «научному полю» П. Бурдьё⁵, «режимам истины» М. Фуко⁶, «когнитивному интересу» Ю. Хабермаса⁷ и т. д.

Все постпозитивистские парадигмы исходят из того, что теория есть *самостоятельный дискурс, конструирующий реальность*, а не просто отражение на субъективном уровне объективного положения дел (в обществе, истории, политике и т. д.).

Для постпозитивистских парадигм характерно рассмотрение всей сферы МО как сконструированной и постоянно конструируемой и переконструируемой реальности, где продуктами такого конструирования становятся одновременно и внешний мир (сами международные отношения как эмпирический факт), и те, кто этим процессом руководит (конструкторы, акторы, аналитики и политики). Важно подчеркнуть, что в таком анализе мы имеем дело не просто с указанием на то, что объективные процессы в международных отношениях кем-то программируются, управляются, провоцируются. Это было бы классическим «идеализмом» в МО, который характерен и для либеральной парадигмы, остающейся вполне «позитивистской». В крайних формах это давало бы «теорию заговора», элементы которой встречаются у ряда левых социологов (напри-

¹ Латур Бруно. Нового времени не было.

² Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато. Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010.

³ Ludwig Wittgenstein: Philosophische Untersuchungen. Kritisch-genetische Edition. Herausgegeben von Joachim Schulte. Wissenschaftliche Buchgesellschaft. Frankfurt, 2001

⁴ Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1977.

⁵ Бурдьё П. Поле науки. М.: Институт экспериментальной социологии. СПб.: Алетейя, 2002.

⁶ Фуко Мишель Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. М.: Праксис, 2002.

⁷ Хабермас Ю. Политические работы. М.: Праксис, 2005.

мер, некоторые неомарксисты или социолог Ч.Р. Миллз¹). Постмодернисты идут дальше и показывают, что не только объект в МО конструируется полностью, от начала и до конца, но и субъект также является результатом этой конструирующей деятельности, хотя и располагается он на другом конце познавательного процесса. Создавая «реальность» международных отношений, теоретики МО и практики в лице правящего класса или оппозиционных радикальных интеллектуалов создают вместе с тем и *самих себя* — учреждая отдельные опорные и *искусственные фигуры* в лоне более сложного комплексного процесса многомерного и целостного социального движения. Отсюда «холизм» постпозитивистских теорий. И отсюда же вытекает главный метод, общий для всех постмодернистов — *деконструкция*.

Деконструкция означает выявление фаз и структур процесса, создающего «объективный мир» и того «субъекта», который этот «объективный мир» конституирует (учреждает) самим процессом познания. Задача деконструкции — выявить базовый текст, в рамках которого разворачивается дискурс МО как дисциплины. Отождествление поля МО с *текстом* и применение к нему структуралистских технологий может служить полезной метафорой для понимания всего постпозитивистского подхода в целом.

Основные направления

Можно выделить ряд общих черт, присущих всем постпозитивистским теориям без исключения. Опишем их на 4 уровнях:

- эпистемологическом (статус и природа знаний и науки в МО);
- методологическом (критерий истинности научных гипотез);
- онтологическом (статус эмпирического опыта и автономного бытия исследуемых реальностей);
- нормативном (значение регулирующих идей для воздействия на реальность).

Постпозитивизм:

- *эпистемологически ставит под вопрос* позитивистское отношение к знанию и познанию, критикует претензии на «объективные» и эмпирически подтвержденные формулировки суждений относительно природной и социальной реальности;
- *методологически отбрасывает* какой-то один научный метод в качестве наиболее «истинного» и утверждает равнозначность разных методов («эпистемологический анархизм»² П. Фейерабенда), выделяет в качестве приоритетных интерпретативные стратегии;
- *онтологически отбрасывает рационалистические* концепты природы и деятельности человека, подчеркивая социальную *конструктивность* идентичности акторов и роль этой *сконструированной* идентичности в конституции интересов и действий;
- *нормативно отрицает* аксиологически «нейтральную» теоретизацию вплоть до самой ее возможности, разоблачает претензии на «научность как неангажированность» и стремится к разоблачению и ниспровержению властных структур и отношений в любом дискурсе.

¹ Миллс Ч.Р. Властвующая элита. М.: Иностранная литература, 1959.

² Фейерабенд П. Против метода. Очерк анархистской теории познания. М.: АСТ; Хранитель, 2007.

Сравнить между собой основные моменты позитивистского и постпозитивистского подходов удобно на примере следующей таблицы¹.

Позитивизм	Постпозитивизм
а) вера в то, что естественные науки и гуманитарные науки могут исследоваться на основании одного и того же метода, т. е. строиться на рациональном анализе позитивных эмпирически достоверных фактов (ни природа, ни структура рациональности, ни позитивность фактов под вопрос не ставятся);	а) разум и природа имеют радикально различную природу, и более того предопределяются социальными установками, а не существуют сами по себе; конститутивная гносеология, конструктивистское понимание мира;
б) между фактами и ценностями существует <i>онтологическая</i> разница: факты — объективны, ценности — субъективны;	б) факты и ценности проистекают из общих социологических установок и являются социальными конструктами;
в) в сфере международных отношений существуют причинно-следственные (каузальные) закономерности, которые можно выявить с помощью научных методов;	в) причинно-следственные отношения не являются автономными от того, какими их мыслят, а, следовательно, делают люди (то, что не <i>считается</i> причиной в МО, то ей и не <i>является</i>);
г) валидность (достоверную ценность) предлагаемых объяснений закономерностей можно обосновать на основе эмпирических (статистических) наблюдений	г) эмпирические наблюдения в социальной сфере целиком зависят от процедур наблюдения и являются «валидными», только в контексте конкретного «научного поля», а в другом контексте не являются таковыми, т. е. их ценность всегда относительна

Постпозитивистские теории в МО разными авторами систематизируются по-разному. В одних случаях подходы группируются в обобщающие парадигмы, в других — разделяются. Ниже мы предлагаем наиболее устоявшуюся модель классификации этих теорий².

К постпозитивизму в МО относятся следующие направления —

Радикальные:

- критическая теория МО;
- постмодернизм в МО;
- феминизм в МО.

Нерадикальные:

- историческая социология;
- нормативизм в МО.

Особое место занимает *конструктивизм*, чьи представители (А. Вендт, Дж. Розенау) настаивают на том, что их парадигма имеет ряд общих черт с позитивизмом (онтология, признание реальности фактов в области международных отношений) и с постпозитивизмом (гносеология, признание определяющей роли концептов, идей и дискурсов в конструировании «реальности» международных отношений).

¹ *Batistella D.* Theories des relations internationales. P: Presse de Sciences Po, 2003.

² *Reus-Smit Ch., Snidal D.* International Relations. Oxford: Oxford University Press, 2008.

2.2. Критическая теория МО

Гегемония у А. Грамши

Критическая теория вытекает из неомарксизма, но отталкивается не от его материалистической версии («базис предопределяет события в надстройке»), но от идеалистической версии в духе идей А. Грамши (надстройка относительно автономна от базиса и способна активно влиять на него). Основателем этого направления в МО является Р. Кокс¹.

Представители критической теории МО (Р. Кокс, ранний Р. Эшли, Э. Линкэйтер, М. Хофман и т. д.) отталкиваются от грамшистского определения «гегемонии» как «порядка, основанного на доминации, которая не воспринимается как таковая теми, кто ее на себе испытывают». Иными словами, гегемония — это структура властных отношений, обязательно предполагающая наличие гегелевской диалектической пары Господин – Раб², но формально отрицающая такую иерархию, а коллективный Раб (подчиненный элемент) не переживает свое положение как «подчинение» и «рабство». *Гегемония есть господство, выдающее себя за «отсутствие господства»*. Поэтому она по определению не может иметь юридического статуса. Она существует только *по факту*, как социологическая констатация, тогда как юридически и легально, а также психологически, она отрицается и игнорируется.

Роберт Кокс: контргегемония и контробщество

Роберт Кокс³ анализирует то, как властные структуры (мировая или национальная капиталистическая элита) строят дискурс в МО с целью придать видимость «объективности» и «нейтральности» своему «научному» анализу, но на самом деле действуют так исключительно с целью закрепления своих классовых и властных интересов. В этом он следует за классическим марксизмом. Одновременно Р. Кокс указывает на то, что все доминирующие теории в МО являются не чисто теоретическими разработками, ставящими перед собой задачу «получения объективной научной истины», но «теориями, созданными *ad hoc* для решения конкретных проблем» (problem solving theories). Соответственно, эти теории служат одой цели — установлению и закреплению гегемонии капиталистического класса. Задача критической теории МО состоит в разоблачении тех гносеологических технологий, которые за этим стоят и в этом процессе используются. Основная мысль Кокса следующая: международные отношения таковы, какими они представляются в теориях МО, а теории МО таковы, какими их делают теоретики. Претендуя на то, что они изучают эмпирическую реальность, эти теоретики в действительности активно конструируют эту реальность вдоль оси классового господства. Отношения между Государствами, главными акторами международных отношений, отдельными единицами и блоками становятся такими, *какими их проектируют интеллектуалы*, обслуживающие глобальную буржуазию. А следовательно, деконструкция и критическое разоблачение

¹ Cox Robert W. Social Forces, States and World Orders: Beyond International Relations Theory // Millennium 10. 1981; *Idem*. Gramsci, Hegemony and International Relations: An Essay in Method // Millennium 12. 1983.

² Гегель. Феноменология духа. Санкт-Петербург: Наука, 1994.

³ Cox R., Schechter, M. The Political Economy of a Plural World: Critical Reflections on Power, Morals and Civilization. Routledge: London and New York, 2002

структур этого властного дискурса, выведение гегемонии из имплицитной области в эксплицитную, подрывают ее гипнотическую силу и позволяют вскрыть механизм внушения, обмана и манипуляции, к которому прибегают пристрастные и ангажированные теоретики.

В такой теории онтологии (даже в смысле классического позитивистского марксизма, где она локализуется в сфере производительных сил и производственных отношений) почти не отводится места, и по умолчанию предполагается, что «реальность» является такой, как ее описывает доминирующий гегемонистский дискурс.

В качестве альтернативы Кокс предлагает проект «*контргегемонии*», основанный на разоблачении существующего порядка в международных отношениях, и призывает к *восстанию* против него. Это восстание в первую очередь должно быть когнитивным. *Капитал есть не что иное, как дискурс*. И его антитеза, пролетариат, тоже имеет одно оружие — интеллект и слово. То есть пролетариат — это тоже дискурс, только обратный.

Р. Кокс предлагает создание *контргегемонистского исторического блока*, основанного на тех акторах мировой политики, которые по тем или иным причинам отвергают существующую гегемонию, осознают факт ее наличия и готовы противопоставить ей альтернативные гносеологические, эпистемологические, нормативные и, наконец, онтологические проекты.

Большое внимание Кокс уделяет теории А. Грамши, примененной к сфере МО. Грамшистский анализ дает следующую картину. Гегемония есть власть капитала. Гегемонистские силы в некоторых обществах побеждают открыто (современные развитые капиталистические страны — преимущественно Запада), а в некоторых обществах (главным образом незападных) буржуазные реформы отстают и в обществе сохраняются политические формы некапиталистического толка. Эта ситуация с отставанием открытого утверждения гегемонии порождает двусмысленную ситуацию, когда гегемония выступает, с одной стороны, извне (как постоянное давление капиталистического Запада), а с другой — изнутри (рост влияния национальной буржуазии). Если политическая система имеет некапиталистический характер (чаще всего авторитарный, технически называемый «цезаризмом»), то она будет до определенной степени препятствовать гегемонии вовне и внутри. Тем не менее гегемония станет оказывать на общество давление, с которым никакая политическая власть не сможет не считаться. Это вызывает с ее стороны половинчатую реакцию, называемую термином «*transformismo*». Власть частично идет навстречу модернизации, индустриальному развитию и социальным реформам, а частично стремится сдерживать гегемонию, отказываясь уступать свою полноту политического контроля над обществом. Для этой цели власть опирается на культурные, религиозные и исторические особенности каждого конкретного общества.

Однако, согласно Коксу, это еще не полноценная контргегемония, а лишь замедление ее прихода. И для полноценного контргегемонистского блока данные переходные режимы имеют лишь относительную ценность.

Правда, согласно большинству специалистов в МО, полноценной теории контргегемонии представителями критической теории пока не выработано.

Стивен Гилл: выбор интеллектуальной элиты

Наряду с Р. Коксом критическую теорию развивает последователь неграмшизма в МО Стивен Гилл. Гилл разрабатывает теорию «органического

интеллектуала», подчеркивая, что при выборе парадигмальной позиции в МО решающим значением является отношение к гегемонии. Принятие гегемонии и ее структуры приводит теоретика в один лагерь, не зависимо от того, придерживается ли он реализма или либерализма — в обоих случаях конечной целью и базовой установкой является одно и то же, установление и укрепление господства западной капиталистической цивилизации и ее флагамена США. Гилл считает, что координационным центром «органических интеллектуалов», вставших на сторону гегемонии, является «Трехсторонняя комиссия», созданная из представителей интеллектуальной и политической элиты США, Европы и Японии на основе американского Совета по Внешним Отношениям (Council on Foreign Relations — CFR). Функционированию этой организации с точки зрения разработки и внедрения гегемонистских парадигм Гилл посвящает свою книгу «Американская гегемония и Трехсторонняя комиссия»¹.

Сам Гилл предлагает строить альтернативную структуру — «исторический блок» контргегемонии на основе интеллектуалов, делающих альтернативный выбор и встающих на сторону тех, за счет кого гегемония утверждается — рабочего класса, слаборазвитых стран, незападных обществ и культуры.

Эндрю Линклейтер: общины диалога

Другой представитель критической теории в МО Эндрю Линклейтер² предлагает подвергнуть все теории МО деконструкции и утвердить вместо разнообразных версий властного дискурса в МО альтернативную модель «общины диалога» (dialogic community).

Все диалогты, на которых строится аксиоматика реалистов и либералов Линклейтер подвергает деконструкции³. Процессы этой деконструкции составляют основное содержание его полемических теоретических работ. В классическом марксизме он отбрасывает фатализм, исторический материализм и уверенность в преопределенности развития мировой истории.

2.3. Постмодернизм в МО

Постмодернизм в МО (иначе называемый иногда «постструктурализм в МО»⁴) представлен Р. Эшли⁵, ориентирующимся на философию Ф. Ницше и М. Хайдеггера, а также Р. Уокером⁶, Дж. Дер Дерьяном⁷, развивающими

¹ Gill S. American Hegemony and the Trilateral Commission. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.

² Linklater A. Critical Theory and World Politics: Citizenship, sovereignty and humanity. L, NY: Routledge, 2007.

³ Linklater A. Beyond Realism and Marxism: Critical Theory and International Relations & London: MacMillan Press, 1990.

⁴ Ashley Richard. The Achievements of Poststructuralism / Steve Smith, Ken Booth, Marysia Zalewski (eds.). International Theory: Positivism & Beyond, Cambridge: Cambridge UP, 1996. С. 240 – 253.

⁵ Ashley R., Walker R.B.J. (eds.). Speaking the Language of Exile: Dissidence in International Studies // International Studies Quarterly. Vol. 34. No. 3. September 1990.

⁶ Walker Rob. B. J. Inside / Outside: International Relations as Political Theory. Cambridge: Cambridge UP, 1993.

⁷ Derian James Der, Shapiro Michael J. (eds.). International / Intertextual Relations: Postmodern Readings of World Politics. Lexington, MA: Lexington Books, 1989.

идеи философов-постмодернистов М. Фуко, Ж. Деррида и т. д. Постмодернисты в МО методологически близки к представителям критической теории, и иногда их относят к одному и тому же направлению.

Ричард Эшли: интертекстуальность и воля к власти

Р. Эшли настаивает на том, чтобы в область МО была перенесена базовая идея постмодернистской гносеологии: субъект и объект не существуют отдельно и автономно, это неразрывно связанная между собой тотальность в историческом мире. Соответственно, в МО появляется радикально новый актор — аналогичный Dasein'у Хайдеггера или ризоме Делеза. Это не пара субъект / объект, но то, что находится между ними и предопределяет и того и другого в историко-социальном контексте. *Постигая реальность, человек формирует ее и вместе с ней самого себя.* Вне этого процесса нет реальности.

Деконструкция реализма приводит постмодернистов к следующему заключению: говоря о том, что «реально» в Realpolitik, теоретики МО эту реальность *учреждают*, заставляя считаться с ней всех остальных и реализуя тем самым классический сценарий инсталлирования властных отношений. Господин и Раб оказываются изначально включенными в структуру «реальности», которую реалисты призваны якобы «объективно изучать и описывать». Но властные отношения оказались в предмете изучения МО не сами по себе, а будучи *спроецированными* туда иерархической системой дискурса, где воля к власти совпадает с волей к знанию (М. Фуко).

Другой пример: λ -индивидуум, с которым оперируют реалистские концепции, не просто обнаруживается как фигура некомпетентная в МО, но *конституируется* как таковая, что ведет напрямую к уzurпации его компетенций властными инстанциями и обслуживающими власть интеллектуалами, присваивающими самим себе то, в обладании чем отказывают всем прочим. Таким образом, сам концепт λ -индивидуума является, согласно постмодернистам, формой дискриминации и инструментом сознательного усугубления невежества, пассивности и покорности масс.

Эшли систематически деконструирует классические теории и концепты в МО. Так, «международная анархия» опознается им не просто как констатация фактического положения дел в области международных отношений, но как скрытая валоризация порядка и суверенитета, т. е. искусственная и искусная легитимация порядка и власти внутри Государства¹. Такие парные концепты, как анархия / порядок, единство / различие, идентичность / дифференциал — носят скрыто моральный характер и отражают ценностные установки, заложенные в якобы нейтральной аналитике².

Дер Дерьян: (анти) дипломатия и дискурс

Другой яркий представитель постмодернизма в МО американский профессор Джэймс Дер Дерьян развивает тему дипломатии (а также сопутствующих ей инстанций — таких как системы шпионажа и разведки) в международных отношениях³, где он видит наиболее яркое выражение дискурсив-

¹ Ashley R. The Powers of Anarchy: Theory, Sovereignty, and the Domestication of Global Life // Derian D. (ed.) International Theory: Critical Investigations. London: MacMillan, 1995.

² Ashley R. The Eye of Power: The Politics of World Modeling // International Organization. Vol. 37. No. 3. Summer 1983. С. 495 – 535.

³ Der Derian J. On Diplomacy: A Genealogy of Western Estrangement. NY: John Wiley & Sons, 1987; *Idem*. Antidiplomacy: Spies, Terror, Speed, and War. NY/London: Blackwill, 1992.

ной (текстологической) природы внешней политики. Дипломаты оперируют с текстом, и организация этого дипломатического (риторика, аргументация, отсылки к прецедентам, психология, перевод и т. д.) текста часто становится прямой причиной конфликтов, непониманий, войн или, напротив, удачных союзов и приобретений. Именно в упрощении уровня дискурса американской дипломатии Дер Дерьян видит истоки провалов американской политики в области международных отношений в последние десятилетия и причины отчуждения США от остального мира.

Дер Дерьян вместе с другим теоретиком МО Майклом Шапиро выпустил наиболее полную сегодня коллективную монографию «Интернациональные / интертекстуальные отношения: постмодернистское прочтение мировой политики»¹, представляющую всю панораму постмодернистских тенденций в МО и основные линии ведущихся в этой области дебатов.

2.4. Феминизм в МО

Типы феминизма в МО

Еще одной разновидностью постпозитивизма в МО является *феминизм* (Джэйн Эльштейн², Синтия Энлоз, Анна Тикнер³ и т. д.). Методологически феминизм имеет несколько разновидностей⁴, что предопределяет и характер феминистских подходов к области МО.

Позиционный феминизм (*stand point feminism*) считает, что женская ментальность и сама картина мира у женщин качественно отличны от мужской, и «женский космос» следует признать как самостоятельную духовную вселенную, имеющую все основания на то, чтобы настаивать на своих гендерных архетипах применительно к любым областям (в том числе и к МО).

Синтия Энлоз: гендер Востока и Запада

Основоположницей феминистского направления в МО была профессор Синтия Энлоз, первой представившей анализ места женщины в системе международных отношений. В своей классической работе «Бананы, пляжи и военные базы: конструирование женского смысла в международной политике»⁵ она изложила результаты масштабного социологического анализа места и роли женщины во всех вопросах, касающихся внешней политики: от женщин — дипломатов и солдатских матерей до кухарок и проституток на американских военных базах. Энлоз показывает, что во всех случаях женщины являются подчиненными гендерными типами, часто приравниваются к объектам и становятся жертвами насилия.

Синтия Энлоз привносит в сравнительный анализ западных и восточных обществ гендерный аспект, приравнивая поведение Запада к мужскому (агрессивному, позессивному) типу, а общества Востока — к женскому. Этот гендерный анализ приводит ее к критике евроцентризма и защите плюральных культурных подходов.

¹ Derian James Der, Shapiro Michael J. (eds.). *International / Intertextual Relations: Post-modern Readings of World Politics*. Lexington, MA: Lexington Books, 1989.

² *Elshstein J.B.* Women and War. NY: Basic Books, 1987.

³ *Tickner J. Ann.* Gendering World Politics. Columbia University Press, 2001.

⁴ *Clough P. T.* Feminist Thought. Cambridge: Blackwell Publishers, 1994.

⁵ *Enloe Cynthia.* Bananas, Beaches and Bases: Making Feminist Sense of International Politics. London: Pandora Press, 1990.

Анна Тикнер: женский взгляд на человечество

Анна Тикнер, типичная представительница «позиционного феминизма», предлагает «феминистскую переформулировку» пяти принципов реализма в МО Ганса Моргентау¹, исходя из того, что все ключевые термины здесь даны в жестко мужской перспективе. Объективность, закон, сила, интерес, отказ от морали, нация и т. д. — это осевые конструкции мужского языка доминанции, неравенства, приватизации, захвата и порабощения. Женскими аналогами были бы: соучастие, забота, миролюбие, гибкость, смягчение, гармонизация субъективности, прощение, равноправие. Следовательно, в «женской позиции» МО превращаются в совершенно иную концептуальную реальность.

Базовая для реализма философская установка Т. Гоббса, что «человек человеку волк», перенесенная на отношения между Государствами, подвергается аналогичной феминистской деконструкции следующим образом. Гоббс использует латинскую формулу «*homo hominini lupus*», но *homo* (man по-английски) — это «мужчина». «Мужчина мужчине волк» — может быть, рассуждают феминистки, но к женщинам это явно не относится. Следовательно, базовая метафора, на которой строятся основные аксиомы политической науки, теории Государства, суверенитета, а затем и теория анархии в международных отношениях, пригодна только для половины человечества. И стоит ли позволять превращать *всю* теоретическую дисциплину в развертывание гендерной «мужской позиции», игнорируя женский взгляд? Если подставить в формулу «человек человеку волк» вместо «мужчины» (*homo*) «женщину», вся формула развалится, и возникнет новая, на основании которой можно при желании построить совершенно иную теорию МО.

А. Тикнер развернуто критикует и неореалистов, например, М. Уотца за само название, и, соответственно, тематизацию его программной книги «Человек (мужчина /man), Государство и война»², а Синтия Энлоэ настаивает, что «меняя теорию, мы меняем не взгляд на мир, но сам мир», и стоит только построить теорию МО от лица женщины, соответствующим образом будет преобразована и сама реальность. В качестве примера она приводит успехи общественных организаций «солдатских матерей», способных оказать существенное давление на политические решения³.

Донна Харауэй: постмодернистский феминизм

К иным выводам приходят феминистки постмодернистского толка. С их точки зрения, неравенство полов заложено в самой природе (базовая дуальность человека как вида) и, следовательно, освобождение женщин возможно только через отказ от пола как такового, через переход к бесполом существам среднего рода (например, к киборгам — «Манифест киборгов» написан для этой цели феминисткой Донной Харауэй⁴). Применительно к области МО такой постмодернистский феминизм приводит к выводам, аналогичным

¹ *Tickner J. Ann. Hans Morgentau's Principles of Political Realism. A Feminist Reformulation / Derian D. (ed.) International Theory: Critical Investigations. London: MacMillan, 1995.*

² *Waltz M. Man, State and War. Columbia University Press. New York, 1959.*

³ *Enloe Cynthia. Bananas, Beaches and Bases.*

⁴ *Haraway Donna. A Cyborg Manifesto: Science, Technology, and Socialist-Feminism in the Late Twentieth Century // Simians, Cyborgs and Women: The Reinvention of Nature. New York; Routledge, 1991. С. 149–181.*

неомарксистским и альтерглобалистским в духе А. Негри и М. Хардта (множества должны ускользнуть от всех детерминаций, включая гендер¹). Это приводит к концепциям «сетевого общества» и трансгуманистским проектам постчеловеческой футурологии.

Марксистский феминизм дает классовый анализ неравенства полов и апеллирует в духе классического марксизма к социальному равноправию в ходе построения коммунистического общества.

Либеральный феминизм настаивает лишь на том, чтобы дать женщинам полностью равные права с мужчинами, имплицитно признавая универсальность мужской позиции. В таком случае женщина получает равное место в обществе и, соответственно, возможность активно участвовать в МО, но в качестве «мужчины» — воспроизводя собственно мужские архетипы, установки и модели поведения.

Разные типы феминизма атакуют область МО с разных сторон, разоблачая «мэйнстрим» в этой дисциплине как «мэйлстрим»².

2.5. Нормативизм в МО

Нормативизм как умеренный постпозитивизм

Критическую теорию, постмодернизм и феминизм обычно причисляют к радикальному постпозитивизму. Но существуют и смягченные версии того же направления.

К нерадикальному постпозитивизму в МО, как правило, относят *нормативный* подход (М. Уолцер³, К. Браун⁴, М. Фрост⁵) и *историческую социологию* (Ф. Холлидей⁶, С. Хобден⁷, Дж. Хобсон⁸, Б. Бузан⁹, Р. Литтл¹⁰, С. Смит¹¹ и т. д. — практически все они выходцы из Английской школы, традиционно подчеркивавшей социологические аспекты теории МО).

Крис Браун: этика в МО

Крис Браун так определяет нормативистский подход: «под нормативистским подходом в МО мы понимаем совокупность трудов, которые ис-

¹ Негри А., Хардт М. Империя.

² Игра слов: main stream в английском дословно «основной, главный поток»; male stream — «мужской поток».

³ Walzer Michel. Thinking Politically. Yale: Yale University Press, 2007.

⁴ Brown Chris. Understanding International Relations. Basingstoke: Palgrave Publishing, 2005.

⁵ Frost M. Towards a Normative Theory of International Relations & Ethics and International Relations Consensus. Cambridge: CUP, 1986.

⁶ Halliday Fred. Rethinking International Relations. London: Macmillan, 1994.

⁷ Hobden Stephen. International Relations and Historical Sociology: Breaking Down Boundaries & L. NY: Routledge, 1998.

⁸ Hobden Stephen, Hobson John M. Historical sociology of international relations. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.

⁹ Buzan Buzan Barry, Little Richard. The historical expansion of international society / Denmark, Robert Allen, (ed.) The international studies encyclopedia. Wiley-Blackwell in association with the International Studies Association, Chichester, UK., 2010.

¹⁰ Little R. The Balance of Power in International Relations: Metaphors, Myths and Models. Cambridge University Press, 2007.

¹¹ Smith S.M., Booth R., Zalewski M. (eds.). International Theory: Positivism and Beyond. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.

следуют моральное измерение в международных отношениях и связанные с ними вопросы смысла и интерпретации. В первую очередь нормативизм рассматривает этические аспекты взаимоотношений между Государствами / обществами»¹.

Нормативистская теория в МО анализирует *исключительно ценности, а не факты*. В ней акцент ставится на исследовании того, как различные авторы и школы определяют и описывают то, чем, на их взгляд, должны быть те или иные системы, институты, связи, структуры в поле международных отношений. Нормативистов интересует не реальность международных отношений, как она есть, а то, какой она должна была бы стать в соответствии с описываемыми ее теориями. Нормативисты исследуют теорию как *проектирование реальности*, отводя эмпирическим фактам и процессам второстепенное значение или вообще не учитывая их.

Крис Браун предлагает рассматривать две базовые парадигмы этических структур: *коммунитаристскую и космополитическую*. Первая привязывает ценностную систему (а следовательно, нормативы, институты, социальные установки и т. д.) к локальному историческому и культурному контексту. По словам философа Гераклита, «нравы — бог человека», т. е. влияние этики в структуре человеческого поведения фундаментально. Но этика зависит от конкретной культуры (как показал философ Ф. Ницше в «Генеалогии морали»²), а следовательно, человек воспринимает воздействие культуры как высшую моральную силу, выраженную в нормативе.

Космополитическая этическая структура отрывается от локальной этики и оперирует с принципами, принятыми за нечто универсальное. Так строится теория «естественных прав», «прав человека», «свободы слова и совести», «гражданского общества» и т. д. Носители космополитической этической структуры убеждены, что все люди, независимо от общества, в котором они живут, и от культуры, которую они разделяют, обладают общечеловеческим набором самоочевидных установок — например, правом на жизнь. Эти общечеловеческие ценности и должны быть положены в основу всеобщих нормативов, независимо от конкретной культурной, этнической или религиозной принадлежности.

Майкл Уолцер: «густое» описание в МО

Нормативисты, в частности, М. Уолцер³, применяют к МО принцип «густого» описания (thick description), введенный антропологом К. Гирцем⁴. Описание общества или политической системы (в нашем случае, системы МО) может быть либо «разбавленным» («поверхностным» — thin), либо «густым» (thick). В первом случае в рассмотрение включаются только наиболее выделяющиеся стороны явления, бросающиеся в глаза больше всего и, на первый взгляд, предопределяющие все остальное. На основании связей между такими выдающимися над всеми остальными феноменами и строятся классические теории позитивистов в МО (а также большинство теорий в других областях

¹ Brown Ch. International Relations Theory: New Normative Approach. NY: Harvester Press, 1992. P. 3.

² Ницше Ф. К генеалогии морали // Ницше Ф. Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1990.

³ Walzer M. Thick and Thin: Moral Argument at Home and Abroad Notre Dame, in: Notre Dame University Press, 1994.

⁴ Geertz Clifford. Thick Description: Toward an Interpretive Theory of Culture // Geertz Clifford. The Interpretation of Cultures: Selected Essays. New York: Basic Books, 1973.

знаний). «Густое» описание предполагает более тщательный и многомерный анализ разных сторон явления, включение в рассмотрение тех сторон, которые, на первый взгляд могут показаться второстепенными и иррелевантными — все то, что касается нюансов культуры, ценностей, быта, психологических установок и привычек, исторических традиций, широкого поля смыслов, присущих каждому конкретному обществу как уникальному явлению. Классические теории сбрасывают эти факторы со счетов, удовлетворяясь «разбавленным» описанием (с высокой степенью редукции), и полагая, что отдельные наиболее значимые инстанции (Государство — у реалистов, Государство и демократия — у либералов, классы — у марксистов и т. д.) полностью и исчерпывающе дисконтируют все остальные факторы, выступая как обобщающий результирующий вектор. В грубом приближении такого «разбавленного» описания, как правило, бывает достаточно. Но для строгой научности это не приемлемо, настаивают нормативисты, т. к. в ходе углубленного исследования и «густого» описания часто вскрывают такие факторы и соотношения, которые радикально меняют всю наблюдаемую картину и, в частности, прогнозируют и систематически описывают заложенные в ней сбои, кризисы и синкопы, не улавливаемые позитивистскими методами. «Смысл имеет значение» — это могло бы стать формулой нормативистов в МО.

Майкл Уолцер наряду с «густым» описанием разрабатывал «коммунитаристское» измерение в международных отношениях, основанное на анализе углубленного диалога между конкретными органическими обществами / общинами.

2.6. Историческая социология в МО

Стивен Хобден: критика хронофетишизма и темпоцентризма

Представители «*исторической социологии*», сложившейся в лоне последнего поколения ученых Английской школы в МО, основывают свои концепции на критике двух выделяемых особенностей большинства классических теорий МО: хронофетишизма и темпоцентризма (С. Хобден¹, Дж. Хобсон).

«Хронофетишизмом» они называют присущее теоретикам МО (ложное) убеждение, что порядок международных отношений, который существует в настоящее время, возник сам по себе, является естественным, единственно возможным, спонтанным и неизменным, «самосозданным» и «вечным». Такая установка затемняет изучение процессов и механизмов властвования, скрывает логику формирования социальной идентичности, игнорирует баланс инклюзий / эксклюзий, что совокупно не «раз и навсегда», но постоянно производит настоящее, как оно есть, через череду изменений.

«Темпоцентризм» же — это иллюзия изоморфизма (однородности) всех существующих и существовавших когда-либо систем международных отношений, рассматриваемых на основании тех моделей, которые являются преобладающими сегодня, что затрудняет понимание сущности международных отношений в их исторической эволюции.

Помещая МО на шкалу истории, сторонники «исторической социологии» приходят к выявлению «интернациональных систем»² (Б. Бузан,

¹ Hobden Stephen, Hobson John M. Historical sociology of international relations.

² Современного теоретика МО Барри Бузана иногда причисляют к Английской школе в МО, а иногда к исторической социологии. Эти направления довольно близки.

Р. Литтл¹), каждая из которых представляет собой совершенно особую модель взаимодействия различных акторов внутри и вовне базовых политических единиц (units) в том контексте, который условно можно назвать «интернациональными отношениями». Развивая историко-социологический подход к интернациональным системам, Б. Бузан задается очень важным вопросом: а возможно ли построение теорий МО в ином идейно-историческом и социологическом контексте, нежели западный?²

Повышенное внимание к прошлому и к характеру исторических трансформаций «интернациональных систем» позволяет не только точнее понять настоящее, но конструировать будущее (т. к. здесь акцент ставится на осознании возможных перемен), которое верстается уже сейчас. От фиксированных «позитивных» реалий классических теорий МО «историческая социология» ведет к постоянно меняющимся семантически переменным единицам и конфигурациям, требующим всякий раз особого и тщательного рассмотрения. По сравнению с такими утонченными концепциями, классические теории МО выглядят грубыми аппроксимациями, основанными на неоправданном и упрощенном редукционизме.

Джон Хобсон: критика евроцентризма и расизма

Фундаментальным прорывом в МО стала новая книга представителя исторической социологии в МО Джона Хобсона «Евроцентричная концепция мировой политики: западная интернациональная теория, 1760 – 2010»³. Хобсон ставит перед собой задачу проанализировать в духе постпозитивистского подхода базовые установки МО как научной дисциплины, разработанной западными учеными в контексте западной политической культуры. В ходе скрупулезного и детального анализа основных направлений в МО, школ, парадигм и позиций, а также философских платформ предшественников МО, Хобсон приходит к выводу, что все эти модели построены на откровенно расистской предпосылке отождествления европейского политического опыта и европейской истории с универсальным опытом и универсальной историей всего человечества, при том, что неевропейским народам, культурам и Государствам отводится роль отсталых недочеловеческих недо-обществ, которым суждено либо с опозданием повторить европейский путь, либо коснеть в своем несовершенстве. Хобсон показывает, что вся система МО до 1945 года строилась практически на откровенном расизме.

В духе раннего эволюционизма все типы обществ делились на:

- цивилизованные;
- варварские;
- дикарские.

При этом логика исторического процесса однозначно отождествлялась с необратимым движением по цепочке: дикость — варварство — цивилиза-

¹ *Buzan Barry, Little Richard. International Systems in World History: Remaking the Study of International Relations. Oxford: Oxford University Press, 2000.*

² *Acharya Amitav, Buzan Barry (eds.). Non-Western international relations theory: perspectives on and beyond Asia. London: Routledge, 2010; Buzan Barry, Acharya Amitav. Why is there no non-Western international relations theory?: an introduction // International Relations of the Asia-Pacific. 7 (3). 2007; Buzan Barry, Acharya Amitav. Conclusion: on the possibility of a non-Western IR theory in Asia. International Relations of the Asia-Pacific. 7 (3). 2007.*

³ *Hobson J. The Eurocentric Conception of World Politics: Western International Theory, 1760 – 2010. Cambridge: Cambridge University Press, 2012.*

ция. При этом цивилизация рассматривалась как венец развития, совершенство и цель. Дикость — как убогое полуживотное существование примитивных архаических народов. Варварство (деспотические общества Премодерна) — как переходная стадия к цивилизации. На уровне исторических этапов это соответствовало трем фазам: архаика — традиция — современность.

Этим трем типам общества западные философы придавали до определенного времени откровенно расовую специфику (пока этот подход не был скомпрометирован национал-социализмом Гитлера). Цивилизация отождествлялась с белыми. Дикость — с черными (и красными, если принимать во внимание американских индейцев). Варварство — с желтыми (азиатами). Также определялись и зоны в мировом пространстве: в центре — белый мир развитых европейских обществ; на периферии — африканские и тихоокеанские аборигены; между ними — азиатские (желтые) общества. При этом Хобсон на множестве конкретных примеров показывает, что такая расистская модель структурирования международных отношений была характерна как для империалистов, так и для антиимпериалистов, как для реалистов, так и для либералов, как для пацифистов, так и для милитаристов, как для глобалистов, так и для националистов, как для марксистов, так и для сторонников национально-освободительного движения в Третьем мире. Везде белая цивилизация ставится выше желтого варварства и черной дикости, и движение к цивилизации считается единственной целью развития и прогресса. Маркс с его «азиатским способом производства» или Вудро Вильсон, бывший сторонником ограничения возможностей обучения чернокожих в престижных американских университетах, не являются исключениями: все направления в МО являлись строго расистскими.

После 1945 года, показывает Хобсон, ситуация изменилась, но лишь на поверхности. Никто больше не осмеливался говорить открыто о «Бремени белого человека», но расизм никуда не исчез, перейдя в область подразумевания и оперируя отныне с понятиями «модернизация», «структурная подстройка», «развитие», «помощь Третьему миру», «глобализация», «демократизация» и т. д. В основе новейших теорий МО по-прежнему лежит евроцентризм: универсальными считаются только ценности, коды, институты и социально-экономические модели западного мира, а всем остальным обществам предлагается их копировать (добровольно или насильственно). В этом смысле неолибералы, интернационалисты или неомарксисты в духе Валлерстайна видятся как классические расисты (не говоря уже о реалистах): все они настаивают на универсальности исторического опыта Запада и оценивают все человечество в евроцентристской оптике. Только теперь это не открытый расизм, но сублиминальный, подсознательный. Однако все теории Первого — Второго — Третьего мира, ядра — полупериферии — периферии и т. д. выстроены по изначальной модели иерархизированных типов общества. И поэтому в МО до сих пор преобладают жестко расистские предрассудки: любое азиатское или просто незападное общество заведомо видится как не совершенное, переходное, коррумпированное, угрожающее цивилизации и готовое в любой момент скатиться к откровенному варварству.

Хобсон показывает, что идея универсальности принципа суверенитета на практике применяется только к западным «цивилизованным» обществам: в отношении других незападных держав по умолчанию действует принцип «дефолтного» или «градуального» (частичного) суверенитета. Такое отно-

шение мы видим в колониальную эпоху, где право на захват территорий, далеких от Европы, оправдывалось царящими там «дикостью» или «варварством». Но и в XXI веке все остается ровно таким же, и аналогичными аргументами обосновывается вторжение войск США и НАТО в Ирак, Афганистан, Ливию.

Историческая социология в МО показывает, что вся дисциплина МО, будучи западной по происхождению, времени появления и своей структуре, отражает базовые расистские (откровенные или сублиминальные) и евроцентристские установки, свойственные западной культуре и философии в целом, но яснее всего проявляющиеся именно в международных отношениях, где иерархизация обществ приобретает наглядный характер.

2.7. Конструктивизм в МО

Когнитивизм

Между позитивистскими и постпозитивистскими парадигмами располагается *конструктивизм* (А. Вендт¹, Н. Онуф², М. Финнмор³, Дж. Рудджи⁴, П. Катценштайн⁵, С. Гудзини⁶ и т. д.). По крайней мере, на этом настаивают сами представители этого направления в МО (в частности, А. Вендт).

Представители этого направления сосредотачивают основное внимание на когнитивной сфере, т. е. области мышления (когнитивизм). Так, Марта Финнмор утверждает⁷, что мировая политика в первую очередь определяется не объективной структурой отношений материальных сил, но когнитивной структурой, состоящей из идей, верований, ценностей, норм и институций, взаимно принимаемых акторами. МО, согласно ей, есть сумма не баланса сил (могуществ — power), но сигнификаций и социальных ценностей⁸.

Питер Катценштайн: конструкции социальных взаимодействий

Другой конструктивист, Питер Катценштайн, привлекает внимание к значимости культурных факторов в МО, которые в определенных ситуациях становятся определяющими. Он показывает, что идеальная структура, формирующая разделяемые акторами нормативы, не просто аффегирует их поведение, но способствует конституированию самих этих акторов, конституированию их идентичности и их интересов — эти интересы не объекты, ожидающие обнаружения, но *конструкции социальных взаимодействий*. Культурные среды не просто влияют на мотивации поведения Государств,

¹ *Wendt Alexander*. Social Theory of International Politics. Cambridge University Press, 1999.

² *Onuf Nicholas*. World of Our Making: Rules and Rule in Social Theory and International Relations. Columbia: University of South California Press, 1989.

³ *Finnemore Martha*. National Interests in International Society. Cornell: Cornell University Press, 1996

⁴ *Ruggie John*. What Makes the World Hang Together? Neo-utilitarianism and the Social Constructivist Challenge // International Organization 52. 4. Autumn 1998.

⁵ *Peter J. Katzenstein* (ed.) The Culture of National Security: Norms and Identity in World Politics. New York: Columbia University Press, 1996.

⁶ *Guzzini Stefano*. A reconstruction of Constructivism in IR // European Journal of International Relations Copyright. Vol. 6 (2). 2000.

⁷ *Finnemore Martha*. National Interests in International Society.

⁸ *Ibidem*.

но аффектируют фундаментальный характер этих Государств, их идентичность, считает он¹.

По редакцией Катценштайна вышла книга «Цивилизации в мировой политике»², где авторы подробно и основательно исследуют то, как цивилизационные и культурные особенности аффектируют представления о нормативной политике, и какие версии политических систем существуют в мире, наряду с более или менее подробно описанными западными. Влияние культурных паттернов на представление о сущности Политического в разных цивилизациях помогает понять структуру межнациональных отношений среди незападных (азиатских) обществ.

Катценштайн подчеркивает, что исламское, индийское, буддистское, китайское понимание общества, Государства, человека, исторического времени, иерархии качественно отличаются в каждом конкретном случае — как от соответствующих западных концепций, так и друг от друга. В эпоху глобализации учет таких факторов является чрезвычайно важным.

Николас Онуф: мир, который создали мы

Эту же тему развивает один из основателей конструктивистского подхода в МО Николас Онуф, настаивающий на том, что структуры и агенты (акторы) международных отношений влияют друг на друга и постоянно переопределяют и реконституируют друг друга. Он пишет в своей книге, чье название могло бы стать кратко изложенной программой конструктивизма «Мир, который мы сами и создаем», что не только социальные отношения делают людей тем, что они есть, но и люди делают эти отношения тем, что они есть через взаимодействие друг с другом и с природой»³.

Поэтому, как евроцентризм формирует незападные общества, так и сами эти общества в определенной мере оказывают воздействие и на политику Запада. Мир не дан нам, настаивает Онуф, мы делаем его сами, с опорой на наши взгляды, интересы и ценности.

Александр Вендт: плюрализм идентичностей

Другой видный представитель конструктивизма и крупнейший теоретик этого направления, Александр Вендт, выделяет три возможных модели трансляции культурной парадигмы:

- в реалистской парадигме Государство разделяет культуру по принуждению;
- в либеральной — по своим интересам;
- конструктивизм предлагает сделать акцент на консенсусной легитимации: Государство разделяет культуру, тогда культура становится *структурным и структурирующим фактором*, конституируя и реконституируя Государства через их идентичности и интересы.

Вендт описывает свой подход в рамках предложенной им самим системы категорий: материализм /идеализм — индивидуализм /холизм⁴, о чем уже говорилось ранее. Сочетание идеализма с холизмом, не нашедшее соответ-

¹ Peter J. Katzenstein (ed.) The Culture of National Security.

² Katzenstein Peter J. (ed). Civilizations in World Politics. Plural and Pluralist Perspectives. NY: Routledge, 2009.

³ Onuf Nicholas. World of Our Making.

⁴ Wendt Alexander. Social Theory of International Politics. Cambridge University Press, 1999.

твия в классических позитивистских теориях, развертывается в постпозитивизме (и в частности, в пограничном случае конструктивизма) следующим образом:

Идеализм состоит в том, что международная система МО мыслится как ансамбль, состоящий из идей, разделяемых Государствами, а не из баланса сил (*powers*) или средств производства; социальные структуры предопределены разделяемыми акторами-идеями, а не материальными соотношениями, т. е. они суть культуры, как совокупность социально разделяемых знаний.

Холизм же здесь означает, что интересы Государства не эндогенны акторам (не важно: Государствам, корпорациям, отраслям или индивидуумам), не строго фиксированы, но конституированы и аффектированы всей интернациональной системой. То есть *поле международных отношений есть самостоятельная живая и конституирующая среда*; интересы и идентичности социальных акторов конструируются идеями, которые они разделяют, т. е. культурой, в которой они укоренены, и никогда никому не навязываются раз и навсегда кем-то одним — без взаимодействия с остальными.

Вместо одной идентичности акторов МО — Государство, режим, класс, Вендт предлагает выделять четыре уровня идентичности:

- а) *корпоративная идентичность*: Государство как организационный актор, связанный с обществом, которым он управляет посредством структуры политической власти (на этом исчерпывается реализм);
- б) *типовая идентичность*: политический режим и экономическая система, а также частично социальные особенности (обратим внимание на относительность этих понятий в системе международных отношений в разных обществах: для одних — одни критерии оценок, для других — другие), — на этом сосредотачивают свое внимание либералы и транснационалисты;
- в) *ролевая идентичность*: свойства Государств в отношениях с другими Государствами (выделение пар гегемон / сателлит, Государство, выступающее за статус-кво / Государство, неудовлетворенное своим положением в сложившейся международной среде — концепт «неудовлетворенного могущества»); это стоит в центре внимания неореалистов и представителей Английской школы в МО);
- г) *коллективная идентичность*: идентификация двух и более Государств как принадлежащих к единому «эго», как часть целого (это направление разрабатывают неолибералы, неореалисты и представители Английской школы в МО).

Последовательно примененный к анализу действительности, такой метод показывает, что все национальное (безопасность, интерес, выживание и т. д.) встроено (*embedded*) в нормы и ценности, конституирующие эти идентичности. Следовательно, национальные интересы состоят из международно-разделяемых идей и верований; они-то и структурируют международную политическую жизнь и дают ей смысл.

Вендт трактует базовое для МО понятие «анархии» в трех вариантах:

- анархия Гоббса (другой как враг);
- анархия Локка (другой как конкурент);
- анархия Канта (другой как друг).

Первый случай дает нам концептуальную канву реалистского анализа. Второй — либерального. Третий позволяет осмыслить постгосударственную

модель организации человечества, как глобального гражданского общества, по ту сторону любой Государственности (неолиберализм, транснационализм, отчасти мир-система неомарксистов с поправкой на классовой антагонизм).

Резюме: Статус постпозитивистских теорий в МО

Постпозитивистские парадигмы во всем их разнообразии в последние десятилетия стали важнейшей составляющей всей научной дисциплины МО, и их значение постоянно растет.

В отношении этих подходов следует заметить, что они методологически являются слишком сложными для того, чтобы играть заметную роль в тех случаях, когда ту или иную внешнеполитическую концепцию требуется донести до широких масс. Постпозитивисты опираются на философский и социологический метод, и в качестве предмета своих исследований имеют не сами международные отношения, но теории МО, МО как дисциплину, как продукт «вторичной обработки». Отсюда их критический потенциал: они представляют собой «науку второго уровня», где рациональному (критическому) осмыслению подвергаются сами основы научной рациональности. Это создает дополнительный «этаж», особое измерение научной рефлексии. Апелляции к таким теориям в широком обиходе, очевидно, неуместны, т. к. требуют очень высокого уровня компетенций.

Но в научной среде МО, напротив, именно постпозитивистскому подходу уделяется все больше внимания. И частично отдельные стороны этих научных парадигм успешно включаются в те или иные проекты и программы, связанные с МО.

Можно кратко сформулировать состояние дел в этой сфере таким образом: сегодня существует возможность заниматься внешней политикой и практикой в сфере международных отношений на основе классических позитивистских теорий МО, и этого может оказаться довольно. Но на уровне академической науки и для участия в серьезных научных конференциях, дебатах и симпозиумах этого уже недостаточно, и без знакомства с постпозитивистскими тенденциями в МО ни один специалист-международник не будет обладать необходимым минимумом компетенции.

ОСНОВНЫЕ ТЕМЫ И КОНЦЕПТЫ МО

Введение

В данном разделе мы рассмотрим ряд основных тем, обсуждаемых в МО с позиций разных парадигм. Это позволит нам познакомиться с тем, как различие в исходных теоретических позициях влияет на конкретный политический, исторический, социологический анализ в тех или иных школах МО и, следовательно, вокруг каких силовых линий структурируются основные дебаты, ведущиеся в этой науке.

Главной осью этих дебатов, как мы показали ранее, является спор между реалистами и либералами, и соответственно, в отношении к конкретным вопросам мировой политики они предлагают диаметрально противоположный взгляд на проблему. Эти дебаты реалисты vs либералы составляли до определенного момента основное содержание МО как теоретической дисциплины. Но рост влияния неомарксизма и особенно широкое распространение постпозитивистских подходов существенно преобразили и усложнили картину становления МО как науки. Несмотря на то, что на уровне практической политики два этих подхода по-прежнему остаются преобладающими, в области политической теории они давно уже не рассматриваются как достаточные и тем более исчерпывающие.

Во-первых, классический реализм практически повсеместно замещен неореализмом (структурным подходом), а классический либерализм постепенно трансформировался в неолиберализм (транснационализм, теории глобализации). Во-вторых, марксизм и неомарксизм повлияли на теоретические установки при анализе международных отношений до такой степени, что с научной точки зрения с этим более невозможно не считаться (как невозможно, например, игнорировать мир-системный подход неомарксиста Валлерстайна). И, наконец, в-третьих, волна постмодернизма оказалась настолько мощной, что повлияла (в разной степени) на все области гуманитарного и социального знания в западном (и отчасти в незападном) обществе. Поэтому ни одна конференция, ни одна дискуссия, и даже не одно учебное пособие по МО не обходится без тщательного рассмотрения этого спектра постпозитивистских теорий, которые следует учитывать при рассмотрении любых конкретных проблем, тем и сюжетов, сопряженных с научным полем МО.

В силу этого обстоятельства мы будем помещать ту или иную центральную для МО тему в теоретический контекст каждой из рассмотренных ранее парадигм, в том случае, конечно, если они в этом контексте достаточно последовательно и систематически рассматриваются.

Это позволит нам яснее и полнее понять сущность каждой из разбираемых школ в МО.

3.1. Власть, элиты, решение

3.1.1. Реализм: могущество как оно есть

Предпосылки

Рассмотрим, как решается принципиальный для политической науки вопрос о власти в контексте разных парадигм МО. Начнем с реализма.

В истоках понимания природы власти в реализме лежат идеи отцов-основателей современной политической мысли — Макиавелли, Гоббса, Гроциуса, Бодена. Принципиальным здесь является понимание *политической власти как выражения разумной воли человеческих индивидуумов к самоограничению своих эгоистических стремлений*. Это социальный контракт как ответ на естественное состояние («война всех против всех»). Государство есть ночной сторож, который надзирает над «ночными» страстями индивидуумов и поставленный в эту позицию самими индивидуумами, осознающими губительность неподконтрольной реализации своих желаний. Это и обуславливает фигуру Левиафана, Государства, репрезентированного властью. Макиавелли рассматривает ту же фигуру «изнутри», с субъективной точки зрения, что дает нам Князя. Боден описывает это юридически с позиции определения суверенитета, как высшего права, над которым не стоит никакой иной легальной (правовой) инстанции, способной ограничить де-юре (это важно) полномочия правителя. Все три фигуры Левиафан-Князь-Суверен описывают одну и ту же инстанцию, которая представляет собой главный несущий элемент современного понимания политики и Государства в их отношении к индивидуумам и обществу. Левиафан в триаде Левиафан — Князь — Суверен подчеркивает, что речь идет об инстанции, которую позднее социолог М. Вебер назовет «единственной обладающей правом на легальное насилие», т. е. о том «рукотворном Божестве», которому индивидуумы обязуются беспрекословно подчиняться (т. к. сами его и создали). Князь есть субъективное измерение власти, которая должна быть эффективной (иначе ее утратят) и строиться на логике, отличной от индивидуальной морали. Здесь в каком-то смысле «цель оправдывает средство». Правитель должен быть эффективным и добиться поставленной цели доступными средствами, иначе он не сможет быть правителем. Иными словами, Левиафан олицетворяется в первую очередь эффективным правителем. Или иначе: правление есть эффективность; эффективность — главный критерий правления. Это и есть структурная функция «нового князя». И, наконец, с правовой точки зрения над Левиафаном-Князем нет никакой высшей правовой инстанции: это выражено в суверенитете. То есть право строится от индивидуумов, создающих через социальный контракт Левиафана, и на нем заканчивается.

Таковы философские предпосылки реалистского понимания природы власти.

Из этого вытекает понимание власти в области международных отношений. В этой области взаимодействуют суверенные Князья-Левиафаны, обладающие беспрекословной властью над своими гражданами (которые их и учредили для этой власти), обязанные быть, прежде всего, эффективными и достигать своих средств, и не имеющие никакой правовой инстанции, способной легально (то есть де-юре) навязать им ту или иную линию поведения.

Отсюда вытекает главный для реалистов критерий власти в МО: государственная целесообразность, *raison d'Etat*. Все, что делает власть, должно исходить из государственной целесообразности. Разумность, таким образом, есть свойство, присущее Государству по определению и как раз воплощенное во власти. Неразумная власть в такой ситуации становится социальной аномалией. Она утратит свой смысл, т. к. не сможет быть эффективной и соответствовать задачам, которые ставит сообщество индивидуумов. Это одна из особенностей именно «нового Князя»; по Макиавелли, в Новое время власть обязательно окажется в руках наиболее эффективного, т. к. значение традиций, исторической инерции и социально-политической преемственности постепенно отходит на второй план.

В XX веке исследование природы власти в обществе в духе Макиавелли продолжили такие авторы как В. Парето, Г. Моска и Р. Михельс. Так, Вильфредо Парето ввел в политическую науку пару понятий элита /масса. Элита, с его точки зрения, представляет собой особый социально-психологический тип, «естественным» образом неукротимо стремящийся к власти. Элита, по Парето, не просто описывает тех, кто находится у власти, но и тех, кто ее жаждет. Если жаждущих власти в старую элиту не пускают, они образуют контрэлиту, способную субъективно управлять, но отстраненную от рычагов реального влияния. При определенных обстоятельствах контрэлита опрокидывает старую элиту, и становится ею сама (перевороты, смены династий, социальные и религиозные революции и т. д.)

Квалифицированная власть /неквалифицированное большинство

Применение этих теоретических принципов у реалистов воплотилось в определение власти как инстанции, квалифицированной для того, чтобы нести ответственность за внешнюю политику, т. е. представлять Государство и все общество перед лицом других Государств. Еще Алексис Токвиль говорил, что «внешняя политика должна вестись вдали от суетливой повседневности масс». Американские специалисты в МО Олманд и Липман, развивая эту тему, выдвинули принцип, позднее получивший название «консенсус Олманда — Липмана»¹, утверждающий, что мнение большинства (общества) в целом нестабильно, зависит от настроения и, в конечном счете, нерациональное. Это также получило название «теория настроения», *mood theory*.

Большинство рассматривается как масса λ -индивидуумов, чья компетенция во внешней политике равна нулю.

И напротив, вся компетенция в международной сфере сосредоточена в политической элите, причем на самом ее вершине, в самом правителе или в его ближайшем окружении. По Моргентау и Арону, политический деятель есть тот, кто действует в национальных интересах так же, как он действовал бы в своих. То есть это представитель элиты, «новый Князь», способный эффективно справиться с организационными и логистическими задачами в максимально возможном масштабе — по аналогии как обычный человек лучше или хуже справляется с такими же задачами, но в более скромном, бытовом масштабе. И как руководство домашним хозяйством, фирмой или крупной корпорацией требует постоянного доказательства эффективности управления, так и политические элиты непрерывно сдают экзамен на свою эффек-

¹ *Almond G. The american people and foreign policy. NY: Praeger, 1950; Lippman W. Essays in Public Philosophy. NY: New American Library, 1956.*

тивность — в первую очередь, в сфере внешней политики, т. к. из внешней сферы, согласно реалистам, исходит постоянная опасность войны, т. е. угроза суверенитету Государства, а следовательно, и всему обществу.

Внешняя политика, т. е. принятие решения в области международных отношений, не только привилегия элит, но и зона их ответственности. Постоянное наличие внешней угрозы заставляет любую власть деятельно отражать ее, обеспечивать безопасность граждан; в противном случае либо их зона ответственности перейдет под внешний контроль (прямая оккупация, установление вассальных отношений с соседями), либо граждане, неудовлетворенные действиями элит, отзовут им доверие и заключат новый «социальный контракт» (это может проходить легально в демократических обществах или с помощью восстания — в обществах авторитарных и тоталитарных).

Модель квалифицированной властной элиты, соседствующей с неквалифицированной и некомпетентной массой индивидуумов, является базовой для реалистов в описании того, как складывается система принятия решений в области международных отношений.

Решение в реализме

В этой общей парадигме формулируется и проблема принятия решения в сфере международных отношений.

Развернутую теорию решения предложил реалист Карл Шмитт, чьи теории получили название «децизионизм»¹, от латинского «*decisio*», «решение». Шмитт само понятие «суверенитета» определяет через «решение». «Суверенен тот, — утверждает Шмитт, — кто принимает решение в чрезвычайных обстоятельствах»². Отсылка к «чрезвычайным обстоятельствам» (*Ernstfall*) очень важна, т. к., по Шмитту, природа власти обнаруживает себя не тогда, когда следует установленным правилам, но когда оказывается вынужденной действовать в ситуации, не описанной и не предусмотренной никакими правовыми, историческими и культурными нормами, или когда эти нормы одинаково позволяют сделать противоположные шаги (например, заключить мир или начать войну). Действия в «чрезвычайных обстоятельствах» акцентируют то, что является «новым» в фигуре «нового Князя» Макиавелли. Шмитт вводит это измерение в само определение суверенитета. Правитель, таким образом, в критической ситуации принужден действовать с порой только на свое внутреннее бытие, где право, история, рациональный расчет, этические идеалы и т. д. суммируется в простом факте его решения. Шмитт показывает, что в таких случаях на решение могут оказать влияние такие факторы, которые ускользают от внимания обычных правовых исследований природы власти: и спасительное и катастрофическое решения правителя могут быть одинаково легальными с правовой точки зрения, а следовательно, природу решения следует искать в более глубоких сферах. Тем самым Шмитт подходит к теме особой онтологии властелина, т. е. правителя, наделенного особыми экзистенциальными свойствами (харизмами). Эти свойства не исключают рациональности, но включают ее. Рациональность при принятии решений в сфере международных отношений необходима, но подчас недостаточна.

¹ По-немецки это звучит как *Entscheidungslehre*.

² Шмитт К. Диктатура. От истоков современной идеи суверенитета до пролетарской классовой борьбы. М.: Наука, 2005.

Также Шмитт развивает тему различия между легальностью и легитимностью, выделенную М. Вебером. Легальность — прямое и буквальное соответствие правовым нормам, т. е. строгий критерий. Легитимность — соответствие логике исторического процесса и ожиданиям общества, критерий менее строгий. Таким образом, решение правителя теоретически может быть:

- легальным и легитимным (эффективное законное правление);
- легальным и нелегитимным (неэффективное законное правление);
- нелегальным и легитимным (диктатура /революция, отвечающие вызовам времени и стремлениям масс);
- нелегальным и нелегитимным (диктатура /революция, не отвечающие вызовам времени и стремлениям масс).

Решение в «чрезвычайных обстоятельствах», по Шмитту, связано в первую очередь, именно с *легитимностью*. Противоположные ему теоретики, как правило, ставят акцент на легальности.

Другие реалисты рассматривают проблему решения в более технологическом ключе. Так, по Моргентау, решение в международных отношениях принимается правителем так же, как торговцем — рационально, с опорой на конъюнктуру, возможности, ресурсы, расчет, оценку ситуации. При этом Моргентау считает, что существует объективный национальный интерес, подлежащий строгому подсчету и измерению, и существует рациональная манера в реализации этого объективно существующего интереса.

Генри Киссинджер, признавая рациональные способности главным свойством правителя, отмечает также, что «глава Государства — тот, кто способен немедленно схватить сущность ситуации». ¹ Иными словами, к компетенции правителя добавляется еще и свойство скорости — быстроты и адекватности анализа и способности к быстрым и решительным властным формулировкам ответных действий.

В классическом реализме преобладает представление о Князе как о полностью рациональном, волевым, эффективным и расчетливым начале, способном оптимальным образом обеспечить реализацию национальных интересов. Правитель есть персонификация хозяйственной и организаторской функции Государства как цельной системы. Классические реалисты ограничиваются этим и основывают на нем базовое уравнение: в международных отношениях правитель Государства (Князь) = Государство.

Эту формулу начинают корректировать неореалисты. У К. Уолтца принятие решение приписывается не только Князю, но и зависит от общей структуры отношений между Государствами, которые создают фреймы, жестко ограничивающие решения и часто предопределяющее его. Интернациональные системы, о которых говорит реалист Р. Арон, таким образом, становятся важнейшим ядром принимаемых решений. В этом случае принцип баланса сил оказывается наиболее существенным в общем содержании принимаемых правителем решений.

Грэхэм Алисон предлагает обратить особое внимание на такое явление как «институциональная инерция» ² и исследует то влияние, которое оказывают на принятие решения правителем различные ведомства — военные, разведывательные, дипломатические, а также общественное мнение. Эти

¹ Kissinger H. A World Restored: Metternich, Castlereagh and the Problems of Peace, 1812–22. Boston: Houghton Mifflin, 1957.

² Allison G. Essence of Decision. Boston: Little Brown, 1971.

факторы могут существенно менять и усложнять структуру решений Князя, как ее понимали классические реалисты, и ограничивать его свободу. Эллисон как и все реалисты признает, что только официальные лица Государства, уполномоченные заниматься внешней политикой, являются подлинными акторами при принятии международных решений. Вместе с тем он выделяет кроме «старших игроков» (*senior players*), к которым относятся официальные министерства и ведомства, «младших игроков» (*junior players*), которыми являются общественное мнение, СМИ, лоббистские структуры, парламент. Совокупность влияния, исходящего от этих инстанций, по Эллисону, способна существенно исказить автономную логику правителя при разработке и реализации внешней политики.

Такие авторы, как Р. Путнам, П. Эванс и Э. Джекобсон, добавляют к релятивизации автономии правителя, утверждаемой классическим реализмом, то обстоятельство, что, будучи независимым ни от какой инстанции во внешней политике (принцип суверенитета), Князь зависит от своих граждан в сфере политики внутренней (принцип «социального контракта»). Следовательно, заключают они, определенные внешнеполитические решения могут приниматься правителем не на основании рационального расчета национальных интересов, но под давлением общества, т. е. из популистских соображений. Они называют это «логикой двухуровневой игры» или «двухгранной дипломатией» (*double-edged diplomacy*). Внутренняя политика оказывается напрямую сопряженной с внешней.

Не ставя под сомнение базовых реалистских подходов к решению правителя в международных отношениях, тем не менее призывают обратить внимание на их субъективность такие авторы, как Р. Снайдер, Х. Брук и Б. Сэйпин¹. Признавая, что «действия Государства есть действия людей от имени Государства и представляющих Государство», они указывают на то, что многое зависит от субъективных моментов в понимании ситуации этими действующими людьми. Учет субъективной стороны решения и постоянного влияния иных факторов усложняет систему оценки политической деятельности по ее прямым результатам (*outcome*). Они предлагают рассматривать всю внешнеполитическую деятельность не как дискретную модель «вызов-ответ», но как постоянно длящийся непрерывный политический процесс.

То, что восприятие ситуации правителем может быть корректным, а может быть и не совсем адекватным, подчеркивает Роберт Джервис. Так, одно и то же политическое событие может быть по-разному осознано и оценено разными наблюдателями, а, следовательно, и реакции могут быть разнородными. Для характеристики отклонения Князя от строго рационального алгоритма осмысления и действия Джервис вводит понятие «неверного восприятия», «мисперцепции» и соответствующего индекса.

В любом случае, в реализме в МО правитель (Князь) в целом рассматривается как главный и рационально действующий актер, принимающий внешнеполитические решения на основании калькуляции национальных интересов, но при этом существенное влияние на него могут оказывать как институциональные, так и социальные, как психологические, так и экзистенциальные факторы, а также силовые линии самой международной структуры.

¹ Snyder R., Bruck H., Sapin B. Foreign policy decision making. NY: The Free Press, 1962.

Суверенитет в неореализме

Во второй половине XX века, и особенно в его конце, теории реалистов подверглись серьезному испытанию, т. к. процессы глобализации и создание наднациональных систем, а также рост влияния негосударственных акторов в международных отношениях бросили тень сомнения на убеждения реалистов в том, что Государства были, есть и будут главными субъектами мировой политики. Это заставило неореалистов уточнить некоторые базовые для реалистов представления: в частности, представления о суверенитете.

Так, Стивен Краснер посвятил содержанию понятия «суверенитет» в современной международной ситуации программную книгу с выразительным названием: «Суверенитет: организованное лицемерие»¹. Краснер не отказывается от общей для всех реалистов веры в незыблемость принципа суверенитета, который составляет краеугольный камень всей реалистской парадигмы. Он лишь призывает признать существующие в этой области штампы, заблуждения и фигуры умолчания. Так, Краснер выделяет четыре основные трактовки термина «суверенитет»:

- 1) суверенитет, закрепляемый в международном праве и исчерпываемый фактом юридического признания Государствами друг друга в строго определенных территориальных границах;
- 2) Вестфальский суверенитет, означающий исключение внешних акторов в вопросе политического контроля над определенными территориями;
- 3) внутренний суверенитет, определяющий формальную организацию политической власти внутри Государства и способность публичных властей контролировать соответствующие их полномочиям административные единицы;
- 4) взаимозависимый суверенитет, определяемый реальной способностью Государства контролировать процессы, протекающие за его административными пределами (такой суверенитет не имеет прямого правового и политического статуса)².

Такое расширение термина позволяет более нюансированно описать происходящие в современном мире сдвиги.

Во-первых, четыре вида суверенитета могут быть присущими одному и тому же Государству в разной степени. Поэтому глобализация, которая очевидно несет в себе десувверенизацию, оказывается не столь однозначной. Какие-то формы суверенитета она затрагивает, а какие-то нет или значительно меньше. Это означает, что в каждом конкретном случае следует тщательно исследовать в каких областях и зонах суверенитет сокращается, а в каких сохраняется, или даже усиливается (кроме того, требуется всякий раз уточнять, о каком виде суверенитета идет речь). Например, в случае Европейского Союза значительно сокращается суверенитет в Вестфальском смысле и усиливается взаимозависимость (4-й вид). Но первый вид суверенитета остается формально таким же, а третий (в случае большинства территорий Евросоюза) возрастает. В процессах глобализации незападного мира картина еще более сложная и многоуровневая.

Из такого анализа Краснер делает заключение, что при всех успехах глобализации и транснациональных стратегий принцип суверенитета рано спи-

¹ Krasner S. *Sovereignty: Organized Hypocrisy*. Princeton: Princeton University Press, 1999.

² Krasner S. *Op. cit.* P. 3–4.

сывать со счетов. Краснер полагает, что в определенных случаях сильные демократические державы Запада должны игнорировать Вестфальский суверенитет и осуществлять точечные интервенции. Это вытекает из той угрозы демократическим державам, которую представляют собой «слабые Государства», «weak States» (то есть Государства с недостаточным уровнем третьего вида суверенитета). Краснер перечисляет эти случаи:

- 1) нарушение религиозных свобод;
- 2) нарушение прав человека;
- 3) нарушение прав меньшинств;
- 4) угроза международной стабильности.

Такой подход существенно изменяет классическое для реалистов понимание суверенитета как номинально абсолютной ценности и заставляет ввести шкалу суверенитетов (Дж. Хобсон называет это «градиентным суверенитетом»).

3.1.2. Либерализм: преодоление силы

Предпосылки

В классическом либерализме мы имеем дело с несколько иной схемой понимания структуры власти и принятия решений. На основании антропологического оптимизма в духе Локка и Канта общество мыслится как постоянно прогрессирующее явление с повышающимся уровнем демократии. Сама власть здесь есть не столько неизбежная инстанция, призванная спасти человека от темных сторон его эгоистической природы, т. е. нечто рациональное и жестко противопоставленное нерациональным аспектам человечества, но скорее промежуточная и принципиально не необходимая инстанция, призванная лишь инструментально способствовать развитию индивидуумов. Индивидуумы заключают между собой социальный контракт в целях социального прогресса и просвещения — не для того, чтобы избежать худшего, но в стремлении достичь лучшего. Тем самым Государство и политика в целом призваны служить процессу демократизации и, соответственно, постоянно демократизироваться и модернизироваться.

Фигура правителя и политическая элита в целом определяются здесь основным принципом: просвещенностью, а также способностью и готовностью просвещать других. Правитель, по мнению либералов, есть выражение стремления всех членов общества к общему благу. И стремлением к этому общему благу предопределяется рациональность власти. Князь есть не эффективный властолюбец, но внимательный и справедливый наставник.

Если реалисты ставят акцент на левиафанической (грозной) природе Государства, то либералы выдвигают на первый план «социальный контракт», т. е. зависимость власти от гражданского общества.

При этом либерализм вполне может быть как демократическим, т. е. предполагающим распыление решения по всем членам общества (индивидуумам), так и элитарным, т. е. утверждающим необходимость большего объема власти у наиболее достойных, активных и деятельных людей. Принцип экономического неравенства при стартовом равенстве возможностей уравновешивает эти два либеральных подхода: доступ к решению можно теоретически предоставить всем, но полномочиями решения будут наделены те, кто лучше справится с принятием и исполнением наиболее рациональных решений. Критерием же здесь выступает предпринимательская (экономи-

ческая) состоятельность: умеющий правильно принимать решения в бизнесе, обретает богатство, и вместе с тем доказывает, что имеет основания на власть и принадлежит к элите. А это, в свою очередь, позволяет наделить индивидуума и политическими правами, т. е. способностью принимать решения.

Классические либералы в целом согласны с классическими реалистами относительно общей структуры политики в Новое время, и соответственно, признают важность и значение национального Государства. Но правитель здесь видится как, в первую очередь, просвещенный просветитель, само Государство (Левиафан) мыслится, главным образом, правовым, а суверенитет трактуется не как вечная и абсолютная ценность, а как временное явление, оправданное на определенном этапе (модернизация, процесс социального и культурного воспитания граждан, становление и развитие структур гражданского общества) и отбрасываемое на следующем (когда модернизация достигнет критической точки невозврата и свобода станет всеми признаваемой укоренной ценностью). Элиты поэтому мыслятся как образцовое выражение свободы, демократии и просвещенности.

При этом нормативным Государством либералы признают только демократическое либеральное Государство: с разделением властей, выборными органами, свободой слова и совести, открытой рыночной экономикой, гражданскими правами.

В отличие от реалистской концепции «государства как ночного сторожа», главной целью которого является «не допустить худшего», либералы наделяют Государство положительной ролью — оно должно служить просвещению и прогрессу общества. Отсюда теория Welfare State или Etat-Providence. В этом случае роль Государства мыслится как орудие социальной модернизации и демократизации. Демократия, таким образом, не сводится к четкой, раз и навсегда фиксированной политической системе, но представляет собой неограниченные горизонты совершенствования и собственного развития. Следовательно, демократические Государства пребывают сами в постоянной трансформации, совершенствуются, содействуют укреплению гражданского общества. А постепенно отмирать начинают только тогда, когда поставленные задачи реализованы и общество способно к положительной конструктивной самоорганизации и без него.

Реалисты не ставят перед Государством никаких целей, кроме обеспечения безопасности и предотвращения внутренних конфликтов. Но, с другой стороны, и не предсказывают его исчезновения.

Квалифицированный индивидуум и решение в либерализме

При анализе феномена власти реалисты выделяют принцип рациональности, репрезентированной властью, а либералы — социальный, коллективный характер этой рациональности. Для реалистов политический деятель мыслится как существо в чем-то более совершенное, чем простые граждане: он есть концентрированное воплощение разумности и эффективности, и поэтому его решения производятся и реализуются на том уровне, который превышает компетенции простых граждан. Либералы возражают на это: правитель (в демократических обществах) не более чем функционер, избираемый и уполномоченный большинством, т. е. аналог не владельца предприятия, а топ-менеджера. Общество движется по пути прогресса и поэтому выбирает такую власть, которая наиболее прогрессивна и которая, в свою

очередь, способствует прогрессу самого общества. В этом процессе разрыв между элитами и массами (пусть только в теории) постоянно сокращается. Вместо пары элиты /массы постоянно растет промежуточный средний класс, который представляет собой нормативного гражданина демократического общества. Представители среднего класса многочисленны как масса, но в отличие от масс не пассивны социально и не ограничены узким кругом бытовых забот. В чем-то представители среднего класса подобны элите, правителям, но от непосредственного принятия решений они отстранены отсутствием специальных полномочий. По мнению либералов, социальный прогресс связан с тем, что пропорциональный рост среднего класса в обществе постепенно вытесняет собой как элиту, так и массы. Его представители в силу роста образования, ответственности, индивидуального и политического самосознания получают набор компетенций, ранее бывший эксклюзивным достоянием элиты. Следовательно, они могут не просто понимать и анализировать принимаемые решения в международных вопросах, но при необходимости принимать их самостоятельно (например, в ходе референдума или еще каким-то образом).

Так, неолибералы (Дж. Розенау) вводят понятие «искусного индивидуума» (*skilfull individual*), чтобы подчеркнуть, что по мере социального развития и повышения уровня обучения, социальной обеспеченности и модернизации общества λ -индивидуум реализма, компетентность которого в сфере международных отношений была равна нулю, сменяется фигурой представителя «среднего класса» с гораздо более высокой степенью компетентности в этих вопросах. Так как при отсутствии исполнения конкретных функций реальную степень компетентности проверить трудно, Розенау предпочитает говорить о «символической компетентности», т. е. о растущем интересе общества к вопросам внешней политики и активным и широким дискуссиям на публичных площадках, в прессе или социальных сетях. Устойчивость определенных внешнеполитических позиций (процессы демократизации, либерализации, глобализации) облегчают усвоение гражданами рациональных констант и некоторых классических нормативов международных отношений.

Введение понятия «искусного индивидуума» бросает вызов реалистской концепции «консенсуса Олмонда – Липмана». Критике тезиса о том, что масса заведомо некомпетентна в международной политике и легко поддается настроениям, посвящены работы либералов в МО У. Каспари¹ и О. Холсти². Рост влияния общества на решения, принимаемые правительством в области международных отношений, анализируется и другими либералами (Олдрич, Салливан, Борджида и т. д.³).

Распыление решений по всему обществу пока не приобрело окончательных механизмов, процедур и правового выражения. Плебисцитов и референдумов по вопросам внешней политики практически никогда не проводится. Но постепенно складываются иные формы: социальные опросы, дово-

¹ *Caspary W. R.* The Mood Theory: A Study of Public Opinion and Foreign Policy // *American Political Science Review*, 1970. 64. 536 – 547.

² *Holsti Ole R.* Public Opinion and Foreign Policy: Challenges to the Almond-Lippmann Consensus // *International Studies Quarterly*. 36 (4). (December 1992). P. 439 – 466.

³ *Aldrich John H., Sullivan John L., Borgida E.* Foreign Affairs and Issue Voting: Do Presidential Candidates 'Waltz Before a Blind Audience'? // *American Political Science Review*. 83 (1). (March 1989). P. 123 – 141.

дящие до властей точку зрения всех слоев общества, интерактивные средства коммуникации, социальные сети. Разными путями в обществе повышается рост влияния тех кругов, которые Г. Эллисон отнес к «младшим игрокам».

Транснационалисты и неолибералы в МО идут в этом направлении дальше и на основании продвижения процессов глобализации предлагают перейти к такой нормативной парадигме, где национальные Государства и правительства будут постепенно отмирать, и практически вся мировая политика станет внутренней (международные отношения как явление уйдут в прошлое). Гражданское общество вытеснит Левиафана и Князя, различия между элитами и массами окончательно размоются в среднем классе, который поглотит и тех и других, а суверенитет полностью утратит свой смысл, т. к. исчезнут границы между Государствами и сами Государства.

Либералы видят ситуацию с властью в динамической перспективе: процессы расширения и углубления демократии в мире приводят к постепенному переходу инициативы от Государства к гражданскому обществу. При этом либералы не просто фиксируют этот процесс и описывают его механизм, но и наделяют его ценностным содержанием. Преодоление Государства есть та фаза прогресса и развития, когда плоды веков Просвещения становятся явными и наглядными. Левиафан рассеивается на те индивидуальные атомы, которые его изначально и утвердили. А т. к., в отличие от реалистов, либералы считают, что природа людей является либо нейтральной (и ее качественно изменяют в лучшую сторону прогресс, воспитание и образование), либо благой, то возвращение политических полномочий от правителей всему обществу (по мере его превращения в сплошной средний класс) есть оправданный и закономерный процесс. Если ранее суверенным был только правитель и этот суверенитет в первую очередь проявлялся в области международных отношений, то в будущем суверенным будет каждый гражданин (в мировом масштабе — откуда идеология прав человека), а все отношения в пространстве планеты будут в равной степени «внутренними». Это либеральный философ Ф. Фукуяма и назвал «концом истории».

Основные различия между реалистами и либералами

При анализе власти и инстанции принятия решения в международных отношениях между реалистами и либералами основные расхождения сводятся к следующему:

- реалисты полагают, что принятие решений во внешнеполитической сфере — это дело исключительно Князя (элит), тогда как либералы полагают, что влияние гражданского общества на этот процесс неуклонно возрастает;
- реалисты уверены, что национальные Государства (Левиафан) будут существовать всегда в силу эгоистической природы людей, тогда как либералы верят, что рано или поздно они отомрут и уже постепенно отмирают;
- реалисты убеждены, что принцип суверенитета является главным законом внешней политики и останется таковым в будущем, тогда как либералы и особенно неолибералы /транснационалисты считают, что суверенитет должен быть починен наднациональным инстанциям, способным принимать решения в том случае, если действия национальной администрации существенно нарушают права гражданского населения, а в будущем — и вовсе упразднен.

Важно обратить внимание на то, что противоречия между реалистами и либералами в отношении власти и решения в международных отношениях на разных этапах имеют разное выражение. В XX веке национальные Государства сосуществовали с попытками создания наднациональных структур — Лига Наций, ООН. И всякий раз наиболее активными в продвижении этих наднациональных структур были именно либералы, тогда как реалисты неизменно выражали свой скепсис. После 1989 года и падения социалистического лагеря глобализация достигла высоких оборотов, и процесс транснационализации заработал с новой силой. Это дало либералам и неолибералам новый набор аргументов в пользу осуществимости их надежд на переход к глобальному обществу, а также новые системы фактов и прецедентов. Однако, несмотря на то, что обстоятельства существенно меняются, базовые парадигмы и реалистов и либералов остаются принципиально теми же самыми: первые склонны к пессимизму и предпочитают передачу политических решений квалифицированным элитам (пусть сложившимся вполне демократическим путем) на национальном уровне, тогда как вторые во всех обстоятельствах делают ставку на прогресс и совершенствование гражданского общества и стремятся рассредоточить власть и центр принятия решений на как можно более низкий уровень — вплоть до отдельного индивидуума.

3.1.3. Английская школа: социализация Князя

Клуб правителей

Английская школа в МО занимает промежуточное положение в этой дисциплине между реалистами и либералами, но вместе с тем повышенное внимание к социологическому измерению международных отношений сближает ее, с одной стороны, с марксистами, а с другой стороны, с постпозитивистскими теориями (критическая теория и историческая социология развились из Английской школы). Поэтому в классификации школ и подходов в МО ее выделяют в отдельное направление.

Главный тезис представителей Английской школы состоит в том, что Государства в своих взаимоотношениях руководствуются определенным кодексом, определенными правилами, которые не ограничивают их суверенитет (в этом сходство с реалистами), но в то же время заставляют подчиняться определенным наднациональным стандартам (в этом сходство с либералами)¹. Государства на межгосударственном уровне повторяют процессы социализации, развертывающиеся на уровне обычных обществ. Следовательно, индивидуальное здесь соотносится с коллективным. Но различие состоит в том, что социализации подлежат качественно иные субъекты — иного масштаба, иного содержания и с иной «геометрией».

Можно представить себе взаимодействие Государств как взаимодействие Князей (политических элит) в контексте одной социальной группы. Это предполагает как автономию, так и необходимость считаться с определенными поведенческими установками, которые формируются в процессе взаимодействия, а не устанавливаются кем-то раз и навсегда. Метафора социальной группы, примененная к Государствам, позволяет построить принципиальную схему их функционирования в отношении друг друга. Каждый Князь свободен реализовать свои интересы любыми способами и огра-

¹ Wight M. *Systems of States*. London: Leicester University Press, 1977.

ничен лишь свободой другого. Но как общество (в представлении социологов) не сводится исключительно к совокупности индивидуумов, реализующих свои частные интересы, но отличается еще наличием набора установок, разделяемых всеми его членами, так и Государства в своих взаимодействиях выстраивают социальный фрейм, гибкий, но всегда наличествующий. Это может быть выражено как в системе международного права (как, например, в *Jus Publicum Europaeum*), в международных конвенциях, конгрессах, соглашениях и т. д., так и в неформальных договоренностях, и даже в секретных пунктах двусторонних или многосторонних договоров.

Такой взгляд на Князя, выступающего как метонимия Государства, предопределяет и поведение политических элит. Элиты оказываются не просто высшим этажом национального Государства, но и участниками более широкого международного клуба. Будучи номинально полностью независимыми от внешних установок (суверенными), они, тем не менее, вовлечены в процесс международной социализации, являясь участниками дипломатических миссий, конгрессов, переговоров и т. д.

Решение и престиж

Понятие мирового общества как общества Государств, вводимое Английской школой в МО, сказывается на анализе процедур принятия решений в области внешней политики. Здесь снова это направление занимает среднюю позицию между классическим реализмом и классическим либерализмом. В отличие от либералов, представители Английской школы отказывают простым гражданам Государства в компетенции в области внешней политики, и поэтому согласны с реалистами, что на решения в этой сфере их мнение никак не сказывается. Но, в отличие от реалистов, здесь утверждается, что эти решения принимаются не только на основании расчета национальных интересов и соответствующих ресурсов на фоне международной конъюнктуры и баланса сил. Кроме этого существует неписаные правила поведения стран и их элит в международной сфере, которые требуют от них соблюдения определенных стандартов — в вопросах ведения войны, переговоров, решения спорных территориальных вопросов и т. д. Эти стандарты не являются строго обязательными и не формируют наднациональных инстанций. Однако они отнюдь не исключают ссор и конфликтов. Но при принятии кардинальных решений (о войне и мире, союзе или его разрыве) эти стандарты чаще всего учитываются теми Государствами, которые претендуют на достойное место среди других Государств¹.

Такие рамки поведения при принятии решений связаны с социологическим явлением «престижа». Фактор «престижа» не измеряется ни в материальном эквиваленте, ни регулируется юридическими нормами. Он имеет иную природу и должен учитываться при социологическом подходе к изучению поведения социальных групп. В разных социальных группах критерии престижа оцениваются по-разному. В отношениях между Государствами эти критерии, как правило, учитывают степень легитимности /легальности правителей, поведение армий в отношении комбатантов и мирного населения во время ведения военных действий, соблюдение договоров и союзнических обязательств и т. д. Требование соблюдения подобных правил пре-

¹ Bull H., Watson A. (eds.), *The Expansion of International Society*. Oxford: Clarendon Press, 1984.

стижа не может служить прямым ограничением для тех или иных решений — принцип суверенитета здесь полностью сохраняется. Но тем не менее логика социализации чаще всего заставляет с этими правилами считаться под угрозой социального ostracизма в глазах других членов сообщества Государств.

3.1.4. Марксизм: власть капитала

Предпосылки

Марксизм решает проблему власти весьма специфическим образом. С одной стороны, Маркс вслед за Гегелем уделяет проблеме диалектики Господства самое пристальное внимание, а с другой — трактует структуры властных отношений в классовом ключе, что отличает его подход от большинства буржуазных политических теорий — как реалистских, так и либеральных, хотя можно найти определенные параллели с либерализмом.

Маркс видит политическую структуру общества как процесс, прогресс и развитие. Эту веру в прогресс коммунисты разделяют с либералами. И те и другие убеждены, что постепенно происходит общественное развитие, которое несет с собой повышение уровня научного сознания, технологической эффективности и социального совершенствования обществ. И марксисты, и либералы полагают, что природа человека нейтральна или позитивна, и что под воздействием общества ее можно изменить к лучшему. В этом их отличие от реалистов, которые убеждены, что человек скорее плох, чем хорош, и что при любых обстоятельствах необходима инстанция, которая будет сдерживать его свободу. А, следовательно, прогресс всегда есть нечто относительное, частичное, обратимое и не гарантированное автоматически историческим процессом.

Но в свою очередь между либералами и марксистами принципиальная разница состоит в том, как те и другие интерпретируют прогресс и какой видят его конечную цель. Либералы убеждены, что общество равных возможностей с преобладающим средним классом, рыночными отношениями, демократическими институтами и свободами является пиком исторического развития и универсальной судьбой. Запад прошел по этому пути первым, а остальные общества будут догонять его в этом движении. «Свобода — лучше, чем несвобода. Прогресс — чем отсталость. Эффективная организация производства — чем неэффективная и затратная. Процветание и богатство — чем запустение и нищета», — рассуждают либералы, и строят на этом свои теории. В МО это сказывается на принципе распределения власти в пользу гражданского общества и глобализации человечества как кульминации исторического процесса. Такой либеральный «конец истории» предвидел гегельянский философ А. Кожев. Позднее его же описал Ф. Фукуяма¹.

Марксисты, с одной стороны, соглашались с этим видением истории и исторической предопределенностью капитализма и буржуазной глобализации (как пика исторического развития мировой капиталистической системы — Ленин называл это «империализмом»), но с другой — полагают, что капитализм не является обществом свободы и демократии, и на самом деле, передоводит все предыдущие типы неравенства и доминации элит над мас-

¹ Фукуяма Ф. Конец истории и Последний человек. М.: Издательство АСТ, 2004.

сами в область экономических отношений (в этом суть классовой теории)¹. Марксисты отрицают, следовательно, саму идею «среднего класса», показывая, что развитие капитализма не снимает классовых противоречий между капиталистами и пролетариатом, но только обостряет их. Средний класс, мелкая буржуазия не есть нечто самостоятельное, но лишь искусственная общественная прослойка, подлежащая расщеплению: часть будет интегрирована в капиталистический класс, другая — сброшена в социальный низ, в зону пролетариата. Равенство возможностей в условиях капитализма приводит к фактическому неравенству, а значит, мы имеем дело с несправедливым обществом. Отсюда вытекает следующее отличие марксистов от либералов: мировая капиталистическая система, согласно марксистам, есть не последнее слово в истории общественного развития, а предпоследнее, т. е. диалектическая фаза такого порядка, который должен быть преодолен и опровергнут серией социалистических революций и построением коммунистического общества. При социализме классы поменяются местами: пролетариат уничтожит буржуазию и сделает все общество пролетарским. Отношения к собственности и производству радикально изменятся, реальное и фактическое равенство возобладает, справедливость восторжествует.

Прогресс, по Марксу, таким образом, есть явление диалектическое и противоречивое, и в ходе его неизбежна мировая антикапиталистическая революция, которая и станет «концом истории». Не мировой глобалистский капитализм, но мировой пролетарский коммунизм является для марксистов целью исторического процесса.

Таким образом, марксизм и неомарксизм в МО трактуют власть, а также Государство, элиты и структуру принятия решения в международных отношениях весьма оригинальным образом — радикально отличным как от реализма, так и от либерализма в МО.

Капитал как субъект мирового господства

В соответствии с классовой теорией, марксисты при анализе общества и его политической системы ставят принципиальный вопрос: к какой формации рассматриваемое общество относится (докапиталистическое, капиталистическое, социалистическое), т. е., как в нем структурируются отношения к средствам производства. В Новое время большинство обществ является либо капиталистическими (в первую очередь страны Запада), либо находятся в колониальной или полуколониальной зависимости от капиталистических стран Запада. По Марксу, природа капитала заведомо интернациональна, и национальная буржуазия является с принципиальной точки зрения лишь сегментом мировой буржуазии. На этом основано марксистское толкование глобализации: буржуазная система, будучи интернациональной, заведомо тяготеет к тому, чтобы стать таковой в полном смысле этого слова². Капитализм в своей сущности всегда был глобальным, и следовательно, глобализация есть логическое следствие, вытекающее из внутренней природы капитала³.

¹ MacLean J. Marxism and international relations: a strange case of mutual neglect // Millennium, vol. 17, no. 2.

² Baran P.A. The Political Economy of Growth. Harmondsworth: Penguin, 1957.

³ Amin S. Mondialisation, comprendre pour agir. Paris, 2002.

Поэтому марксисты в МО, как и либералы, утверждают, что национальные Государства не являются полностью независимыми друг от друга суверенными единицами (на чем настаивают реалисты), но представляют собой *систему* («мир-систему» у неомарксиста И. Валлестрейна¹). Единственным реальным Князем и полноценным Левиафаном является мировая буржуазия, глобальный гегемон. Только капитал считается настоящим сувереном, причем мировым и интернациональным. Национальная буржуазия может конкурировать с национальной буржуазией другого Государства так же, как конкурируют между собой фирмы и монополии, но во всех случаях их объединяет принадлежность к общему классу. А значит, перед лицом пролетариата, и особенно перед лицом мировой пролетарской революции, все буржуазные режимы будут выступать солидарно, помогая друг другу раздавить общего классового врага. Из этого вытекает следующий вывод: национальные правительства при всех своих полномочиях не обладают последним словом при принятии решения, т. к., в конечном счете, все решает мировой капитал и его глобальные (а не национальные!) интересы.

Такая схема заведомо рассматривает поле международных отношений как зону классового конфликта: на одном полюсе этого конфликта — транснациональная капиталистическая элита, на другом — интернациональные пролетарские массы. С этой классовой точки зрения деление обществ на Государства есть условность, прикрывающая собой единство мировой империи Капитала, являющегося глобальным сувереном, «князем мира сего». Он правит народами и обществами и является субъектом истории. Неомарксисты в таком ключе интерпретируют глобализацию и так же, как и либералы в МО, считают ее неизбежной и обусловленной всей логикой истории. Но если либералы видят в такой планетарной демократической системе пик блага, то марксисты, напротив, воспринимают ее как триумф зла.

Капитал и экономическая эксплуатация человека человеком, согласно марксистам, есть чистое зло, а, следовательно, универсализация капиталистического строя на всем пространстве планеты есть его наиболее полное и законченное выражение. Князь-Капитал правит миром, и понимание этого, а также моральная (негативная) оценка данного обстоятельства есть начало марксистского анализа.

Если поставить здесь вопрос о том, кто является субъектом политического решения в межнациональных отношениях, марксисты ответят: сама капиталистическая система в ее историческом выражении, т. е. диалектика общественной истории человечества. Буржуазные политики, правительства, функционеры и элиты лишь оформляют магистральную логику глобального капитала — неважно, осознают они это или нет. Поэтому марксистская критика направлена не столько на правительство или политическую систему, сколько на экономическую и общественно-историческую подоплеку капитализма. Отсюда принципиальный тезис Маркса: экономический базис (то есть соотношение развития производительных сил и производственных отношений) полностью предопределяет надстройку (политические и социальные системы). Законы капитализма важнее и фундаментальнее, чем законы того или иного Государства, решения тех или иных властителей. Поэтому

¹ Валлестайн И. Миросистемный анализ: Введение. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006.

классовый анализ должен, прежде всего, исследовать базис, и на основании такого исследования выносить суждение относительно чисто политических аспектов.

Главное решение, которое принимает мировой Капитал — сохранять и укреплять свою власть, увеличивать свое могущество, держать под контролем мировой пролетариат и предотвращать революционные процессы во всех обществах — развитых, развивающихся и отсталых. Глобализация есть процесс, который делает очевидной и эксплицитной интернациональную (транснациональную) природу капитализма¹. «Демократии друг с другом не воюют», — с этим марксисты в МО могли бы согласиться, но демократии воюют с пролетариатом.

Решение о Революции

Так как власть имеет классовую сущность, а принципиальных классов марксисты насчитывают только два (буржуазия и пролетариат), то можно говорить о двух типах власти — власти капитала и власти труда. Власть капитала всегда есть диктатура, т. к. система эксплуатации экономически сильными экономически слабыми, есть по своей природе диктат и узурпация, какими бы правовыми нормами это ни прикрывалось. Марксисты не признают легальности капитализма, и, соответственно, не считают обоснованным буржуазное право. Капитализм исторически неизбежен, но это не делает его оправданным. Это лишь необходимый момент исторического зла — тезис, подлежащий преодолению и снятию. Власть глобального капитала, согласно марксистам, обеспечивает власть конкретных буржуазных правителей через имплементацию буржуазных правовых нормативов: так капитал вначале формулирует свою правовую систему, а затем оправдывает ею свое существование. За буржуазным правом марксисты видят произвол и диктатуру. Поэтому для последовательного марксиста ни одно положение буржуазного права, ни оно решение буржуазного правительства не является легитимным (если использовать понятие М. Вебера). Князь правит только силой, и тот факт, что эта сила имеет прежде всего экономическое выражение и скрывается под системой законов, ничего не меняет по сути. По мысли марксистов, буржуазный режим не имеет морального обоснования и должен быть низвергнут. Так рождается теория Революции.

Наряду с буржуазным классом существует пролетарский класс. Он находится в униженном положении, но именно он создает материальную базу общества, и, следовательно, будучи сам бедным, порождает богатство и делает богатых богатыми. В буржуазном Государстве все законы построены в интересах капитала, поэтому пролетариат живет в условиях отчуждения и превращения в предмет. Самое бытие пролетариата отрицается, человеческое приравнивается к механизму для получения прибыли. Марксист предлагает не мириться с таким положением дел, но, полностью осознав его безвыходность, принять главное решение — решение о Революции. Пролетариат, осмыслив себя как класс, т. е. как движущую силу мировой истории, должен сплотиться и приобрести политическое измерение (коммунистическая партия). Это измерение состоит в том, чтобы поднять массы на восстание против элит с целью свергнуть глобального Князя и разрушить левиафа-

¹ Baran P. The Political Economy of NeoColonialism. London: Heinemann, 1975.

ническую систему буржуазного господства. Классовый суверенитет буржуазии должен быть низвергнут, и пролетариат должен установить свою власть — диктатуру пролетариата.

В области международных отношений важно, что оба класса являются глобальными, интернациональными и транснациональными. Поэтому классовая борьба также является глобальной, интернациональной и транснациональной. Марксистский лозунг «пролетарии всех стран соединяйтесь» имеет глубокий смысл: классовая борьба является сущностно глобальной и ведется на планетарном уровне. Конечно, у этой борьбы есть зоны большего или меньшего значения (самые важные баталии проходят в развитых западных обществах). Но важно, что классовое объединение пролетариата обязательно должно включать в себя пролетариев именно «всех стран». Интернационализм составляет сущность марксизма.

Класс мировой буржуазии защищает статус-кво и эволюцию мировой капиталистической системы. Все решения, принимаемые правительствами разных стран, в конечном счете, по мнению марксистов, суть не что иное, как частные моменты этого глобального плана. Против этого мировой пролетариат выдвигает альтернативное решение, направленное на осуществление мировой Революции для радикального опрокидывания статус-кво. Князь-Капитал должен быть сброшен с трона, и власть в глобальном масштабе должен захватить осознавший себя и сплотившийся в единую интернациональную революционную организацию пролетариат.

Классовое толкование марксистами субъекта принятия решения существенно отличает их от реалистов и либералов в МО. Согласно марксистам, класс обладает всеми признаками полноценного субъекта — волей, рациональностью, способностью к стратегическому планированию, анализом логики исторического процесса и т. д. Поэтому конкретные социальные и политические группы суть не более чем посредники для выражения класса и его интересов. Два антагонистических класса формируют два противоборствующих субъекта — каждый из которых имеет свои нормативы, свою рациональность, свою мораль, свои интересы, свои структуры, свое планирование, свои ресурсы. При этом один субъект — буржуазия — находится в доминирующем положении и способен развернуть свое содержание в действительном историческом бытии, другой субъект — пролетариат — пребывает в подавленном состоянии, а его структуры и стратегии потенциальны. И вместе с тем этот революционный субъект не является абстракцией, но встроен в самую сердцевину капиталистической системы (материальное производство, труд, как источник богатства), а, следовательно, способен нанести по ней фатальный удар.

Анализ марксистами международных отношений настолько оригинален и асимметричен, что сравнивать его с реалистской и либеральной парадигмами в вопросе о природе политической власти и ее функции в международных отношениях, затруднительно. Согласно марксистам, реалисты и либералы полностью выражают классовую позицию буржуазии и тем самым не столько скрывают реальную картину международных отношений и политических и общественно-исторических процессов, сколько (более или менее сознательно) искажают ее. При этом либералы точнее описывают глобальность капиталистической мировой системы, хотя и делают это с помощью моральных оценок и терминов, прямо противоположных марксистским.

3.1.5. Постпозитивистские теории: деконструкция Князя

Критическая теория: анатомия влияния

Критическая теория в МО в значительной степени строится как раз на анализе фигуры Князя и структуры принятия решения во внешней политике. Программный труд основателя этого направления англичанина Роберта Кокса «Анатомия влияния: принятие решений в международных организациях»¹ посвящен именно этому. Кокс, а также другие представители этого направления, например, Стивен Гилл, основывают свои теории на идеях Антонио Грамши².

Итальянский коммунист Антонио Грамши разработал теорию гегемонии, которая по своему содержанию отличается от понимания гегемонии в реалистской школе МО. Создатели критической теории во многом исходят именно из понятия гегемонии.

Идеи Грамши при анализе структуры власти привносят в общий марксистский подход несколько существенных дополнений. Грамши начинает с того, что анализирует пролетарскую революцию в России и идеи Ленина³. В сравнении с классическим марксизмом он обнаруживает у Ленина и в истории русской революции ряд совершенно особых черт. Маркс все сводил к базису и ставил экономические отношения во главу угла. Но такой подход, проведенный последовательно, опрокидывался историческим фактом русской пролетарской революции, свершившейся в стране со слабо развитым пролетариатом и в отрыве от аналогичных процессов в иных странах. Пролетарская революция в отдельно взятой аграрной стране должна была быть как-то объяснена. Грамши предлагает это объяснение через политический фактор. Наличие хорошо организованной и осознающей свою историческую миссию марксистской партии под руководством Ленина стало решающим фактором в победе революции и построении социализма даже при недостатке иных ортодоксально марксистских требований. Значит, заключает Грамши, надстройка имеет важное самостоятельное значение, и опыт политической консолидации коммунистической партии в исторического субъекта, т. е. практика ленинизма, может стать самостоятельным моментом. Политический фактор продемонстрировал здесь свою относительную автономию и эффективность.

Но Грамши идет дальше и предлагает рассмотреть еще один сегмент надстройки, отличный от политики. Он называет это «гражданским обществом» или «интеллектуалами». Грамши всех людей относит к «интеллектуалам», т. к. они как вид наделены интеллектом. Интеллектуалы, по Грамши, не просто описывают мир вокруг, но в значительной степени и конструируют его. Это конструирование — через культуру, образование, средства массовой информации, науку — происходит не в вакууме, а отталкивается от конкретной социальной среды или класса. В классовом обществе интеллектual становится выразителем класса. Грамши называет такого интеллектуала органическим. Вот здесь Грамши и вводит понятие *гегемонии*. Гегемония, согласно ему, есть утверждение властных отношений и нормативных структур социальной

¹ Cox R., Jacobson Harold K. The Anatomy of Influence: decision making in international organization. London, 1973.

² Gill S. Gramsci, Historical Materialism and International Relations. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.

³ Грамши А. Тюремные тетради. М.: Издательство политической литературы, 1991.

реальности в интересах либо буржуазии, либо пролетариата. При этом в отличие от экономического доминирования или политической власти, гегемония проявляет себя скрыто, косвенно, и не воспринимается как прямое принуждение, насилие, навязывание. Гегемония устанавливается в надстройке, и ее носителями являются «органические интеллектуалы», которые ассимилируют и воспроизводят ее. По Грамши, по аналогии с доказанной ленинизмом относительно автономией политического фактора в надстройке в отношении экономического базиса, «интеллектуалы» относительно независимы и от экономики, и от политики, и поэтому могут добровольно выбрать класс, от имени которого они будут реализовывать свою деятельность в структурах «гражданского общества»: в науке, культуре, образовании, СМИ, экспертном сообществе и т. д. Как в экономике есть хозяева-буржуа и наемные рабочие-пролетарии, в политике — правящие партии, политические элиты и массы, так и в «гражданском обществе» есть те, кто встают на сторону буржуазии и соучаствуют в установлении и укреплении ее гегемонии, и те, кто выбирает сторону революции. Эти последние суть носители контргегемонии и выступают от имени рабочего класса, масс и обездоленных, даже в том случае, если сами социально к этому классу не относятся.

Итак, грамшистский анализ делит фигуру Князя на три составляющие:

- экономическая *доминанция*, капитал (базис);
- прямая политическая *власть*, политические партии, административный государственный аппарат (надстройка);
- *гегемония*, «органические интеллектуалы» (надстройка).

В сравнении с моделями Князя в теориях реалитов, либералов и классических марксистов, мы легко можем заметить существенное отличие такой схемы. Экономическая доминанция, политическая власть и гегемония суть три качественных составляющих суверенитета. Они формируют три ядра, заявляющие о себе в принятии решений. Глобальное решение на уровне базиса всегда принимает капитал. Политическая власть на уровне Государства принадлежит правящим политическим организациям. А гегемония разворачивается в интеллектуальной сфере. При этом Грамши настаивает, что гегемония является важнейшей составляющей общего процесса властвования, т. е. предопределяет структуру Князя не меньше, чем иные формы иерархий. «Органические интеллектуалы» способны создать «исторический блок» и осуществить «культурную революцию» в буржуазном обществе в интересах обездоленного класса не менее эффективно, нежели осуществленная Лениным политическая революция. Причем это возможно даже тогда, когда социальных и политических сил для прямых революционных действий недостаточно. Грамши полагает, что надо начинать с «позиционной войны» (подготовка «культурной революции»), а затем переходить к «действенной войне», включающей политические и экономические резервы консолидированного интеллектуалами-нонконформистами общества.

Применительно к международным отношениям Грамши применяет свою теорию следующим образом. Возьмем два Государства: в одном буржуазные политические реформы победили, в другом общество остается под контролем прежних добуржуазных или небуржуазных политических сил (Грамши называет это обобщенно «цезаризмом»). Первое Государство, тяготеющее к интернационализации, по логике капитала будет оказывать давление на второе. В сфере экономики это будет конкуренция, в сфере политики — прямая военная угроза (гонка вооружений), а в сфере «гражданского

общества» — проникновение гегемонии извне (идеологическая война). Если небуржуазная власть второго Государства будет полностью закрываться от этого давления, оно проиграет конкуренцию. Если она примет правила игры, то существующая власть будет сметена внешним влиянием и подъемом внутренней буржуазной среды, требующей политических перемен. В обоих случаях не исключено и прямое вторжение. Реагируя нерадикально, «цезаристский» режим (традиционные элиты, правящие кланы и т. д.) вынужден будет проводить определенные реформы, т. е. находиться в состоянии, называемом Грамши «transformismo».

При этом внешняя гегемония будет дублироваться подъемом носителей гегемонии внутри общества. И именно в силу фактора «гегемонии» рано или поздно второе Государство будет обречено на кризис.

Этот теоретический аппарат Р. Кокс применяет к анализу современного состояния дел в мировой политике и показывает его эффективность для точного описания того, как обстоит дело в осмыслении протекающих там процессов, отраженных, прежде всего, в МО как дисциплине. Кокс показывает, что большинство теорий в МО (как реалистских, так и либеральных) являются выражениями гегемонии, а сами теоретики выступают как «органические интеллектуалы», служащие верой и правдой глобальной буржуазии. Другой представитель критической теории, Стивен Гилл, более конкретно анализирует такую международную организацию как «Трехсторонняя комиссия», описывая ее как своего рода штаб «мировой гегемонии» и прообраз мирового правительства, моделируемого в среде интеллектуалов, экспертов и журналистов.¹

Князь в критической теории, таким образом, точно так же, как у Грамши, имеет экономическое, политическое и интеллектуальное содержание и глобальный размах планетарной доминации². При этом сама эта доминация конструируется не только в материи (военная мощь, экономический потенциал, энергетические ресурсы), но и в духе людей, в умах, в концепциях, в терминах, в теориях, в научных организациях. Таким образом, сама область МО есть важнейшая зона, где разворачиваются процессы гегемонии и где «органические интеллектуалы», преданные капиталу и буржуазному строю в результате свободного выбора (а не в силу predeterminedенной классовой принадлежности к буржуазии), не просто отстаивают статус-кво капиталистической глобализации или прямого империализма, в первую очередь, американского), но и создают, проецируют, организуют и укрепляют его, и наконец, планируют и создают его на уровне образования, культуры, масс-медиа и идей.

Предложение представителей критической теории сводится к тому, чтобы разоблачить Князя, в первую очередь, в его гегемонистской ипостаси, образовать ядро сторонников контргегемонии в МО и начать «позиционную войну» с «органическими интеллектуалами», обслуживающими и создающими мировую транснациональную капиталистическую систему.

Постмодернизм: правило имманентности

Постмодернизм в МО является наиболее радикальным направлением постпозитивизма в МО. Его представители, вслед за философами-постмо-

¹ Gill S. American Hegemony and the Trilateral Commission. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.

² Wyn Jones R. (ed.) Critical Theory & World Politics. Boulder, Colorado: Lynner Rienner, 2001.

дернистами (М. Фуко, Ж. Деррида, Ф. Лиотар и т. д.), рассматривают всю реальность как «текст без автора» и отрицают субъект-объектную топику, которая лежит в основе философии и науки Нового времени (отсюда приставка «пост-» в названии течения — они стремятся построить философию и науку на основаниях, отличных от эпохи Модерна). Программные тезисы постмодернизма в МО обобщены американским специалистом в МО Джеймсом Дер-Дерьяном¹.

В качестве базового принципа они вводят «правило имманентности». Представитель постмодернизма в МО Ричард Деветак пишет: «Правило имманентности утверждает, что существует постоянная и неизменная связь между способами интерпретации и практиками доминирования; задача специалиста в МО показать, как практики доминирования вписываются в интерпретационные матрицы современности»².

Это вводит нас напрямую в проблематику Князя, как ее трактуют постмодернисты. «Правило имманентности» иными словами можно описать как утверждение, что реальность представляет собой сплошной текст, как заполненное знаками пространство между субъектом и объектом. Ни самого субъекта, ни самого объекта в отрыве от текста и сопряженных с ними интерпретационных систем дешифровки (*grille de lecture* — фр.), не существует; они конструируются на обоих концах текста в ходе интерпретации. Внешняя реальность конституируется сами текстом, а ее интерпретатор, субъект, появляется в самом процессе интерпретации, а не до него. Из этого вытекает, что реальность является такой, как ее описывают. Изменяя описание, мы изменяем реальность. Это наиболее радикальное выражение позитивизма как такового³.

Но правило имманентности дополняет такое прочтение реальности вторым компонентом: *волей к доминации* (как иным изданием классической ницшеанской концепции «воли к власти»). Расшифровка текста происходит в соответствии с базовыми властными установками, а, следовательно, воля к власти есть основной алгоритм семантического анализа. М. Фуко ввел такой термин «воля к знанию», чтобы подчеркнуть, что структуры гуманитарного и научного знания (эпистемы) всегда структурируются вдоль волевой оси, представляющей собой стремление к чистой доминации. При этом постмодернисты (и в этом их отличие от представителей критической теории, к которым они в отдельных моментах довольно близки) отказываются выявлять субъекта воли к власти. Эта воля существует сама по себе, *прежде* субъекта (например, класса, сословия, партии, идеологии, религиозной группы и т. д.). И в такой ситуации задача постмодернистского ученого заключается в том, чтобы

- 1) корректно описать структуру текста и привязанную к нему модель властной интерпретации (выявить волю к доминации);
- 2) подвергнуть деконструкции весь анализируемый комплекс теоретизируемой реальности, показав произвольность семантических проекций;
- 3) освободить место для плюральных и альтернативных интерпретаций, организуемых более свободно, нежели жесткая вертикаль воли к власти.

¹ *Der Derian J., Shapiro M.* (eds). *International /Intertextual Relations; Postmodern Readings of World Politics*. New York: Lexington Books, 1989.

² *Devetak R.* *Postmodernism* // Burchill S., Linklater A. *Theories of International Relations*. London: Macmillan Press, 1996.

³ *Smith S.* *Epistemology, Postmodernism and International Relations Theory: A Reply to Osterud* // *Journal of Peace Research*. 1997. Vol. 34 (3). P. 330 — 336.

Все эти три действия применительно к МО имеют самое прямое отношение к фигуре Князя и решения¹. Поскольку фигура Князя наиболее подробно анализируется в реализме, критика реализма становится главной темой постмодернистов в МО (Р. Эшли и особенно Д. Джордж²).

В Князе постмодернисты видят квинтэссенцию воли к власти, выраженную в чистом виде³. Любые объяснения и обоснования, приводимые в защиту необходимости Левиафана, они рассматривают как второстепенные и прагматические инструменты, используемые волей к господству, т. е. любые теории в МО суть теории, служащие только для практических нужд (*problem-solving theory*). Воля к доминации первична, все остальное — в том числе субъект власти, аргументация в пользу ее необходимости, и даже сама социально-политическая реальность — суть проекции этой воли. Эта воля выражается в первую очередь в тексте, т. е. в описании картины мира, в структурировании этой картины и закреплении в ней иерархий и симметрий. Князь, таким образом, становится не субъектом политической власти, как в позитивистских теориях МО, но процессом интерпретации и структурирования текста. Воля к доминации *любой текст* читает как систему властных отношений, выделяя повсюду главное и второстепенное, субъектное и объектное, активное и пассивное, верх и низ и т. д. Область политики и сфера международных отношений есть текст, полностью подлежащий этому «правилу имманентности». Боле того, именно в области политики, по определению оперирующей с категорией власти, это видно яснее всего. В области международных отношений принцип Князя, т. е. воля к доминации, достигает своего апогея, т. к. оперирует с глобальными категориями: мир, планета, человечество. Поэтому постмодернизм обращается к МО не случайно: в дискурсе о международных отношениях представители этого течения видят кульминацию воли к власти в ее максимальном масштабе. А теории МО видятся как тот текст, который представляет собой концептуальную матрицу, где эта воля разворачивается.

Основной посыл постмодернистов может быть определен как «деконструкция Князя». Их задача состоит в том, чтобы наглядно продемонстрировать, что претензии специалистов в МО (в первую очередь реалистов, но также и неолибералов /глобалистов) на чисто научную и беспристрастную (отвлеченную) теоретизацию объективной действительности, полностью живы, и что на самом деле теоретики МО позитивистских школ своими исследованиями навязывают человечеству жесткие вертикальные модели прочтения международной политики, построенные по принципу насилия, принуждения, господства одних над другими. Получается, что позитивистские теоретики МО не просто оправдывают существующее неравенство (между богатым Севером и бедным Югом, между цивилизацией и варварством, между социально развитым Западом и развивающимся или неразвитым Востоком и Третьим миром), на чем настаивают представители критической теории в МО, грамшисты и некоторые неомарксисты, но активно создают его своими руками, внедряя соответствующие интерпретации реальности и на-

¹ Walker R.B.J. *The Prince and the Pauper: Tradition, Modernity and Practice in the Theory of International Relations* // Der Derian J., Shapiro M. (eds). *International /Intertextual Relations: Postmodern Readings of World Politics*.

² George J. *Discourses of Global Politics: A Critical Introduction to International Relations*. NY: Lynne Rienner Publishers, 1994.

³ Sanbonmatsu J. *The Postmodern Prince: Critical Theory, Left Strategy, And The Making Of A New Political Subject*. Quebec: Monthly Review Press, 2004.

стаивая на их «объективности», «нейтральности», «научности». Таким образом, Князь порождается теоретиками, выпрастывающими свои темные агрессивные комплексы вовне и навязывающими их человеческим обществам. Специалисты в МО (и в первую очередь, реалисты), с точки зрения постмодернистов, предстают опасными маньяками, описывающими мир в терминах угроз, безопасности, оборонного сознания, конкуренции для того, чтобы свести, в соответствии со своими перверсиями, всю реальность международных отношений к планетарному театру садо-мазо¹.

Такой подход вносит новый момент в разделение внутренней и внешней политики, принципиальный для МО как дисциплины². Воля к доминации, по определению постмодернистов, есть явление универсальное, а, следовательно, грозный Левиафан, утверждаемый в национальном контексте, не может ограничиться этой сферой и стремится ее расширить. Этим объясняется феномен национальных войн, процессы колониализма и империализм. Устанавливая волю к доминации в качестве общего знаменателя внутренней политики (Левиафан), носители властного дискурса не могут на этом остановиться и нормативно концептуализируют поле войны (анархия в международных отношениях). Колонизация — это продление эгоистичных appetites Князя на «ничейные территории», т. е. зоны, не способные сопротивляться хищной агрессивности Запада. И наконец, империализм Нового времени, — британский до середины XX века и современный американский, — представляют собой попытку установить фактическую доминацию над всем пространством планеты.

Постмодернисты показывают, что если реалисты и геополитики открыто рассуждают в терминах силы, баланса сил, могущества, зон влияния и т. д., то в случае либералов и глобалистов та же воля к доминации выражается иными способами. Это не альтернатива откровенной воли к доминации реалистов, но иной путь к той же цели. Под видом пацифизма, развития, модернизации и демократизации, либералы в МО концептуализируют тот же властный иерархический дискурс, где на одном (высшем) полюсе расположены «цивилизованные, демократические, рыночные, либеральные страны» («мировой клуб», по П. Бурдьё³), а на другом — «нецивилизованные, варварские, авторитарные, диктаторские, тоталитарные, коррумпированные режимы» («мировое гетто», по П. Бурдьё⁴). Взаимоотношения между цивилизацией (= современностью, Западом) и всеми остальными (the Rest) осмысляются либералами в жестко иерархических тонах: *высшие* облагодетельствуют *низших* (способствуют их модернизации, демократизации и развитию). В отличие от жесткой имперской колониальной эксплуатации эта форма «патерналистской доминации» является более мягкой (доминанция-lite), но базовое распределение ролей в соответствии с волей к власти не меняется: есть высшие и есть низшие, и отношения между ними носят соответствующий вертикальный характер. Здесь мы снова имеем дело с Князем, но в форме «просвещенного тирана».

¹ George J. Discourses of Global Politics: A Critical Introduction to International Relations. Op. cit.

² Walker, R.B.J. Inside /Outside: International Relations as Political Theory. Cambridge: University Press, Cambridge, 1993.

³ Бурдьё П. Социология социального пространства. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007.

⁴ Там же.

Постмодернисты показывают, что сама иерархия в область международных отношений вносится в первую очередь теми, кто организует дискурс, текстовое послание и описание их структуры. И лишь потом это имплементируется в жизнь. Таким образом, Князя надо искать не в тех или иных политических, экономических группах, силах и явлениях, но в структуре экзистирования теоретиков МО, в глубине их сознания, в их бессознательном, одержимом темными комплексами, страхами, призраками. Вместо того, чтобы им внимать, их надо лечить — к такому радикальному выводу приходят постмодернисты, в конце концов, предлагающие провести «экзорцизм Князя из сознания специалистов в МО».

Естественно, такая вызывающая позиция встретила непонимание, отторжение и возмущение у большинства представителей классических направлений в МО, критикующих постмодернистов за то, что они, якобы, отрываются от эмпирической реальности и придают чрезмерное внимание текстам, дискурсу и экзистенциальному анализу. В то же время в той или иной степени постмодернистская модель МО учитывается сегодня большинством школ и многие представители реализма и либерализма считают своим долгом привести апологетическую аргументацию в отстаивании своих позиций перед лицом постмодернистских атак.

Историческая социология: иерархия обществ

К сходной позиции тяготеют представители «исторической социологии в МО», т. е. собственно социологии международных отношений. Так, ведущий представитель этого течения Дж. М. Хобсон в книге «Евроцентризм в мировой политике»¹ продельвает операцию полностью аналогичную «деконструкции Князя» у постмодернистов, но только в отношении расистской матрицы. Расизм может быть рассмотрен не только в своей биологической, культурной или цивилизационной версии, но и *структурно* — как имплицитное подраумевание, что в отношениях между людьми, обществами, Государствами и цивилизациями существует фундаментальное неравенство, которое можно оформлять в разных теориях и в разных терминах. Такой обобщенный расизм можно назвать структурным. Хобсон выделяет в расизме: научный расизм (откровенно утверждающий превосходство одной расы, этноса, типа общества, культуры над другими) и сублиминальный (подразумевающий такое превосходство, строящий на нем все свои теории, но не заявляющий об этом открыто). Можно говорить об общей для обеих этих разновидностей расизма матрице, ее-то и следует назвать «структурным расизмом».

Структурный расизм может быть выражен на трех уровнях:

- 1) на уровне внутренней политики;
- 2) на уровне внешней политики национальных Государств в их отношении друг к другу;
- 3) в претензиях на глобальность и универсализм.

Расистское прочтение Князя в социологии международных отношений (а также у представителей критической расовой теории — Р. Дельгадо, Дж. Стефанчич²) возможно на всех этих трех уровнях. Хобсон показывает, что противопоставление белой цивилизации и желтого варварства привело

¹ *Hobson J. M. The Eurocentric Conception of World Politics: Western International Theory, 1760–2010. Cambridge: Cambridge University, 2011.*

² *Delgado R., Stefancic J. Critical Race Theory: An Introduction. NY: NYU Press, 2011–2012.*

в XIX веке к появлению тезиса о «желтой опасности», который возродился в XXI веке применительно как к Китаю, так и к исламскому миру. Но, что показательно, следуя за классическими цепочками научного расизма:

белые = цивилизации = порядок = эффективность = вежливость / желтые = варварство = хаос = неэффективность = хищничество

некоторые авторы перенесли это деление внутрь самих западных обществ, обнаружив «Другого» в самих себе, в низших социальных слоях, классах. Так появился парадоксальный, на первый взгляд, тезис о «белой угрозе», которую представляют для цивилизованных, упорядоченных, эффективных и вежливых элит западных обществ свои же собственные варварские, хаотичные, неэффективные и хищные представители низших социальных страт — пролетариат, *underclass*, маргиналы и т. д. (*white thrash*, «белые отбросы»). Таким образом, Левиафан как власть элит над массами можно истолковать в расовом ключе даже в той ситуации, где речь идет о биологически однородном (условно «белом») обществе. Очевидно, что биологической подоплеки в этом примере не существует, однако «структурный расизм» налицо.

В международной сфере расизм проявляется в неравенстве суверенитетов. Согласно Хобсону, имплицитное расистское районирование мира по трем поясам (цивилизация /варварство /дикость или Первый мир /Второй мир /Третий мир или ядро /полупериферия /периферия или постмодерн /модерн /премодерн и т. д.) подразумевает неравенство между политическими единицами, относящимися к этим поясам. Страны Первого мира признают абсолютный суверенитет друг друга, но в отношении суверенитета стран Второго и Третьего мира подразумевают некоторые ограничения. «Варвары и дикари представляют опасность» и «к ним нельзя подходить с такими же критериями, как к обитателям цивилизованного мира», — гласит «конвенциональная мудрость» западного расизма. Отсюда тематика «градуального суверенитета» или «дефолтного суверенитета». Евроцентристский (западоцентристский) расизм вносит в понятие «Князя» нюанс: есть клуб Князей (суверены западных или развитых стран — например, большая Восьмерка) и *гетто* недо-Князей, чей суверенитет, формально такой же, как и у членов клуба, следует рассматривать как определенную *условность* — вплоть до выполнения всех условий, необходимых для вступления в клуб (демократизация, либерализация, соблюдение прав человека, транспарентность, борьба с коррупцией и т. д.). Таким образом, расизм в международных отношениях привносит в эту область фактическую иерархизацию Князей и суверенитетов при их юридическом равенстве. Клуб Князей формирует мировую элиту, полюс цивилизации. Остальные отправляются в мировое гетто с негативными отметками в досье.

Следующим уровнем расизма является империализм, открыто утверждающий, что определенные Государства по тем или иным соображениям должны устанавливать свой контроль над другими Государствами. Аргументы могут быть силовыми, военно-стратегическими, связанными с безопасностью, экономическими (реализм), но могут быть и «гуманитарными»: предотвращение гуманитарной катастрофы, несоблюдение прав человека, нарушение экологических норм и т. д. (либерализм). Империализм подразумевает право на интервенцию, т. е. заведомо ограничивает суверенитет

определенных Государств, признаваемых либо failed-state (неудавшимися Государствами), либо просто достаточно слабыми и беззащитными, чтобы их захват не представлял больших издержек и рисков для гегемона.

И наконец, высшим проявлением расизма в международных отношениях является глобализм и неолиберальный транснациональный универсализм. Здесь неравенство социокультурных паттернов и евроцентризм устанавливаются на глобальном уровне в качестве общеобязательного норматива. Повсюду утверждается в качестве общеобязательного исключительно *западный* критерий того, каким *должно быть* общество — индивидуализм, демократия, идеология прав человека, свободный рынок и т. д. Исторический опыт одного из регионов мира (западной провинции мира) возводится в универсальный абсолюте. Западное признается высшим в глобальном масштабе, а все остальные общества и культуры подлежат трансформации по западным лекалам. Причем происходит это в контексте единого планетарного пространства, One World. Таким образом, расистская подоплека евроцентризма достигает своей кульминации и глобальный мир становится зоной глобального Запада, где все участи (незападные общества и Государства) окончательно утрачивают суверенитет, локальные элиты либо интегрируются в мировую элиту, либо сбрасываются в гетто, в мире воцаряется один — единственный «либеральный Князь» в лице Мирового Правительства.

Хобсон полагает, что такая расистская структура присуща всем школам и направлениям МО, и превращает эту дисциплину из научной в чисто идеологическую (расистскую). В противовес этому он предлагает строить альтернативную модель — неевроцентричную теорию международных отношений, главным принципом которой был бы радикальный отказ от всех форм и вариаций структурного расизма. Социология международных отношений мыслится именно как такое альтернативное направление, но в настоящий момент мы стоим только у истоков развития такого подхода. Можно сказать, что инициатива Хобсона полностью соответствует критическим выводам постмодернистов в МО (Р. Эшли, Д. Джордж), сторонников создания антигегемонистского блока среди представителей критической теории в МО (Р. Кокс, С. Гилл), представителей полицивизационного подхода (Ф. Петито, П. Катценштайн) и разработчикам Теории Многополярного Мира¹.

Феминизм: господство мужчин

Феминизм в МО на сегодняшний день представлен в довольно зачаточном виде, и не имеет ясных унифицированных позиций в отношении ключевых проблем в МО. Более того, постепенно выделяются три направления в феминизме²:

- 1) либеральный, принимающий классические модели МО (чаще всего либерализм) и лишь настаивающий на равных правах для женщин и мужчин в сфере международных отношений (наука, дипломатия и т. д.);
- 2) позиционный, близкий к постпозитивизму и критическим теориям и использующий постмодернистскую критику текста, дискурса и власти (А. Тикнер, Дж. Эльштейн, М. Залевски, и т. д.);

¹ См. соответствующий раздел данной книги.

² *Zalewski M. Feminism after postmodernism: theorising through practice. London: Routledge, 2000.*

3) общий, изучающий место женщины в международных организациях или в институтах, связанных с международными отношениями и внешней политикой (С. Энлоэ и т. д.).

Либеральный феминизм в отношении Князя и решения почти полностью вписывается в либеральную парадигму в МО и добавляет к ней только гендерную аргументацию в полемике с реализмом, не представляющую самостоятельного теоретического интереса. Третье направление мэйнстримного феминизма важно с точки зрения систематизации обширного эмпирического материала, а также положения и роли женщин в области международных отношений; здесь подчеркивается (недооцененное, как правило) значение их наличия в определенных организациях — от секретарш ООН, сотрудниц МИДа до проституток на военных базах. С теоретической точки зрения, самостоятельный интерес представляет только второе направление — *stand point feminism*, предлагающий осуществить деконструкцию классического дискурса в МО с феминистских позиций. Здесь мы имеем дело с «феминистской деконструкцией Князя».

Феминистки в МО начинают с того, что предлагают гендерный анализ базового словаря этой дисциплины. Довольно быстро выясняется, что основные термины имеют мужской пол или отражают особенности мужской (маскулинной) ментальности. Учитывая постмодернистское отношение к тексту, можно сказать, что базовый текст МО есть мужской текст. В нем фигурируют Князь (а не Княжна), мужской Левиафан, «человек человеку волк» (а не волчица), нормативным отношением между Государствами утверждается война (в реализме), суверен также мыслится как управляющий мужчина и т. д. Если маскулинный код заложен в самой основе языка МО, то неудивительно, что мы получаем гомоцентричную карту реальности, структурирующую реальность соответствующим образом. Если в основе модели заложена ориентация на войну и соперничество, то рано или поздно это становится фактом.

Стэнд-пойнт феминистски указывают на то обстоятельство, что человечество приблизительно в равной пропорции состоит из мужчин и женщин¹, но нормативом организации политической реальности в международном (глобальном) масштабе служат только мужчины (то есть только одна половина, выдающая себя за целое). Это замечание бросает особый взгляд на само явление воли к доминации (у постмодернистов в МО) и на феномен гегемонии (в критической теории). Воля к власти и гегемония суть проекции мужского начала и отражают код маскулинного гендера. При этом сама возможность иного подхода изначально не рассматривается. Женщина в такой картине есть «недо-мужчина». Таким образом, она становится первым кандидатом на объект подавления, овеществление, превращения в товар или собственность и испытывает на себе все последствия «мужского расизма» («гендерный расизм» вполне может быть включен в «структурный расизм»). Если феминистски либерального толка стремятся к тому, чтобы их признали равными с мужчинами в контексте мужской Вселенной, то стэнд-пойнт феминистки, напротив, заявляют о своем праве на формирование собственного гендерного контекста, т. е. своей текстологической Вселенной. Эта заявка требует огромной работы с базовыми стратами языка, потому что сам человеческий язык в значительной степени есть *язык мужчин*. Поэтому прежде чем

¹ *Code Lorraine*. Encyclopedia of Feminist Theories. London; New York: Routledge, 2002.

говорить о женской теории в МО, следует детально разработать язык женщин в обобщенном философском измерении. Но само направление, предлагаемое феминистками в МО, чрезвычайно продуктивно.

Если поставить на место Князя Княжну и переписать Макиавелли с позиции женского гендера, мы получим совсем иное представление о господстве, интересах, методах, рациональности эффективности. К сожалению, такого труда как «Principessa», по аналогии с трудом «Principe» Макиавелли, пока не написано.

Гоббс постулирует в качестве «естественного состояния» человечества «войну всех против всех». Это может быть принято, если под «всеми» понимать мужчин. Но поставив на их место женщин, вполне вероятно, что мы получим нечто иное, нежели войну¹. А следовательно, для половины человечества «естественным состоянием» будет нечто иное. Может быть, мир, но совсем не обязательно.

Формула «человек человеку волк», будучи рассмотренной в гендерной перспективе, содержит сразу две «расистские» предпосылки: во-первых, речь идет о homo, т. е. дословно, о «мужчине» (homo homini lupus est). И хотя А. Грамши напоминает, что это только часть более развернутой средневековой поговорки с мизогиническим продолжением (Homo homini lupus, femina feminae lupio — т. е. «мужчина мужчине волк, а женщина женщине еще более волк»), на самом деле, так видит только патриархальный мужчина, проецируя свою «волчью» природу на близкий, но не понятный, и, возможно, поэтому униженный пол. Показательно, что эта поговорка в развернутом виде содержала еще и иерейскую (само) иронию (sacerdos sacerdoti lupissimus — «иерей иерею волчище»). На самом деле, все действующие лица этой поговорки и специфика отношений между ними — чисто мужские. Это не значит, что отношения между женщиной и женщиной всегда будут мирными и нежными, но они всегда будут другие, а кроме того, совершенно особыми будут отношения и к мужчинам. Так как мужчины выносят в область публичного только отношения мужчины с женщиной, а женщину помещают в область приватного, то ее гендерный взгляд изымается из сферы социального и политического. А если бы учесть то, как видит «естественное состояние» женщина, политическая наука узнала бы много нового.

В отношении решения также следует обратить внимание на гендерные коннотации, заложенные в самом языке. На латыни слово «решение», «decisio» этимологически включает в себя значение «разрыва», «разрезания», «разрубания». Такая же этимология у немецкого Entscheidung, т. е. дословно «решительное разрубание», «раскраивание». Русское слово «решение» изначально означало также нечто подобное: разрыв как противоположность соединению, связыванию. Разделение есть, с психологической точки зрения, типично мужской жест. Для мужской ментальности свойственно резкое разделение (дифференциация). Тогда как для женской — растяжение без разрыва, гибкость, упругость или соединение, интеграция. Решение — это радикально маскулинный жест. И тот, кто занимает вершину иерархии мужского общества, сопрягается с этим жестом ритуально.

Поставив на это место «растяжение без разрыва» или «соединение противоположностей» (coincidentia oppositorum), мы получаем совершенно

¹ Elshstain J. Women and War: Gender Identity and Activism in Times of Conflict. Sterling, VA: Kumarian Press, 2010.

иную политическую геометрию: если признать нормативным радикально женский жест, вся сфера Политического изменит свои пропорции. Само значение и структура решения будут изменены до неузнаваемости или вообще отменены. Общество, на вершине которого ничего не решается... В качестве намека на это можно вспомнить китайский даосский принцип «деяния-недеяния» (wu-wei), следовать которому предписывалось правителям. Азиатские общества в целом демонстрируют более сбалансированные модели соотношения мужского и женского начал, ян и инь. Это пример того, что движение в сторону феминистской деконструкции может неожиданно дать вполне позитивные результаты. Созвучные некоторым существующим политическим феноменам — прежде всего в незападных культурах и архаических обществах (например, матриархальные племена, легенды об амазонках и т. д.), но если внимательнее присмотреться, то и на самом Западе (институт женского жречества в дохристианском мире, сестринства фиад в дионисийстве, коллегия римских Весталок, женские монашеские ордена Средневековья и т. д.)

государство, суверенитет, власть, элиты и массы, анархия международных отношений, национальные интересы, государственная целесообразность — все это продукты мужского сознания, спроецированные в тексте и организованные вдоль оси воли к власти, — считают феминистки и готовят тем самым теоретическую почву для построения альтернативного видения МО, вполне соотносимого с аналогичными проектами — контргемонией, неевроцентристской теорией и Теорией многополярного мира.

■ Нормативизм: наш Князь или князь мира (в) сего

Нормативизм относится к нерадикальным постпозитивистским подходам в МО. Нормативисты исследуют в качестве фактов — «экзистенциальные правила», а также институты и практики, основанные на нормативном контенте.

Чтобы продемонстрировать подход к фигуре Князя, Крис Браун выделяет в мировой политике два базовых подхода к пониманию самой природы международных отношений: *космополитизм* и *коммунитаризм*. Космополитизм доктринально рассматривает в качестве нормативной модели политики индивидуальное человеческое существо, наделенное равными правами и обязанностями со всеми остальными человеческими сущностями, и применяет этот принцип в масштабе всей планеты. Это рассматривается как основание морали и образец социально-политического устройства, который необходимо внедрить в жизнь. Мы имеем дело с базовым долженствованием, категорическим императивом морального толка. Противоположная моральная установка — коммунитаризм. Согласно ей, нормативным образцом общества является вполне конкретное и ограниченное общество — нация, культура, цивилизация и т. д., которая может оперировать с теми нормами и ценностями, которые исторически в ней сложились. Следовательно, в основе этического подхода лежат не универсальные (космополитические) критерии, а локальные (национальные, культурные, религиозные и т. д.). По Брауну, оба подхода являются произвольными моментами социального выбора, и сами они позднее снабжают себя системой доказательств и аргументов по логике автореферентного цикла: «это хорошо и так должно быть, потому что это хорошо». Браун полагает, что споры между космополитами и коммуни-

таристами не относятся к какой-то единой эмпирической и позитивной базе, но конституируют предметы своего спора произвольно. И после наделения стартовых представлений этическим измерением, далее логика аргументации напрашивается сама собой.

Применительно к фигуре Князя мы получаем дополнительное измерение. Власть, если следовать за Брауном, может толковаться в двух этических нормативных контекстах — космополитическом и коммунитаристском. В первом случае мы имеем дело с общей моделью Князя, который в реализме мыслится вершиной национального Государства и носителем суверенитета, но с той поправкой, что в полном смысле Князем является высшая властная инстанция современного западного общества или общества, полностью перенявшего западные нормы. Поэтому реалистское понимание Князя, несмотря на то, что оно помещает его во главу конкретного национального Государства, является универсальным. Князья, входящие в клуб, определяют содержание того, что должно входить в обязательный набор Князя, допускаемого туда. Критерии могут различаться: некоторые реалисты предполагают участие в элитном клубе и недемократических Государствах, но либо лояльных Западу, либо слишком могущественных, чтобы с ними не считаться. Но в любом случае содержание Князя как базовой политической фигуры остается универсальным.

Для либералов Князь мыслится через свою просветительскую функцию. Здесь он тем более является универсальным, и либерализм в МО открыто подчеркивает свою космополитическую направленность. Этот космополитизм является нормативом либерализма и глобализма, т. к. процесс модернизации и демократизации, по мнению либералов, призван расщепить национального Князя на две половины: часть его полномочий переходит к наднациональному Мировому Правительству («глобальному Князю»), а часть делегируется индивидуумам в контексте единого глобального гражданского общества. Демократический режим в планетарном масштабе замыкает космополитическую модель: человечество квалифицированно выбирает планетарное правительство в ходе всеобщих выборов, а в контексте будущей «электронной демократии» соучаствует в мировом правлении в ходе постоянно проводимых онлайн референдумов. Так возникает обобщающая фигура мирового сетевого собирательного Князя как кульминация прогресса.

Таким образом, власть в космополитической системе, описанной нормативизмом Брауна, обобщает реализм и либерализм и представляет базовую интерпретационную матрицу МО, возводящую этические принципы в универсальный космополитический норматив.

Совсем иначе проблема Князя представляется в том случае, если мы поместим ее в коммунитаристский контекст. Здесь мы нагружаем фигуру Князя качественными характеристиками, которые относятся исключительно к данному обществу — его политической системе, его культуре, его истории, его религиозным представлениям и т. д. Функционально власть в целом имеет те же характеристики, как и в прежнем случае, но здесь в дело вступает другая этическая парадигма: Князь мыслится исключительно как «*наш Князь*» (*Principes nostrum*). Притяжательное местоимение «наш» имеет здесь ключевой концептуальный смысл. Это не просто уточнение локализации чего-то универсального в конкретном региональном контексте, но наделение власти определенной миссией — представлением всего коллектива перед лицом истории, воплощенным в иных силах, и в частности, в «иных — не

наших! — Князьях». «Наш Князь» как концепт отражает иную этическую установку, а, следовательно, формирует основание для особого норматива. Здесь принцип национального суверенитета толкуется радикально иначе, нежели в космополитической этике: обладать суверенитетом — это не просто преследовать национальные интересы перед лицом конкурентов, но и выражать особую историческую идею, отстаивать «особый путь» (Sonderweg), исполнять миссию. Поэтому «наш Князь» есть кульминация этики, альтернативной космополитической и даже национальной. Он есть фигура всегда уникальной общинной идентичности, не имеющей общей меры с другими идентичностями, а, соответственно, не находящейся с ними ни в каких соизмеримых отношениях. «Наш Князь» не просто не равен (даже нормативно) с другими Князьями, он с ними несопоставим. И уж тем более он ни в коем случае и ни при каких обстоятельствах не должен уступать суверенитет никаким наднациональным инстанциям.

Такова коммунитаристская логика в толковании Князя, и надо заметить, что она может применяться не только к крупным Государствам, великим державам, но и к цивилизационным зонам (как в Теории многополярного мира) или, напротив, к локальным коллективам. Здесь решающее значение имеет не масштаб, а этическая структура, предопределяющая политический и, в последствии, правовой норматив.

Конструктивизм: создать правителя

Конструктивизм в МО наряду с нормативизмом рассматривается как не-радикальная версия постпозитивизма, и лишь стремится привлечь внимание классических специалистов в этой дисциплине к анализу дискурса, норм, идентичностей и их трансформаций, а также процессов социализации в международных отношениях. В отличие от постмодернистов, они отнюдь не отрицают позитивной реальности и не сводят все к тексту и дискурсу, но в то же время указывают на то, что процесс теоретизации, с одной стороны, и построение формулировок в дипломатической практике, с другой, имеют большее значение, чем принято допускать в классических позитивистских моделях.

Можно считать конструктивизм смягченной версией постмодернизма, или напротив, постмодернизм — радикальной версией конструктивизма. Все зависит от перспективы. Теоретик этого направления Э. Адлер поясняет, что «конструктивизм есть подход, основанный на убежденности в том, что формы материального мира, влияющие на человеческие действия и взаимодействия, и также испытывающие на себе влияние человеческих действий и взаимодействий, в свою очередь, зависят от динамической нормативной и эпистемологической интерпретации материального мира»¹. Это предполагает, что, имея дело со сферой объекта, существующего вне нас, но, в то же время, поддающегося нашему влиянию, мы имеем дело не с первичной реальностью, существующей сама по себе (как думают позитивисты), а с динамически меняющимся конструктом. Это не отменяет объективной реальности как таковой, но отодвигает ее на задний план. То, с чем мы имеем дело, это конструкт. Но мы относимся к нему как к реальности, и тем самым делаем его реальностью. При этом реальность как нечто само по себе и автономно от нас

¹ Adler E. Communitarian International Relations: The Epistemic Foundations of International Relations. London and New York: Routledge, 2005.

существующее, с одной стороны, остается за пределом нашей способности осознать ее интеллектуально (как в гносеологии Канта, основателя конструктивизма) и пребывает в качестве «ноумена», а с другой, она питает своим незримым и несхватываемым присутствием сконструированные нами формы, с которыми мы на следующем этапе начинаем иметь дело как с объективными. Эта философская установка предопределяет конкретные модели толкования конструктивистами основных принципов и объектов МО.

Князь, Левиафан, суверенитет и решение подвергают здесь «мягкой деконструкции». Конструктивистам чужд пафос «разоблачения», «подозрения», являющийся важным мотивом других радикальных постпозитивистских теорий в МО. В них отсутствует революционность, они стараются ограничиваться нейтральной констатацией. Но в целом их теории направлены в том же направлении, что и у остальных постпозитивистов: «мир, в котором мы живем, делаем мы сами» (М. Онуф¹).

Следовательно, Князь есть *сконструированная* обществом фигура, ставшая кочевой инстанцией международных отношений. Точно такими же конструктами являются «Левиафан», «элита», «суверенитет», «анархия международных отношений» и т. д. И раз общество создало такие формы, получившие материальное выражение, оно может их сохранить, может изменить, а может и разрушить. В этом смысле конструктивисты, например, А. Вендт, подчеркивают, что структура Князя не является ни такой фиксированной (идентичность), как считают реалисты, но в то же время и не обреченной на демонтаж в ходе глобализации и развития транснациональных связей, как предсказывают либералы. Судьба Князя, а, следовательно, международного порядка и сохранения либо ликвидации национальных Государств в значительной степени зависит от дискурса, и в частности, от дебатов между реалистами и либералами, между оптимистами и скептиками глобализации. Дискурс реалистов укрепляет Князя в его традиционном понимании и фиксирует «анархию в международных отношениях» как «анархию Гоббса». Любые трансформации в мировой политике или экономике толкуются реалистами в подтверждение своих позиций. Так они интерпретируют окружающий мир и одновременно делают его таким, чтобы он соответствовал их нормам (своего рода «самосбывающееся пророчество» Р. Мертона — *self-fulfilled prophecy*²).

Диаметрально противоположным образом поступают либералы в МО, конструируя Князя как переходную фигуру, наделенную иными функциями и иной судьбой (выполнив задачу модернизации и просвещения, национальные Государства уступают место транснациональному глобальному обществу и Мировому Правительству). Этот конструкт «просвещенного Князя» меняет отношение к «анархии в международных отношениях»: вначале «анархия» рассматривается как «анархия Локка», где между суверенными Государствами возможно мирное торговое сотрудничество, основанное на рациональном расчете, а затем и «анархия Канта», т. е. глобальное гражданское общество, где просвещенные индивидуумы (средний класс, ставший единственным социальным актором) будут действовать совместно на основании общности «трансцендентального разума», «поступая друг с другом так, как хотели бы, чтобы другие поступали с ними». И снова либералы в МО

¹ Onuf Nicholas G. World of Our Making. Columbia: University of South California Press, 1989.

² Merton Robert K. Social Theory and Social Structure. New York: Free Press, 1968.

трактуют в свою пользу любые события и явления в международной сфере, т. к. нормативом для них является их этическая система.

Эти миры одинаково возможны, считают конструктивисты, и то, в каком из них мы будем жить в будущем, зависит от нас, от нашего выбора. Значит, и судьбу Князя (суверенитета, национальных Государств, войны и мира и т. д.) предстоит решать нам.

Резюме

В заключение для наглядности объединим результаты нашего сравнительного анализа базовых для МО понятий и концептов в различных парадигмах в сводную таблицу.

3.2 Война, мир, безопасность

3.2.1. Реализм: война как данность

Определения Клаузевица

Война в МО является одной из важнейших тем и стоит в центре наиболее острых полемики и дебатов между представителями основных школ и подходов. Можно сказать, что радикальное различие в отношении к войне как явлению международной жизни разводит по разные стороны представителей двух основных классических направлений в МО — реалистов и либералов. Более того, само название «реалисты» в значительной степени является выражением признания того, что в условиях «анархии» военный конфликт всегда остается открытой возможностью. Либералы же, называемые иногда «идеалистами», напротив, убеждены, что войны в международных отношениях всегда можно избежать, и что главная задача человечества — построить такой международный порядок, который исключал бы войну как таковую («вечный мир»).

Большинство признает три классических определения войны немецкого военного стратега Карла Клаузевица, согласно которому война есть:

- 1) акт насилия, призванный заставить нашего противника исполнить нашу волю;
- 2) наличие двух или более воюющих сторон, относящихся к сопутствующим политическим единицам — государственным или нет;
- 3) продолжение политики другими средствами¹.

Первое определение подчеркивает насильственный характер войны и ее конечную цель. Оба эти понятия имеют самостоятельное значение. Можно начать с цели — принудительное навязывание воли. Если оставить только это определение, война может трактоваться довольно широко, т. к. принуждение исполнить волю другого может проходить различными путями. Принуждение способно быть моральным, экономическим, прямым, косвенным. Заставить исполнить волю можно путем соблазна, обмана и уговоров. Поэтому принудительное навязывание воли, как цель войны, позволяет толковать войну расширительно: «торговая война», «холодная война», «позиционная война», причем для достижения цели войны не всегда строго необходимо прямое применение насилия. В XX веке война, как правило, истолковывается в таком расширитель-

¹ Клаузевиц К. О войне. М.: Эксмо; СПб: Мидгард, 2007.

Князь в парадигмах международных отношений

	Школы МО / Концепты	Князь	Левиафан	Суверенитет	Элиты	Массы	Решение
ПОЗИТИВИЗМ В МО	Реалисты	полностью независим от наднациональных инстанций; эффективность, способность удержать власть, оптимальный политический деятель, рациональность и масштаб	продукт «социального контракта», «ночной сторож», «меньшее из зол», рукотворный Бог, институт легального насилия, защита общества от самоистребления,	полный и абсолютный для национальных Государств	компетентные, лучшие, официально признанные	некомпетентные во внешней политике, λ-индивидуумы	принимается Князем, элитами; сохранение статус-кво (выигравшими) ревизионизм (проигравшими); принимается сувереном в чрезвычайных обстоятельствах (Шмитт)
	Либералы	просвещенный просвещающий временный, переходный момент к гражданскому обществу менеджер, управляющий	подлежит демонтажу в пользу гражданского общества нуждается в демократизации	относительная реальность переходного периода к глобальному обществу	носители политических компетенций в международных отношениях, подлежат демократическому слиянию со средним классом	способны обрести политические компетенции в международных отношениях, т.е. стать «искусственными индивидуумами», подлежат демократическому слиянию со средним классом	принимается обществом — в лице представителей или напрямую (электронная демократия)
	Английская школа	зависим от «клуба Князей», престижа; подлежит социализации	полностью свободен от внешних факторов; зависимость от общества (степень демократизации) в разных обществах различная	полный и абсолютный	до некоторой степени зависят от социальных кодов и правил поведения элит других Государств	на внешнюю политику не влияют	юридически полностью независимо, но на практике учитывает принятые в международном сообществе правила
	Марксисты	глобальный Капитал, буржуазный класс	временный инструмент насилия в руках буржуазии	ничто несущественное	интернациональная буржуазия	интернациональный пролетариат	принимается правящим классом в своих классовых интересах, пролетариат принимает решение о Революции

ПОСТПОЗИТИВИЗМ В МО	Критическая теория	1. мировой капитал (базис) 2. политическая власть, Государство, буржуазные партии (надстройка) 3. гегемония, власть дискурса, интеллектуалы, образование, культура, СМИ, наука (надстройка)	сегмент мировой гегемонии	гегемонистский конструкт	буржуазия, политический класс, «органические интеллектуалы» на службе Капитала	массы, сплоченные в исторический блок «органическими интеллектуалами» пролетариата, основа контргегемонии	поле борьбы гегемонии и контргегемонии
	Постмодернисты	проекция воли к власти в тексте	момент проекции воли к власти в тексте	самоаффирмация воли к власти в тексте	субъектный полюс воли к власти	объектный полюс воли к власти	воля к власти
	Феминизм	маскулинистский конструкт	химера мужского подсознания	выражение мужской доминации	мужчины	женщины	мужское навязывание гендерной доминации
	Историческая социология	воплощение структурного расизма	политическое оформление социального неравенства	абсолютный для белых/цивилизованных обществ (групп) относительный (градиентный, дефолтный) для всех остальных	белые/цивилизация	желтые/варвары черные/дикари	сохранение статус-кво (цивилизация) пересмотр
	Нормативизм	универсальный концепт (космополитизм — реализм/либерализм); локальный концепт — «наш Князь» (коммунитаризм)	универсальный концепт (космополитизм); локальный концепт — Государство с миссией (коммунитаризм)	универсальный концепт (космополитизм); локальный культурно нагруженный концепт — (коммунитаризм)	универсальная (стандартная) глобальная/национальная (космополитизм); локальный культурно нагруженный концепт — (коммунитаризм)	локальные, подлежащие универсализации группы (космополитизм); локальные, неподлежащие универсализации группы (коммунитаризм)	принимается элитами глобально/национально (космополитизм); принимается элитами локально/национально (коммунитаризм)
	Конструктивизм	конструкт	конструкт	конструкт	конструкт	конструкт	оперирование внутри сконструированной среды

ном смысле, хотя сам Клаузевиц настаивал на объединении обоих моментов: кроме принуждения к исполнению воли другого (как цели), в определение войны вводится понятие насилия (как средства). Насилие предполагает практику применения силы — вплоть до убийства и нанесения физических увечий.

Применение насилия, однако, само по себе не всегда квалифицируется как война. Вооруженное восстание, бунт, даже простая драка могут подпадать под данное определение. Поэтому второе определение Клаузевица вносит существенное уточнение: «война ведется между политическими единицами». Иными словами, война всегда есть политическое явление. Так как в Новое время основной политической единицей является Государство, то самым распространенным случаем становится война между Государствами. Средствами ведения войны являются вооруженные силы, а целью — заставить другое Государство выполнить волю победителя.

Однако Клаузевиц оставляет возможность ведения войны между иными негосударственными единицами. Это важно для квалификации таких явлений, как гражданская война или партизанская война, когда противоборствующие стороны имеют четкую политическую идентичность, но при этом не являются Государствами. Однако принципиально то, что речь идет именно о политических единицах.

И тут обнаруживает свое значение третье определение: война как «продолжение политики другими средствами». Такая связь войны и политики имеет колоссальное значение для политической науки и для МО. Согласно классическим реалистам, война составляет сущность политики как таковой. Само возникновение Государства (по Гоббсу) есть ответная реакция на «войну всех против всех». Следовательно, война (ее угроза) лежит в основании Политического. Далее, реалисты рассматривают Государство как инстанцию, призванную в первую очередь обеспечить безопасность граждан перед лицом внешней угрозы. Если Государство запрещает насилие внутри своих границ (используя для этого в свою очередь силу — репрессивный аппарат), то оно же призвано оградить своих граждан от насилия извне. Для этого оно создает армию. Армия есть инструмент Государства для защиты национальных интересов вовне. Полиция — для упорядочивания ситуации внутри. Таким образом, вооруженные силы становятся центральным каркасом Государства как такового, т. е. выполняют его самые основные функции. Безопасность становится, таким образом, одним из главных (если не главным) приоритетов государственной деятельности.

Связь войны и политики подчеркивается всеми реалистами. При этом реалисты настолько близко сводят войну и политику, что война становится нормативным состоянием международных отношений. Война наличествует (потенциально) всегда, лишь ее актуализация является временным явлением. Возможность «войны всех против всех» обуславливает непрерывность существования Государства (отмены которого реалисты не допускают именно по этой причине). А существование Государства есть потенциальная угроза для другого Государства (и наоборот), что делает вопрос обороны и безопасности главным приоритетом политики как таковой, и в значительной мере определяет эффективность и адекватность правителя (правлящих элит, Князя).

Справедливая война: оттенки понятия

Однако война связана и с представлениями о позитивной стороне человеческой деятельности. Обоснование феномена войны в качестве пози-

тивного начала можно найти у Гегеля. Война по Гегелю «высвобождает и проявляет дух нации», а ее «нравственный момент» является прерогативой суверенитета. Поскольку, согласно Гегелю, всемирная история является всемирным судом, то война есть диалектический инструмент этого судебного процесса. Такое видение войны как справедливого явления было заложено еще у Августина Блаженного, который в работе «Град Божий» не только дал теологическое обоснование ведению войны с несправедливыми правителями (добрый человек, столкнувшись со злым, вынужден вступить с ним в войну), но и институционализировал само понятие «священной войны», к которому позднее апеллировали многие европейские правители. На заре Нового времени мы встречаем это понятие у Гуго Гроция.

В XX веке к этой тематике возвращаются США, предлагая модель «гуманитарных войн» (она начала реализовываться при президенте Билле Клинтоне в виде интервенции на Гаити и бомбардировки Сербии). Под этим понятием понимают применение вооруженной силы для атаки на другую страну или интервенцию с целью «защиты ее гражданского населения от геноцида или предотвращения другой искусственной гуманитарной катастрофы». На протяжении последних пятнадцати лет, начиная с бомбардировки Югославии силами НАТО в 1999 г., гуманитарные войны представляют собой не что иное, как удобный инструмент неокOLONIALИЗМА в обход норм международного права, и даже под эгидой ООН, т. к. такого вида войны обычно всегда ведутся в поддержку меньшинства страны-изгоя против большинства, которое обвиняется в «преступлениях против человечества». Однако в дальнейшем могут возникать проблемы, т. к. меньшество зачастую и являются зачинщиками агрессии, как, например, было в Югославии, особенно после доказательств факта геноцида сербов в Сребренице.

Война как состояние

Уже Гоббс трактует войну расширительно. Он понимает под ней не только прямые столкновения регулярных армий противника, но все, что их предваряет и им сопутствует. Гоббс пишет: «война состоит не только в битвах и реальных боях, но во временном промежутке, когда воля столкновения в битве достаточно проявлена»¹.

Еще дальше в толковании войны идет реалист Карл Шмитт. Он переворачивает определение Клаузевица «о продолжении политики другими средствами», и саму политику трактует как «ведение войны другими средствами». Цель войны — навязать другому свою волю, но это же и есть цель политики. Средства, однако, разные: война использует насилие, политика — другие методы. Так, Карл Шмитт определяет Политическое в военных терминах: «Политическое начинается с введения понятия друг /враг»². Актор политики и актер войны конституируются одинаково.

Шмитт различает «войну форм» и «тотальную войну». Война форм предполагает столкновение профессиональных армий, наличие строго определенных политических субъектов, принятие определенных правил (содержание военнопленных, пощада сдавшимся в плен, неприменения насилия к noncombatantам, соблюдение договоров о прекращении огня и перемирии и т. д.). Все это образует комплекс *Jus belli*. «Война форм» содержит

¹ Гоббс Т. Избранные произведения. Т. 1. М., 1964.

² Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. № 1. С. 35–67.

в себе некоторую условность в распределении ролей. Враждующие стороны могут прийти к миру и соглашению и в другом военном конфликте выступить союзниками. Поэтому пара друг /враг не должна толковаться как моральные определения (например, добро /зло), действующие вечно. Тот, кто сегодня является врагом, завтра может стать другом, и наоборот. Это требует признания определенного достоинства за противником и некоторой дистанции от союзника. То же самое Шмитт предлагает перенести и на политику. Политика радикально отлична от морали (развивает Шмитт идеи Макиавелли). И основное отличие состоит в том, что мораль не допускает компромиссов и перемены пары добро /зло, а политика, напротив, строится на рациональном расчете и немыслима без постоянного позиционирования, перераспределения противников и союзников для наиболее успешного и эффективного достижения заявленных целей. «Война форм» соответствует «политике форм».

Этому Шмитт противопоставляет «тотальную войну», когда враг отождествляется с воплощением зла. Тогда война становится «священной» и ведется без правил и без признания достоинства противника, на его полное уничтожение. Такая война чревата геноцидом, т. е. полным стиранием противника с лица земли просто в силу его принадлежности к противоположной враждебной стороне. Такой же эффект дает привнесение морали в политику и отказ от признания политики самостоятельной областью. В этом случае нарушается общенациональный консенсус и возникает угроза внутриусобной гражданской войны, т. е. коллапс Государства.

Шмитт полагает, что либералы в МО, абсолютизирующие демократию и пацифизм, на самом деле создают предпосылки для «тотальной войны», отказывая в человеческом достоинстве своим противникам — тем, кто признан «недемократическим» режимом. Так, тотальный мир и морализм в политике, на чем настаивают либералы, по мнению Шмитта, подразумевает легитимацию геноцида и войну на истребление.

В целом сходных позиций придерживаются и другие реалисты. Природа войны проявляется для них в явной (признанной) диспозиции к битве. Раймон Арон говорит, что «международные отношения развертываются в тени войны»¹. Арон развивает свою мысль: «Международная система есть совокупность политических единиц, поддерживающих друг с другом регулярные отношения, в любой момент способные перерасти в войну»². По Арону, возможность войны напрямую вытекает из принципа анархии в международных отношениях, т. е. в силу отсутствия наднациональной инстанции (подобной Государству-Левифану, ограничивающему насилие внутри зоны своей компетенции с помощью насилия же). «Война существует, пока ей ничто не препятствует», — пишет он. И этот принцип в целом разделяют не только реалисты, но и практически все теоретики МО (хотя реалисты и либералы делают из этой констатации противоположные выводы).

Состояние войны является, таким образом, «естественным состоянием» всей мировой системы. Но если это естественное состояние преодолевается на уровне внутренней политики, то на уровне внешней, напротив, оно сохраняется в полной мере. Так, Ганс Моргентау утверждает: «история по-

¹ Aron R. Paix et guerre entre les nations. Paris: Calmann-Lévy, 1962.

² Aron R. La Société industrielle et la Guerre, suivi d'un Tableau de la diplomatie mondiale en 1958. Paris: Plon, 1959.

казывает, что нации постоянно готовятся к форме организованного насилия, которой является война, к активному включению в нее и к выигрышу в ней»¹.

Реалистам свойственно рассматривать войну как вполне рациональное предприятие. В основе ее лежат расчет, калькуляция затрат и выгод, баланс соображений безопасности, прогнозирование угроз, оценка ресурсной базы и т. д. Государства прибегают к войне как к последнему средству в реализации перспективы достижения поставленных целей, но сами эти цели определяются не на основании эмоций или традиций, а на подсчете и рациональном анализе².

Реалисты не оправдывают войну. Они настаивают на том, что общая структура соотношения внутренней и внешней политики, воплощенная в существующей Вестфальской системе и принципе суверенитета, не может законодательно (и принудительно) обеспечить мир между Государствами. А раз это является объективным свойством интернациональной системы, то это следует принять как данность и поставить вопросы безопасности в центр внешней политики Государства.

Попытки либералов исключить войну вообще как явление нереалистичны, считают они, а попытки добиться этого дадут лишь прямо противоположный результат.

3.2.2. Либерализм: мир как задание

Вечный мир

Либералы в МО исходят из прямо противоположного отношения к войне. Для них война представляется абсолютным злом, преодолеть которое возможно и необходимо. Более того, мир является той целью, к которой движется цивилизация, если становится на путь прогресса и Просвещения. Для того чтобы мир между народами стал реальностью, необходим социальный прогресс.

Эти идеи впервые сформулировал Иммануил Кант, к которому, как к своему провозвестнику, апеллируют обычно либералы.

Кант в работе «Вечный мир» формулирует три условия³. Для достижения вечного мира:

- 1) гражданская конституция Государства должна быть республиканской;
- 2) права граждан должны быть основаны на федерализме свободных Государств;
- 3) космополитическое право должно быть сведено к универсальному гостеприимству.

Эти три пункта до сих пор остаются теоретической основой либерализма и пацифизма в МО. Республика как нормативная модель организации общества предполагает, что в основу политической системы заложены принципы всеобщей рациональности (что может отсутствовать при монархии или тирании). Конституция гарантирует, что мы имеем дело с правовым Государством, где право на эту рациональность закрепляют жестким образом.

Права граждан имеют ключевое значение, поскольку в ходе войны именно граждане несут на себе основные тяготы. По Канту демократия свя-

¹ *Morgenthau Hans J. Politics Among Nations. The Struggle for Power and Peace. New York: Alfred A. Knopf, 1955.*

² *Mesquita Bueno de, Lalman David. War and Reason: Domestic and International Imperatives New Haven: Yale University Press, 1992.*

³ *Кант И. К вечному миру. М.: Московский рабочий, 1989.*

зана с миром, т. к. в демократиях за издержки войны платят те же, кто принимает решение, т. е. сами граждане. И если учесть мнение тех, кто более всего страдает в ходе войны от ее последствий и от ее ведения, то логично предположить, что они выступят против нее (если будут иметь такую возможность).

Третий принцип предполагает наличие общего интернационального кодекса поведения, морального императива, отражающего кантовское понимание морали: «поступай с другим так, как хочешь, чтобы он поступил с тобой». «Гостеприимство» выражает собой прообраз той идеологии, которая сегодня известна как «права человека». Самое главное здесь, что Кант утверждает необходимость определенных норм, которые будут универсально признаны всеми Государствами, а, следовательно, являться обязательной наднациональной системой.

Вечный мир, по Канту, возможен и необходим, а, соответственно, развитие человечества приведет к отказу от войн в международных отношениях. Таким образом, либеральное понимание войны лишает ее какой бы то ни было рациональной подоплеки. Война — иррациональна, только мир рационален. Поэтому война есть пережиток «варварства» и «дикости», а в условиях просвещенного общества ей вообще не должно быть места.

Таким образом, отношение к войне либералов является чисто негативным, они отказывают ей в праве на легитимное существование, а там, где есть войны, они видятся как возникающие в силу недостаточной демократичности, просвещенности, развитости одного или нескольких участников. Исток войны — в недостатке разумности и моральности общества, убеждены либералы. Поэтому нормативными международными отношениями они считают мирное сотрудничество, основанное на торговле и взаимном уважении. Но как показал уже Кант, мир возможен только между просвещенными обществам — республиками и демократиями. Отсюда главный вывод либералов: лучший способ избежать войны — установить демократию и принципы Просвещения в глобальном масштабе. Когда весь мир будет демократическим, война исчезнет.

Либеральную трактовку войны как политического инструмента дает профессор Хаймо Хофмайстер. Если Клаузевиц называет войну «продолжением политики другими средствами», то Хофмайстер считает, что война есть не что иное, как «бессилие политики». Исторически осуждение войны как политического средства в Европе Хофмайстер увязывает с итогами Второй мировой войны. Он убежден, что если Государство не может разрешить спорные вопросы правовым путем и прибегает к насилию, в этом и кроется слабость его политики. «И политическая власть самим фактом применения военного насилия всякий раз разоблачает себя как бессилие»¹.

Теория демократического мира

На этих кантианских предпосылках строится большинство либеральных теорий МО, начиная с основателя этого направления Нормана Энджелла. Основной аргумент программной работы Энджелла «Великая иллюзия»², написанной накануне Первой мировой войны, состоит в том, что при том уровне взаимной экономической и социальной зависимости, который существо-

¹ Хофмайстер Х. Воля к войне или бессилие политики. СПб, 2006. С. 29

² Angell N. The Great Illusion: A Study of the Relation of Military Power in Nations to their Economic and Social Advantage. New York: G.P. Putnam's & Sons, 1910.

ет между европейскими странами в начале XX века, война между ними будет невозможна, т. к. невыгодна и противоречила бы простейшим расчетам баланса выгод и издержек. Это не помешало, впрочем, Первой мировой войне разразиться и стать одной из самых кровавых в истории Европы. В основе логики Энджелла лежит просчет экономической выгоды, которую теоретически могла бы получить от выигрыша в войне одна из европейских стран. Так как экономика всех европейских стран является рыночной, рассуждает Энджелл, то победитель в войне обязан сохранить баланс кредитов и коммерческих контрактов на завоеванных территориях. Если эта система будет разрушена, это нанесет ущерб национальной экономике в целом, т. к. убытки придется покрывать победителям, интегрировавшим приобретенные земли в свою собственную экономику. Следовательно, победитель вынужден оставить эту систему, как она есть. Но это, в свою очередь, станет означать, что богатство, производимое на данной территории, будет оставаться в руках тех, кто на этой территории живет и работает (таков закон рынка). Общее экономическое положение страны аннексии не улучшат, а военные издержки покрыть будет неоткуда. Поэтому, заключает Энджелл: «В современном мире завоевание есть процесс умножения на x объема национальной экономики, но лишь для того, чтобы тут же на x все снова разделить».

Американский президент Вудро Вильсон и коалиции победивших в Первой мировой войне стран Антанты под впечатлением от ужасов Первой мировой войны решили создать Лигу Наций как первую попытку воплотить на практике идею либералов о создании наднациональной системы демократического толка, которая должна была бы выступать арбитром в международных отношениях и предотвращать по возможности возникновение конфликтов и войн. Это был резкий шаг в сторону практической реализации либеральных установок, и главной задачей Лиги Наций являлось именно недопущение повторения «мировой войны». Прогресс и демократизация стали для либералов политической задачей глобального масштаба, при том, что конечной целью виделся именно «демократический мир».

В окончательной форме «теория демократического мира», смысл которой сводится к тезису «демократии друг с другом не воюют», была, однако, сформулирована значительно позже — в 1960 году либералом Дином Бабстом¹. Бабст объяснял это правило, которое либералы считают одним из немногих состоятельных законов МО, рядом факторов:

- высоким уровнем влияния граждан на политику в демократиях и зависимостью власти от поддержки населения;
- рациональностью политики в демократических режимах и способностью отстраненно просчитывать баланс приобретений и убытков от войн;
- постоянным повышением взаимозависимости демократических обществ друг от друга в ходе международного разделения труда и интеграцией мировой экономики;
- ростом пацифистских настроений в ходе социального прогресса и модернизации;
- укреплением транснациональных систем, способных оказывать давление на национальные Государства, принуждая их в определенных случаях к миру (ООН).

¹ *Babst Dean V. Elective Governments—A Force For Peace // The Wisconsin Sociologist. 3.1. 1964.*

«Теорию демократического мира» в МО более подробно развил Рудольф Раммель¹, который на основе статического подхода сделал далеко идущий вывод: «не только демократии не воюют друг с другом, но вообще тяготеют к миру». Раммель предложил ввести особый термин «демоцид», по аналогии с «геноцидом», чтобы подчеркнуть, что отказ от демократии автоматически влечет за собой войну, террор и истребление населения. Демократия, по Раммелю, есть прямой синоним мира.

Другой либеральный теоретик в МО Брюс Рассет со своей стороны попытался дать объяснение мирной природы демократии². Он насчитывает два главных фактора:

- 1) нормативный (культурный) — демократиям свойственна культура компромисса, мирная конкуренция, партийная борьба, умение решать экономические и социальные проблемы через переговоры (это же проецируется на отношения демократических стран друг с другом);
- 2) структурный (институциональный) — в демократических режимах велика зависимость принятия решения от демократического мнения, прессы, информирования общества.

Хотя крайние либералы, такие как Раммель, говорят о том, что демократический режим склоняется к миру при любых обстоятельствах и демократия тождественна пацифизму, отношения между демократическими и недемократическими странами большинство либералов выносит в отдельную категорию. Так, либерал Майкл Дойл в своем исследовании о Канте и либерализме³ на многочисленных примерах показывает, что демократии не воюют только между собой. С недемократиями они воюют и часто весьма ожесточенно.

Дойл так аргументирует свой тезис: в демократиях решение о войне с другой демократией имеет мало шансов быть одобренным. И в другой демократии также — отсюда ощущение безопасности. Здесь влияние институтов демократии удваивается. В недемократиях решение о войне принимается на высшем уровне (Князем) без учета общественного мнения. Отсюда риск и опасность для других стран. Поэтому рациональное осмысление подобной асимметрии вполне способно подвигнуть к тому, что гражданское большинство при определенных обстоятельствах добровольно одобрит и даже поддержит войну с недемократией. Демократии мирно сосуществуют только друг с другом, а с недемократиями возможны самые разные отношения — вплоть до войн и даже превентивных ударов, интервенций и т. д.

Критика теории демократического мира квантитивистами

«Теория демократического мира» подвергалась критике не только реалистами, идейными противниками либералов в МО, но и представителями чисто статических методов, т. н. квантитивистами, старающимися держать в стороне от магистральных дебатов различных школ.

Так, Д. Сингер и М. Смолл⁴ на примере колониальных войн наглядно демонстрируют, что демократии вполне могут воевать и друг с другом, а их миролюбие представляет собой оптическую иллюзию, связанную с ограничен-

¹ *Rummel R. Understanding Conflict and War. NY: John Wiley & Sons, 1976.*

² *Russett B. Grasping the Democratic Peace. Princeton: Princeton University Press, 1994.*

³ *Doyle M. Kant, Liberal Legacies, and Foreign Affairs // Philosophy & Public Affairs. Vol. 12, No. 3 (Summer, 1983). P. 205 – 235.*

⁴ *Small Melvin, Singer J.D. The War Proneness of Democratic Regimes, 1816 – 1965 // Jerusalem Journal of International Relations 1: 50 – 69.*

ностью географического и временного охвата исследования. Стоит только учесть все пространство планеты и особенно колониальную эпоху, как «теория демократического мира» становится несостоятельной¹. Оказывается, что демократии воюют друг с другом.

С другой стороны поставили под сомнение этот «закон» Мансфильд и Снайдер². Они обратили внимание на «демократии переходного периода», которые, изучив опыт транзитивных демократий, продемонстрировали, что эти нестабильные режимы легко скатываются к войне, которая вполне может быть направлена против других номинально демократических стран. Авторы приходят к парадоксальному для либералов в МО выводу: «Если мы хотим сохранить мир, то демократию не просто нежелательно экспортировать, но это еще и опасно, т. к. чревато угрозой войны».

Кристофер Лэйн, Джоан Гова и Генри Фарбер предлагают объяснить отсутствие военных действий между демократическими странами мира на определенном историческом этапе иными факторами. Лэйн³ предлагает статистический анализ конкретных случаев, когда войн между демократиями не происходило, показывая, что причиной этого всегда являлся конкретный расклад сил (*Realpolitik*), этому препятствующий. С его точки зрения, реальной причиной войны и мира является силовой баланс. Если есть (пусть приблизительное) равновесие сил, то конфликт маловероятен.

Джоан Гова и Генри Фарбер⁴ объясняют отсутствие войн в Европе в последние полстолетия иначе. Согласно им, причину этого следует искать в наличии общего врага (СССР) и существовании американской гегемонии, сложившейся в период после 1945 года и сохранившейся до сегодняшнего дня. Таким образом, и они все сводят к соотношению сил и циклам могущества. В разные периоды один или несколько гегемонов обеспечивают своим могуществом относительный мир в подконтрольной им зоне. Таким был «Британский мир» (*Pax Britannica*), который в Европе постоянно оспаривала Франция. В западном полушарии — «доктрина Монро». А после 1945 года сложилась система «Американского мира» (*Pax Americana*). Также можно говорить о *Pax Sovietica* и т. д.

Транснационализм и глобализм

Неолиберальные теоретики (глобалисты, транснационалисты) продолжают общую пацифистскую линию либеральной школы МО. Процессы демократической интеграции и глобализации, в первую очередь, впечатляющий пример Евросоюза, являются для них иллюстрацией подтверждающей их правоту. Взаимозависимость обществ постоянно возрастает. Новые средства коммуникации и технологии, всемирная сеть интернет, торговые сети, унификация экономических и правовых процедур, упрощение визового режима и свободы передвижений — все это является наглядным примером повышения уровня мира и безопасности, превращения планеты в еди-

¹ *Singer D.* Correlates of War Project: Interim Report and Rationale // *World Politics*. Vol. 24. No. 2. Jan., 1972.

² *Mansfield E., Snyder J.* Democratization and the Danger of War // *International Security*, Vol. 20. No. 1. Summer, 1995.

³ *Layne Ch.* Kant or Cant. The myth of the Democratic Peace // *International security*. 19 (2). 1994. P. 5 – 49.

⁴ *Gowa J. Farber H.* Politics and Peace // *International Security*. Vol. 20. Issue 2 (autumn 1995). P. 123 – 146.

ное «открытое общество». Социальный прогресс и модернизация техники, а также распространение и развитие институтов «гражданского общества» и идеологии прав человека в планетарном масштабе делают мир интегрированным и единым. Национальные Государства, границы и локальные администрации уходят в прошлое. Торговля, рынок и экономические взаимодействия заменяют собой политику и ее продолжение, войну. Насилие, связанное с войной, уходит в прошлое, уступая место тому, что философ Монтескье назвал «нежной торговлей» («*douce commerce*»). Обществу глобальной «нежной торговли» Ф. Фукуяма описывает в своей знаменитой работе «Конец истории»¹. История, по Фукуяме, есть история войн. Нет войн, нет истории. А, следовательно, нет политики (есть экономика).

Постоянная демократизация режимов в неевропейских странах снижает уровень угрозы и делает вопросы безопасности второстепенными. Государства все менее и менее нуждаются в национальной безопасности, т. к. симметричных акторов, способных бросить им вызов, почти не остается. Поэтому на место национальной безопасности приходит глобальная безопасность.

Концепт глобальной безопасности является одним из ключевых для неолиберализма в МО. По мере глобализации меняется сама структура угроз. Постепенно исчезает само понятие «внешней угрозы» (т. к. падает значение Государств, и прогресс демократии делает войны между Государствами все менее вероятными). Все угрозы отныне становятся «внутренними», т. к. для глобального общества с потенциально наличествующим Мировым Правительством (в лице транснациональных организаций — таких как ООН, Страсбургский суд, Гаагский трибунал, Мировой Банк, ВТО, МВФ и т. д.) вся территория планеты постепенно становится зоной применения единых правил. Это отражается в таком явлении как «международный терроризм» — новой форме угрозы, которая не имеет конкретной локализации и привязки к национальному Государству.

Изменение структуры угрозы в глобальном обществе осмыслено немецким социологом Ульрихом Беком, предложившим концепцию «общества риска»². Отныне, считает Бек, источником угрозы является не «Другой», воплощенный в ином Государстве (фигура, внешняя по отношению к данному обществу), но само общество для себя. Агрессия, хаос, насилие и беспорядок следует искать внутри людей — в их психических проблемах, комплексах, патогенных ядрах, в экстремизме, экологических катастрофах и т. д. Более того, остаточные структуры Левиафана, например, армия и полиция, в отсутствии врага сами могут генерировать проблемы. Риск оказывается внутри самого себя. Человек становится «волком» не столько для другого, сколько для самого себя (*homo per se ipsum lupus est*).

При этом остается вопрос отношений демократий с недемократиями. И здесь большинство неолибералов придерживаются точки зрения, что во имя прогресса и модернизации развитые демократические общества имеют право (и даже обязанность) вмешиваться в дела недемократических или недостаточно демократических обществ для обеспечения условий, необходимых для демократизации или для соблюдения прав человека. Этот принцип в последние годы получил название «право на защиту» (*Right to Protect*) и стал обос-

¹ Фукуяма Ф. Конец истории и Последний человек. М.: «Издательство АСТ», 2004.

² Beck U. Risk Society: Towards a New Modernity. New Delhi: Sage, 1992.

нованием ряда военных интервенций стран Запада в номинально суверенные Государства — Сербию (1999), Афганистан (2001), Ирак (2003), Ливию (2010).

Таким образом, среди либералов в МО и сторонников демократической теории мира вполне можно найти апологетов военных интервенций, оккупации и превентивных военных ударов, а также иных жестких действий, направленных против «недемократических» режимов или временных баз «международных террористов», на территории каких бы стран они ни располагались.

Так именно либерал в МО З. Бжезинский является теоретиком расчленения России как недостаточно демократической державы, представляющей угрозу для западных демократий¹.

3.2.3. Английская школа: война по правилам

Рационалисты в МО

В вопросе описания природы войны в МО представители Английской школы, как и в остальных случаях, занимают позицию среднюю между реалистами и либералами.

Мартин Уайт² предлагает разделить основные течения в МО не на две, а на три составляющих — реалисты (опирающиеся на Макиавелли), рационалисты (продолжающие линию Гуго Гроция) и «революционеры» (свято верящие в единство человечества в духе Канта). «Революционеров» в этой классификации легко можно отождествить с либералами в МО. А представители Английской школы, одним из ведущих теоретиков которой был именно М. Уайт, сами себя позиционируют как «рационалисты».

Ссылки на Гроция помогают понять отношение представителей Английской школы к войне. Гроций вводил понятие «справедливой войны» и считал, что само ведение войны должно подчиняться определенным правилам. Это прекрасно иллюстрирует общий настрой Английской школы в МО, настаивающей на том, что отношения между Государствами могут и должны следовать системе поведенческих кодов, соответствующих представлениям о гуманности и чести — как это принято в человеческом обществе (отсюда подчеркнуто гуманистическое измерение этой парадигмы). Но вместе с тем, в отличие от либералов, теоретики этой школы признают суверенитет и анархию в международных отношениях и допускают в определенных случаях возможность и даже целесообразность военных конфликтов.

Война как институция

Анализ феномена войны в Английской школе настаивает на том, чтобы рассматривать его в исторической перспективе. Так, Хэдди Булл напоминает, что «необходимо различать войну как организованное насилие в широком смысле, которое может осуществляться любой политической единицей — например, такой как племя, Империя, феодальное княжество, партия в гражданской войне и т. д., и интернациональной войной в узком смысле, т. е. войной как организованным насилием, к которому прибегают суверен-

¹ Бжезинский З. Великая шахматная доска: господство Америки и его геостратегические императивы. М.: Международные отношения, 1998.

² Wight M. International Theory: The three Traditions. Leicester: Leicester University Press, 1991.

ные Государства»¹. Этот исторический подход позднее был систематизирован Бузаном и Литтлом². Так как в современном мире при формальном преобладании национальных Государств существуют обширные анклавы обществ, развивающихся или относящихся к Премодерну (в частности, «failed-state», «несостоявшиеся Государства» или «weak state», «слабые Государства»), то следует рассматривать разные типы войн — как в узком, так и в широком смысле.

Для Булла война представляет прежде всего институцию. Он привлекает внимание к тому обстоятельству, что войне между Государствами обычно противопоставляется мир, и эту оппозицию рассматривают, соответственно, как зло и благо. Он подчеркивает, что возможна иная симметрия: организованная война, ведущаяся по определенным правилам, может быть позитивной альтернативой ничем не ограниченному насилию, как это было неоднократно в Средневековую эпоху. Когда монополия на войну переходит полностью к Государству, это может являться вполне положительным шагом к установлению устойчивого и рационального порядка.

Институционализация войны может считаться прогрессом и движением к цивилизованному партнерству между странами.

3.2.4. Марксизм: от войны к революции

Классовый подход

Марксистский анализ войны не представляет собой оригинальной концепции. Как и в иных случаях, марксисты подвергают феномен войны классовому разбору. В истоках войны лежит стремление к эксплуатации человека человеком. Это стремление лежит в основании всех форм насилия. Во внутренней политике это приводит к возникновению буржуазного Государства, смысл которого состоит в юридическом и политическом закреплении господства буржуазии над пролетариатом. То есть само Государство есть выражение (нелегитимного, с точки зрения марксистов) насилия. Будучи созданными для установления насильственных отношений между эксплуататорами и эксплуатируемыми, Государства логически вступают между собой в такие же агрессивные и насильственные отношения, стремясь захватить под свой контроль все большие и большие территории. Эту идею емко сформулировал Чарльз Тилли: «Война произвела Государство, а Государство произвело войну»³. Марксизм относится к категории конфликтологических учений и рассматривает противоречия как двигатель исторического процесса. При этом классовые противоречия, воплощающиеся в Новое время в резюмирующее противоречие между Трудом и Капиталом, являются ключевыми для понимания сущности истории. Классовое объяснение природы войны сводится к тому, чтобы объединить внутривнутриполитические противоречия и внешнеполитические противоречия в один узел. Войны между Государствами суть выражение насильственной природы самих Государств, поэтому все войны «несправедливы» и, в конечном счете, направлены против рабочих и

¹ Bull H. *The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics*. London: Macmillan, 1995. P. 178.

² Buzan B., Little R. *International Systems in World History: Remaking the Study of International Relations*. Oxford: Oxford University Press, 2000.

³ Tilly Ch. *Coercion, Capital, and European States, AD 990 – 1990*. Cambridge: Basil Blackwell, 1990.

трудовых масс в пользу все большего и большего обогащения капиталистических элит. При этом как рабочие являются жертвами экономической эксплуатации внутри Государства, так они же превращаются в «пушечное мясо» в период империалистических войн, платя своими жизнями за удовлетворение хищнических appetитов буржуазии.

Отсюда вытекает коммунистический пацифизм, являющийся логическим следствием пролетарского интернационализма. Рабочие не могут быть заинтересованы в победе одного буржуазного Государства над другим, даже если являются его гражданами, потому что в любом случае они ничего не выигрывают и лишь платят своими жизнями за чуждые классовые интересы. Поэтому марксистский анализ приводит к тому, что, в конечном счете, любая война направлена против пролетариата. Отсюда вытекает тезис о том, что классовые интересы рабочих всех стран состоят в том, чтобы проявить классовую солидарность, саботировать империалистические войны и, если такая возможность представится, повернуть оружие против капиталистической верхушки своих стран. Только одна война может быть признана оправданной и справедливой: война пролетариата против буржуазии.

Классовая борьба и революция

Если в отношении межнациональных войн, ведущихся буржуазными правительствами, марксисты выступают с пацифистских позиций, это не означает, что они настроены миролюбиво в целом. Напротив, с их точки зрения, определенный вид войны ведется постоянно (практически как в теориях реалистов), но только речь идет о классовой борьбе¹. Классовая борьба является содержанием общественного развития и предопределяет социально-экономическую динамику развития общества. При капитализме она достигает своего апогея и находит наиболее концентрированное выражение в моменте революции. Революция есть переход имплицитной классовой борьбы в эксплицитную фазу. В момент революции эта борьба чаще всего приобретает вооруженный характер и должна завершиться (при удачном раскладе сил) установлением диктатуры пролетариата.

Марксисты отвергают Левиафана как легитимную инстанцию, основанную на рациональном принципе. В полиции они видят лишь аппарат силового подавления, направленного, в конце концов, против трудящихся масс. Буржуазное Государство основано на силе, а не на праве, и это делает в глазах марксистов неповиновение и вооруженное восстание (революцию) оправданными и даже желательными.

Для марксистов безопасность буржуазного Государства не только не является ценностью, но, напротив, рассматривается как преграда, препятствующая кризису и отдаляющая вероятность революции. Хотя империалистические войны сами по себе являются злом, они могут приблизить кризис буржуазной государственности и создать благоприятные условия для революции. В этом смысле интересы Государства и марксистов противоположны; для них вполне подходит тезис — «чем хуже, тем лучше».

Если же международный конфликт разразился, то и его коммунисты должны попытаться обратить в свою пользу и превратить антипролетарскую хищническую бойню в интернациональный поход против буржуазной вла-

¹ *Miliband R.* Divided Societies: Class Struggle in Contemporary Capitalism. Oxford: Clarendon Press, 1989.

сти. Солдаты суть представители обездоленных масс. Поэтому военные условия также могут быть использованы для интернационалистской пролетарской пропаганды.

Классовая борьба является не пожеланием марксистов, — с их точки зрения она уже идет и в эпоху развитого индустриального капитализма достигает своего апогея. Пролетариат есть одна из противоборствующих армий, командование которой в руках Коммунистических партий. При этом обе армии интернациональны, т. к. классовые интересы не ограничиваются национальными границами.

Из такого подхода очевидно, что мнение марксистов в МО в отношении вопросов безопасности может быть только ироничным: чем выше уровень опасности и нестабильности капиталистического общества, тем ближе возможность пролетарской революции и, в случае успеха, победы пролетариата.

Крайние марксисты часто поддерживают вооруженную герилью и террористические движения, особенно в странах Третьего мира, хотя примеры таких вооруженных революционных ячеек можно найти и в Европе (Ячейки Красной Армии, RAF в ФРГ, итальянские «Красные Бригады» и т. д.).

Теория партизанской войны

Основными теоретиками (и практиками) партизанской войны и герильи, с точки зрения классовой борьбы, считаются Мао Цзэдун и Эрнесто Че Гевара. Оба делали при этом ставку на крестьянство как основной ресурс для борьбы с буржуазией и угнетателями.

Че Гевара также развил теорию «фокизма» (от исп. *el foco* — очаг), согласно которой один из главных постулатов марксизма об ожидании наступления революционной ситуации опровергался тезисом, что нужно самим создавать волевым образом революционные очаги с опорой не на пролетариат, а на крестьянство, и оттуда распространять борьбу дальше.

Китайская революция Мао Цзэдуна продемонстрировала исторически эффективность ставки на крестьян, которая стала отличительным признаком теории маоизма.

Принципы партизанской войны, ее связь с территорией и землей, системно разработал Карл Шмитт в классическом труде «Теория партизана»¹. По Шмитту, разные типы военной стратегии связаны с разными стихиями. Партизанская война, со своей стороны, является кульминацией элемента Земля, т. к. ее ведение, философия, тактика, психология, методика и т. д., строго вписаны в структуру естественного и культурного ландшафта, опираются на этот ландшафт и в определенном смысле являются его вооруженным выражением.

3.3. Постпозитивизм: деконструкция агрессии

Для постпозитивизма в целом характерна интерпретация войны как экстерииоризации представлений, проекций, заложенных не в объективной природе вещей, а в структуре человеческого существа. Поэтому все постпозитивистские парадигмы занимают в той или иной степени «*деконструкцией войны*».

¹ Шмитт К. Теория партизана: Промежуточное замечание по поводу понятия политического. М.: Праксис, 2007.

Критическая теория: выбор интеллектуала и «пассивная революция»

Критическая теория в целом разделяет марксистский подход. Акцент здесь ставится на фигуре «интеллектуала», и главная борьба разворачивается не в области политики и экономики, но в сфере культуры. Линия разлома проходит между «гегемонией», понятой в смысле Грамши, и «контргегемонией» или «контргегемонистским блоком» (Р. Кокс). Представители «критической теории» саму деконструкцию доминирующего дискурса в МО рассматривают как первую стадию войны («позиционную войну»), за которой должна следовать вторая стадия — «открытая война». Смысл «позиционной войны» состоит в том, чтобы вскрыть идеологическую сущность гегемонии и сплотить тех, кто способен это понять и кто отвергает это по моральным соображениям, в консолидированную группу. Эта группа призвана начать теоретическую деятельность во всех доступных интеллектуалам областях — в науке, экспертных сообществах, СМИ и т. д. На следующем этапе бои интеллектуалов за дискурс должны привести к политической консолидации и прямому противостоянию.

В отношении «горячей» войны «критическая теория» занимает негативную позицию (в марксистском ключе), полагая, что такие войны ведутся практически всегда в интересах гегемонии. Особым атакам подвергаются реалистские теории войны, рассматривающие войну частью «естественного порядка вещей».

Постмодернистская теория: экзорцизм агрессивности

Постмодернистская теория отождествляет войну (прежде всего, в понимании классических реалистов) с агрессивностью и репрессивностью, с проекциями и стратегиями доминации. Война есть проявления воли к насилию и обнажение доминации как мотора многих социальных процессов, считают постмодернисты. Война принадлежит к области дискурса, построенного по оси господства. Война возникает не сама по себе, но из дискурса о ней, являясь его продолжением. Так как постмодернизм отрицает объективность саму по себе и признает только реальность текста, то война мыслится через насилие, через тягу человека к насилию, воплощенную в дискурсе об угрозе, безопасности и т. д. Для постмодернистов насилие является конститутивным для современной политической жизни в целом. Не Государства и другие политические единицы прибегают к насилию в тех или иных случаях, как принято считать в позитивистских теориях, но воля к насилию создает Политическое¹.

Для постмодернистов дискурс о безопасности и обороне как о защите от потенциальной угрозы представляет собой обратную сторону порождения самой этой угрозы — как обоюдоострое лезвие: готовясь к отражению возможной агрессии, политическое общество само провоцирует ее извне и в некоторых случаях становится ее инициатором (например, в превентивных или даже гуманитарных целях). Вслед за итальянским философом Агамбеном, постмодернисты видят в чистом насилии («над голой жизнью») сущность политического суверенитета и ключ к пониманию Государства.

¹ *Campbell D.* National Deconstruction: Violence, Identity, and Justice in Bosnia. Minneapolis, 1998.

Феминизм: война глазами женщины

Феминизм в МО деконструирует войну в гендерном смысле — как дело мужчин и выражение мужской воли к доминации, насилию и установлению строго вертикальных иерархий¹. Могущество, сила мыслятся исключительно как средство подавления другого, что и ложится в основу базовых формулировок политики в МО (Государство, режим, взаимодействия, войны и т. д.). Феминистки считают, что сила как таковая есть сложное социальное явление, которое формирует гендер (мужчин и женщин), национальное гражданство и т. д. Дифференция между гендерами заключается как раз в структуре силы: мужская сила имплицитно подразумевает способность к агрессии; женское понимание силы организовано иначе, оно включает в себя способность к рождению, заботу, нежность и т. д. Воинственность доминирует, создавая патриархальные системы, где один тип сил оказывается подчиненным другому².

Пересмотр гендерного баланса в отношении к войне (война глазами женщины) способен радикально изменить структуру базового дискурса в МО. Это приведет не просто к пацифизму и миру, но даст возможность иной организации понятия силы, могущества, безопасности и т. д. А такие движения, как «Матери против войны», могут повлиять и на конкретные политические процессы, если организуются во влиятельный сегмент гражданского общества.

Историческая социология: война войне рознь

Историческая социология в МО видит войну как *плюральное* явление, дифференцированное как в исторической перспективе (трансформации войны), так и в зависимости от обществ (западных и незападных). Представители этого направления отказываются от каких бы то ни было универсальных определений войны или ее оценок. Для полноты понимания войны в контексте международных отношений, необходимо признать, что война между Государствами и между другими политическими единицами, а также между различными типами Государств в истории всякий раз имела не только разные формы, мотивы и правила, но содержала в себе иные смысловые нагрузки. Кроме того, все типы толкования войны, преобладающие в МО, являются западными и европоцентричными, т. е. берут европейский опыт (и даже более узко, опыт европейского Модерна) за универсальную матрицу, применимую ко всем обществам и во все эпохи. Такой редукционизм отражает общий для Запада структурный расизм, несовместимый с корректной теоретизацией МО — особенно в эпоху глобализации и роста влияния незападных обществ. Если для людей Запада (как реалистов, так и либералов, и даже марксистов) война это нечто определенное, то в других обществах и в другие эпохи под ней могли понимать нечто совершенно отличное. Например, священные войны и т. д. Теоретики этой парадигмы в МО предлагают составить широкий реестр понимания войны разными культурами и учитывать эти различия при построении отношений с незападными обществами.

¹ Tickner A. Yans Morgentau's Political Principles of Political Realism: A Feminist Reformulation // Millenium. 17 (3). 1988.

² Enloe C. Margins, Silences, and Bottom-Rungs: How to overcome the Understanding of Power in the Study of International Relations // Smith S., Boot R., Zaleski M. (eds). International Theory: Positivism and Beyond. Cambridge, 1997.

Нормативизм: этика войны

Нормативисты в МО помещают войну в контекст этических нормативов общества. Градации в понимании войны, деление войн на легитимные и нелегитимные, культура пацифизма или, напротив, милитаризма, в разных обществах могут дать разнообразные формы, что обязательно скажется на том месте, которое угроза, мощь и безопасность в этих обществах играют. Нормативисты убеждены, что ценность существует не отдельно от интересов, но тесно связана с ними, а в определенных случаях эти интересы предопределяет. Если национальная безопасность в обществе является высшей ценностью, то и интересы начинаются с просчета обеспечения этой безопасности, что рано или поздно снова приводит к ценности военной мощи и /или соответствующему престижу военных.

Конструктивизм: война как идеация

Конструктивизм в МО рассматривает войну как *идеационное* явление, а не как материальную необходимость, вызванную объективным просчетом национальных интересов в условиях анархии международных отношений. Одни и те же противоречия, конфликты интересов и неразрешимые споры между Государствами, утверждают конструктивисты, могут вызвать военное столкновение, а могут разрешиться мирным путем. Многое зависит от того, как и в каких терминах осмыслится и описывается вся ситуация, т. е. от того, как она конструируется.

3.4. Интересы, ценности, могущество

Дискуссии об интересах, ценностях и могуществе (power) лежат в центре внимания самых разных направлений в МО и составляют постоянные рекурсивные цепочки размышлений, анализов, обобщений и теоретизаций. Отношение к этим трем взаимосвязанным концепциям во многом определяет сущность парадигм в МО, помогает яснее понять их отличия и их внутреннюю логику.

Интересы мыслятся как объективное (или субъективное) приращение возможностей, ресурсов, стратегических предпочтений, средств, территорий, позиций, престижа и т. д., получаемое в результате шагов, осуществляемых актором международных отношений (как правило, Государством). Чаще всего в МО речь идет о национальных интересах, т. е. об интересах, субъектом которых является национальное Государство.

Ценности суть социокультурные и цивилизационные установки, предопределяющие этический уклад общества (государства), отражающие его идентичность и наделенные позитивным смыслом.

Могущество (power) есть совокупный потенциал ресурсов (материальных, экономических, военных, стратегических, идеальных, социальных и т. д.), которые позволяют актору международных отношений (чаще всего Государству) отстаивать свои национальные интересы и утверждать и защищать свои ценности.

3.4.1. Реализм: интересы с опорой на могущество

Национальные интересы

Для реалистской парадигмы в МО характерны следующие особенности: постановка национальных интересов во главу угла при определении и оцен-

Война в парадигмах международных отношений

	Школы МО / Концепты	Война	Могущество/Сила	Безопасность	Угроза
ПОЗИТИВИЗМ В МО	Реалисты	неизбежность, проистекающая из анархии международных отношений; война возможна, потому что нет того, кто мог бы легально ее запретить	важнейшая составляющая Государства; основа суверенитета; центральный обобщающий ресурс для отстаивания национальных интересов	центральная задача Государства; его главная функция и забота; высший этаж политических приоритетов; национальная (государственная) безопасность выше коллективной (международной)	есть всегда и к ее отражению необходимо готовиться заранее; государственное мышление должно постоянно просчитывать вероятные угрозы; международный терроризм
	Либералы	абсолютное зло, которое необходимо преодолеть любыми способами; «демократии друг с другом не воюют» (теория демократического мира); вечный мир возможен через демократизацию, прогресс обществ, развитие взаимозависимости между ними и создание транснациональных надгосударственных структур; глобализация; ООН, Страсбургский суд, Гаагский трибунал; ТНК, Мировой Банк, МВФ; Мировое Правительство	необходимо для защиты и продвижения демократии; надо снижать обращение к силе в отношениях между демократиями, но использовать по необходимости в отношении с недемократиями	приоритет коллективной безопасности над национальной; создание системы общей безопасности для демократических стран (НАТО);	исходит из недемократических Государств; недостатка рыночных свобод, либеральных ценностей, несоблюдение прав человека; тоталитарные режимы; международный терроризм; опасность всегда внутренняя (общество риска)
	Английская школа	справедливые и рациональные войны оправданы; война как институция; необходимость правил ведения войны, соблюдаемых всеми сторонами	важный фактор во взаимоотношении Государств между собой	важный фактор при оценке политического и стратегического потенциала Государства; коллективная безопасность столь же важна и полезна, как национальная (НАТО)	реальность, с которой необходимо рационально считаться; международный терроризм
	Марксисты	один из способов угнетения эксплуататорами эксплуатируемых, буржуазное явление, зло; необходимость в классовой борьбе, в том числе вооруженной; герилья, революционное восстание	объективный материальный потенциал класса	не имеет никакого значения; высокая безопасность отдаляет революцию и препятствует классовой борьбе	власть буржуазии; сохранение и укрепление политико-экономического статус-кво

ПОСТПОЗИТИВИЗМ В МО	Критическая теория	одна из форм осуществления гегемонии; необходимость позиционной войны контргегемонистского блока против гегемонии	социально-культурный интелектуальный потенциал гегемонии или контргегемонии; консистентность «органических интелектуалов»	гегемонистский конструкт, хитра, требующая разоблачения	гегемония, капитализм, статус-кво
	Постмодернисты	проекция воли к власти в тексте	потенциал дискурса, текстологический диспозитив доминации/контрдоминации	инструментальный конструкт суггестии и апологии доминирования	воля к власти, структурированная вертикально
	Феминизм	выражение маскулинной природы; зло	у мужчин: воля к подавлению другого; у женщин: способность к рождению, воспитанию, заботе	у мужчин: оправдание милитаризма; у женщин: забота о сохранении	гипертрофирование маскулинности; мужской гендерный эксклюзивизм
	Историческая социология	плюральное явление; разные общества и разные эпохи понимают войну по-разному	материальный фактор в определении общего потенциала политической единицы	плюральное понятие в разных культурах и системах, имеющее градиентное значение (для одних обществ надделено высшей ценностью, для других — незначительной)	в евроцентристском дискурсе (эксплицитно или имплицитно) расистское понятие, обобщающее незападные общества (варварство/дикость — «желтая угроза»/«черная угроза») или низшие классы западного общества («белая угроза»)
	Нормативизм	в разных культурах этические и семантически переменная величина	для космополитических систем этики лишено ценности; для коммунитарных систем этики обладает переменным значением (иногда высоким)	индивидуальная категория (космополитизм); коллективная категория (коммунитаризм)	недемократические режимы, нарушение прав человека (космополитизм); «Другой» (коммунитаризм)
	Конструктивизм	идеационный конструкт, а не материальная необходимость	мера оценки потенциала Государства (одна из возможных)	обратная сторона агрессивной идеации	конструкт «Другого»; макет «врага»

ке эффективности действий Государства в международной сфере и повышенное внимание к проблеме могущества (power), рассматриваемое как основное содержание политики (государства).

Национальные интересы для реалистов являются высшим критерием политики. Согласно определению Дж. Хаслама, «везде, где речь заходит о международных отношениях, интересы Государства преобладают над всеми остальными интересами и ценностями»¹.

Американский реалист Кеннан писал, что «первейшей обязанностью любого правительства есть отстаивание того национального общества, которое оно представляет, все остальные моральные концепты следует считать второстепенными»². Такое же понимание национальных интересов мы встречаем у классика реализма Ганса Моргентау³, который говорит о «моральном достоинстве национальных интересов»; другой реалист, Генрих фон Трейчке, прямо отождествляет Государство с «высшим моральным благом»⁴.

Концепт национальных интересов рассматривается реалистами как основное содержание политики, приведенной к ее упрощенному и поддающемуся строго рациональному расчету виду. Так как при определении национальных интересов именно расчет, калькуляция имеют ключевое значение, классические реалисты в первую очередь выделяют *материальные* составляющие — показатели экономического роста, количество единиц вооружений, объем контролируемых территорий, стратегические позиции военных объектов, доступ и цены энергоресурсов и маршруты их поставки, безопасность торговых сообщений и т. д. В неореализме и у современных реалистов к материальным ресурсам добавляются нематериальные — социальный капитал, инновации, информационные ресурсы, контроль над сетями и т. д. В любом случае, в узком (материальном) и расширенном (материально /нематериальном) смысле национальные интересы могут быть представлены количественными показателями — цифрами, графиками и формулами. Но даже расширенное понимание национальных интересов также чаще всего сводится к показателям, поддающимся измерению. На этом строится позитивистский подход реалистов: для них принципиален тезис о том, что национальные интересы имеют объективную природу и не зависят от субъективных факторов. Субъективный фактор (собственно искусство политики) сводится к тому, чтобы эти интересы корректно вычислить и эффективно обеспечить. Отсюда акцент реалистов на рациональности, точности, повышенное внимание к статистическим данным. Реалисты (например, Г. Моргентау) были совершенно уверены, что МО представляет собой *научную* дисциплину, полностью отвечающую всем научным критериям: она описывает объективный мир (онтологию), как он есть, а ее точность зависит от того, насколько исследователь (субъект, гносеология) сумел приблизиться к постижению закономерностей объекта, а значит прогнозировать его поведение и влиять на него⁵.

Такой подход, с одной стороны, настаивает на том, что национальные интересы рациональны, однозначны и поддаются полностью незаинтересован-

¹ *Haslam J.* No virtue like necessity: realist thought in International Relations since Machiavelli. New Haven: Yale University Press, 2002. P. 12.

² *Kenan G.F.* Morality and foreign policy // Foreign Affairs. 64. 1985 – 1986. P. 206.

³ *Morgenthau H.* In defence of the national interest: a critical examination of American foreign policy. New York: Alfred A. Knopf, 1951.

⁴ *Tretschke von H.* Politics. London: Constable, 1916.

⁵ *Morgenthau H.* Truth and Power: Essays of a Decade, 1960 – 70. NY: Praeger, 1970.

ному и беспристрастному расчету, а с другой, на основании рациональности этих интересов и возможности их строго научного изучения, строит свою исследовательскую и интерпретационную методологию. Автореферентность такого подхода была замечена критиками реализма (особенно постмодернистами), но в определенном смысле это относится ко всей науке Нового времени, особенно к позитивизму в широком смысле (философскому, историческому, социологическому и т. д.).

Приоритет национальных интересов и убежденность в их объективности превращает внешнюю политику Государства в полностью рациональное занятие и, вместе с тем, задает строгие критерии оценки эффективности политиков и правительств. Если расчет интересов верен, это должно иметь рациональное обоснование и быть продемонстрировано с опорой на статистику и эмпирические факты. Определение национальных интересов не терпит произвола, момент субъективности здесь минимален. Они выводятся строго и почти однозначно из совокупности данных, графиков, таблиц, содержащих сравнительные показатели в ключевых для Государства областях, связанных с международными отношениями. И в каждой области выводы требуют аргументации. Точно так же сведение всех показателей в общие политические и экспертные рекомендации должно строиться на основании отрефлектированных и проверенных научных методов. Научные и методологические дискуссии по отдельным вопросам допустимы и даже приветствуются, но общая картина должна быть однозначной (с небольшими колебаниями и погрешностями).

После того, как национальные интересы для отдельного Государства в конкретный исторический период определены, они могут быть (а в демократическом обществе должны быть) обнародованы и стать достоянием широких слоев населения. Так все общество информируется о структуре национальных интересов и получает представление о приоритетах внешней политики. После этого политики и правительства должны строго следовать намеченным приоритетам, на основании чего их деятельность получает оценку, отражающуюся либо на уровне их легитимности, либо (при демократии) на их электоральном рейтинге.

Для классических реалистов национальные интересы определяются исключительно по эгоистической логике *изнутри вовне*. Государство мыслит себя субъектом, а окружающую зону международной жизни объектом интересов. Все действия должны быть направлены на удовлетворение собственных нужд, а преградой являются лишь конкурирующие интересы другого Государства или нехватка ресурсов. При определении национальных интересов Государство мыслит себя в анархии международных отношений как в вакууме, следуя только за тем, что ему необходимо и желательно. Далее следует «сверка с действительностью» (reality check) и расчет ресурсов (своих собственных или потенциальных конкурентов, врагов и соперников). Такой расчет неизбежно приводит к конфликтным ситуациям, которые решаются с помощью апелляции к могуществу /силе (power). Во всех случаях действует «железный закон» реалистов в МО: «государство может рассчитывать только само на себя» (self-help).

Могущество

Чтобы эффективно реализовать национальные интересы, необходим определенный *силовой потенциал*, называемый «могуществом» (power). Так как реалисты ориентируются прежде всего на национальные интересы, то

само определение могущества связывается с теми ресурсами, которые в первую очередь необходимы для их эффективного отстаивания. Как сами национальные интересы классическими реалистами привязываются, прежде всего, к материальным объектам и поддаются рациональному исчислению, так и могущество и его параметры мыслятся здесь, главным образом, материалистически — как совокупность материальных ресурсов, способных гарантировать реализацию интересов. Интересы выражают материальность воли, а могущество — совокупность наличествующих средств для реализации этой воли. Оба концепта тесно связаны и составляют два главных момента реалистской теории.

Подсчет национальных интересов соотносится с подсчетом наличествующих ресурсов в каждой конкретной области¹. Соотношение могущества с интересами показывает те направления, в которых может быть эффективнее всего применена цепочка последовательных действий в международной сфере. Если «количество могущества» (силового потенциала) достаточно для реализации тех или иных интересов, с высокой степенью вероятности можно заключить (предсказать), что шаги в этом направлении Государством будут сделаны. Конечно, при принятии политических решений могут учитываться и иные факторы, но реалисты настаивают на том, что аналогичный ход рассуждений покрывает большинство исторических ситуаций в мировой истории: если Государство хочет (интересы) и может (могущество) сделать определенный шаг в международных отношениях то скорее всего именно его оно и сделает. Такой подход превращает внешнюю политику в науку: если корректно вычислить национальные интересы и соотнести их с имеющимся силовым потенциалом (могуществом), то действия в международной сфере будут напрашиваться сами собой. И несмотря на то, что каждое Государство в условиях «анархии международных отношений» действует только в своих собственных интересах, эти интересы всегда рациональны, а значит, изменения в мировой политике поддаются анализу, расчету и рациональному истолкованию. В этом и состоит собственно реализм в МО: просчет основных параметров соотношения национальных интересов и количества могущества для прогноза и интерпретации событий международной жизни и поведения Государств.

Соотношение «интересы /могущество» представляют собой, по мнению реалистов, главный «рационал» международных отношений. Этот «рационал» для классических реалистов всегда высчитывается и организуется изнутри вовне. Но на границе он сталкивается с «рационалом» соседних Государств, локальных или глобальных гегемонов (то есть Государств, обладающих большим могуществом, чем большинство других Государств). Каждый «рационал» можно выстроить с определенной степенью точности. А значит, все поле международных отношений может быть представлено как суперпозиция этих «рационалов» (интересы /могущество). Построение такой карты показывает, где интересы разных Государств конфликтуют, а где совпадают, а также какие Государства обладают достаточным могуществом для реализации своих интересов перед лицом других Государств, обладающих меньшим объемом могущества и конфликтными интересами, а какие нет. Это позволяет предсказать, а в определенных случаях и предотвратить (повлиять на) изменения в структуре международных отношений — в том числе конфлик-

¹ *Morgenthau H. Truth and Power: Essays of a Decade, 1960 – 70.*

ты, войны, интервенции, нежелательные (или желательные) союзы, пакты и т. д.

«Баланс могуществ» (неореалисты)

Продвижение в МО в духе реализма привело следующие поколения реалистов, развивающих подходы классиков, к теории «баланса могуществ» (*balance of powers*), что стало узнаваемым символом неореализма. Наиболее ярким и признанным авторитетом этого направления является Кеннет Уолтц. Выход его книги «Теория международных отношений»¹ считается важнейшим событием в истории реализма в МО и моментом рождения неореализма. Уолтц полагает, что «баланс могущества» («силовое равновесие») следует считать не простым выражением, но фундаментальным концептом МО, отражающим такую карту мира, на которой все рационалы (интересы / могущества) размещены в наиболее устойчивом положении. Это означает, что интернациональная система, сохраняя принцип анархии, может достичь такого состояния, когда значительный пересмотр статус-кво будет невозможным ни для одного из больших игроков. Все возможные конфликты, которых теоретически нельзя исключить, будут в этом случае разворачиваться на периферии такой системы. Уолтц был убежден, что биполярный мир представляет собой оптимальную версию «баланса могуществ», где две ядерные сверхдержавы — США и СССР — уравнивают друг друга и минимизируют риски крупных военных столкновений в других секторах планеты. Двуполярность в теории Уолтца постулируется как планетарная модель «баланса могществ», к которой естественным образом тяготеет интернациональная система. Это, однако, ничем не ограничивает институционально или юридически анархию международных отношений и суверенитет всех национальных Государств.

Через два года после выхода книги К. Уолтца другой выдающийся американский неореалист Роберт Джилпин опубликовал второй программный текст этого направления «Война и изменения в мировой политике»², где изложил в неореалистском ключе «Теорию Гегемонистской Стабильности». В основных моментах она соответствовала логике Уолтца и принципу «баланса могществ», к которому тяготеет интернациональная система. Различие состояло лишь в том, что Джилпин считал оптимальной моделью не двухполярный, но однополярный мир, в котором существует один гегемон (Джилпин был убежден, что эта роль отводится США). А в остальном структура мира, в котором чувствительное изменение статус-кво и серьезные военные конфликты были бы исключены, у Джилпина соответствует идеям Уолтца.

Развитие ситуации после 1989 года, крах советского лагеря и наступление «однополярного момента» (Ч. Краутхаммер³) подтвердили, на первый взгляд, правоту Джилпина и прогностическую релевантность ТГС. Но кризис американской доминации, давший о себе знать в 2000-х годах и заставивший говорить о «конце однополярного момента»⁴, снова привлек внимание

¹ *Waltz K.N. Theory of International Relations.* NY: Random House, 1979.

² *Gilpin R. War and change in worlds politics.* Cambridge: Cambridge University Press, 1981.

³ *Krauthammer Ch. The Unipolar Moment // Foreign Affairs.* Vol. 70. No. 1. America and the World 1990 /91 (1990 /1991), pp. 23 – 33.

⁴ *Krauthammer Ch. The Unipolar Moment Revisited //National Interest.* Winter 2002 – 2003. December 1, 2002.

к идеям Уолтца, хотя на сей раз в дуполярной модели «баланса могуществ» роль второго полюса отводилась Китаю.

Ценности и право сильнейшего

Реалисты в МО обычно рассматривают в качестве движущих сил внешней политики Государств их национальные интересы. Ценности имеют здесь либо второстепенное значение, либо представляют собой те же национальные интересы, только оформленные идеалистически. Реалисты относятся к поведению Государств в международной сфере материалистически и полагают, что в отличие от интересов, которые полностью поддаются рациональному просчету, ценности несут в себе слишком много абстрактного, идеального, неточного, допускающего двусмысленности при интерпретации. Если дискуссии о структуре и приоритетах национальных интересов можно вести с опорой на цифры, строгие верифицируемые аргументы, рациональные доводы, то область ценностей слишком расплывчата и открыта для бесконечных и часто беспредметных споров. Именно материальную сторону человека реалисты считают определяющей, и поэтому склонны в политике придавать именно ей решающее значение.

На этом основана их полемика с либералами, которых они называют «идеалистами». С точки зрения реалистов, человек руководствуется в конкретной жизни интересами, а значит, это проецируется и на Государство. Идеальная составляющая у всех разная, на жизненный процесс влияет косвенно и унифицированному расчету или выражению не поддается.

Кроме того, реалисты видят современный международный порядок, сложившийся после Версаля, как систему, построенную на рациональных (и материальных) аргументах, стремлениях и доводах. Само соглашение о мире в 1648 году после 30-летней войны, раздиравшей Европу, а значит, стартовый момент Модерна был основан на том, что религиозный фактор (как суммарное выражение ценностей) более не должен играть в европейской политике решающей роли, легитимизирующей вмешательство одного Государства в дела другого. То есть для реалистов политика Нового времени сама по себе основана на признании примата рациональных и материальных интересов над всем остальным.

В определенном смысле можно сказать, что для реалистов высшей ценностью являются национальные интересы. Но национальные интересы, в свою очередь, напрямую сопряжены с могуществом, силой. Они в паре с могуществом составляют реальность деятельности Государства в международной политике. Отсюда можно сделать крайний вывод из реализма: «might is right», «сила есть право», «кто сильнее, тот и прав». Этот принцип для реалистов не является формой цинизма, но лишь на иной лад выражает принцип анархии в международных отношениях. Раз над Государствами по определению не может существовать никаких легитимных, правовых инстанций, способных легально ограничить их поведение, то на место права вступает закон силы, могущества. И именно силовой расклад определяет в каждый конкретный исторический момент картину истории, определяя тем самым реальный материальный контекст, в котором размещаются ценности. Эти ценности могут быть либо произвольны, и тогда большого влияния на международную политику не оказывают, либо отражать баланс «рационалов» (интересы /могущество), в этом случае они фиксируют распределение ролей победители /побежденные на уровне деклараций,

соглашений, мирных договоров и т. д. Так, для Британской империи «ценностью» было Английское морское право, а для США XIX века «доктрина Монро». Постепенное придание реализованным с помощью силы интересам правового статуса в этих случаях подробно рассмотрел реалист Карл Шмитт¹.

3.4.2. Либерализм: универсальность демократических ценностей

Коллективные интересы

Соотношение между интересами, ценностями и могуществом, а также толкование этих понятий в либерализме существенно отличается от реалистов.

Классические либералы в МО разделяют сферу интересов на область национальных интересов и интернациональных интересов. Для реалистов существуют только национальные интересы, т. к. единственным субъектом является национальное Государство. Существование национальных интересов и их значение в международной политике либералами признается, но кроме этого они считают, что существуют и иные наднациональные интересы. К этим наднациональным интересам относятся демократия, прогресс, развитие, модернизация, свобода, безопасность, мир. В более поздних версиях либерализма появляются концепции «прав человека» и «гражданского общества», которые провозглашаются глобальными интересами, разделяемыми любым обществом на земле.

Исследование соотношения между национальными и наднациональными интересами составляет одну из приоритетных тем для всех либеральных теоретиков МО. Само существование наднациональных интересов уже ставит вопрос о новом (по отношению к реалистам) *субъекте* международных отношений, например, о демократических странах (Концерт демократий²), интернациональных институциях или более общих понятиях («цивилизованный мир», «человечество» и т. д.). Введение этого субъекта качественно трансформирует картину международных отношений, т. к. на место анархии полагает некоторую действительную институцию, обладающую своими собственными интересами, которые не являются простым векторным сложением интересов каждого входящего в эту институцию Государства. По логике «общих интересов» формировался Европейский Союз, постепенно трансформируясь в самостоятельную структуру.

Универсальные ценности и институции

В паре интересы /ценности либералы в МО однозначно расставляют приоритеты в пользу ценностей. Демократия, мир, свободы, рынок, права человека являются прежде всего ценностями, причем ценностями универсальными. С точки зрения либералов, они присущи любому обществу и всему человечеству, а если где-то осознание их не совершенно, то дело в отставании в развитии или произволе хищнических авторитарно /тоталитарных коррумпированных элит, которые скрывают от населения их истинные (естественные) права в целях подчинить их своей власти. Либералы убеждены,

¹ Schmitt C. Völkerrechtliche Großraumordnung und Interventionsverbot für raumfremde Mächte. Ein Beitrag zum Reichsbegriff im Völkerrecht // Schmitt C. Staat, Grossraum, Nomos. Berlin, 1995.

² Ikenberry G. John, *Slaughter Anne-Marie*. Princeton Project on National Security, Forging a World Under Liberty and Law: U.S. National Security in the 21st Century. September 2006.

что продвижение и отстаивание этих ценностей в глобальном масштабе является первоочередной задачей всех прогрессивных сил и демократических режимов. Каждое общество способно открыть для себя горизонты индивидуальной свободы, священной частной собственности, социальной защищенности, справедливых судов и гуманного законодательства. На Западе эти ценности утвердились в Новое время и стали необходимым стандартом. В других частях света процессы демократизации и модернизации идут в настоящее время и с разными скоростями, подчас с определенной задержкой. Но общий вектор прогресса человечества направлен на то, что универсальные ценности (для либералов они тождественны либеральным ценностям) обязательно рано или поздно восторжествуют.

Этот фундаментальный принцип либеральной философии применительно к МО выражается в призыве к развитию наднациональных и транснациональных институций (в том числе сетевых), которые воплощали бы в себе инстанции, продвигающие эти ценности в глобальном масштабе. Такими инстанциями являются ООН, ЮНЕСКО, различные сетевые организации и НПО, общественные движения по защите прав человека, «Врачи без границ» и т. д. Транснациональные корпорации и торговые сети, а также глобальные информационные технологии тоже могут рассматриваться как составляющие моменты глобальных институций.

Важным моментом в либеральных теориях МО является осмысление того, как национальные интересы должны подстраиваться под универсальные ценности. Эта тема напрямую связана с судьбой Государства в процессе глобализации. Наиболее последовательная версия либерализма предполагает, что по мере демократизации и модернизации национальные Государства постепенно исчезнут и уступят место единому глобальному гражданскому обществу. Соответственно, автоматически снимется вопрос о национальных интересах. Ценности и интересы в таком случае тоже совпадают (как у реалистов), но только в том смысле, что универсальные ценности предопределяют коллективные интересы, подчиняя их себе.

Сравнение соотношения ценностей и интересов у реалистов и либералов дает следующую схему:

	Реалисты	Либералы
первично	национальные интересы	универсальные ценности
вторично	коллективные (локальные) ценности	коллективные интересы
не имеет значения	универсальные ценности	национальные интересы
не существует в природе / подлежит ликвидации	универсальные интересы	локальные ценности

Вопрос могущества и soft power

Проблема могущества (силы) в МО решается в либерализме разными способами.

С одной стороны, существует радикально пацифистская тенденция, которая предполагает постепенную демилитаризацию всех сторон жизни, т. е. отказ от могущества (power) как значимого критерия при определении статуса Государства. Согласно этой версии либерализма, Государства должны делегировать свое стратегическое, военное, а позднее политическое могу-

щество вначале коллективным, а затем универсальным институциям, которые будут распоряжаться им исключительно для защиты демократии перед лицом недемократических или недостаточно демократических держав. Примером такого военно-стратегического института является сегодня блок НАТО. В пределе фактор могущества должен быть сведен на «нет» и исключен из международных отношений. «Вечный мир» Канта представляет собой приблизительно такой же проект.

Другой более умеренный подход состоит в том, что могущество Государств остается важным критерием их состоятельности, но это могущество постепенно должно больше оцениваться по экономическим показателям, нежели по военно-стратегическим. Переход от политики к экономике, на котором настаивают либералы, меняет сам характер могущества. Отныне основным содержанием при определении уровня состоятельности державы выступает ее экономическое положение.

Обращение к экономике при определении могущества ведет к следующим выводам. Так как либеральная доктрина настаивает на открытом рынке (фриттрейдерство), то перенос центра тяжести в экономику в международной сфере даст повышение взаимозависимости между Государствами. А это, в свою очередь, сделает саму возможность применения силы в их отношениях маловероятной (основной тезис Н. Энджелла). Могущество в сфере экономики у развитых стран будет нарастать равномерно и распределено, что, в конце концов, станет главным фактором глобализации и интеграции.

Ответвлением этого определения могущества через экономику является тенденция некоторых неолибералов рассматривать мировой глобальный капитал как нового субъекта международных отношений, который станет центром могущества в будущем, полностью унифицированном и интегрированном мире. Отсюда тема капитала как квантификации могущества (Дж. Нитцан)¹.

По иной логике развивалась мысль некоторых неолибералов, которых принято относить к транснациональному направлению. Так, Дж. Най предложил разделить могущество (power) на две разновидности: «твердая сила» (hard power) и «мягкая сила» (soft power)². Традиционное и связанное с материальными ресурсами определение могущества, особенно у реалистов, по Дж. Наю, следует отнести к «твердой силе». С его точки зрения, когда реалисты и представители статистических групп в МО вычисляют «рационал» (интересы /могущество), они ограничиваются, как правило, только этой «твердой силой», довольно легко поддающейся расчетам (квантификации). Но по мере модернизации, распространения высоких технологий, роста значения сетей, расширения сферы виртуальной реальности, глобализации в целом увеличивается влияние тех факторов, которые обычно не учитываются индексами могущества, т. к., не будучи материальными, слабо поддаются количественным измерениям, но которые становятся все более и более важными и даже определяющими. Это и есть «мягкая сила» (soft power). «Мягкая сила» включает в себя идеи, символы, паттерны, брэнды, образовательные технологии, а также произведения искусства, информационные сети, моды, гаджеты и т. д. Все это кодирует среду в глобальном масштабе и увеличивает совокупный потенциал влияния как отдельных Государств, так и групп Государств, и транснациональных институций. Пример глобального брэнда

¹ Nitzan J., Shimshon B. Capital as Power: A study of order and creorder. London: Routledge, 2009.

² Nye Joseph S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. NY: Public Affairs, 2004.

United Colors of Benetton прекрасно иллюстрирует эту тенденцию: постоянно присутствующий в рекламе этой фирмы, выпускающей одежду, различных расовых типов продвигает толерантность, глобализацию и осуществляет профилактику ксенофобии. Маркетинговая или рекламная стратегия могут таким образом служить силовым потенциалом для продвижения тех или иных концептов в международной политике.

С точки зрения теоретиков «мягкой силы» глобальное лидерство США могут обеспечить себе не как отдельная национальная держава, но как флагман глобализации и демократизации, а значит, их могущество должно состоять, прежде всего, в «мягкой силе» и ориентации на универсальные (либеральные) ценности¹.

3.4.3. Английская школа: социализация сил

Обусловленные национальные интересы

Как и в других вопросах, Английская школа занимает в вопросе интересов, ценностей и могущества позицию, промежуточную между реалистами и либералами. Признавая анархию в международных отношениях, эта школа, соответственно, принимает тезис о важности национальных интересов для понимания поведения Государства в международных отношениях. В отличие от либералов здесь нет занижения или «демонизации» национальных интересов и желания подчинить их наднациональным институтам или пацифистским ценностям².

Теоретики Английской школы полагают, что любое национальное Государство следует, в первую очередь, за своими интересами. Но в отличие от реалистов, здесь вносятся две существенных поправки в общую картину, что, в конечном итоге, дает несколько иную картину, нежели модели реалистов.

Во-первых, т. к. Государства всегда образуют ту или иную интернациональную систему, т. е. общество Государств³, то национальные интересы формируются не в вакууме, а в конкретной исторической и цивилизационной среде, которая не является исключительно закрытой для каждого отдельного Государства. Между разными Государствами наличествует целый спектр связей — в области культуры, этноса, религии, истории, экономики и т. д. Поэтому формулировка национальных интересов учитывает (прямо или косвенно) внешние факторы (престиж, правила поведения, стиль отношения и т. д.). Непосредственные аппетиты конкретного общества уже на стадии их формулировки подвергаются тем самым процессу социализации, где «значимые другие» в лице остальных Государств выступают в качестве референтной базы. А значит, национальные интересы рассчитываются не только по (остающейся главенствующей) линии изнутри вовне, но и под влиянием импульсов снаружи внутрь. Иными словами, национальные интересы полностью эгоистичны лишь в своем ядре; на более высоком уровне их осознания они испытывают влияния «общества Государств».

Во-вторых, реализация национальных интересов также протекает по определенным правилам. Эти правила не отменяют анархии в международных отношениях, но предписывают модели поведения в условиях этой анархии.

¹ Nye Joseph S. *The Future of Power*. NY: Public Affairs, 2011.

² Linklater A., Saganami H. *The English School of International Relations: A Contemporary Reassessment*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.

³ Wight M. *Systems of states*. Leicester: Leicester University Press, 1977.

Не исключая войн и конфликтов, эти модели, тем не менее, могут настаивать на градуированной оценке столкновений (справедливые и несправедливые войны, акты обороны или агрессии и т. д.) и на соблюдении правил ведения военных действий.

В обоих случаях национальные интересы оказываются не полностью автономными ни в фазе их оформления, ни в фазе их реализации. Интересы остаются национальными по своей сути (не становятся ни коллективными, ни универсальными), но при этом обусловленными, не безусловными.

Лимитированное могущество

Могущество, которое обеспечивает реализацию национальных интересов, представители Английской школы в МО также рассматривают более нюансировано, нежели реалисты. Социологический характер поля международных отношений обуславливает то, что вопрос соотношения сил не всегда рассматривается как последний аргумент. Хотя Вестфальский принцип суверенитета не позволяет допустить принудительного ограничения использования силового потенциала (power) ни одной из стран на уровне правовых норм, общество Государств, во имя поддержания цивилизованного порядка взаимоотношений вполне может признать некоторые формы использования могущества «предосудительными» — например, акты необоснованной интервенции, не соблюдение международных договоров и т. д. Пребывая членом «общества Государств», большинство Государств скорее признают добровольно ограничение в использовании своего могущества ради сохранения статуса и престижа, нежели пренебрегут остальными во имя реализации сиюминутной задачи (даже если для ее выполнения могущество хватает). Конечно, это правило действует не всегда, но большая статистическая выборка, приводимая теоретиками Английской школы демонстрирует, что добровольная лимитация могущества по мотивам соблюдения социальных норм межгосударственного общения, действительна почти во всех случаях за очень редким исключением.

Социальные ценности

Ситуация с ценностями видится в этой парадигме МО аналогично ситуации с интересами. Ценностные системы в разных обществах могут существенно различаться. В отличие от реалистов, теоретики Английской школы относятся к ценностям более внимательно, прослеживают их связь с историей и допускают существование различных цивилизационных систем, ценностные наборы которых качественно различны. Также и влияние ценностей на внешнюю политику здесь видится более серьезным, нежели у реалистов. Государство выражает на внешнем уровне интересы и ценности общества почти в равной степени, и последовательность (или непоследовательность) такой деятельности остро переживается самим обществом. В определенных ситуациях интересы (материальная сторона) становятся важнее. Но во многих случаях приоритетом является как раз верность базовым ценностям и успех в их продвижении и защите перед лицом других обществ.

С определенной степенью приближения можно сказать, что для Английской школы интересы и ценности *одинаково важны*¹.

¹ Dunne T. *Inventing International Society. A History of the English School*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 1998.

Определение ценностей в этой школе дается на основании социальных критериев. Все три уровня ценностей — локальные, коллективные и универсальные — имеют под собой осязаемую реальность и пребывают в динамическом взаимодействии. Каждое общество имеет локальную ценностную структуру, отражающую его идентичность. Эта структура постоянно меняется и пребывает в постоянном взаимодействии с другими локальными структурами (идентичностями). Это первый ценностный слой.

Второй ценностный слой формируется в процессе взаимодействия одного национального общества с другим. Главным (но не единственным) посредником такого взаимодействия является Государство. В ходе такого взаимодействия формируется набор ценностных установок (также исторически меняющийся), который разделяется членами группы Государств, как правило, относящимися к одной культурной или цивилизационной группе (например, западные страны, исламские страны и т. д.).

Третий уровень ценностей — универсальный. Представители Английской школы допускают, что ряд положений может (или должен) разделяться всеми обществами (т. н. естественные права — например, право на жизнь и т. д.), и в этом случае мы имеем дело с универсальными (общечеловеческими ценностями).

Ни один из этих уровней нельзя взять в качестве доминанты. В силу того, что они постоянно проникают друг в друга и влияют друг на друга, а также ситуативно, поскольку разные политические и исторические условия требуют приоритетной активации то одного, то другого уровня.

3.4.4. Марксизм: классы и оппозиции

Классовые интересы

Так как для марксистов субъектом международных отношений в последнем счете является класс, то под интересами здесь в первую очередь понимают классовые интересы. Как и во всех остальных сферах марксизм вводит здесь конфликтологическую дихотомию, т. е. рассматривает противоречие движущей силой исторического прогресса.

Для марксистов существуют интересы буржуазии и интересы пролетариата, которые практически во всех смыслах являются антагонистическими.

Только в одном случае этот антагонизм отходит в сторону: если речь идет о совместном противостоянии докапиталистическим (сословным, кастовым, религиозным, феодальным) режимам, Премодерну или тем политическим системам, которые волевым образом стремятся повернуть историю вспять и обратиться к Новому Средневековью. В XX веке помимо стран Третьего мира к этой категории относились страны, где победили фашизм или национал-социализм. Точно так же на ранних стадиях буржуазия и коммунисты оказывались по одну сторону баррикад перед лицом монархии, консерватизма и традиционного политического уклада в европейской политической истории. Антагонизм интересов между буржуазией и пролетариатом становится *абсолютным* лишь тогда, когда капиталистическая система полностью торжествует и политические системы Премодерна окончательно уходят в прошлое. С этого момента мировая буржуазия и мировой пролетариат вступают в эпоху радикального конфликта глобальных интересов. Это конфликт, согласно марксистам, предопределяет структуру международных отношений в ее исторической сущности.

Буржуазия заинтересована в установлении устойчивого международного порядка, обеспечивающего беспрепятственное владычество мировой буржуазии, и в придании этому порядку легального и легитимного статуса. Следовательно, мировая буржуазия прямо заинтересована в предотвращении и недопущении революции, т. е. в сохранении в своих руках накопленного богатства, власти, могущества и ресурсов. Для марксистов классовые интересы буржуазии являются наднациональными, и перед лицом угрозы пролетарской самоорганизации в активную политическую интернациональную силу капиталистические режимы всех стран будут действовать солидарно на основании классового единства. Теория демократического мира, разработанная либералами, в оптике марксистов служит прекрасной иллюстрацией этого принципа.

При этом сами национальные Государства, на которых особенно настаивают реалисты в МО, выполняют важную функцию дробления пролетариата по национальным единицам, служат инструментами национальной буржуазии для конкуренции с другими Государствами. В такой ситуации войны между Государствами, в конечном счете, ведутся за счет бедных масс населения и только усиливают эксплуатацию и обостряют классовые противоречия. Ни при каких условиях пролетариат не получает дивидендов даже от выигранной войны, являясь главной жертвой войны проигранной, а также всегда оплачивает своими жизнями любое изменение баланса могущества, в чью бы пользу он ни склонился. В вопросе войны есть аналог других форм эксплуатации буржуазией пролетариата. В экономике капиталисты присваивают прибавочную стоимость, получаемую в процессе труда, т. е. создаваемую рабочим. В войне те же капиталисты присваивают материальные и политические плоды победы, которую обеспечивают солдаты (пролетарии войны), жертвующие собой. Здесь тоже происходит своего рода «присвоение прибавочной стоимости».

Интересы мирового пролетариата состоят в том, чтобы организовать во всемирную интернациональную политическую силу («Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»), осознать свои классовые интересы в глобальном и историческом масштабе, воспользоваться кризисом мировой капиталистической системы (дефолтами, депрессиями, рецессиями, схлопыванием спекулятивных пузырей, а также войнами и иными конфликтными ситуациями) и осуществить мировую революцию.

Борьба за могущество

В центре радикального конфликта интересов мировой буржуазии и мирового пролетариата стоит политическая власть. На практике эта власть может быть проинтерпретирована в марксистской парадигме как контроль над силовым потенциалом (могуществом, power) одного из двух классов. В капиталистической системе вся политическая власть, и шире — мировое могущество (как совокупный ресурс всех возможных богатств), сосредоточены в руках буржуазии. В вопросе, находящемся в центре полемики между реалистами и либералами относительно природы могущества, марксисты стоят ближе к либералам и неолибералам, полагая, что истинным субъектом могущества является мировая космополитический по своей сущности капитал¹,

¹ *Robinson W.I. Capitalist globalization and the transnationalization of the state // Rupert M., Smith H. Historical materialism and globalization. London: Routledge, 2002.*

а национальные Государства контролируют его лишь относительно как промежуточные формы капиталистической системы, с необходимостью переходящие в фазу империализма¹, а затем глобализма. Также марксистов сближает с либералами выделение в структуре могущества именно экономического фактора. Мировая сила сосредоточена в руках того, кто наиболее богат. Экономика становится у марксистов политической экономией в силу того, что для них решающим значением наделяется экономический базис общества и происходящие в нем процессы. Политическая надстройка (в нашем случае Государства) относится к области следствий, а не причин. Поэтому политическая инстанция не может контролировать в полном смысле экономику, т. к. законы капиталистической экономики первичнее и глубже ее политических выражений. Как политический режим в капиталистических демократических странах не зависит от того, какая из буржуазных партий победит на выборах, так реальное могущество капитала не зависит от того, какое политическое образование (государство) обладает его сегментом. Капитал есть глобальное целое и сам по себе исторический субъект. Поэтому истинное могущество сосредоточено в *базисе*, а надстройка (политика, Государство) есть лишь репрезентация этого могущества, которая может варьироваться в зависимости от обстоятельств.

Если в вопросе о глобальном и экономическом характере могущества марксисты сближаются с либералами и неолибералами в МО, то их материалистическое понимание могущества, напротив, имеет нечто общее с материализмом реалистов. Либералы говорят о (демократических) ценностях и их приоритете, за что материалистически ориентированные реалисты приписывают им «идеализм» (как укор и указание на произвольность и нестрогость их теорий). Марксисты же, как и реалисты, дискурс о ценностях считают второстепенным, а материальную составляющую могущества — преобладающей. Поэтому и классовые интересы они сопрягают с конкретным политэкономическим моментом: собственностью на средства производства. Обладая собственностью на средства производства, буржуазия автоматически получает в свои руки инструмент глобального могущества — не только имеющееся богатство, но и все то богатство, которое будет произведено и которое в силу этого контроля над средствами производства гарантированно окажется в руках капиталистов. Если стоимость возникает в результате труда (трудовая теория стоимости), то контроль над трудом, присвоение производимой в ходе него прибавочной стоимости, т. е. богатства как такового, есть залог могущества, неравенства и классового антагонизма.

Главная задача пролетариата, согласно марксистам, — осуществление мировой пролетарской революции. Революция осуществляется для того, чтобы вырвать из рук буржуазии могущество, понятое не только как политическая власть, но и как легитимное (с буржуазной точки зрения) право на собственность на средства производства. Обобществление собственности на средства производства есть необходимое условие социализма. В этом случае пролетариат захватывает не просто политическую власть (надстройка), т. е. контроль над Государством, но и само могущество, основной объем которого лежит не в сфере политики, но в сфере экономики.

И здесь лежит одна из главных особенностей ортодоксального марксизма (существенно отличающегося от марксизма советского, т. е. марксизма-

¹ Brewer A. Marxist theories of Imperialism: a critical survey. London: Routledge, 1990

ленинизма): капитал является интернациональным явлением, и его могущество превышает рамки политической единицы (государства); следовательно, пролетарская революция может быть только глобальной и мировой, т. к. в противном случае пролетариат получит контроль не над всем могуществом, а только над его частью. Поэтому пролетарская революция окажется успешной только после глобального триумфа капитала в планетарном масштабе и оформления его могущества как эксплицитно универсального момента истории¹. Национальные Государства суть лишь переходная фаза в движении капитала к его глобальному господству. Эпоха империализма увеличивает территории влияния колониальных держав, расширяя и упорядочивая зону мирового капитализма, а затем мир-система (неомарксиста И. Валлерстайна) становится свершившимся фактом и порождает свою окончательную репрезентацию в форме Мирового Правительства (или Мирового Управления). Тогда и только тогда (после триумфа капиталистической системы и обнаружения ее планетарного могущества и никак *не до этого*) открывается перспектива мировой революции. Мировой пролетариат должен захватить все могущество, а не его часть, глобальную власть, а не контроль над национальным Государством, что, если и произойдет, то станет лишь временной и переходной фазой на пути к мировой революции. Пролетариату нужно все могущество, т. е. обобществление собственности на средства производства в планетарном масштабе. Социализм мыслится марксистами как явление глобальное.

Материальные ценности

Марксисты стоят на строго материалистических позициях, поэтому отводят понятию ценности как идеационному процессу выражения идентичности или этического комплекса второстепенное значение. Этика марксизма строится вокруг понятия справедливости и связана с формой распределения материальных благ, получаемых в процессе трудовой деятельности. Маркс считал, что идеология, оперирующая как раз с ценностями, отражает, как и все остальное, классовые интересы. Буржуазия руководствуется в первую очередь своими конкретными материальными интересами, которые она частично приоткрывает, а частично, напротив, вуалирует через систему буржуазных ценностей. Поэтому для марксистов ценности носят чисто *инструментальный* характер и либо сводятся к интересам (тогда эти интересы и надо рассматривать напрямую), либо дают намеренно искаженное представление о социальной реальности (тогда их необходимо разоблачать и показывать действительные и скрытые под ними интересы).

Хотя понятие справедливости, на котором основывается этика марксизма, само по себе нематериально, относить его к ценностям для марксиста неприемлемо, т. к. оно относится скорее к онтологии общества, нежели к процессу идеации. Справедливость (и несправедливость) лежат в самой глубине производственных отношений, т. е. является сущностью исторического процесса. Поэтому она не может быть вторичной социальной абстракцией. Это не ценность, это ось общественного бытия. А т. к. бытие первично, то и справедливость имеет особый статус — как своего рода закон развития материи.

На этом принципе основывается стремление марксистов возвести свою идеологию в строгую науку, оперирующую не с идеалистическими концеп-

¹ Rupert M., Smith H. Historical materialism and globalization. London: Routledge, 2002.

тами, но с позитивными материальными и диалектическими фактами, выстроенными в соответствии с логикой мировой истории.

Соответственно, для марксистов характерно «разоблачение» ценностей как буржуазных конструктов и возвращение анализа на уровень интересов и материальных фактов, которые в ценностном подходе испаряются и исчезают из вида.

3.4.5. Постпозитивизм: алгоритмы реальности

Интересы, ценности, могущество как конструкты

Для постпозитивистских теорий отношение к интересам, ценностям и могуществу в МО лежит в общем русле деконструкции. Постпозитивисты всех направлений ставят под сомнение, что материальность в социальных науках существует и что применительно к ним вообще можно говорить о наличии автономного объекта, полностью независимого от субъекта (на чем настаивают позитивисты). С их точки зрения, объект есть конструкт. И хотя он не является простым произволом или проекциями конкретного субъекта, он, тем не менее, без субъекта не существует. Сама философская топика постмодернизма (в широком смысле) предполагает, что безусловно наличествует только то, что располагается *между* субъектом и объектом — т. е. отношения, взаимодействия, текст, дискурс. Поэтому претензия позитивистов на то, что они имеют дело с объектом, является когнитивной иллюзией, скрывающей реальные процессы конструирования реальности. Вскрытие этих процессов конструирования и составляет главную задачу постпозитивистских подходов к МО, независимо от конкретного направления постпозитивизма.

Это предопределяет принципиальный подход к интересам и ценностям¹. Постпозитивисты, вообще отрицающие автономную объективность, исходят из того, что и «материальные» интересы и «идеалистические» ценности являются заинтересованными конструктами, производимыми искусственно в ходе внедрения и развертывания вполне определенных эпистем. В обоих случаях мы имеем дело с процессом *репрезентации*, которая отталкивается не столько от восприятия репрезентируемого объекта (означаемого), сколько от самой имманентной логики репрезентации (от контекста и законов языка, «языковых игр» по Л. Витгенштейну). «Материальность» интересов ничем не «материальнее» «идеальных» ценностей. Все это не что иное как формы репрезентации, которые одновременно конституируют как обозначающее, так и обозначаемое (!). Ценности и интересы суть знаки, организованные в соответствии с определенной эпистемологической парадигмой. Это является общим местом всех позитивистских подходов. Но когда дело доходит до определения, какова эта эпистемологическая парадигма и как она устроена, постпозитивисты в МО расходятся между собой.

Понятие «могущество» в постмодернизме имеет ключевое значение. Этот термин, как правило, ставится в центре деконструкционных стратегий, определяя ту ось, вокруг которой вращается теоретическое внимание постпозитивиста. В его толковании в разных направлениях постпозитивистских теорий также существуют существенные различия.

¹ Devetak R. Post-structuralism // Burchill S., Linklater A., Devetak R., Donnely J., Nardin T., Paterson M. Reus-Smit Ch., True J. Theories of International Relations. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2009.

Критическая теория: инструментарий гегемонии

Критическая теория при истолковании интересов и ценностей исходит из неограмшистского принципа гегемонии. То есть эпистемологическая парадигма, которая выстраивает номенклатуру интересов и иерархию ценностей, как выражение того сегмента надстройки, что соответствует «гражданскому обществу» и «интеллектуальному классу». Гегемония здесь и является синонимом «могущества», «силы», «власти». Поэтому могущество мыслится не как нечто материальное, а как некое общее фундаментальное начало, как базовая схема самой реальности, как выкройка, по которой верстаются и «объективность» и «субъективность».

С точки зрения представителей критической теории, национальные интересы у реалистов и демократические ценности у либералов в равной мере, но разными способами, отражают стратегии гегемонии (= могущества). Определение национальных интересов как якобы объективных и независящих от исследователей, на чем настаивают реалисты, суть не что иное, как социальный гипноз, внушение, призванное выстроить систему интерпретации, предопределяющей легитимацию политики, институтов, действий и нормативов, позволяющих осуществлять гегемонию, власть капитала как субъекта (в этом сказываются марксистские корни критической теории). Однако сам капитал понимается здесь не столько как нечто материальное, пусть и обобщенное, сколько как, в свою очередь, дискурсивный конструкт. Не сам базис имеет значение, а дискурс о базисе со стороны надстройки. В этом принципиальное различие между критической теорией и классическим марксизмом, и даже с самим Грамши. Неограмшизм полностью признает верховенство надстройки, причем не политической, а интеллектуальной ее стороны¹. Поэтому под «интересами» во всех смыслах следует понимать артикуляции гегемонии, направленные к ее укреплению, сохранению и расширению. Экспансивность и волитивность интересов суть выражение самой гегемонии. Не Государство и не группы Государств наделены объективными национальными интересами: та гегемония, которая создала сами Государства, конструирует их маршруты и алгоритмы их функционирования.

Ценности представляют ту же гегемонистскую волю еще более откровенно. Произвольность ценностных наборов и автореферентность их обоснования открывают сущность гегемонии как процесса конструирования. Если дискурс об интересах, будучи произвольным и пристрастным, выдает себя за «объективную калькуляцию», то дискурс о ценностях своей субъективной природы не скрывает. Отсюда определенный знак равенства, который представители критической теории ставят между реалистами и либералами в МО: при всем различии в подходах и те и другие выражают стратегии гегемонии (могущества), развертывающейся от лица глобальной власти.

Контргегемония, к которой призывает Р. Кокс², состоит в первую очередь в разоблачении стратегий гегемонии, заложенной в дискурсе об «интересах и ценностях». Этот дискурс совершенно не научен (хотя и претендует на научность), утверждают представители критической теории, но построен по законам риторики. Используемые тропы, риторические приемы, метафо-

¹ Gill S. Gramsci, Historical Materialism and International Relations. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.

² Cox R.W. Production, Power and World Order: Social Forces in the Making of History. New York: Columbia University Press, 1987.

ры, парафразы, аллюзии, иронические сравнения, метонимии, ассоциации и т. д. призваны убедить, загипнотизировать слушателя, заставить его поверить в то, что интересы и ценности, о которых идет речь, являются чем-то само собой разумеющимся, очевидным, что следует воспринимать как данность (*taken for granted*). Контргегемония должна продемонстрировать механику этой риторической конструкции, ее произвольность, логические натяжки и противоречия. Подобно подлинному философу Древней Греции, перед началом аутентичного философствования необходимо предварительно освоить приемы и методы софистов, чтобы никогда больше не становиться жертвой их иллюзионистских фокусов в области разума и не поддаваться на их хитроумные уловки. Иными словами, разговоры об интересах и ценностях в МО суть суггестивные манипуляции, нюансированная пропаганда и химерические конструкты, создаваемые органическими интеллектуалами на службе капитала. Осознание этого есть первая фаза контргегемонистской практики.

На следующем этапе речь заходит об интересах и ценностях того контробщества, которое мыслится как позитивная альтернатива гегемонии. Эта тема разработана у представителей критической теории гораздо слабее, нежели деконструкция гегемонии, и сводится к предложению плюральных формулировок: ценности и интересы, как формы на сей раз осознанного конструирования реальности, могут быть самыми разнообразными и открытыми — самое главное уйти от линейных и жестких иерархий и деклараций гегемонии. Множественность субъектов в МО, допускаемая и приветствуемая теоретиками этого направления, открывает возможность множественного дискурса о множественных приоритетах и ценностных структурах, создаваемых в процессе этого дискурса. Самое принципиальное для контргегемонии — уход от линейных иерархических и однозначных моделей, претендующих на универсальность. Вместо хищной утилизации дискурса в пользу одного субъекта, лишённого воображения (капитал и гегемония), контробщество мобилизует множество субъектов с пробужденным воображением¹, создающих в ходе развертывания своих творческих систем гирлянды комплексных и самобытных миров, множественность свободно конструирующихся культур в контексте плюральной планетарности «открытого общества» (скорее, в смысле «мистического витализма» Бергсона, нежели в редукционистской либеральной версии К. Поппера)

Постмодернизм: воля к власти

Постмодернисты в МО здесь, как и везде, довольно близки к критической теории.

Один из основателей постмодернизма в философии Мишель Фуко показал тождество воли к власти и воли к знанию. С. Смит так описывает применение этого принципа к МО: «Любая власть нуждается в знании, и любое знание поддерживает и укрепляет существующие властные отношения (*power relations*). Таким образом, такой вещи как «истина», которая существовала бы в отрыве от могущества, не существует. (...) Истина не есть нечто внешнее по отношению к социальным установкам, она является их частью (...) Современные постмодернисты в МО используют этот принцип для того,

¹ Gill S. *Power and Resistance in the New World Order*. London; New York: Macmillan-Palgrave, 2003.

чтобы изучать «истины» в международных отношениях и то, как концепты и эпистемы, формирующие эту дисциплину на практике служат вполне определенным силовым отношениям»¹.

Постмодернисты в МО рассматривают интересы как метафору ценностей, а ценности понимают в контексте ницшеанской философии. Для Ницше системы ценностей плюральны и отражают волю к власти. Поэтому возможна «переоценка всех ценностей», вытекающая из динамичной и открытой природы воли к власти. Если ценности (и интересы, понятые лишь как особая форма дискурса о ценностях) суть волевые конструкты, то вся картина международных отношений и любые рассуждения о ней в рамках доминирующих парадигм суть развертывание воли к власти. При этом дискурс о ценностях не есть лишь инструмент, используемый для того, чтобы кто-то властвовал над кем-то, но само проявление этой воли. Текст о ценностях выражает собой стихию этой воли, и поэтому классический теоретик МО и продукты его анализа надо рассматривать не как заказ и обслуживание глобальной власти (а неограмшизм именно так понимает функции «органических интеллектуалов»), а как конституирование всех членов высказывания — и субъекта интересов (государства, глобальной демократии, класса), и сами интересы (ресурсы, территории, зоны влияния), и фигуры «другого», за счет которого субъект утверждается (другие Государства, режимы, классы, этносы, общества и т. д.).

Для постмодернистов в МО центральным понятием является ницшеанская формула «воли к власти» (*Wille zur Macht*). Немецкое *Macht* означает одновременно власть и могущество, и служит прямым синонимом английского *power*. Поэтому воля к власти есть воля к могуществу, но в недуальной системе постмодернистов, в таком стремлении нет разделения на того, кто стремится, и то, к чему стремится тот, кто стремится. Отсюда центральный статус могущества в этой теоретической системе: оно стремится к самому себе в замкнутом цикле «вечного возвращения».

Воля к власти (= могущество) выражает себя яснее всего именно в дискурсе о ценностях, поэтому анализ этого дискурса и корректная деконструкция науки МО для постмодернистов важнее, нежели сами международные отношения, которые представляют собой «пятно Роршаха», бессмысленную яляксу, приобретающую симметрию, смысл, ориентацию и значение только в ходе интерпретации, *grille de lecture*. Но эта интерпретация снова повествует нам не столько о самом «пятне Роршаха», сколько о том, какова ее внутренняя структура. И эта структура (эпистема) будет неизменно повторяться независимо от того, какое именно «пятно Роршаха» мы рассматриваем. Ценности, понятые максимально широко, в таком случае представляют собой алгоритм дешифровки, ту самую *grille de lecture* («решетку прочтения»).

Критики постмодернизма в МО (особенно представители критического реализма) негодуют, что в таком подходе вообще исчезает объект, наука, реальность, а вместе с тем и возможность какой бы то ни было верификации. Но этот упрек традиционно бросают постмодернизму в целом². И рассмотрение ответа на него выходит за рамки МО, отражая более широкий и довольно нюансированный арсенал философских ходов представителей постмодернизма в гуманитарных и социальных науках.

¹ *Smith S. New approaches to International Theory // Baylis J., Smith S. (eds). The globalization in world politics. Oxford: Oxford University Press, 1995. P. 181.*

² *Der Derian, Shapiro M. International /Intertextual Relations: Postmodern Readings of World Politics. NY: Lexington Books, 1989.*

Феминизм: гендерный индекс в деконструкции

Феминистки в МО чаще всего воспроизводят постмодернистскую эпистемологическую стратегию, но добавляют повсюду гендерный индекс. Так же, как и остальные постпозитивисты, они не делают принципиального различия между интересами и ценностями и обращают главное внимание на явление могущества. Могущество в доминирующем дискурсе в МО, согласно феминисткам, обосновано патриархально — как фундаментальная фигура мужской доминации. Отсюда эксклюзия, иерархичность, насильственность, *ἄβρις*, т. е. чисто «маскулинное», «садистское» стремление унижить другого, причинив ему страдание и боль. Могущество есть маскулинизм. Поэтому интересы и ценности в МО определяются, исходя из этого жестко патриархального паттерна, который проецируется на всю структуру дискурса. Под интересами всегда понимается желание обладать абсолютной частной собственностью, т. е. приватизировать и квантифицировать фрагмент объективной реальности, вырывая его из континуальной природной среды. Государство есть аппарат насилия, и его интересы суть траектории развертывания этого насилия, жертвами которого становятся другие Государства и собственные граждане (во время войны), члены колонизированных, менее оснащенных технически обществ, природа, окружающая среда и т. д. Женщины обнаруживают свое место среди жертв «национальных интересов». И не случайно в Древнем мире жены и дочери побежденных противников становились добычей частной собственности, рабами и наложницами победителей или объектом коллективного насилия¹. Другими словами, национальные интересы, сформулированные на маскулинном языке могущества, превращают женщин в объект. В таком же положении женщины находились и внутри политических образований — в классическом римском праве они считались собственностью мужей или отцов.

Ценности, с которыми оперируют классические теории МО, также имеют маскулинный характер. Экономическая иерархия капитализма, деление всего общества на победителей и проигравших в ходе экономической конкуренции, также отражает мужскую симметрию — верх /низ. Капитал в этом смысле имеет гендерный признак: производя неравенство он ведет себя как мужчина.

Правда, в отношении к ценностям в МО позиции разных течений феминизма расходятся. Либеральные феминистки полагают, что либерализм в МО и определенные течения неоллиберализма, настаивающие на приоритете прав человека, создают условия для того, чтобы дать женщинам по-настоящему равные с мужчинами права в области международных отношений. Это значит, что ценности можно трансформировать в таком ключе, чтобы они учитывали равенство полов, а далее придать этим ценностям универсальный характер и внедрить их в глобальном масштабе. Это сближает некоторых феминисток с неоллибералами и глобалистами именно в вопросе примата коллективных ценностей над национальными интересами. Национальное Государство таково, что в его структуре патриархат непобедим. Лишь выход на транснациональное общество способен качественно изменить позицию женщин.

¹ *Cohn C. Sex and Death in the Rational World of Defense Intellectuals // Signs: Journal of Women in Culture and Society. Vol. 12, No. 4. Summer 1987).*

Представительницы stand point феминизма возражают на это, что сами либеральные ценности и нормативы индивидуума построены по мужскому принципу¹. «Human» — «человеческое» по-английски — образовано от латинского «homo», означающего одновременно «человек» и «мужчина». Поэтому «human rights» можно прочесть и как «права человека» и как «права мужчин». Глобальный мир, основанный на ценностях «прав человека / мужчины», может быть, и даст женщинам равные с мужчинами права, но сами эти права будут «мужскими» и чтобы ими воспользоваться в полной мере, женщинам надо превратиться в мужчин, признав их социологические, культурные и гендерные установки. Если это удовлетворяет либеральных феминисток, то представительницы stand point феминизма и постмодернистки видят в этом новые, более изощренные стратегии все той же мужской доминации. Феминистки марксистского толка добавляют к этому критику капитала, как инстанции, с необходимостью порождающей неравенство (капитал = мужчина).

Поэтому для большинства феминисток в МО подлинное освобождение женщин и построение сбалансированной теории МО с учетом женского взгляда может произойти только после радикальной деконструкции могущества на основании гендерного подхода. Эта деконструкция до конца не проведена, но в этом направлении ряд феминисток продолжают работать.

Чисто теоретически это может привести к нескольким результатам:

- либо могущество (power, гегемония, воля к власти) будет полностью ликвидировано (пусть в теории) как выражение эксклюзивной мужской доминации и, соответственно, возникнет макет международных отношений, где могущества не будет ни в каком виде (феминистский «коммунизм»);
- либо будет обоснован концепт женского могущества, матриархальная матрица, построенная по внутренним законам женского пола — с особым языком, логикой, психическими и социальными установками и т. д.;
- либо будут найдены пропорции андрогинного могущества, в котором мужское и женское начала будут сбалансированы и гармонизированы.

Только после этого можно будет говорить о построении ценностных систем и, соответственно, о полноценных и отрефлексированных интересах женской половины человечества. Пока же феминистки в МО, как и в других областях социальных и политических теорий, ведут оборонительные кампании, стремясь отстоять само право на женский голос в науке.

Историческая социология: универсализм и цивилизация

Историческая социология предлагает деконструировать интересы, ценности и могущество по иному алгоритму. В основе подхода Дж. Хобсона, одного из ведущих теоретиков этого направления, лежит вскрытие принципиального евроцентризма и сублиминального расизма МО как западной дисциплины, отражающей позицию западной цивилизации, приравненной к универсальной (расизм и состоит в признании одной из культур /цивилизаций высшей и универсальной, а, следовательно, всех остальных — низшими и локальными)². Этот евроцентризм и предопределяет как интересы, так и ценности в МО. Хобсон показывает, что общим знаменателем для реалистов и либералов является убежденность в универсальности западной цивилизации.

¹ Tickner J. Ann. Gendering World Politics. NY: Columbia University Press, 2001.

² Hobson J.M. The Eurocentric Conception of World Politics: Western International Theory, 1760 – 2010. Cambridge: Cambridge University, 2011.

лизации. Но реалисты описывают это в терминах интересов, а либералы — ценностей. Национальные интересы, утверждает Хобсон, градуируются в МО так же, как и суверенитеты. Легитимными признаются в первую очередь интересы тех Государств, которые относятся к цивилизации, т. е. западные Государства. В отношении «варварских» Государств действует другой подход, т. к. поведение «варваров» в международной сфере считается непредсказуемым, ненадежным, следовательно, они относятся не к клубу социализованных просвещенных держав, а к гетто режимов второго сорта. Кроме того, существует и третья категория — «rogue states» (государства, прямо бросающие вызов Западу, Государства-мошенники) и «failed states» (провалившиеся, несостоятельные Государства): их национальные интересы считаются заведомо несущественными. Построенная иерархия национальных интересов создает на политической карте территориальные слои, чей статус принципиально различен, несмотря на номинальное равенство суверенитетов всех признанных Государств. Национальные интересы западных (цивилизованных) стран обладают преимуществом и требуют уважения. Правомочность национальных интересов всех остальных (незападных) держав в классических теориях МО рассматривается с определенной долей скепсиса и требует в отношении них определенного консенсуса цивилизованных держав. В некоторых случаях патрон из цивилизованного мира лоббирует на международных площадках интересы клиента из числа держав второго сорта.

Этот общий принцип, предопределяющий теоретические модели реалистов, имеет много версий. В XIX веке он находил выражение в прямом эксплицитном расизме, оправдывающем колонизацию и империализм. «Белый человек» брал на себя «бремя» править «небелыми» обществами («варварами» и «дикарями»). В XX веке страны цивилизованного Запада взяли на себя «бремя» нести демократию в страны Азии, Африки, шире, Третьего мира. Иной версией такого же подхода является присвоенное Западом право на интервенции в суверенные Государства под предлогом нарушения там прав человека, гуманитарной катастрофы, систематических преследований по религиозным или этническим мотивам (responsibility to protect, r2p).

Таким образом, перед лицом незападных стран позиции реалистов, имплицитно признающих иерархию суверенитетов и национальных интересов, и либералов, ставящих во главу угла коллективные интересы демократий, практически совпадают: и те, и другие оперируют с градуальной политической шкалой, где есть «интересы первого сорта» и «интересы второго сорта». И реалисты и либералы признают, в частности, практики r2p легитимными, а споры вокруг конкретных примеров (вторжение стран НАТО в Афганистан в 2001, в Ирак в 2003, в Мали в 2012, поддержка вооруженной оппозиции Ливии в 2009, в Сирии 2011 и т. д.) не затрагивают принципиально: «за» и «против» в конкретных ситуациях могут выступать и либералы и реалисты.

Деконструкция интересов в исторической социологии на основании градации Государств по признаку их близости к западному образцу (взятому за универсальный) дублируется аналогичной деконструкцией ценностей. Здесь в глобальном масштабе мы имеем дело с такой же иерархией. Во главе угла стоят западные ценности, признанные за универсальные. Так как ценностями в большей степени занимаются либералы в МО, то это направление боль-

ше касается этой парадигмы. Либералы исходят из того, что политическая демократия, рынок, индивидуализм, права человека, свобода совести, слова, передвижения и т. д. являются универсальными, общечеловеческими ценностями. Западные ценности отождествляются с универсальными. По Хобсону, это яркое выражение либерального расизма. В XIX — начале XX века многие либералы (в частности, Г. Спенсер, У. Самнер, Дж. С. Милль, и даже Вудро Вильсон) открыто высказывали расистские взгляды, отождествляя либерализм с культурой «белого человека» и объясняя отсутствие рыночных институтов и демократии в незападных странах отсталостью небелых народов¹. Этим оправдывался колониализм и односторонние интервенции западных держав во внутренние дела стран незападных (например, принуждение Японии флотилией коммодора М. Пэрри к открытию своих портов для торговли со странами Европы и Америки или опиумные войны в Китае).

В течение XX века этот прямой либеральный расизм уступил место более нюансированным подходам, построенным, однако, по тому же алгоритму: Запад первым открыл универсальные ценности, и теперь его миссия состоит в том, чтобы принести эти ценности всем остальным народам. Даже если принять за чистую монету убежденность либералов в универсальности тех ценностей, которые они отстаивают, и признать искренность их заботы о незападных обществах, лишенных счастья жить в условиях демократии, мы имеем дело с чисто расистской практикой: ценности одного общества (локализованного географически и исторически) рассматриваются представителями этого общества как универсальные. Следовательно, одна локальность (провинция Европа) объявляет себя целым, тогда как остальным провинциям предписывается становиться во всем похожими на Европу и постепенно (или резко) отбрасывать свои собственные ценностные системы (как заведомо менее совершенные, прогрессивные и просвещенные). Налицо ценностный расизм.

Историческая социология, как и другие постпозитивистские теории, видит могущество в центре системы интересы /ценности. Цивилизационный индекс вносит в понятие могущество свойство локализации. Могущество может быть западным и не западным. Западное могущество есть совокупность силового и технологического потенциала в сочетании с искренним (или нет, это не имеет значения) убеждением в том, что обладание этим потенциалом сопряжено с миссией — распространить его глобально (универсализм). Классические теории МО строятся с позиции западного могущества как нормативно единственного и универсального, что и предопределяет систему интересов и ценностей как именно западных интересов и ценностей, возводимых к универсализму в той или иной форме (реалистской — с сохранением Государств, или либеральной — с их упразднением). Мир-система Валлерстайна — такой же расистский анализ могущества, отождествляемого с капиталом.

Альтернатива, предлагаемая Дж. Хобсоном, состоит в предложении ввести нечто аналогичное понятию «плюральной силы» («plural power»), т. е. рассмотреть целый спектр представлений о содержании могущества в оптике отдельных, незападных цивилизаций. Евроцентристское понимание могущества, его сопряжение с национальными интересами и ценностями

¹ *Hobson J.M. The Eurocentric Conception of World Politics: Western International Theory, 1760 – 2010.*

ми в структурно-расистском дискурсе в целом выявить довольно легко, и Хобсон делает это исчерпывающе¹. Гораздо более сложным делом является исследование того, как иные незападные цивилизации понимают могущество (силу, власть, Macht, power и т. д.). Определенные подходы к этому наметены в монографии Катценштайна². Определив версии западного понимания могущества на примере нескольких ярко проявленных цивилизаций со своей устоявшейся политической, исторической и философской традицией (исламский мир, Китай, Индия, Япония и т. д.), можно развернуть на этом основании плюральную модель интересов /ценностей, модель того, как в контексте могущества (как общего знаменателя) их понимает каждая из цивилизаций. В этом направлении ориентирована Теория многополярного мира.

Нормативизм: этическая структура

Нормативизм в МО рассматривает, в первую очередь, ценности и настаивает на моральном факторе в международных отношениях. Нормативисты стараются привнести в исследование человеческий элемент, сопряженный с базовым этическим комплексом. Теоретик нормативизма в МО Мервин Фрост писал: «Нормативная теория должна, в первую очередь, задать вопрос: что я как гражданин (или как правительство, или как нация, или как общество Государств) должен сделать? Но чтобы ответить на этот вопрос, следует найти ответ на более глубокий и предваряющий его вопрос: какова этическая структура институций, в которой мы находимся, а также какова этическая структура институций, в которых находятся другие?»³ Поведение человека, правительства или иных инстанций в международных отношениях строится на базовой этике, которая чаще всего находится за кадром и не попадает в область исследователей, которые видят только зримые последствия решения, выбора или приоритетов, а глубинные механизмы остаются в тени. Нормативизм, в прямой противоположности с бихевиоризмом, который настаивает на том, чтобы изучать только осуществленные поступки и действия (не обращая внимания на то, что их вызвало к жизни, или на то, что могло быть совершено, но совершено не было), стремится выявить этическую базу поведения. Эта этическая структура может быть выражена в терминах системы ценностей.

Нормативисты оставляют за кадром вопрос интересов и могущества. Для них важнее всего описать ментальную Вселенную, в которой оформляются предпосылки действий в международной сфере.

Дуальная модель Криса Брауна предлагает выделить два типа этических структур, на основании которых строятся две системы ценностей — космополитическая и коммуитаристская. Они-то и предопределяют фундаментальное различие в позициях, лежащих в основе решения того, «что делать?» Космополитическая система ценностей соответствует схематизации западной либеральной парадигмы, принимаемой как универсальный норматив. Сплошь и рядом это происходит бессознательно, так эта этическая система проецируется множеством разных способов, формируя этическую матрицу.

¹ *Hobson J.M.* The Eurocentric Conception of World Politics: Western International Theory, 1760–2010.

² *Katzenstein P.* (ed). *Civilizations in World Politics: Plural and Pluralist Perspectives* NY: Routledge, 2009.

³ *Frost M.* *Ethics in International Relations.* Cambridge: Cambridge University Press, 1996.

Вторая, коммунитаристская модель, ориентирована на решающее значение локальных этических систем, и в силу их многообразия не поддается строгой кодификации — каждая культура имеет свою этику.

Нормативизм вносит в деконструкцию ценностей дополнительный культурный и этический момент.

Конструктивизм: социальная легитимация

Если нормативизм в большей степени сосредотачивает свое внимание на ценностях, конструктивисты приоритетно разрабатывают вопрос об интересах, и в частности, о национальных интересах.

Особенностью конструктивизма, отличающей его от других направлений в МО и от иных версий постпозитивизма, является не просто утверждение, что интересы являются конструктом (это признают даже некоторые либеральные теоретики, например, Э. Маравчик или реалисты, — С. Краснер), но что это конструкт *социальный*. Этот подход довольно близок к теории Английской школы и своим акцентом на социализации и своим стремлением поместить национальные интересы в интернациональный контекст.

Национальные интересы, согласно конструктивистам, представляют собой поле постоянных социальных взаимодействий, на одном конце которых располагается идентичность, а на другой — широкое поле внешних акторов¹. В этой картине меняются не только интересы, но идентичность того, кому они принадлежат (то есть национального Государства и его самопрезентации); а кроме того, идентичности тех, с кем идет взаимодействие. Национальные интересы, таким образом, представляют собой социальную среду, меняющуюся саму и меняющую идентичности тех, кто располагается по обе стороны. Конструктивист Ян Хурд подчеркивает, что международные отношения интернационализируют и социализируют национальные интересы, вписывают их в контекст. Он называет это «*международной легитимностью*», т. е. одобрением или неодобрением тех или иных формулировок национальных интересов со стороны других участников международных отношений, которые не могут (в условиях анархии международных отношений) иметь правового значения и прямой силовой реакции, но играют важную роль для престижа Государства².

Конструктивисты рассматривают определение национальных интересов как результирующий вектор трех процессов:

- воображения;
- коммуникации;
- принуждения³.

Воображение активизирует нематериальные идеационные структуры, которые формируют с опорой на историю, традицию, образование и т. д. поле возможностей, расположенное вокруг данного Государства и серии возможных стратегий действий в этом поле. На уровне воображения большое значение имеют формы языка, которые во многом предопределяют гносеологические операции. Выражение «национальные интересы» даже терми-

¹ Hurd I. Legitimacy and authority in international politics // International Organization. 53. 1999.

² Hurd I. Legitimacy and authority in international politics.

³ Reuss-Smit Ch. Constructivism // Burchill S., Linklater A., Devetak R., Donnelly J., Nardin T., Paterson M. Reuss-Smit Ch., True J. Theories of International Relations. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2009. P. 222.

нологически в разных языках может иметь различные коннотации — особенно, если речь идет о разных языковых группах. National interest и то же слово, написанное по-китайски, имеют, очевидно, разную семантику. В поле воображения активно участвуют прецеденты, метафоры, ассоциации, которые подспудно организуют ту картину, в которой президент или премьер-министр осмысливают интересы державы, от имени которой действуют.

Коммуникации представляет собой обширное поле взаимодействий Государства с окружающим миром. Здесь вступают в силу те процессы социализации и легитимации, о которых говорит Я. Хурд.

Принуждение — это совокупность внутренних и внешних обстоятельств, обязательств, жизненных и политических потребностей, которые оказывают давление на политическую власть, требуя того или иного разрешения.

Все вместе это порождает структуру национальных интересов, формирующуюся как длящийся социальный процесс, не разложимый на отдельные составляющие. Национальные интересы не складываются из взаимодействия между собой отдельных и строго изолированных индивидуумов, объединенных в общество, учредивших Государство, сохраняющих свои атомарные идентичности постоянными и выражающих общий вектор в системе национальных интересов. Конструктивисты показывают, что процесс формирования национальных интересов есть социальное явление, где сами акторы конституируются и реконституируются в ходе этого процесса по мере того, как вся система проходит через различные режимы воображения, коммуникативные взаимодействия и испытывает прямое давление¹.

В духе постпозитивистского подхода конструктивисты решают вопрос о природе могущества. Они отвергают реалистское понимание могущества как материального ресурса, контролируемого национальным Государством. Конструктивисты предлагают как альтернативу *социальную теорию могущества*, согласно которой могущество складывается из норм, процессов легитимации и собственно гегемонистской силы (Дж. Айкенберри)². Могущество включает как материальную составляющую (экономический, энергетический, военный потенциал), так и более сложную систему отношений, в которой наделенный определенным могуществом актор (государство или иное политическое образование) может действовать. Конструктивисты на примере последнего анализа международных стратегий США за последнее десятилетие показывают, что рост материального потенциала не ведет линейно к росту могущества в международной сфере. Рост влияния в одних сферах в силу определенных ошибок в американской внешней политике и сложных изменений норм и легитимационных процессов в мировом масштабе сопровождался падением влияния в других сферах.

Резюме

Сведем основные моменты анализа интересов, ценностей и могущества в различных направлениях МО к одной таблице.

¹ Reuss-Smit Ch. Constructivism // Burchill S., Linklater A., Devetak R., Donnelly J., Nardin T., Paterson M. Reus-Smit Ch., True J. Theories of International Relations. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2009.

² Ikenberry J. After Victory: Institutions, Strategic Restraint, and the Rebuilding of Order after Major Wars. Princeton: Princeton University Press, 2001.

		интересы	Ценности	могущество
Позитивизм в МО	реалисты	первичны; национальные; материальны, объективны, рациональны, поддаются подсчету; важнее ценностей; формируются изнутри вовне	вторичны; относительны, неточны; не поддаются расчету	главный концепт всей теории; силовой потенциал Государства; преимущественно материально (военная, экономическая, промышленная сила)
	неореалисты	первичны; национальные; гегемонистские	вторичны; безопасность, стабильность мировой системы; подчинены интересам	баланс могуществ; гегемония; структура международных отношений в терминах силы
	либералы	вторичны; коллективные важнее, чем национальные	первичны; пацифизм; демократия / демократизация; либерализм / свободная торговля; права человека; индивидуализм; технический прогресс; секуляризация	материально; экономическое важнее силового
	неолибералы	вторичны; глобальные	первичны; мировое гражданское общество; пацифизм; «единый мир»; глобализация; права человека; гуманитарная помощь; планетарный рынок	глобальные финансы; глобальная экономика
	Английская школа	обусловлены	социальны	—
	марксисты	классовые; буржуазные интересы противоречат пролетарским	вторичны; инструментальны; производны	Капитал (преимущественно материальный)
	неомарксисты	классовые; богатый Север против бедного Юга (конфликт интересов)	вторичны	Капитал (материальный и социальный, организационный и т. д.)

Постпозитивизм в МО	критическая теория	нематериальны, сконструированы; противоположны у гегемонии / контргегемонии	равнозначны интересам; ценности гегемонии и ценности контргегемонии	гегемония (статус-кво); контргегемония (революция)
	постмодернизм	вторичные конструкты воли к власти	первичные конструкты воли к власти	воля к власти
	феминизм	маскулинные патриархальные (агрессивные) конструкты; женщина как объект интересов; гендерный реванш	маскулинные патриархальные конструкты; гендерная переоценка ценностей с учетом женского взгляда	маскулинный патриархальный конструкт; мужская доминанция; требуется отмена / пересмотр / синтез
	историческая социология	расистский евроцентричный конструкт; градуальность в зависимости от западных (цивилизованных) и незападных Государств	расистский евроцентричный конструкт (в жесткой реалистской и мягкой либеральной формах); иерархия ценностей (западные ценности универсальны, незападные локальны)	расистский евроцентричный конструкт (в жесткой реалистской и мягкой либеральной формах)
	нормативизм	—	этическая структура	—
	конструктивизм	социальные; динамично развиваются в сложном процессе воображения, коммуникаций принуждения	—	социальное понимание могущества

3.5. Международная Политическая Экономика

МО как дисциплина уделяет значительное внимание экономическим процессам, роль которых в современном мире постоянно возрастает. В некоторых курсах эта тема выносится в отдельный раздел — «Международная Политическая Экономика», МПЭ, (International Political Economy, IPE) и подчас рассматриваются как самостоятельная дисциплина. О статусе МПЭ в политической науке ведутся дискуссии. Мы рассмотрим в данном разделе классический взгляд на международную экономику как на одну из составляющих международных отношений в соответствии с основными подходами МО.

Среди прочих теоретиков МО, особое внимание уделяющих МПЭ, можно выделить следующие имена:

Ч. Киндлбергер¹, Р. Джилпин², С. Краснер³, С. Стрэндж⁴, Дж. Нитзан⁵ (неореализм);

Р. Киохайен⁶; Дж. Най⁷, Т. Тейвайнен⁸ (неолиберализм /транснационализм);

И. Валлерстайн⁹ (неомарксизм);

П. Катценштайн¹⁰ (конструктивизм);

С. Гилл¹¹, Р. Кокс¹², К. Ван дер Пийл¹³ (критическая теория);

Дж. М. Хобсон¹⁴ (историческая социология).

3.5.1. Реализм: меркантилизм

Меркантилизм в истории Европы

Концепция меркантилизма сложилась на заре Нового времени. Ее суть состоит в убежденности, что вся экономическая активность, и в особенности внешняя экономическая деятельность (международная торговля), должны быть в первую очередь подчинены высшей цели — построению сильного суверенного Государства. Для меркантилистов область международных отношений есть поле конкуренции и борьбы различных национальных интересов. Поэтому экономика здесь мыслится как продолжение политики. А т. к. между Государствами царит постоянное соперничество, то сфера экономики и торговли также мыслится стратегически как форма противостояния и войны (отсюда прямая связь экономической блокады и прямых военных действий). Война-политика-экономика оказываются различными гранями потенциально конфликтных взаимоотношений между Государствами в условиях анархии международных отношений.

¹ *Kindleberger Ch.P.* World Economic Primacy: 1500–1990. Oxford: Oxford University Press, 1996.

² *Gilpin R.* Political Economy of International Relations. Princeton: Princeton University Press, 1987.

³ *Krasner S.D.* Defending the National Interest: Raw Materials Investment and American Foreign Policy Princeton: Princeton University Press, 1978.

⁴ *Strange S.* Casino Capitalism. Oxford: Basil Blackwell, 1986.

⁵ *Nitzan J., Shimshon B.* Capital as Power: A study of order and creorder. London: Routledge, 2009.

⁶ *Keohane R.* After Hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy. Princeton: Princeton University Press, 1984.

⁷ *Nye J.* Power in the Global Information Age: From Realism to Globalization L.,NY: Routledge, 2004.

⁸ *Teivainen T.* Enter Economism, Exit Politics: Experts, economic policy and the damage to democracy. London: Zed Books, 2002.

⁹ *Валлерстайн И.* Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2008.

¹⁰ *Katzenstein P.* Beyond Paradigms: Analytic Eclecticism in World Politics NY: Palgrave, 2010.

¹¹ *Gill S.* The Global Political Economy: Perspectives, Problems and Policies with David Law. Brighton: Harvester Wheatsheaf; Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1988.

¹² *Cox R., Schechter M.G.* (eds.) The Political Economy of a Plural World: Critical Reflections on Power, Morals, and Civilization. London: Routledge, 2002.

¹³ *Pijl van der K.* Modes of foreign relations and political economy. Vol. 1: Nomads, Empires, States. London, 2007; *Idem.* Modes of foreign relations and political economy. Vol. 2: The foreign Encounter in Myth and Religion, London: 2010.

¹⁴ *Hobson J.M.* The Eurocentric Conception of World Politics: Western International Theory, 1760–2010. Cambridge: Cambridge University, 2011.

Отсюда отношение к экономическим взаимодействиям между Государствами как к игре с нулевой суммой (zero-sum game): если у одного Государства в ходе международных экономических взаимодействий увеличивается прибыль, у кого-то другого она должна пропорционально сокращаться или переходить в убытки.

Иногда различают «благой меркантилизм» и «злой меркантилизм»¹. Первый представляет собой легитимное отстаивание национальных интересов Государства в стремлении обеспечить условия безопасности, тогда как второй есть стремление использовать возможности международной экономики в хищнических целях (экономический империализм).

В истории европейских Государств Нового времени на первом этапе меркантилизм был основной парадигмой понимания значения внешнеэкономических отношений и международной торговли. На первом этапе формирования суверенных Государств такой подход был исключительным и служил практически единственным способом истолкования международной экономики вплоть до появления теорий экономического либерализма (А. Смит). Поэтому меркантилизм является естественным и привычным способом мышления для политической науки Нового времени. Принципы Вестфальской системы, ставящей во главу угла суверенитет, также подразумевали подход к экономическим взаимоотношениям Государств в духе меркантилизма.

Меркантилизм и классический реализм

Реалистская парадигма МО в целом сохраняет меркантилистское понимание мировой экономики и продолжает придерживаться принципа «игры с нулевой суммой». Большинство представителей классического реализма (Моргентау, Карр и т. д.) анализируют экономический аспект международных отношений, подразумевая гомологичность понятий национальные интересы /экономические интересы. Раз главным субъектом в международных отношениях выступает суверенное Государство, то все его проявления в международной сфере лучами сходятся к нему: мировая экономика должна быть структурирована таким образом, чтобы ведущие державы (победители в мировой конкуренции с другими) могли единолично пользоваться открывающимися перспективами в своих интересах. Так как Государство у реалистов метафорически приравнивается к торговой компании, то вся внешнеэкономическая деятельность должна приносить прибыль и увеличивать объем частной собственности акторов. Экономическая конкуренция между Государствами есть ведение политики иными средствами, а в некоторых случаях и ведение войны иными средствами. В определенных ситуациях политика, экономика и война настолько переплетаются, что легко переходят одно в другое. Экономическая конкуренция между Государствами в таком случае вполне может рассматриваться как постоянно длящаяся «позиционная война». При этом реалисты убеждены, что это происходит не из-за агрессивности Государств, а в силу их природы.

Меркантилизм предполагает использование любых средств, укрепляющих позиции национальной экономики на внешнеторговом поле, включая жесткие формы протекционизма, тарифы и квоты, затрудняющие проникновение иностранных товаров на внутренний рынок в тех случаях, когда они

¹ *Gilpin R. Political Economy of International Relations.*

препятствуют развитию внутри-экономического потенциала. Государство здесь выступает главным заинтересованным лицом, всячески поддерживающим интересы национальных предприятий за рубежом и действующих для создания максимально благоприятных условий для внутренних производителей. Такой позиции придерживалось большинство отцов-основателей США, в частности, Александр Гамильтон (1757 – 1804), полагавший, что политика протекционизма есть единственно приемлемая стратегия для молодого американского Государства. Эта линия получила в США основные позиции и представляла собой политико-экономическую доминанту развития этой страны вплоть до первой половины XX века.

Автаркия больших пространств

Американский опыт протекционизма, резко контрастирующий с британским либеральным империализмом, внимательно исследовал в XIX веке немецкий экономист Фридрих Лист (1789 – 1846), систематизировавший такой подход в концепте «экономического национализма» или «автаркии больших пространств»¹. Согласно Листу, если два национальных Государства, одно из которых более экономически и индустриально развито, нежели другое, устанавливает между собой экономические отношения по принципу свободной торговли (фритрейдерства), то уровни их национальных экономик не выровняются, вопреки утверждениям либералов, но более развитые обогатятся, а менее развитые только затормозят свое развитие. Поэтому единственный способ обеспечить развитие экономики перед лицом более успешного конкурента, это тонко манипулировать протекционистскими мерами. Лист показывает, что именно такая политика привела США к экономическому успеху и обеспечила высокие темпы развития и роста. Такой принцип вполне применим к теориям классического реализма и широко заимствовался его представителями (в частности, К. Шмиттом).

Однако протекционизм Листа имеет одну важную особенность, которая заставляет выделить его идеи (впрочем, как и идеи Карла Шмитта) в сторону от магистрального направления классического реализма. Дело в том, что Лист был убежден, что протекционистские меры сами по себе не смогут обеспечить рыбка развития, т. к. «закрытое торговое Государство» (к которому призывал немецкий философ И.Г. Фихте) будет в таком случае все же обречено на догоняющее развитие. Поэтому Лист предлагает экономическую интеграцию, выходящую за предел национальной территории, но только с теми обществами, экономический уровень которых приблизительно равен уровню данной страны. При этом желательно, чтобы участники такого объединения разделяли некоторые общие культурные черты (этнические, религиозные и т. д.). В таком случае Государство получит экономические дивиденды от расширения рынка, новые стратегические и ресурсные мощности, но не станет жертвой неравновесного разделения труда, как в случае свободной торговли с более развитым партнером. Эта теория получила практическое выражение в создании «таможенного союза» Германии, Пруссии и Австро-Венгрии, что привело к экономическому чуду и взлету экономик этих стран, совсем недавно казавшихся безнадежно отставшими от развитых и индустриальных стран Западной Европы — в первую очередь, Великобритании. Согласно Листу,

¹ Лист Ф. Национальная система политической экономии. М.: Европа, 2005.

протекционизм и меркантилизм начинают давать свои позитивные плоды только в том случае, когда какое-то «большое пространство» достаточно интегрировано и дает предпосылки для автономного развития, позволяя эффективно конкурировать с более развитыми державами (теория «автаркии больших пространств»).

Аналогичная теория была развита позднее английским экономистом Дж. М. Кейнсом (1883—1946) и названа принципом «экономической инсуляции» (то есть рассмотрения экономики как «острова», *insula*).

Такой подход выходит за пределы классического реализма, т. к. оперирует не с отдельным Государством и строго национальной экономикой, а с рядом Государств, интегрированных в «таможенный союз». В полной мере такой подход находит свое применение в Теории многополярного мира.

Теория Гегемонистской Стабильности

Во второй половине XX века экономическая взаимозависимость Государств настолько возросла, что реалисты вынуждены были несколько скорректировать свои представления, основанные на классическом меркантилизме, иначе весь дискурс о глобальной экономике доставался бы их идейным оппонентам — либералам, чьи теории были прекрасно адаптированы к глобализации и в значительной мере ее и породили. Меркантилистский подход еще иногда рассматривается в тех случаях, когда определенным странам глобального Юга удастся успешно предпринимать определенные шаги в регулировании внутренней экономики и патерналистские стратегии с тем, чтобы сократить разрыв со странами глобального Севера. В некоторых случаях это удается, но чаще всего для этого не хватает уровня политико-административной эффективности.

Сужение поля применения меркантилистского подхода подтолкнуло неореалистов к разработке новых концепций, наиболее впечатляющим результатом чего стала «Теория гегемонистской стабильности»¹, ТГС (Hegemonic Stability Theory — HST), основанная Ч. Киндлбергером и развитая Р. Джилпином. Важно, что ТГС существенно отступает от меркантилизма и анализирует международные экономические отношения в категориях интернациональных систем, сближаясь в этом отчасти с либералами, а отчасти с представителями Английской школы в МО.

Сразу следует сказать, что реалисты понимают «гегемонию» иначе, нежели представители критической теории в МО. Для реалистов гегемония это такой порядок в международных отношениях, когда одно из Государств обладает асимметричным превосходством над другими во всех критически важных областях — политике, экономике, вооружении и т. д. При этом реалисты склонны рассчитывать в первую очередь масштабы и объемы материального потенциала, тогда как неограмшисты и сторонники критической теории под «гегемонией» подразумевают господство дискурса в области идей, научных эпистем и т. д. В ТГС речь идет только и исключительно о реалистской трактовке «гегемонии».

Основатель этой теории Киндлбергер был одним из разработчиков и активным промоутером плана Маршала для послевоенной Европы. Его теоретическая позиция сводилась к тому, что в мировой (капиталистической) эко-

¹ *Webb Michael C., Krasner Stephen D. Hegemonic Stability Theory: An Empirical Assessment // Review of International Studies. 1989, # 15.*

номике всегда должна существовать гегемонистская держава, которая брала бы ответственность за мировую экономику в целом и поддержание экономического порядка. Так было с Великобританией в XIX – XX веках, так обстоит дело с США со второй половины XX века. При этом Киндлбергер показывает, что только экономическая гегемония способна обеспечить режим свободной торговли между отдельными странами, и поэтому является если не гарантом процветания, то по меньшей мере создает благоприятные условия для свободного развития. При этом гегемон в такой системе не только извлекает выгоды из своего положения, но и несет обременения, т. к. мировая стабильность требует вложений. Р. Джилпин со своей стороны показывает¹, что именно гегемон страдает в такой ситуации больше всех, поскольку его усилиями по поддержанию статус-кво могут воспользоваться конкурентные центры развития, «паразитирующие до поры до времени в тени щедрой и благой Империи». Поэтому тему гегемонии в ТГС следует освободить от моральных коннотаций (которые придаются понятию «гегемонии» в марксизме) и рассматривать ее как чисто техническое явление, имеющее свои плюсы и минусы.

Для выполнения функции гегемона стране необходим планетарный и эксклюзивный контроль над четырьмя типами мировых ресурсов:

- полезные ископаемые;
- капиталы;
- рынки;
- производство основных товаров потребления.

Так как, согласно неореалистам, разделяющим ТГС, только наличие гегемона может обеспечить стабильность всей мировой экономической системе, то на данном этапе благополучие мирового капитализма напрямую зависит от благополучия и состоятельности современного гегемона — США. Пик популярности ТГС пришелся на 90-е годы XX века, когда крах мировой социалистической системы продемонстрировал небывалое планетарное могущество США. Теоретики ТГС выделяли 4 этапа, этому предшествующие.

1940: США становятся доминирующей экономической и военной силой Запада, ответственной за развитие либеральной экономики в мировом масштабе.

1950: Консолидация мировой капиталистической экономики в Бреттонвудской системе.

1960: Реконструкция Японии и Западной Европы.

1970 – 1980: Нарастающее превосходство США и западного блока над СССР.

В 1990-е годы мировая гегемония США стала наглядным фактом, а капиталистическая экономика окончательно утвердилась в качестве единственной и безальтернативной модели хозяйства.

С этого момента, однако, представители ТГС стали фиксировать упадок США как гегемонистской силы. Объем ответственности оказался беспрецедентным, и актуальный этап, с их точки зрения, представляет собой кризис мировой капиталистической экономики. В этой ситуации США вынуждены сосредоточиться на решении внутренних экономических проблем, а продол-

¹ Gilpin R. The Theory of Hegemonic War // Journal of Interdisciplinary History. 18 (4). 1988.

жение исполнения роли гегемона только ослабляет их потенциал, позволяя исподволь набирать силу конкурентам — в первую очередь, Китаю.

Капитал и власть в международных отношениях

Другие представители неореализма, исследующие экономические аспекты международных отношений, сосредоточили свое внимание на связи между политическим могуществом и процессами, протекающими в сфере глобальных финансов. В духе реалистского подхода они старались показать, что недостаточный учет фактора политической силы и, соответственно, роли Государств, приводит к искаженной картине мировой экономики.

Пионером среди этого направления была Сьюзэн Стрэндж, английский теоретик МО, заявившая, что «чистые экономисты вообще не способны понять, как функционирует мировая экономика»¹, поскольку они, как правило, игнорируют роль Государств. Вместе с тем она призывает специалистов в МО больше уделять внимания экономическим проблемам, т. к. в противном случае и их анализ будет односторонним и некорректным.

Стрэндж показывает, что могущество Государства складывается из четырех базовых факторов:

- безопасность;
- финансы;
- производство;
- знание.

При этом теоретическое осмысление отношения политической власти к процессам, протекающим в мире финансов, находится на самом низком уровне. В этой сфере доминирует либо весьма тенденциозный марксизм, либо оптимистический неолиберализм, тяготеющие (оба) к недооценке фактора Государства. По мере того, как финансовые рынки утрачивают органическую связь с Государством как субъектом могущества, происходит искажение фундаментальных отношений, которые Стрэндж называет «властно-рыночные сопряжения» (*market-authority nexus*). С ее точки зрения, после 1970 года вся мировая система оказалась под угрозой повышающейся волатильности, т. к. между Государством и сферой финансов разверзлась «опасная пропасть». Стрэндж говорит о крахе Вестфальской системы, играя словами *Westphalia* и *Westfailure* (дословно, «крах Запада»), т. к. современные Государства оказались слишком негибкими и более неспособными упорядочить финансовый хаос, который грозит мировой катастрофой. Сложившуюся на сегодня модель МПЭ Стрэндж называет термином «Казино-Капитализм»².

Сходную модель анализа соотношения могущества (Государства) и капитала разрабатывает другой теоретик неореалистского направления в МО Джонотан Нитцан совместно со своим соавтором Бичлером Шимшоном³. Согласно этой теории, *финансовый капитал есть квантификация могущества*. Нитцан противопоставляет утилитарной теории стоимости (неолиберализм) и трудовой теории стоимости (марксизм) *силовую теорию стоимости*, которую вполне можно рассматривать как развитие типично реалистских подходов к экономике в МО. Согласно этой теории, механизмы ценообразования не имеют никакого отношения ни к исторической, ни к материальной сфере, они имеют чисто социальную природу. В капита-

¹ *Strange S.* States and markets. London: Pinter, 1988.

² *Strange S.* Casino Capitalism.

³ *Nitzan J., Shimshon B.* Capital as Power: A study of order and creorder.

листическом обществе частная собственность есть основа политического господства. Но поскольку частная собственность измеряется стоимостью, то цена должна рассматриваться как квантум власти. Таким образом, капитализация есть инструмент накопления политического могущества. При этом конкуренция заставляет стремиться всех участников рынка не только к повышению прибыли, но и к такому повышению прибыли, которое было бы большим, чем повышение прибыли у конкурентов. Это создает «аккумуляционный дифференциал». Вся цепочка приводит напрямую к однородности поля экономики и политики, воспроизводя на новом концептуальном и намного более сложном уровне классический меркантилистский тезис.

В области международных отношений силовая теория стоимости заставляет снова свести воедино политические и экономические процессы, и поставить вопрос о новом (или старом) субъекте политического могущества, находящемся в центре кажущейся автономизации сферы мировых финансов.

3.5.2. Либерализм: общества нежной торговли

Либерализм в европейской истории

Основателем либеральной теории в политической экономии однозначно признается Адам Смит (1723 – 1790), величайший экономист в истории. Идеи Смита давно стали классикой не только в буржуазной науке, но и в марксизме, где собственно экономическое учение строится на критике идей Смита и его последователей, являясь своего рода антитезой ему. Более того, диалектический метод марксизма предполагает, что капитализм, чью оптимальную теоретизацию Маркс признает как раз в версии Адама Смита, является фазой развития, предшествующей социализму и коммунизму, и, следовательно, необходимой, исторически оправданной и неизбежной. Человеческое общество, по Марксу, обязательно проходит стадию буржуазного строя, а, следовательно, экономический либерализм является принципиально важной теорией для понимания этой стадии.

Но в области МО и МПЭ экономический либерализм, берущий свое начало у А. Смита, и практически не изменившийся в своих основных постулатах вплоть до сегодняшнего времени, принято противопоставлять не столько марксизму (хотя и ему), но меркантилизму и его различным версиям, развиваемым реалистами и неореалистами. Специфика дисциплины МО предполагает, что основные дебаты разворачиваются внутри капиталистического общества, где марксистам отводится роль маргинальных и в чем-то экстремистских, но весьма полезных и содержательных критиков, тогда реалисты и либералы представляют собой две магистральные позиции. И хотя экономические теории А. Смита можно рассматривать под разными углами (и в его оппозиции к идеям физиократов, и в отношении идеи о трудовом характере прибавочной стоимости и т. д.), в сфере МО в центре внимания является его концепция фритрейдерства, т. е. принципа «свободы торговли». Это направление либерализма Смита сразу вводит нас в самое сердце ключевых дебатов в МО: о соотношении Государств как акторов, о границах их полномочий, о возможности негосударственных форм международных отношений, о допустимости установления наднациональных инстанций и т. д.

Противоположность либерализма и меркантилизма

Между либерализмом и меркантилизмом существует полная обратная содержательная симметрия.

Если меркантилисты считают, что экономическая деятельность есть форма повышения мощи Государства и одно из главных составляющих его национальных интересов, то либералы, вслед за Смитом, настаивают на том, что природа хозяйственной деятельности основана на духе частного предпринимательства, где оптимальные результаты получаются тогда, когда Государство вообще в экономические процессы не вмешивается. Экономика должна быть полностью освобождена от политики, протекционизма или регуляции, и свободный рынок создаст сам по себе, через свободную и мирную конкуренцию между отдельными его участниками, оптимальные условия для повышения материального богатства и благополучия каждого. Либерализм поэтому настаивает на изгнании Государства из экономики.

Либерализм рассматривает предпринимательство как область резко отличную от политики. Занятие экономикой — это дело гражданского общества. Политика — область насилия и принуждения. Экономика — область мирной конкуренции, где конфликты всегда опосредованы. Политика заботится об общем. Экономика о частном, отсюда абсолютизация частной собственности как высшей ценности. Но забота о частном, согласно либералам, «здоровый эгоизм» ведет не к «войне всех против всех», как у Гоббса, а к процветанию каждого, а значит, всех вместе. Адам Смит был жарким приверженцем философии Локка и рассматривал человеческое существо как подверженное улучшению и прогрессу. В политике реализуется агрессивная сторона человека, и Государство, Левиафан, является кульминацией этой логики. Эгоизм, выраженный политически как воля к доминации, ведет напрямую к войне. В экономике, напротив, эгоизм выражается как воля к благополучию, комфорту, богатству, а это предполагает условия мира. Поэтому при всей остроте экономической конкуренции ее сущность в том, чтобы оставаться в рамках, исключающих насилие. Отсюда вытекает предельная формулировка либеральной идеологии: политика — это война, экономика — это мир. Или иначе: политика (государство) — это зло, рынок — это благо.

Такое (предельное) отношение к Государству у либералов распространяется на внутреннюю политику и на внешнюю. Во внутренней политике либерализм настаивает на невмешательстве Государства в рынок. Любое вмешательство есть насилие над миролюбивой и гибкой стихией экономического роста, считают либералы. Поэтому самое лучшее Государство — то, которое полностью устраняется из экономики и предоставляет рынку развиваться в соответствии со своими внутренними законами и тенденциями. Логика рынка («невидимая рука») сама все расставит по местам наилучшим образом. Государство либералы готовы терпеть в той мере, в какой существуют угрозы безопасности. Но его роль в качестве экономического актора в идеале должна быть сведена к нулю.

Во внешней политике действует тот же принцип: для материального процветания населения двух разных Государств оптимальной формой взаимодействия является полностью открытая, свободная, беспошлинная и бестамовенная торговля, на которую не распространялись бы никакие ограничения со стороны обеих Государств. Таким образом, либералы мыслят

оптимальные условия для накопления обществом богатств при условии удаления Государства из поля экономики и во внутренней и во внешней политике. Свобода хозяйства, свобода торговли как сущность либерализма есть свобода от Государства, свобода от политики, свобода от мышления в категориях силы.

Здесь становится понятным глубокое и принципиальное расхождение между либералами и реалистами по основным мировоззренческим позициям: реалисты мыслят прежде всего в терминах *политики* (силы, могущества, Государства), а либералы — в терминах *экономики* (индивидуальности, частной собственности, обогащения, материального накопления, технического прогресса). Оба направления принимают капитализм как данность и, более того, как наилучший политико-экономический строй. Поэтому и те и другие в основных глубинных установках защищают статус-кво, Новое время, условия Модерна. Но в остальном они радикально расходятся: для реалистов капитализм есть прежде всего политическое явление, для реалистов — экономическое.

Поэтому для либералов в МО экономика не просто одна из областей рассмотрения всей системы международных отношений, но сама сущность социальных процессов. Для реалистов капитализм — это состояние, которое следует поддерживать. Для либералов — состояние, которое следует развивать. В международной сфере реалисты видят ситуацию как «игру с нулевой суммой» (у одних прибывает, у других убывает). Либералы верят, что развитие мировой экономики — это «игра с положительной суммой», и каждый, кто играет в нее адекватно, выигрывает. Отсюда либеральный прогрессизм, святая вера в неуклонный экономический рост и возможность мировой капиталистической системы справиться с любыми кризисами.

Объяснение природы экономических кризисов у либералов в МО, как правило, строится по модели либо вмешательства политики (Государства) в естественное развитие рынка, либо недостаточной развитости рыночной инфраструктуры у отдельных игроков. Одним словом, «всегда и во всем виновата политика», а «спасением всегда и во всем является свобода» и развитие рынка — вплоть до превращения всей планеты в единый мировой рынок. Разделение труда, равно как и делегализация промышленных мощностей, в такой перспективе видится как оптимальная форма организации мировой экономики: двигаясь по пути максимализации прибыли, рынок сам выбирает оптимальные пути, и каждый экономический актор, вплоть до индивидуума, действующий в своих эгоистических интересах, косвенно содействует процветанию всех, всего человечества.

Здесь мы видим мировоззренческие основания экономической глобализации как кульминационного проекта либералов. Преодоление всех национальных границ должно привести к возникновению на всей планете «Единого Мира» (One World) или «Мировой Политии» (World Polity). Эта цель либералами осмысливается не столько в терминах Мирового Правительства, хотя именно оно рассматривается как переходный момент от Вестфальской международной системы к системе глобальной, сколько Мирового Управления. Различие в терминах «Правительство» («Government») и «Управление» («Governance») существенно. Правительство предполагает политику и Государство (пусть всемирное), т. е. могущество, силу и насилие, тогда как Управление может рассматриваться как форма организации или менеджмента торговой фирмы или промышленного предприятия. Настоящим идеалом ли-

бералов является именно «Мировое Управление», когда все человечество превратится в единый открытый мировой рынок. Именно такая утопическая картина описана либеральным философом Ф. Фукуямой в его знаменитой работе о «конце истории»¹.

Подытожим основные различия между меркантилизмом и либерализмом в сводной таблице.

Меркантилизм	Либерализм
государство — главный актер	Предприниматель — главный актер
Экономика как вид силы	Экономика как форма мирного предпринимательства
Международные отношения в экономике — игра с нулевой суммой	Международные отношения в экономике — игра с положительной суммой
Сохранение Государства	Преодоление Государства
государство — важный актер во внутренней экономике и главный актер во внешней (государственная монополия на внешне торговую деятельность)	государство должно уйти из внутренней экономики и не препятствовать свободной торговле и развитию прямых связей во внешней
государства сохраняются в глобальном мире	государства исчезают в глобальном мире, который становится единым мировым рынком
Главенство политики, мышление в терминах силы (power)	Главенство экономики, мышление в терминах свободного рынка (free market)
Создание предпосылок для (пусть относительной) национальной автономии и экономической безопасности (национальная экономика, автаркия больших пространств)	Глобальное разделение труда, экономическая глобализация; бурное развитие НПО и разнородных сетей

Неолиберализм и МПЭ

Неолибералы в МО продолжают основную линию классического либерализма, отстаивая и развивая сердцевинный набор базовых тезисов. Принципиальным отличием от классического либерализма в их случае становится то, что они имеют возможность не просто прогнозировать глобализацию и становление транснациональной мировой экономической системы, но и эмпирически исследовать ее, т. к. во второй половине XX века, и особенно после 1989 года и краха «социалистического лагеря», процессы глобализации стали едва ли не главным содержанием международных отношений. Экономика становится глобальной ускоренными темпами, значение национальных Государств в экономической сфере неуклонно сокращается, и этот процесс является именно тем, что предсказывали либералы, что считали высшим благом и к чему они стремились. Поэтому неолиберальные теории рассматривают нынешнюю ситуацию в мировой экономике как в целом оп-

¹ Фукуяма Ф. Конец истории и Последний человек. М.: АСТ, 2004.

тимистическую. По выражению Дж. Хобсона¹, лейтмотивом либералов сегодня является высказывание «the things will go only better» («все будет идти только лучше и лучше»), тогда как лейтмотивом реалистов, напротив, «the things will go only bitter» («все будет идти только хуже и хуже»). В любом случае, неолибералы за последние полвека существенно приблизились к тем горизонтам, которые намечали еще первые основатели этого направления.

В области МПЭ можно выделить неолиберальные концепции Р. Киохейна и Дж. Ная, которые часто называют «теорией взаимозависимости»². Киохейн и Най выделяют в международных отношениях два основных уровня: «высокая политика» (все связанное с Государствами) и «низкая политика» (куда относится и экономика). С их точки зрения, начиная с 1950 годов, взаимозависимость между развитыми капиталистическими странами развивалась в сторону смещения баланса в пользу «низкой политики», т. к. эгоистические столкновения между Государствами для реализации жестко эгоистических национальных интересов (по модели реалистов) становились практически невозможными. Следовательно, начался активный рост таких акторов, которые не имели строгой привязки к национальной единице — например, Транснациональные Корпорации (ТНК). Смещение акцента в сторону «низкой политики» сопровождалось следующими явлениями:

- 1) государства перестают быть когерентными единицами;
- 2) военная сила становится менее эффективным инструментом;
- 3) экономические и финансовые инструменты делаются более эффективными;
- 4) проблема благосостояния индивидуумов и семей увеличивает значение, тогда как значение военной безопасности падает³.

Этот список фиксирует важнейшие изменения всей интернациональной системы. Взаимозависимость Государств порождает новую политическую географию, где аккумуляция финансовой или, шире, экономической мощи, может оказаться не связанной с каким-то одним национальным образованием. Или монополия в определенных видах промышленности может никак не влиять на общий политический вес отдельной страны. Постепенное отступление Государств из экономики породило новые ситуации, где благоприобретателями и в то же время заказчиками и контролерами результатов экономической деятельности стали одновременно субъекты микроэкономики (отдельные домохозяйства, индивидуумы — в полном отрыве от национальной системы хозяйства) и транснациональные макроэкономические структуры (также утратившие связь с конкретным Государством). Три уровня экономики — индивидуальный, национальный и глобальный — распределились таким образом, что средний, национальный уровень, служивший главной диспетчерской инстанцией, задающей правила игры и во внутренней экономике, и во внешней, резко утратил свои позиции, которые перераспределились на два других уровня.

Практическим ответом на такие изменения должен стать неолиберальный институционализм. Этой теме Киохейн посвятил работу, которая счи-

¹ *Hobson J.M.* The Eurocentric Conception of World Politics: Western International Theory, 1760—2010. Cambridge: Cambridge University, 2011.

² *Keohane R., Nye Joseph S., Jr.* Power and Interdependence: World Politics in Transition. NY: Little Brown, 1977.

³ *Keohane R., Nye Joseph S., Jr.* Power and Interdependence: World Politics in Transition.

тается программным текстом современного неолиберализма — «После гегемонии»¹. В ней Киохейн следует за неореалистской Теорией гегемонистской стабильности, показывая, что эпоха единоличной доминации США в мировой политике и экономике завершилась так же, как когда-то сошла на нет мощь Британской империи. Сыграв важную роль в процессе глобализации, США как национальное Государство (пусть имперского типа) не может более удерживать эти позиции. На смену американской гегемонии должны прийти транснациональные институции, которые более адекватно отражали бы изменение баланса трех уровней мировой экономики. Эти международные институции должны быть построены на принципах транснациональной кооперации и демократических режимов интернационального масштаба. Они должны образовать новое измерение глобальных процессов, где экономические интересы индивидуумов были бы напрямую замкнуты на макроэкономические структуры. Глобальное Управление должно постепенно обрести институциональную базу, но путем к этому должна стать интенсификация межгосударственных коммуникаций по всем представимым вопросам в контексте развиваемых постепенно институций. Для либералов-институционалистов образцом таких институций являются различные комиссии и форумы Евросоюза, посвященные как глобальным вопросам, так и локальным проблемам, вплоть до индивидуального уровня соблюдения прав человека (Страсбургский суд как пример такой институции).

Для Киохейна важным представляется вопрос об интернациональных режимах. Кооперация между Государствами в разные моменты приобретает разные выражения, фиксирующиеся в определенных режимах. Эти режимы оказываются иногда более устойчивыми, нежели политические обстоятельства их породившие. Отсюда встает вопрос: не является ли само существование интернациональных режимов фундаментом будущих глобальных институций, которые должны прийти на смену американской гегемонии?

Для МПЭ имеет большое значение, что режимы, предлагаемые неолибералами в качестве глобальных транснациональных институций будущего, по их мнению, должны быть основаны на рыночном либерализме, свободной торговле и принципе *laissez-faire*, что представляло бы собой полное замещение политики экономикой в духе классических либеральных теорий.

Еще более смелые проекты предлагают в сфере МПЭ финские теоретики либерально-институционалистского направления Тейво Тейвайнен и Хейкки Потомякки. В своей книге «Возможный мир: демократические трансформации глобальных институций»² они описывают модель глобального общества, в котором капитализм будет напрямую связан со структурами глобальной демократии и правами человека, а экономизм будет выражен политически таким образом, чтобы вообще снять все линии политического напряжения, которые порождаются заложенным в политике насилием³. Концепции Тейвайнена представляют собой наиболее оптимистичные (с либеральной точки зрения) прогнозы развития мировой экономической систе-

¹ *Keohane R.* After Hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy. Op. cit.

² *Patomäki H., Teivainen T.* A Possible World: Democratic Transformation of Global Institutions. NY: Zed Books, 2005.

³ *Teivainen T.* Enter Economism, Exit Politics: Experts, Economic Policy and the Damage to Democracy. London; New York: Zed Books, 2002.

мы, преодолевающей свои противоречия через расширение и углубление либеральной демократии и вытеснение классической политики.

3.5.3. Марксизм: Капитал

Английская школа: невнимание к МПЭ

Английская школа МО уделяет проблеме мировой экономики столь незначительное внимание, что отдельно рассматривать ее позиции в этом вопросе не имеет смысла. Именно это невнимание к экономической составляющей часто ставят в вину этому направлению в МО его оппоненты — в первую очередь, неолибералы или авторы, приоритетно занимающиеся МПЭ. В любом случае никакой оригинальной системы в толковании МПЭ Английская школа не выдвинула.

Совершенно иначе дело обстоит с марксизмом и неомарксизмом в МО. Изначально Маркс отводил экономике центральное место в своей доктрине, поэтому марксизм традиционно считается обязательной референцией во всем, что касается капитализма. Это справедливо не только для сторонников этого учения, но и для тех, кто не разделяет выводов самого Маркса или относится к моральной стороне его анализа нейтрально.

Марксизм и капиталистическая экономика

Согласно Марксу, человеческая история определяется диалектикой производительных сил (технологий) и производственных отношений (сводимых к отношениям между классами). Главной целью человеческого существования является поддержание жизни, что возможно только благодаря труду. В ходе трудовой деятельности происходит развитие производительных сил, чей уровень определяет фазу исторического развития общества (по цепочке примитивный коммунизм, рабовладение, феодализм, капитализм и в будущем социализм и коммунизм). На каждом уровне растет качество технологий, позволяющих все успешнее обеспечивать базовые потребности человека.

Однако по мере развития производительных сил появляются классы. Одни члены общества присваивают себе произведенные другими излишки и занимают в обществе высшее положение. Далее они закрепляют свое господство с помощью различных социальных форм (религия, традиция, культура и т. д.), что на практике сводится к легитимации собственности на средства производства, сосредоточенной в руках эксплуататоров. Каждый виток развития производительных сил делает общество все более сложным. Параллельно этому изменяются социально-политические модели господства, становящегося все более и более жестким. При переходе к капитализму экономическая подоплека человеческой истории (базис, инфраструктура) обнажается, и эксплуатация приобретает чисто экономический характер. Классы поляризуются на две группы, выделяемые на сей раз по чисто экономическому признаку: буржуазия, обладающая собственностью на средства производства (технологии), присваивающая прибавочную стоимость, произведенную в ходе трудовой деятельности, и пролетариат, которому остается только бесконечный труд в его чистой стихии (отсюда формула «пролетариату нечего терять, кроме своих цепей»).

Маркс считал, что история является универсальной и все общества движутся по одному и тому же пути: от пещерного коммунизма к капитализму.

Западные страны первыми прошли по этому пути и создали буржуазное общество, где классовая сущность в ее экономическом измерении оказалась на поверхности. Именно поэтому социализм и пролетарская революция, — в ходе которой рабочие, осознав свою ключевую роль в производстве материальных благ и всю несправедливость, заключенную в узурпации прибавочной стоимости буржуазией, должны захватить власть, — могут состояться только в европейских индустриально развитых странах: остальные общества просто задержались в своем историческом развитии и неизбежно должны будут повторить западный маршрут. Поэтому марксизм оперирует с универсальной схемой исторического процесса, где все общества имеют одну и ту же парадигму развития, а их различия сводятся лишь к тому, насколько далеко они продвинулись на общем для всех пути.

На этом положении строится марксистское понимание империализма, развитое также в работах Ленина¹. Капиталистическая экономика — это историческое явление, и, следовательно, явление универсальное. Тот факт, что капиталистические страны представляют собой отдельные Государства, находящиеся подчас в конфликтных отношениях, не отменяет принципиального единства мировой капиталистической системы как таковой. По Марксу, капитал — явление интернациональное. Отсюда стремление марксистов рассматривать мир как глобальное поле экономических взаимодействий, организованных по универсальному шаблону: буржуазный класс повсюду эксплуатирует пролетариат, и международное разделение труда, империалистическая экспансия буржуазных режимов, является эксплицитным выражением международной по своей сути (т. к. общечеловеческой) природы капитала. Маркс подчеркивает, что «сущность капитализма состоит в стремлении преодолеть все барьеры и завоевать всю землю для рынка», уничтожая тиранию расстояний, чтобы свести к минимуму время движения от одной точки к другой»². На этом основании его можно причислить к провозвестникам «гипер-глобализации»³.

В этом отношении МПЭ марксизма в целом совпадает с неолиберализмом и транснационализмом. Только неолибералы описывают ситуацию с позиции капиталистического класса, защищают статус-кво и наделяют развитие универсального мирового рынка и соответствующей космополитической демократии моральным положительным значением, превращая в «идеал» и «норму». Марксисты же видят глобализацию с позиции мирового пролетариата, наделяя капитализм отрицательным моральным признаком, и признавая его правомочность только в качестве необходимой предпосылки для осуществления мировой пролетарской революции.

Марксистский анализ совпадает с неолиберальным подходом в том, что и марксисты и либералы признают интернациональный характер мировой капиталистической системы. Но вместе с тем марксисты подчас сближаются с реалистами в том, что считают, что становление этой системы будет сопровождаться кризисами и военными столкновениями, поскольку природа власти и эксплуатации конфликтна. Вместо утопического пацифизма либералов, марксисты подчеркивают, что развитие капитализма идет от кризиса

¹ Ленин В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1950.

² Marx K. Selected writings. Oxford, 1977. P. 539.

³ Linklater A. Marx and Marxism // Theories of International Relations. NY: Pilgrave Macmillan, 2009. P. 117

к кризису, что отражается в мировых и локальных войнах, эгоистическом соперничестве между собой капиталистических держав. Империализм — это историческое стремление капитализма стать глобальным. Но реализуется оно не гладко, а через серию потрясений и катастроф.

Мир-система и МПЭ

Разработанная неомарксистом Иммануилом Валлерстайном на основе идей Маркса теория «мир-системы» является одной из ключевых теорий МПЭ. В силу того, что марксизм разделяет с неолиберализмом исторический подход к капитализму и считает эту стадию универсальным законом общественного развития, анализ Валлерстайном глобализации может быть рассмотрен как разновидность (неолиберальной) теории взаимозависимости (Р. Киохэйн, Дж. Най и т. д.), тем более что сам Валлерстайн постоянно ссылается на «теорию зависимого развития» (С. Фуртадо, П. Баран и т. д.). С другой стороны, «мир-система» Валлерстайна может быть соотнесена с «теорией гегемонистской стабильности», разработанной неореалистами (Ч. Киндлбергер, Р. Джилпин и т. д.). В любом случае концепции Валлерстайна хорошо вписываются в общий контекст анализа глобализации в МО и в МПЭ и, как правило, тщательно осмысляются всеми теоретиками, изучающими мировую капиталистическую систему.

Валлерстайн видит всю территорию планеты как общую систему, где границы национальных Государств имеют все более относительное и проницаемое значение. Вместе с тем политическая география планеты становится по мере глобализации все более ясно классовой. Три пояса — ядро, полупериферия и периферия мир-системы — поверх национальных границ описывают пространственную локализацию капитала. При этом мировой капитал эксплицитно демонстрирует свою глобальную и универсальную природу, уже отмеченную Марксом. Локализация трех поясов в пространстве представляет собой для Валлерстайна «территориализацию» мировой буржуазии (ядро), пролетариата (периферия) и «среднего класса» (полупериферия). Так горизонтальная (географическая) структурализация человечества накладывается на вертикальную (иерархическую, классовую) структуру.

Развитие «мир-системы» предполагает два фундаментальных процесса:

- постепенный отрыв ядра, полупериферии и периферии от своих географических пределов;
- расслоение глобального «среднего класса» на два полюса (мировую буржуазию и мировой пролетариат).

В ходе первого обозначенного процесса буржуазия становится полностью космополитической, и рынки капитала приходят в постоянное движение таким образом, что «ядро» системы постоянно смещается и находится произвольно то в одной, то в другой точке, в зависимости от конъюнктуры. Это Ж. Аттали называет «новым кочевничеством». Флюидность капитала освобождается от всякой фиксации, капитализм становится полностью «детерриториализованным». Буржуазия абсолютно интернационализируется. Вместе с тем приходит в движение и глобальный пролетариат. Трудовая миграция приводит в движение нищие массы Третьего мира, которые в поисках работы и социальных льгот растекаются по всему пространству планеты, выходя за пределы «глобального гетто» и пытаясь проникнуть на территорию сегодняшнего «ядра» (богатый Север) или, как минимум, интегрироваться в зону полупериферии. На эту сторону миграции (из стран периферии

в страны полупериферии) обычно обращают меньше внимания, хотя по масштабу и серьезности социальных изменений это явление превосходит миграцию в Первый мир. Тем самым пролетариат также «детерриториализируется» и впервые становится по-настоящему интернациональным. Социально он сливается с пролетариатом ядра и полупериферии, образуя полностью универсальное явление.

Параллельно этому закономерной и гарантированной деструкции, по модели Валлерстайна, подвергается зона полупериферии, как в пространственном (горизонтальном), так и в иерархическом (классовом) выражении. Общества полупериферии, где наиболее сильны еще государственные структуры (суверенитет, Модерн, Левиафан), еще недостроенные на периферии (Премодерн) и уже преодоленные в ходе глобализации и транснационализации в ядре (Постмодерн), становятся жертвой глобализации с двух сторон: под влиянием номадизации мировой буржуазии и нарастающего вала трудовой миграции в лице мирового пролетариата. Точно так же размывается «средний класс» в мировом масштабе. Часть его интегрируется в буржуазию, а часть скатывается в пролетариат. Поэтому судьба Государств периферии (например, стран БРИКС) может быть рассмотрена как прямой аналог «среднего класса», подлежащего диссолюции.

Этот последний момент принципиально отличает дуалистический (классовый) подход неомарксиста Валлерстайна от неолиберальных теорий. С точки зрения либералов в МПЭ, «средний класс» является основой капиталистического общества и представляет собой нормативный тип, который в процессе глобализации станет преобладающим в мировом масштабе. Либеральная идея мировой экономики как «игры с положительной суммой» предсказывает постоянный рост благосостояния обществ и в конце концов интеграцию крупной буржуазии и пролетариата в единый социально-экономический класс гражданского общества. Именно эта логика и побудила ведущего аналитика крупнейшей американской инвестиционной компании «Голдман Сакс» Джима О'Нейла предсказывать мощный экономический рост стран полупериферии — откуда и появилось название БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай и Южная Африка). Это тесно связано с «территориализацией» мирового «среднего класса» в глобальном масштабе — вполне в духе мир-системы Валлерстайна, только с обратным знаком. Валлерстайн видит развитие мир-системы как цепочку кризисов. Чем ближе будет мировой капитализм к своему планетарному триумфу, тем серьезнее и масштабнее будут ее кризисы. Демонтаж «среднего класса» и разделение «полупериферии» на два полюса создают предпосылки для фундаментальной катастрофы всей МПЭ, которой должен воспользоваться мировой пролетариат.

3.5.4. Постпозитивизм: материальное воображение и производство знаков

Критическая теория: концепция «миропорядков»

Постпозитивистские направления в МО уделяют мировой экономике гораздо меньше внимания, нежели позитивистские. Исключением является критическая теория, которая генетически вытекает из марксизма (правда, неограмшистского толка, что само по себе смещает акцент анализа с чистой экономики, базиса, к надстройке — гегемонии, интеллектуализму и «гражданскому обществу»).

В контексте критической теории наибольший вклад в МПЭ внесли три автора — Роберт Кокс, Кеес ван дер Пийл и Стивен Гилл.

Концепция Роберта Кокса, основателя критической теории в МО, является опытом деконструкции МПЭ с позиций социологии. Кокс показывает, что производство, являющееся в классических теориях МПЭ либо субстанцией могущества (реалисты), либо автономной сферой экономических взаимодействий, должно быть рассмотрено системно — в общем контексте соотношения Государств между собой и с обществом в контексте конкретного миропорядка. Введение понятия «миропорядок» (world order), часто во множественном числе (world orders), играет у Кокса принципиальную роль: экономические процессы в обществе можно понять только на основании их смысловых функций в том или ином «миропорядке». Производство не само собой разумеющееся материальное действие, но сложно организованный семантически, культурно, социально и исторически процесс.

Основы своего подхода к МПЭ Кокс излагает в программной работе «Производство, могущество и миропорядок: социальные силы в производстве истории»¹. С точки зрения Кокса, социальное конституирование людьми самих себя в стихии (широко понятого, включающего материальные и нематериальные формы) производства, предопределяет не только их частную жизнь, но и Государства и все содержание «миропорядка». Кокс делит производство на три уровня:

- материальное;
- институциональное;
- идеальное.

Люди создают вещи, институты и идеи. То, как они это делают, предопределяет ценностные системы, которые могут быть различными. Кодификация в системе капиталистического миропорядка только одного строго определенного набора производственных практик, сводит всю сферу производства к узким рамкам, обогащающим класс мировой буржуазной элиты, но обедняющим и отчуждающим человечество в целом. Предписывая всем универсальные практики рынка, представительской демократии, индивидуализма и верховенства частной собственности, капиталистический миропорядок силовым образом (Государство, капиталистическая глобализация, интеллектуальная гегемония) ограничивает способность человека творить историю и себя через историю. Экономические стратегии в этом контексте следует рассматривать как одну из составляющих общего процесса доминанции, а мировая экономика есть не что иное, как материальное дополнение главенствующего дискурса, развертывающегося параллельно в сфере идей и институтов.

Кокс предлагает бросить существующему миропорядку вызов, став на сторону широкого поля альтернативных производственных практик. С его точки зрения это создаст «контргегемонистский блок» или «контробщество». Любой миропорядок стремится предъявить себя как нечто объективное, безальтернативное и самоочевидное, как судьбу. Так действуют практики гегемонии в области идеального. Способ производства идей фиксируется в способе производства и распределения материальных предметов. Контргегемония должна начинать с подрыва этих претензий, с демонстрации их про-

¹ Cox Robert W. Production, Power and World Order: Social Forces in the Making of History. New York: Columbia University Press, 1987.

извольного и насильственного характера. Экономика не объективная данность, но социальный конструкт. Поэтому спектр альтернативных идейных практик и новые институциональные инициативы способны открыть новые пути экономики. Для Кокса мир является принципиально плюральным¹. Но капиталистическая гегемония насильственно настаивает на его унифицированном прочтении (*la grille de lecture*), возведенном в норматив. Задача контргегемонии — вернуть мир к его плюральной природе и обосновать множественность производственных практик.

Кокс предлагает для расширения представления о формах производства два пути:

- выход за пределы Запада и его обществ и обращение к иным, незападным цивилизациям в поисках примеров иных этических нормативов и экономических практик;
- обращение к общинам и группам, занимающим в капиталистическом мире маргинальное положение и строящим свой уклад на плюральных и гибких практиках соучастия и солидарности.

Интеллектуалы, встающие на сторону контргегемонии и действующие от лица контробщества, должны образовать «исторический блок» с представителями различных плюральных культур — как незападных, так и западных (но альтернативных, миноритарных). Только так можно выйти эффективно за границы автореферентной капиталистической гегемонии, где доминантные формы материального производства дублируются теоретически и институционально, вытесняя альтернативы и обосновывая свои теоретические выводы системой материальных результатов, полученных на основании тех же самых принципов, которые они призваны подтвердить (*self fulfilled prophecy*).

При этом Кокс подчеркивает, что интернациональный масштаб капиталистической глобализации есть не что иное как распространение западной либерал-капиталистической экономической модели на весь мир, за счет демонтажа и ликвидации оригинальных локальных практик и институтов незападных обществ. Одномерному капитализму Кокс предлагает противопоставить не столь же одномерную альтернативную теорию, но апелляции к открытой и плюральной многоуровневой творческой активности.

Heartland Локка

Интуиции Кокса о локальной природе западного капитализма и его связи с конкретным набором производственных практик, равно как и его призывы к деконструкции МПЭ, развили другие представители критической теории. Так, голландский теоретик МО Кеес ван ден Пийл ввел понятие «*heartland Локка*» как социально-культурной и географической зоны, в рамках которой сложились основные черты современной капиталистической системы, становящейся сегодня глобальной. К. ван ден Пийл критикует реалистов за ограниченность их конструкций границами конкретных национальных Государств и предлагает рассматривать для точного понимания структуры мировой экономики определенные историко-культурные формы. «*Heartland Локка*» является как раз одной из таких историко-культурных форм. «*Heartland Локка*», по К. ван ден Пийлу, представляет собой зону

¹ *Cox R., Schechter M.G. (eds.) The Political Economy of a Plural World: Critical Reflections on Power, Morals, and Civilization.*

особой социально-экономической традиции, сложившейся в Англии после «Славной Революции» 1688 года, идеологом которой можно считать философа Джона Локка. Эта традиция основана на принципах:

- самоуправления и саморегуляции;
- имущественном индивидуализме (абсолютизации частной собственности);
- осознании миссионерской роли в истории — служить образцом для остального человечества (пуританство).

На этих принципах строятся основные предпосылки капитализма. При этом изначальной зоной, где эта традиция оформилась и сложилась, были англоязычные страны с преобладающим белым населением (Англия, США, Австралия, Канада) ¹.

«Heartland Локка» — это историческое ядро будущей глобальной капиталистической системы, развивающей основные заложенные в ней принципы. История капитализма в эпоху Модерна может быть описана через соотношение «heartland'a Локка» с остальными странами, и в первую очередь, с теми странами, которые пытались оспорить лидерство и нормативность именно такой социокультурной и экономической системы, создать противовес англосаксонскому влиянию в мире и выскользнуть из-под колонизации или иных форм зависимости. Англосаксонский либеральный капитализм исторически противостоял альтернативным социально-экономическим моделям в битве за набор универсальных норм. В XIX веке главным соперником Англии была Наполеоновская Франция. С конца XIX до середины XX вв. в этой роли выступали Германия и Япония, после 1945 года — СССР. В XXI веке эту функцию будет выполнять Китай.

Становление мировой капиталистической системы, по К. ван ден Пийлу, есть серия последовательных побед «heartland'a Локка» над своими оппонентами. За каждой победой начинался новый этап расширения его зоны влияния, формируя вокруг него концентрические пояса. Сегодняшняя экономическая система мирового капитализма, таким образом, есть историческое явление, представляющее собой результат цепочки побед англосаксонской либеральной модели. В ходе глобализации этой модели формировался особый транснациональный класс², состоящий из представителей различных наций и культур, но воспроизводящий изначальный англосаксонский тип, лежащий в основе всей системы.

Такова структура мировой экономики в критической теории К. ван ден Пийла. Как и у всех постпозитивистов, у К. ван ден Пийла мы встречаем стремление рассмотреть экономические закономерности через нормы, социологические установки и культурные тексты. Можно рассматривать его идеи как одну из версий деконструкции МПЭ через вычленение идеологической англо-саксонской матрицы, лежащей в его основании.

Социальное воспроизводство капитала

Другую модель деконструкции МПЭ предложил яркий теоретик МО, также относящийся к критической теории, Стивен Гилл. В своей совместной работе с феминисткой Изабелой Бэкер «Власть, производство и социаль-

¹ Pijl K. van der. *The Making of an Atlantic Ruling Class*. London, 1984.

² Pijl K. van der. *Transnational Classes and International Relations*. London, 1998; *Idem*. *Global Rivalries — From the Cold War to Iraq*. London, 2006.

ное воспроизводство»¹ Гилл предлагает применить к анализу экономической глобализации принципы «социального воспроизводства», т. е. воплощения в практическую плоскость ряда социологических установок, которые впоследствии приобретают характер «объективных экономических процессов». По мнению Гилла и его соавтора Бэккер, не сочетание политической власти и производства (экономики) порождает социальную реальность, которую мы проживаем как данность, но социальные паттерны, воспроизводя самих себя через систему отражений и институционализаций, а также с помощью доминантного дискурса, конструируют окружающие нас овеществленные формы — в виде процессов, отношений, экономических практик и т. д.

В другой более ранней работе «Американская гегемония и Трехсторонняя комиссия»² Гилл рассматривает функцию США в современном глобальном мире и показывает, что, начиная с 1980 г., произошла трансформация США как национального Государства (гегемона в понимании реалистов) в операционный центр всей системы мирового неолиберального капитализма (то есть в гегемона в неограмшистском смысле). Гилл показывает, что ключевую роль в этом сыграли «органические интеллектуалы», объединенные в транснациональной экспертной организации «Трехсторонняя комиссия», которые с помощью проектов новой стратегии либеральных элит, идей и институций обеспечили создание «исторического блока» вокруг США. В тот момент, когда многие аналитики и экономисты предсказывали новую волну обострения конкуренции среди капиталистических стран, т. к. распад социалистического лагеря лишил США важнейшей функции защиты Запада перед лицом альтернативного идеологического блока, произошло нечто обратное: национальная гегемония трансформировалась в глобализацию капиталистической системы, обеспечив себе новое будущее. Как и все грамшисты, Гилл стремится истолковать экономические процессы через эпистемологический дискурс и выявляет в этом главенствующую роль «интеллектуальных элит».

Плюральность цивилизаций

Призыв Кокса обратиться в поисках альтернативных экономических практик и образцов для построения плюральных версий «миропорядка» к цивилизационным контекстам, отличным от западного, поддержали представители других постпозитивистских течений. Так, в частности, конструктивист Питер Катценштайн издал программную монографию, посвященную проблеме плюральности цивилизаций в мировой политике.³ Для МПЭ такой плюралистский подход важен тем, что позволяет взглянуть на процессы в мировой экономике не только со стороны Запада и в оптике предложенных (навязанных) им либерально-капиталистических практик, но и с позиции незападных обществ, органически оперирующих с иными культурными и социальными нормативами, терминами и институциями, которые в своем универсализме классические теоретики МПЭ просто не замечают, либо

¹ Bakker I., Gill S. Power, Production and Social Reproduction. NY: Macmillan-Palgrave, 2003.

² Gill S. American Hegemony and the Trilateral Commission. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.

³ Katzenstein P. (ed) Civilizations in World Politics: Plural and Pluralist Perspectives NY: Routledge, 2009.

причисляются к «пережиткам» и недочетам модернизации. Катценштайн и его соавторы показывают, насколько существенно отличаются цивилизационные установки в отношении статуса личности, Государства, производства, собственности и т. д. от общества к обществу, а, следовательно, учет этих поправок открывает широкую возможность альтернативных взглядов на мировую экономику. Так, для современного высокотехнологичного японца работа с микросхемами может восприниматься как аналог сакральной чайной церемонии (этическая практика «до»). Китайское общество осмысляет трудовую деятельность как коллективный ритуал, в котором культурная принадлежность к китайской цивилизации имеет не менее стимулирующее значение, нежели забота о материальном благополучии. Этот принцип полностью отсутствует в Индии, где экономика в определенных секторах общества все еще сохраняет кастовый характер. Совершенно иначе, нежели в Индии, Китае или Японии, устроена исламская экономика — с ее жестким теологическим обоснованием, запретом на ссудный капитал, религиозной обязанностью выплачивать десятину общине (умме), элементы чего до сих пор сохраняются во многих исламских странах. Вопреки западному универсализму, сфера мировой экономики, поверхностно унифицированная в процессе глобализации и вестернизации, не является столь однородной и гомогенной, как это представляется большинству западных или получивших западное образование специалистов в МПЭ. Под тонкой пленкой «единого мира» и «планетарного рынка» скрываются континенты-цивилизации, каждая из которых обладает своими экономическими установками, составляющими часть общих социально-этических и культурных нормативов.

Иерархии эффективности (экономический расизм)

Эту же тему плюральности цивилизаций приоритетно развивает представитель исторической социологии в МО Джон Хобсон, ставящий своей приоритетной задачей уйти от евроцентричной теории МО и обосновать подлинно многополярную модель исследования мировых процессов¹. Хобсон показывает расистскую подоплеку западных воззрений на мировую экономику. Капитализм, возникший на Западе, западные теоретики в МО и МПЭ считают вершиной исторического прогресса и воспевают его «высокую эффективность» (agency). Незападные общества для них автоматически будут характеризоваться «средней или малой эффективностью» (middle or low agency), неорганизованностью, хищничеством (predatory practices) и высоким уровнем коррупции. Это является сублиминальной аксиомой людей Запада, как ранее такой же аксиомой было «превосходство белой расы над желтой, красной и черной». Для западных теоретиков незападные экономики неэффективны не потому, что они неэффективны, а уже потому, что они незападные. Такие формы расизма были не чужды даже Марксу, и его концепция «азиатского способа производства», и открытое предпочтение британской колонизации Индии (высоко эффективная цивилизации) Османской империей или Россией (варварские общества), по Хобсону, доказывают его евроцентризм (что распространяется и на всю марксистскую традицию).

Хобсон призывает к внимательному и непредвзятому изучению экономических практик незападных обществ — как на уровне масштабных инсти-

¹ *Hobson J.M. The Eurocentric Conception of World Politics: Western International Theory, 1760 – 2010. Cambridge: Cambridge University, 2011.*

туций, так и в сфере общинных отношений и малых социальных групп. Он приводит в своих работах многочисленные примеры безвозмездных банковских ссуд бедным женщинам Индонезии, которые, будучи противоестественны и нелогичны для капиталистической системы, способны продемонстрировать эффективность для стабилизации локальной социально-экономической ситуации. Хобсон, как и Катценштайн, приводит примеры высокого уровня экономического развития некоторых древних цивилизаций. Так, например, Китай является страной, где был изобретен порох, но европейцы использовали сделанное не ими технологическое открытие для усиления своего могущества, и сам Китай впоследствии стал жертвой этого колониального могущества. Убедительным примером является также развитие китайского флота в XVI веке, который намного превосходил современный ему европейский флот, но к волне географических открытий и колонизации мирового океана это не привело, т. к. китайские императоры заметили падение нравов в портовых городах и приняли решение остановить развитие кораблестроения — из опасения упадка нравственности. Это показывает, что ограничение развития тех или иных технологий может иметь этические и культурные основания, а отнюдь не неспособность незападных обществ к организации эффективных производственных практик.

Резюме

Основные моменты интерпретации МПЭ в классических парадигмах МО можно свести в обобщающую таблицу.

		базовая парадигма	капитал	глобализация
ПОЗИТИВИЗМ	Реализм	меркантилизм; протекционизм; экономический национализм; экономическая инсуляция; автаркия больших пространств	одна из составляющих могущества (power) Государства	двусмысленный процесс, чреватый десуверенизацией и повышением хаотичности экономической сферы
	неореализм теория гегемонистской стабильности (ТГС)	экономическая гегемония; США гарант стабильности мировой экономики, порядка и прогресса	главный инструмент глобальной гегемонии	расширение западного (американского) влияния на территорию всей планеты
	либерализм	экономический либерализм; фритрейдерство; индивидуализм	цель экономической всякой деятельности; основа порядка, права, мира	благо; логическое следствие мирового прогресса; создание мирового гражданского общества; вечный мир

ПОЗИТИВИЗМ	неолиберализм транснационализм	экономическая интеграция; наднациональные экономические институты (ВТО, МВФ, Мировой Банк); глобализация	основа глобальной экономической системы; новый тип могущества; субъект истории	цель истории; триумф демократизации, либерализации, прогресса; пацифизма, технического развития
	марксизм	классовая теория	мировое зло	высшая фаза капитализма; предпосылка для мировой революции
	неомарксизм	мир-система	основа и ядро мир-системы	финальное историческое оформление мир-системы
ПОСТПОЗИТИВИЗМ	деконструкция	гегемонистский (в грамшистском смысле) концепт; высшая ценность западного общества эпохи Модерна	проекция евроцентричных либеральных практик и институций; форма тотальной доминации; глобальная гегемония	

3.6. Масс-медиа в МО

3.6.1. Социология СМИ

Социальные коммуникации в Премодерне

Развитие средств массовой информации представляет собой явление развитого и позднего Модерна. Рост влияния СМИ в обществе развертывался параллельно утверждению западной демократии и сопровождал его.

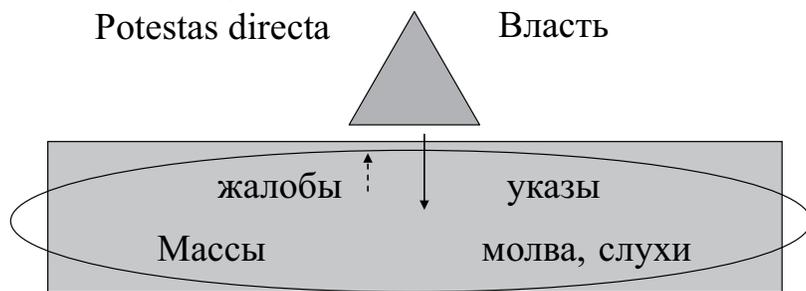
В традиционном обществе (Премодерн) система коммуникаций между политикой и обществом строилась по вертикальной схеме. Князь (правительство, элиты) издавал Указ и глашатаи (герольды) доводили его содержание до сведения простолюдинов. Указ спускался сверху вниз и не предполагал симметричной обратной связи. Снизу вверх поднимались жалобы, которые власть теоретически могла вообще игнорировать. Коммуникация, таким образом, строилась в одностороннем порядке, властитель просто информировал население о том, что есть, будет, было и должно было бы быть. Текст Указа был властным посылом, устанавливающим жесткую иерархию: говорящий (автор Указа) обладал полнотой истины на том основании, что обладал полнотой власти, а всем остальным, не причастным к власти, оставалось только безропотно внимать или комментировать (соблюдая при этом осторожность). На этом же принципе были построены и сакральные тексты: в них Божество оповещало смертных о своей воле, о том, что есть, было и бу-

дет, а также о том, что и как должно быть. В религии формы жалоб и просьб верховному правителю выполняли молитвы. Мифы и исторические хроники строились по этому же принципу: они описывали образцовые нормативные ситуации, наполненные назидательным смыслом.

Кроме этого обязательного дискурса, ориентированного сверху вниз, и необязательного для рассмотрения потока жалоб и просьб снизу вверх, существовала еще одна ось коммуникации, организованная строго горизонтально — область слухов. Слухи представляли собой передачу друг другу сообщений, не санкционированных авторитетом власти (= истины). Принципиальной особенностью слухов было то, что передатчики и получатели относились к тем социальным слоям, которые не имели прямого влияния на власть.

Такая форма организации преобладающего дискурса в обществе соответствует тому, что немецкий юрист и представитель реализма в МО Карл Шмитт называл «*potestas directa*», т. е. «прямой властью». Шмитт выделял также форму «косвенной власти», *potestas indirecta*, которая осуществлялась по каналам, отличным от прямой открытой вертикали, дискурсивно запечатленной в Указе. Для традиционного общества (Премодерна) была характерна подобная доминирующая модель социальной коммуникации.

В такой ситуации информация циркулирует в пространстве, ограниченном властью Князя, религии и т. д., т. е. в закрытом контуре. В таком обществе средств массовой информации как таковых нет. Их функцию выполняли указы, жалобы и слухи.



Социальные коммуникации в Модерне

В эпоху Модерна модель коммуникации в обществе качественно меняется. Это связано с общей ориентацией на демократизацию и с соответствующим разделением властей. Единая в Премодерне *potestas directa*, сосредоточенная в руках Князя, распределяется между тремя номинально автономными инстанциями — властью законодательной (Парламент), исполнительной (Правительство) и судебной (Суды). Расщепление власти остается в контексте *potestas directa*, т. е. организовано вдоль строгой вертикали, обладающей легальным статусом. Власти могут оспаривать власть на высшем уровне, но как только консенсусное для трех властей решение принято, оно становится обязательным для масс. И остается только довести его до их сведения. В демократии источником власти считается сам народ (отсюда «социальный контракт»), но после того, как он конституирует структуры демократической власти, ее решения являются для самого народа не подлежащим оспариванию Указом.

В контексте такой структуры демократического общества возникают СМИ как социальное явление, вводящее в политическую структуру общества дополнительное коммуникативное измерение. В XIX — XX веках значение СМИ неуклонно растет, пока о них не начинают говорить как о «четвертой власти», т. е. как о институции, продолжающей процесс разделения властей и после того, как классическая демократия останавливается на трех ее основных ветвях. В терминологии К. Шмитта можно отнести СМИ к «*potestas indirecta*», «косвенной власти», которая, с одной стороны, не имеет легальных прав и полномочий на осуществление властных функций, а с другой — оказывает на общество и разворачивающиеся в нем события все возрастающее влияние.

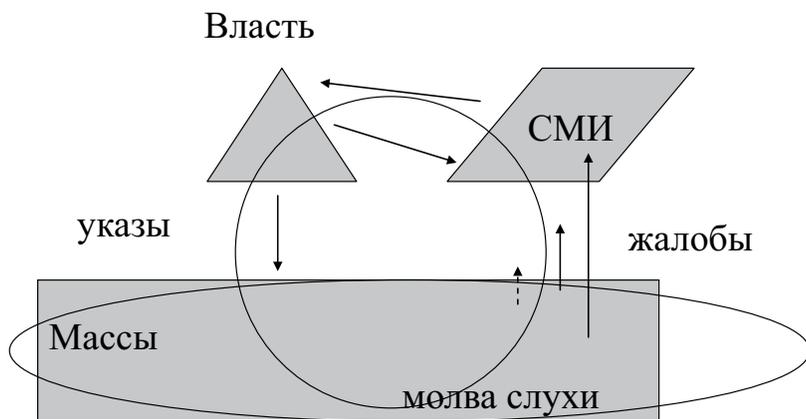
В общей политической геометрии политического пространства СМИ занимают особое положение: они находятся не сверху (триада властей остается неизменной), но и не снизу (в зоне масс, «молчаливого большинства»), а сбоку. Тем самым формируется особое информационное поле, которое накладывается на вертикальную (циркулярную — народ выбирает власть и подчиняется власти) геометрию поля политического. Это информационное поле дублирует поле политическое, наслаивается на него, видоизменяет его пропорции, а затем постепенно начинает его оттеснять. С какого-то момента средства массовой информации не просто сообщают о том или ином событии, поступке, решении или происшествии, но толкуют, объясняют и даже предсказывают их. Кроме того, для власти они позиционируют себя как рупор гражданского общества, как голос учреждающего власть народа. Для масс, потребляющих предоставляемую ими информацию, они выступают как носителями кодов, т. е. в них сообщается и объясняется решение властей, но вместе с тем задаются определенные нормативы интерпретации, которые массы впитывают и усваивают. Для власти СМИ — это голос народа (*Vox Populi*), а следовательно, глас той инстанции, которая легализует саму власть и с которой власть обязана считаться как со своим истоком. Для масс СМИ — это власть в том смысле, что журналисты всегда демонстрируют уверенность и компетентность в трактовке событий, что диктует массам, как следует понимать то или иное социально-политическое или международное явление. Информирова общество, СМИ формируют общество.

Это создает особую медийную реальность, которая набирает силу. В определенный момент событием становится только то, о чем сообщается в широкой прессе, а если эта пресса о чем-то умалчивает, то это событие приравнивается к чему-то незначительному или исчезает из вида вообще. Изменяется соотношение между фактом и его отображением. По мере того как СМИ становятся все более автономными (независимыми от власти и в какой-то мере от читателей), они начинают манипулировать отображением таким образом, что он становится более значимым, чем сам факт. Символ, образ, история, т. е. знак, поданные внушительно и гипнотично, оказывают такое воздействие, какое не может вызвать лицемерие реальных событий. Интерпретация становится важнее, нежели то, что интерпретируется. Так «четвертая власть», *potestas indirecta*, в ходе демократизации до определенной степени вступает в конкуренцию с классическими тремя.

Это можно отобразить на схеме.

Potestas directa

Potestas indirecta



Социальная коммуникация в обществе Модерна

В современном мире СМИ становятся важнейшим фактором могущества в целом, а, следовательно, в контексте международных отношений их функция — все более и более значима. В ходе глобализации появляется такой феномен, как глобальные СМИ, и закономерно исследование этой области не проходит мимо внимания теоретиков МО. Осмысление СМИ как «четвертой власти» привело к появлению термина «медиакратия», который описывает СМИ с точки зрения их реального потенциала влияния.

3.6.2. СМИ в позитивистских теориях МО

Реализм: национальные СМИ

В рамках реалистской парадигмы в МО СМИ мыслятся как национальная институция, чья сфера влияния ограничена рамками данного национального общества. В вопросах внутренней политики реалисты как правило придерживаются демократических взглядов, и поэтому рассматривают свободу слова как неотъемлемое свойство политической демократии. Социальные коммуникации в демократическом обществе должны иметь несколько осей. По одним власть спускает свои Указы. По другим разворачивается критика властей со стороны гражданского общества, но все это вписывается в рамки национального и демократического консенсуса. При этом, т. к. СМИ являются инструментом влияния и формой могущества, то в интересах национальной безопасности, считают реалисты, контроль над ними желательно осуществлять гражданам, группам или институтам, так или иначе находящимся в зоне юрисдикции данного Государства. Это правило реалисты распространяют на все типы силовых и политических ресурсов, в том числе и на СМИ. Это однако не означает, что СМИ должны быть подконтрольны Государству и соотносить свою позицию с национальными интересами. СМИ могут занимать критическую позицию, но, находясь в правовом поле данного общества, они должны нести ответственность за те высказывания, которые либо нарушают национальное законодательство, либо наносят прямой ущерб безопасности Государства.

В отношении внешней политики СМИ также могут излагать любые точки зрения, хотя влияние того или иного СМИ, специализирующегося на международных отношениях в значительной степени зависит от его близости к институтам политической власти. Реалисты считают, что внешняя политика находится в компетенции квалифицированных политических элит, а следовательно, контроль гражданского общества в этой сфере имеет весьма относительное значение, в отличие от сферы внутренней политики, где он, напротив, является принципиальным.

В США, Англии и других крупных демократических державах у сторонников реалистского подхода к МО, как правило, имеются свои СМИ, специализирующиеся на внешнеполитической тематике и связанные с влиятельными политическими кругами. Одно из таких влиятельных американских изданий называется весьма символично: «Национальный интерес» (National Interest).

Либерализм: глобальные СМИ, виртуальность, сеть

Качественно иное отношение к СМИ у представителей либеральной парадигмы в МО. Для либералов демократия мыслится не только как внутренне дело национального Государства, но как мировой процесс. Поэтому такой важнейший инструмент демократизации, транспарентности и контроля, как СМИ, с их точки зрения, не может ограничиваться национальными границами. Для либералов интернационализация СМИ имеет принципиальное значение. Любые СМИ являются инструментами демократии, но демократическое общество, права человека и т. д., являются приоритетными в этом процессе. Поэтому сеть демократических СМИ транснационального масштаба является для либералов целью, к которой необходимо стремиться. Интернационализация либеральных СМИ мыслится здесь как синоним демократизации в целом — и как средство и как цель, одновременно.

Неолибералы делают на этом процессе интернационализации СМИ особый акцент. С их точки зрения, глобализация есть во многом результат развертывание глобальных сетей — в первую очередь, информационных. Политической, экономической и социальной унификации и интеграции предшествует глобализация СМИ. Глобальные СМИ являются носителями либеральных ценностей в мировом масштабе, а следовательно, готовят почву для сближения между собой различных обществ на демократической основе.

Неолибералы особенно подчеркивают две особенности современных глобальных СМИ:

- интерактивность
- виртуальность.

Интерактивность — сети Интернет, цифровые средства связи т. д. — позволяет спровоцировать гражданскую активность отдельных людей в глобальном масштабе, внушить им чувство соучастия в глобальном управлении, дать им уверенность, что их индивидуальная позиция имеет значение. Интерактивность — лучший урок демократии. Сетевые технологии — блоги, чаты, социальные сети и т. д. — создают поле многомерных коммуникаций, формирующих совокупный глобальный ресурс демократии. Неолибералы руководствуются следующей логикой: вначале СМИ создают особое информационное поле, *potestas inderecta*, которое утверждается в национальном

контексте, постепенно повышает свое значение, затем интернационализируется, глобализируется и параллельно этому становится все более интерактивным. Сеть Интернет представляет собой наглядное выражение такой интерактивной структуры, где каждый пользователь является не только потребителем, но и поставщиком информации. Согласно либералам, такой ресурс не может принадлежать никакой национальной и даже интернациональной инстанции, представляя собой совокупное могущество глобального гражданского общества.

Второе свойство глобальных СМИ — виртуальность, оторванность от конкретной территории и локализации и «миграция» в сконструированные виртуальные миры, где границы и иные физические ограничения не имеют значения. Виртуальный мир находится повсюду и нигде, и поэтому одинаково близок и доступен любому, кто имеет подключение к глобальной сети. СМИ сами по себе формируют виртуальный дубль общества, а становясь глобальными, они видоизменяют облик реальности, воплощая в себе дубль всего пространства, в котором обитает человечество. Виртуальность, по мысли неolibералов, есть оптимальное выражение космополитизма, дающее возможность преодолеть пространство и время и пребывать одновременно в нескольких местах.

Английская школа: социализация СМИ

Для Английской школы МО характерно внимание к историческому аспекту трансформаций обществ и их взаимоотношений. Особого внимания теории этого направления СМИ и их роли в международных отношениях не придают. Единственный аспект, где СМИ интересуют представителей Английской школы, это их роль в формировании образа того или иного Государства. Этот образ играет важнейшую роль в вопросе социализации Государств в рамках образуемого ими общества. Национальные СМИ в определенных ситуациях могут отклоняться от актуальной позиции правительств в отношении того или иного Государства, выступающего в роли союзника, партнера или противника. Национальные СМИ при создании образа другого Государства руководствуются более широким спектром оценок и мнений, этических пэттернов и исторических ассоциаций, нежели политики, отвечающие за выстраивание отношений с другими странами. Не воздействуя прямо на политические шаги, СМИ способны повлиять на образ другой страны или символизирующего ее правителя так, чтобы серьезно осложнить проведение конкретной политики. В дело могут быть пущены исторические прецеденты, мифы, анекдоты, клише и штампы, не имеющие никакого отношения к национальным интересам Государства при холодном расчете выгод и издержек от союза или конфликта.

Этот фактор для представителей Английской школы рассматривается как один из важных элементов процесса социализации Государств, т. к. для полноценного участия в международной жизни правительства так или иначе должны считаться с теми образами, которые зарубежные СМИ вытраивают применительно к их стране. Это заставляет их более серьезно относиться к тем или иным собственным действиям и шагам, способным дать основания прессе для укрепления положительных или создания негативных, карикатурных образов. Речь идет о соблюдении определенных поведенческих кодов даже в ситуациях, когда правители других Государств руководствуются исключительно рациональным расчетом выгод, а сверхнациональные право-

вые инстанции (в условиях анархии международных отношений, признаваемой Английской школой) попросту отсутствуют.

Если на уровне глав Государств расчет приводит к необходимости заключения союза с другим Государством, СМИ способны создать в обществе такую атмосферу, демонизируя это Государство, что альянс будет затруднительным даже для правителя, имеющего все легальные основания его заключить. Для реалистов такая ситуация была бы на грани саботажа национальных интересов. Для либералов, если речь шла об обструкции со стороны СМИ недостаточно демократических режимов, напротив, это воспринималось бы как демократия в действии. Для теоретиков Английской школы это нейтральная констатация, позволяющая лучше понять механизм того, как осуществляется социализация Государств в процессе их взаимодействия и какие факторы на это влияют.

Марксизм: классовые СМИ

Для представителей марксизма в отношении СМИ, как и во всех остальных вопросах, базовым является классовый подход. Следовательно, СМИ могут быть буржуазными и пролетарскими. Буржуазные СМИ обслуживают интересы национальной буржуазии, но в широком смысле образуют медиакратический капиталистический интернационал, солидарный в своем стремлении сохранить социально-политическое статус кво и власть эксплуататоров. СМИ относятся к надстройке общества, а следовательно, полностью предопределены базисом. СМИ представляют собой экономическое предприятие, приносят прибыль, требуют инвестиций. Следовательно, в буржуазных странах они развиваются по логике других капиталистических предприятий, и выражают мнение господствующего класса.

реализм

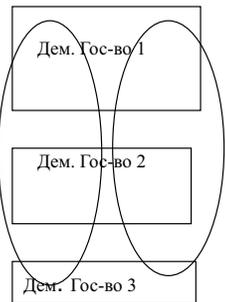
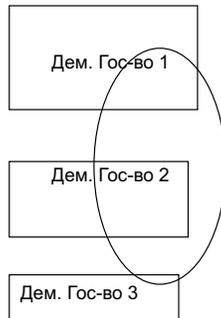
либерализм

марксизм

СМИ
национальны

СМИ интернационально-
демократичны, глобальны

Коммун.
СМИ Капитал.
СМИ



Особое внимание уделяется такому явлению как коммунистическая пресса. Для марксистов она является не просто платформой для пропаганды и высказывания идей и принципов одной из политических партий, но территорией исторического пробуждения мирового рабочего класса и орудием подготовки мировой революции. Поэтому коммунистическая пресса имеет интернациональный характер и заведомо ориентирована на то, чтобы объединить в единый планетарный блок пролетариев из разных стран. Коммунистическая пресса осмысливается марксистами как историческое явление, т. к. с помощью пропаганды марксизма происходит процесс пробуждения классового сознания рабочего класса и их мобилизация на революционную борьбу с капитализмом.

Так мировые и национальные СМИ делятся на две антагонистические категории, каждая из которых строится на взаимоисключающих классовых парадигмах: с точки зрения наиболее последовательных марксистов, информация, транслируемая буржуазными СМИ, есть в конечном счете дезинформация и «ложь», «правда» же возможна только в случае прессы коммунистической.

3.6.3. СМИ в постпозитивистских теориях МО

Деконструкция СМИ

Когда мы переходим к постпозитивистским теориям в МО внимание к СМИ резко повышается и их значение становится более определяющим. Для постпозитивистов субъект-объектная топика (объективный факт / субъективная репрезентация) есть, в свою очередь, эпистемологический конструкт, где объект есть результат конструирования не в меньшей степени, нежели субъект. Поэтому область дискурса, текст, и особенно текст широкого распространения — газета, журнал, иные формы массовой информации, стоят ближе всего к механизму конституирования реальности с одновременно приложенной к этой реальности инструкции по тому, как ее следует интерпретировать (*grille de lecture*). СМИ как одно из приоритетных и наиболее влиятельных полей дискурса есть область конструирования реальности по преимуществу. Поэтому постпозитивисты в МО подвергают ее тщательному анализу. Каков дискурс о международных отношениях в общей и специальной прессе, таковы и сами эти отношения.

Само явление СМИ анализируется в постпозитивизме особым образом. В первую очередь, ставится под сомнение нейтральность журналистов. Так как они ответственны за процесс репрезентации и интерпретации, то они выступают как активные акторы кодирования социальной жизни, участники социальной демиургии. Они создают знаки и смысловые секвенции, которые «информированные» (то есть «сформированные») ими граждане ассимилируют и используют впоследствии для декодирования окружающего мира. Как и в чьих интересах действуют работники СМИ и каким образом это сказывается на международных отношениях, представители разных направлений в постпозитивизме трактуют по-разному.

Критическая теория: СМИ как поле гегемонии

Для представителей критической теории СМИ есть голограмма гражданского общества, а следовательно, преимущественная зона осуществления гегемонии. Гегемонистский дискурс с помощью СМИ, которые являются гло-

бально-гегемонистскими по своей ориентации, т. к. так или иначе поддерживают статус-кво (а это и есть гегемония). Работники СМИ не просто выполняют политический заказ (национального правительства) или защищают интересы владельца того или иного медиа-холдинга, они конструируют мир в соответствии с нормами и интересами гегемонистского устройства. В СМИ надстройка, «гражданское общество» получает самое яркое выражение, а следовательно, именно здесь на поверхность выходит выбор «органических интеллектуалов». Большинство «органических интеллектуалов» так или иначе присутствуют в СМИ, которые либо предоставляют им трибуну непосредственно, либо руководствуются их концептуальными стратегиями, заимствованными в научной литературе, в области образования и т. д.

«Органические интеллектуалы», становящиеся на сторону гегемонии, не только ее оправдывают, они ее ретранслируют ее и учреждают. Гегемония есть и структура дискурса, и структурирование его восприятия. Тем самым благодаря СМИ гегемония входит в ткань общества, предопределяя множество дискурсов тех, кому она в этом процессе навязывается. СМИ создают реальность и обучают, как ее надо толковать.

Другой лагерь — сторонников контргегемонии — имеют в своем распоряжении тот же инструмент — СМИ. Но на сей раз они используют его для деконструкции гегемонии и продвижения альтернативного контргегемонистского дискурса. Согласно представителям критической теории, это возможно в силу того, что когнитивные практики гегемонии нуждаются в критическом пространстве для обогащения своего содержательного наполнения, т. к. в противном случае они вынуждены будут рециклировать одни и те же штампы и клише. В этом состоит ставка, которую делают грамшисты на область «гражданского общества» в ходе подготовки революции. Буржуазное общество нуждается в оппозиции и привлечении ресурсов маргинальных групп для пополнения своего дискурсивного тезауруса. Сторонники контробщества могут этим воспользоваться для того, чтобы создать «исторический блок».

Так как гегемония является международным феноменом, то СМИ в своей сути тяготеют к глобализации. Поэтому сторонники контргегемонии при формировании «исторического блока» должны также делать ставку на интернационализацию медийных стратегий. Продвижение либералами интерактивных технологий (интернета, социальных сетей, блогосферы и т. д.) открывают для этого широкие возможности. Как коммунистическим и левым силам на Западе в 1960 — 1970-е годы удалось существенно изменить отношение к марксизму и почти добиться его «морального» превосходства в интеллектуальной сфере не смотря на доминацию буржуазных правительств, что продемонстрировала оперативный потенциал грамшистской теории на практике, в новых условиях глобализации мировые СМИ и особенно интерактивные сети и сама виртуальность могут служить приоритетной зоной для развертывания контргегемонистских стратегий.

Постмодернизм: СМИ как текст доминации

Постмодернисты в МО предлагают метафорически отождествить международные (international) отношения с межтекстуальными (intertextual)¹, т. е.

¹ Der Derian J., Shapiro M.J. International // Intertextual Relations: Postmodern Readings of World Politics. Lexington: Lexington Books, 1989.

соотношением друг с другом различных текстов. Поэтому анализ феномена СМИ приобретает здесь центральное значение. Рядовой текст информационного сообщения в своей банальной предсказуемости лучше всего вскрывает механизмы доминанции. Для постмодернистов вытеснение информационной реальностью (виртуальностью) реальности социальной, подмену и создание дубля, симулякра, что мы замечаем в современном обществе, есть выражение текстуальности самого бытия. Реальности, общества, международных отношений нет, есть только тексты. Следовательно, медиакратия не просто дополняет и обслуживает власть, а она ее, в конечном счете, и порождает (это можно сравнить с механизмом производства гегемонии у представителей критической теории). «Четвертая власть» оказывается, таким образом, не дополнением к первым трем, но главной и конститутивной. Именно на уровне текста происходит учреждения вертикалей доминанции. И журналисты, занимающие промежуточное положение между властью (элитой) и массами, постепенно становятся гибридом, совмещающим в себе оба полюса господства: журналист критикует власть (от имени массы, хотя ей не является) и властно поучает массы, как надо понимать тот или этот факт (часто символический), хотя властью не наделен. Журналист есть воплощение *potestas inderecta*, особый социальный тип в котором доминирует *ressentiment* (М. Шелер), как задушенная и закомплексованная энергия воли к власти, сдавленная слабостью и стыдом. Журналист стремится заменить собой и элиту и массы, интериоризируя социальный дифференциал. Но в этом социальном гибриде постмодернисты видят сам механизм доминанции в чистой форме, а не способ его преодоления.

Согласно выражению Маршалла Маклюэна¹ — *media is a message*. Смыслом информационное сообщения является само это сообщение. Такая автореферентность, будучи подвергнутой деконструкции, обнаруживает истинную цель глобальной медиакратии: фиксировать в дискурсе факт простого неравенства, дифференциала без того, чтобы определять идентичности тех, кто находится на обоих концах вертикали.

Феминизм: гендерный аспект СМИ

Феминистки предлагают гендерный анализ СМИ. Их особому вниманию подвергается образ «Другого», который является рекурсивным алгоритмом для описания в журналистике ситуаций в международных отношениях и моральных оценок тех или иных сторон в конфликтах. Феминистки показывают, что в большинстве СМИ преобладают эксклюзивистские модели, выстраивающие образ «Другого» по привативной модели оппозиция: если «мы-группа» наделяется подразумеваемыми позитивными качествами, то «они-группа» представляют собой противоположность, т. е. пейоративный конструкт. В этом феминистки видят дуальную, «манихейскую» стратегию маскулинистского дискурса.

В области международных ситуаций распределение позиций друг /враг в классической маскулинистской оптике не оставляет места для нюансных описаний, и простота расхожего языка делает жесткость подобных оппозиций еще более наглядной, а широкое влияние СМИ, достигающее глубин общества, создает предпосылки для социального кодирования масс в духе нетерпимости, агрессии и ксенофобии.

¹ Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. М.: Кучково поле, 2007.

Феминистская этика предлагает нюансировать подобные оппозиции, смягчить принципиально алгоритм при описании «Другого», расширить нормы «политической корректности» с учетом базовых гендерных установок обоих полов.

На практическом уровне феминистки предлагают развивать интернациональные издания, преимущественно предназначенные для женщин. Развитие гендерно ориентированных женских изданий, издающихся под единым брэндом в разных странах, является признаком роста влияния феминизма в глобальном масштабе, позволяющим говорить о медийной глобализации феминизма.

Историческая социология: евроцентризм глобальных СМИ

Историческая социология обращает внимание на евроцентристский код, которым руководствуются глобальные СМИ. Любое информационное сообщение, любая аналитическая статья, даже любое рекламное сообщение в современных СМИ, независимо от страны, строится по принципу иерархических слоев

- модернизация = цивилизация = прогресс = Запад = техническое и социальное развитие = эффективность = Первый мир;
- отставание = варварство = коррупция = неэффективность = догоняющее ее развитие = Второй мир;
- дикость = архаика = безнадежная отсталость = потребность в гуманитарной помощи = Третий мир.

С этой принципиальной позиции описывают цивилизационную структуру мира западные СМИ. Тем самым в обществе непрерывно воспроизводится сублиминальный расизм, имеющий широкий спектр оттенков как либеральных, так и реалистских.

В либеральной версии СМИ действуют с клише: не-западные общества нуждаются в патерналистской поддержке и опеки (иногда в гуманитарной интервенции) со стороны Запада, т. к. «совершенные» общества должны помогать «несовершенным» и в этом состоит их цивилизаторская миссия. Нужна ли такая опека тем обществам, которые отнесены к «недоразвитым», такой вопрос в СМИ практически никогда не ставится.

Реалистская версия медиакратического расизма состоит в клише «угрозы нашествия варваров». В XIX веке это клише выражалось в формуле «желтой угрозы». В XXI веке в США особенно после событий 9 / 11 получил широкое распространение тезис «об исламской угрозе», «исламском фундаментализме» или, в форме эвфемизма, о «международном терроризме». При этом сущность угрозы объясняется как отсутствие должного (западного) уровня развития демократии, институтов гражданского общества и культуры прав человека.

Представители исторической социологии в МО демонстрируют, что практически все без исключения западные СМИ оперируют именно с такой бессознательной (или сознательной) парадигмой, которая служит для базовым их лекалом при описании любых событий международной жизни. Тем самым СМИ являются активным институтом, утверждающим в западном обществе топику сублиминального расизма.

Те случаи, когда в СМИ включается клише покаяние за «колониальное прошлое» Запада или за империализм, речь идет лишь о внутреннем споре либеральных евроцентрических универсалистов с теоретиками реализма,

для которых колониализм был необходимой и оправданной стадией в политическом развитии человечества и поэтому не нуждается в извинениях: благодаря колонизации западные общества получили возможность развиваться ускоренными темпами, копируя западные ценности, институты, технологии и практики. Маргинальная коммунистическая и антиглобалистская (крайне левая) пресса также не является исключением, поскольку ее анализ строится на убежденности в универсальности капитализма и на историческом превосходстве буржуазного Модерна над любыми формами Премодерна.

Переходя к западным СМИ, теоретики исторической социологии фиксируют там преобладание точно таких же базовых установок. Космополитический сегмент медиакратии в таких обществах, глобальные СМИ и планетарные интерактивные сети естественным образом вовлечены в парадигмальную сферу глобалистского (транснационалистского /неолиберального) дискурса, поэтому здесь транслируется либеральный патернализм, «гуманитаризм» и «прогрессизм». Но если западные либеральные СМИ строят свой анализ на формуле «им надо помочь в развитии», западные СМИ утверждают «нам надо помочь в развитии». Таким образом универсализм западной культуры признается на обеих сторонах, что облегчает процесс глобализации, способствует размыванию традиционных ценностных систем и культур, и напрямую содействуют укреплению сублиминального расизма: быть прогрессивным, значит, разделять западные ценности, в том числе привычки, установки, внешний вид, манеру говорить и держаться (распространение англофонии) и т. д. В этом смысле «белые», считавшиеся в эпоху колониализма людьми первого сорта и вызывавшие волну подражания у небелых народов, заменены на «цивилизованных», которым также стремятся подражать многие в обществах Азии, Африки, Океании или Латинской Америки.

Но даже те СМИ в западных обществах, которые настаивают на сохранении национальной идентичности и критикуют евроцентризм и глобализацию, выражают свои позиции в терминах нации и национализма, суверенитета и государственности, целиком заимствованных из теоретического арсенала западных теорий в МО. Тем самым антизападный и антиимпериалистический сегмент в национальных СМИ косвенно также признает иерархию цивилизаций и культур, соглашается с универсализмом западного языка, хотя и противопоставляет себя Западу.

Такое положение дел с медиакратией в планетарном масштабе связано с историческим моментом. СМИ являются выражением буржуазного Модерна и представляют собой квинтэссенцию гегемонистского (в граммшистском смысле) дискурса. В основе глобализации и модернизации лежит тот же буржуазный код Модерна, а следовательно, роль СМИ в обществе и структура их базового дискурса неизбежно повторяет изначальный исторический этерн. Сама структура СМИ, тот автореферентный message, о котором говорил Маклюэн в своей формуле, уже есть инструмент гегемонистского кодирования, конституирование капиталистического общества, признанного универсальным явлением. Как только происходит отождествление Запада с универсальным образцом социально-исторического и политэкономического развития, а западной системы ценностей (демократия, права человека, индивидуализм, рынок и т. д.) с универсальной системой ценностей, мы гарантировано имеем сублиминальный расизм, воплощенный в районировании политической карты планеты в соответствии с критерием большей или меньшей схожести с западными евро-американскими обществами или их

имитациями в иных частях света. И СМИ — традиционные, глобальные или интерактивные — в равной мере становятся важнейшим (если не главным) инструментом такого расизма.

Нормативизм: этические структуры и СМИ

Теоретики нормативизма в МО специально вопросами СМИ не занимаются, но деление этических структур на космополитическую и коммунитаристскую (К. Браун) может служить полезным инструментом для анализа двух типов глобальной прессы, соответственно выражающих одну или другую позицию. Отталкиваясь от различных нормативов, посыл медийного дискурса будет с необходимостью развиваться по различным траекториям.

Открыто и эксплицитно космополитические СМИ совпадают с глобальными либеральными и транснациональными сетями, в свою очередь, являясь глобальной сетью, выполняющей одну из важнейших функций в общем процессе глобализации. Медийная глобализация, создание таких транснациональных информационных сетей как ВВС, CNN, молодежного канала MTV и т. д. идет в авангарде остальных процессов, и часто предшествует другим формам глобализации — экономическим, социальным, политическим и т. д. Космополитические СМИ создают виртуальный «единый мир», One World, который став вначале медийной реальностью, постепенно проникает и в иные социальные слои.

Более сложно обстоит дело с коммунитаристскими СМИ. Нормативисты не делают разницы между коммунитаристскими этическими структурами уровня нации, т. е. в контексте западного или имитирующего запад политико-социального конструкта, и различными социальными группами, выражающими незападные формы социальности или институты Премодерна (например, этнос, религия, кланы, династии, трибализм и т. д.). Национальные СМИ, как показывают представители исторической социологии в МО, представляют собой разновидность евроцентристского дискурса, и даже если делают акцент на национальных интересах, признают при их определении, расчете и обосновании общие методики западной рационалистической науки, сведенные в широкой прессе к упрощенным формулам. Таким образом, определенный (и весьма значительный) сегмент коммунитаристских СМИ также попадает в разряд трансляторов универсалистского дискурса, только замкнутого в контексте национального сегмента единой (и универсальной) цивилизации.

Другой тип коммунитаристских СМИ представляет собой особый случай, когда эти средства, порожденные буржуазным Модерном, используются в интересах социальных групп, относящихся к Премодерну. Сюда относятся цивилизационные, религиозные, этнические и иные СМИ. Некоторые из них, например, арабская телекомпания Аль-Джазира, базирующаяся в Катаре или Аль-Арабия, претендуют на исламский медийный универсализм, выходящий далеко за пределы национального Государства. Такое использование средств и техник Модерна в интересах социальных групп Премодерна представляет собой важный социологический феномен, приобретающий решающее значение в Теории многополярного мира. Сама возможность направить инструмент глобализации против тех, кто его конституировал для самопродвижения своих ценностных систем и своих интересов, является одним из парадоксов Постмодерна, хотя прообразом такого подхода может служить марксистская идея интернациональной пролетарской коммунистической прессы. Отличие здесь состоит в том, что у марксист-

тов субъектом выступает мировой пролетариат, как конструкт Модерна, хотя и революционный и оппозиционный доминирующему классу глобальной буржуазии, а в случае тех коммунистаристских СМИ, о которых здесь идет речь, субъект относится к социальным категориям Премодерна (цивилизация, религия, этнос).

Конструктивизм: СМИ и конструирование реальности

Конструктивисты в МО не вносят ничего принципиально нового в исследование феномена медиакратии и как все остальные направления в постпозитивизме, указывают на необходимость деконструкции медийного дискурса, особенно в области международных отношений. Массмедиа формируют общество, а конструктивисты уделяют социальному аспекту международных отношений, процессам взаимодействия значительное внимание. Контент-анализ прессы является одним из важных видов получения информации о структурах общества и происходящих в нем процессах для социологов. Социологи-постмодернисты (например, П. Бурдьё) полагают, что такого явления как «общественное мнение» не существует, а те, кто претендует на его выражение или изучение (то есть СМИ и сами социологи) на самом деле его и формируют. Поэтому изучение медийного дискурса есть форма изучения создания и закрепления социальных структур и модерирование, даже провоцирование важнейших социальных трендов, а не отражение чего-то существующего автономно в обществе.

Такой конструктивистский подход, будучи примененным к области международных отношений и конкретно к анализу медийных текстов (статей, анализов, информационных заметок, полемики, соцпросов, экспертных заключений и т. д.), посвященных процессам, протекающим на планетарном уровне, позволяет сделать заключение о том, каким определенными социальными инстанциями (прежде всего властными, но в широком смысле — включая экономическую, социальную и культурную элиту) хотят видеть образ человечества в его многообразии или, напротив, унифицированности. Здесь снова на первый план выходит деконструкция формирования фигуры «Другого», концептуальное оформление различий и оппозиций, в соответствии с теми или иными правилами.

СМИ сообщают нам не о том, какие процессы и события разворачиваются в области международных отношений, считают конструктивисты. Они проецируют ожидания и страхи различных социальных слоев и групп, чаще всего элитных. При этом оперирование образами учитывает исторические и культурные пэттерны массовой психологии, а также устоявшиеся «национальные мифы». Иными словами, поток информации есть непрерывный нескончаемый нарратив, состоящий из бесчисленных фрагментов, объединенных общими интерпретационными схемами. Квант информации (заметка, статья, комментарий реплика) в таком случае может быть рассмотрен как «социальная мифема» (К. Леви-Стросс), которая может входить в состав различных повествований и подчас с разным знаком и в разных сочетаниях.

Конструктивисты извлекают из такого анализа практический вывод: международные отношения, в конечном счете, являются такими, какими они описаны в тексте. А т. к. СМИ являются наиболее интенсивным, динамичным, глубоко проникающим текстом, то изменив «порядок речи» (Word Order) можно изменить «порядок мира» (World Order).

РАЗДЕЛ РОССИЯ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

4.1. Историческая перспектива

Отсутствие законченной картины

МО как дисциплина сложилась в Западной Европе, и в первую очередь, в англосаксонских странах, в XX веке. Эпоха наиболее интенсивного становления этой дисциплины пришлось на тот период, когда в России укрепилась коммунистическая, марксистско-ленинская идеология, отвергавшая немарксистские подходы в науке как «буржуазные», а, следовательно, «ненаучные». К МО было такое же отношение, поэтому полноценное знакомство с этой дисциплиной началось лишь после конца СССР, а в советский период ее изучали только в закрытых учреждениях, предназначенных для тех, кто был уполномочен вести идеологическую борьбу с Западом. Отсюда определенный вакуум в вопросе изучения России в поле международных отношений как в XX веке, так и в исторической перспективе. Тем более что МО стала активно развиваться и в Европе только после Первой мировой войны, когда в России укрепились большевики.

Развернутая картина участия России в международных отношениях может быть получена на основании исторических материалов, но МО основана на парадигмальных подходах, последовательное применение которых к русской истории было осложнено идеологическими соображениями. Поэтому для восполнения этого пробела необходимо начать с краткой и предельно схематичной модели, которая более детально может быть развита в дальнейшем.

Этапы русской истории

В русской истории принято выделять 6 главных исторических эпох.

1. Киевский период (IX – XIII вв.);
2. эпоха монгольских завоеваний и доминации «Золотой Орды» (XIII – XV вв.);
3. Московская Русь (XV – XVII вв.);
4. Санкт-Петербургская Россия (XVII – XX вв.);
5. СССР (1917 – 1991);
6. РФ (1991 — настоящее время).

На протяжении каждой из этих эпох существовала особая форма русской государственности, и Россия пребывала в различных международных контекстах¹.

Киевский период

Киевская эпоха была периодом государственного строительства, созданием властной, правовой и административной системы русской державы.

¹ Дугин А. Геополитика России. М.: Академический проект, 2012.

В этот период складывается институт русской монархии (великокняжеская власть), происходит принятие Православия в качестве государственной религии, устанавливаются первые правовые акты (например, «Русская Правда»), в первом приближении устанавливаются границы и взаимоотношения с окружающими Государствами. Русь становится субъектом международных отношений, вступает в область интенсивного контакта с соседними державами, определяет первые приоритеты.

К этому первому этапу русской государственности вполне может быть применима модель происхождения Государства в оптике Т. Гоббса. «Повесть временных лет» рассказывает:

«В год 6370 (862). Изгнали варяг за море, и не дали им дани, и начали сами собою владеть, и не было среди них правды, и встал род на род, и была у них усобица, и стали воевать друг с другом (курсив наш — А. Д.). И сказали себе: «Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву». И пошли за море к варягам, к руси. Те варяги назывались русью, как другие называются шведы, а иные норманны и англы, а еще иные готландцы, — вот так и эти. Сказали руси чудь, словене, кривичи и весь: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет (курсив наш — А. Д.). Приходите княжить и владеть нами». И избрались трое братьев со своими родам, и взяли с собой всю русь, и пришли, и сел старший, Рюрик, в Новгороде, а другой, Синеус, — на Белозере, а третий, Трувор, — в Изборске.»¹

Не столь важно, идет ли в данном случае речь об историческом мифе или о достоверных событиях. В любом случае мы имеем дело с объяснительной схемой создания «русского Левиафана». Предоставленное самому себе автономное население впадает в «естественное состояние» (по Т. Гоббсу), начинается «война всех против всех» и в результате происходит заключение «социального контракта», в ходе которого устанавливается форма политической власти (призвание Рюрика). С этого момента «Князем» становится правящая элита в лице дома Рюриковичей и княжеской дружины.

Внешняя политика передается в ведение политической власти, которая вычисляет государственные интересы (приоритеты завоеваний, альянсов, торговых соглашений и т. д.).

Однако такой реализм имеет одно существенное ограничение. государственность Киевской Руси относится к эпохе Премодерна, к традиционному обществу, т. е. к «классическим интернациональным системам» (по определению Б. Бузана и Р. Литтла²). И она в определенной степени остается именно таковой на протяжении первых 4 периодов русской истории. Это означает, что помимо рациональных факторов при определении внешней политики (калькуляция национальных интересов) здесь активную роль играют мотивы религиозного, династического, цивилизационного характера. В Киевский период и вплоть до Московской Руси включительно это не является исключительным свойством Руси, поскольку и остальные европейские и азиатские державы находятся приблизительно в том же историческом статусе. Однако это, тем не менее, накладывает на реалистский подход к анализу поведения России в международных отношениях (единственно адекватный в этих условиях) определенные ограничения: рациональность поведения «русского Князя» (в широком смысле властной инстанции, принимающей

¹ Повесть временных лет // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. СПб, 1997.

² Buzan B., Little R. International Systems in World History: Remaking the Study of International Relations. Oxford: Oxford University Press, 2000.

решение во внешней политике) не должна абсолютизироваться, т. к. наряду с материальными факторами при принятии решений учитываются нематериальные — духовные, религиозные и т. д.

Ордынский период

Второй этап русской истории протекает в контексте «Золотой Орды», т. к. после монгольских завоеваний Русь теряет свою независимость и становится сегментом иной государственности. Золотая Орда также является Государством Премодерна, но в отличие от Киевской Руси имеет статус Империи, где Великий хан (Император) правит над отдельными «великими князьями» (в том числе над русским), а те, в свою очередь, над удельными князьями. До монгольских завоеваний таким статусом для Киевской Руси обладала Византия, но признание легитимности Византийского василевса (императора) не подразумевала для Руси прямой политической зависимости от него (подчинение было только в области религии, т. к. киевские митрополиты назначались из Константинополя Вселенским патриархом). В Золотой Орде императорская власть ханов стала прямым политическим фактом и была сопряжена с утратой реального суверенитета.

Политическая система Золотой Орды была основана на чингисхановском принципе веротерпимости, поэтому даже после обращения ордынских ханов в ислам, Православная Церковь никакого давления на себе не испытала и как и прежде оставалась религиозной провинцией Византии, продолжавшей посылать на Русь митрополитов. Ханская ставка в Сарае лишь подтверждала митрополичий ярлык, легитимизируя его политически.

В монгольский период в целом внешняя политика определялась руководством «Золотой Орды» («ордынский Князь»), где решались вопросы государственных интересов, войны и мира. Но в некоторых случаях у русских великих князей была определенная самостоятельность (отражение Александром Невским тевтонского войска, продолжение внутрикняжеских усобиц и распрей и т. д.).

Этот период русской истории с точки зрения МО важен для понимания имперской структуры, в которой Русь оказалась впервые и которую она стала воспроизводить на следующих этапах¹. Монгольская государственность оказала на русскую политическую систему огромное влияние, без учета которого трудно корректно понять дальнейшие исторические периоды разветвления политической истории Руси и, в частности, ее внешнюю политику. Здесь Русь получает монгольский опыт. Здесь же окончательно укрепляется Москва как центр будущей русской государственности².

Московская Русь

В Московскую эпоху русское Государство само становится Империей, что окончательно закрепляется в помазании на царство Ивана Четвертого. Еще в конце XV века Русская Церковь провозглашает автокефалию, а при Годунове на Руси устанавливается Патриаршество, что завершает символические моменты закрепления за Русью нового статуса. В условиях Премодерна эти символические жесты имеют огромное значение и напрямую затрагивают сферу международных отношений. Отсюда такое

¹ Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. М.: Аграф, 1999.

² Дугин А. Геополитика России.

высокое значение признания имперской роли Руси со стороны соседних держав.

Для анализа этого процесса важны методы исторической социологии, интернациональных систем и модели Английской школы, делающие упор на социализации державы в «обществе Государств». После падения Золотой Орды и захвата Константинополя турками, Московское царство выдвигается на роль нового имперского образования, которое укрепляет свои позиции в контексте Европейских и азиатских державы. После того, как Москва в XVII веке окончательно выигрывает у Польско-Литовского Королевства соревнование за статус регионального гегемона, она напрямую вступает в зону конкуренции европейских стран и оказывается вовлеченной в контекст европейской системы международных отношений, т. е. в контексте Вестфальской системы¹.

Здесь следует учесть одно обстоятельство: европейская модель Вестфальской Европы исходит из того, что субъектами международных отношений признаются суверенные национальные Государства, как теоретические концептуальные конструкты утверждающегося Модерна. Европейские Государства мыслятся как рациональные национальные структуры. И такая модель берется в международных отношениях в качестве нормативной. В терминах Бузана /Литтла это означает становление «Глобальной интернациональной системы»². Особенностью такой системы является нормативный статус нового актора: не Империи, где религия и миссия имеют важное значение, а рационально сконструированного образования, определяющегося материальным могуществом, рациональным поведением, суверенитетом и строго просчитываемыми национальными интересами. Этот норматив начинает действовать в европейской политике с середины XVII века, постепенно набирая силу и повышая свое значение в международных отношениях. Московская Русь в тот период не является «современным национальным Государством» (полноценным элементом Модерна, «Глобальной интернациональной системы»), но продолжает оставаться православной Империей (то есть элементом Премодерна, «Классической интернациональной системы»). В европейском контексте Русь видится «национальным Государством», субъективно же Москва рассматривает себя как носительница исторической (православной, вселенской) миссии (что особенно ясно видно в случае патриарха Никона и его эсхатологических теорий). Так складывается определенный зазор между тем, как европейские державы понимают русское Государство, и как оно само себя расценивает. Модерн в международных отношениях сталкивается с Премодерном.

Отсюда вытекают два очень важных момента, предопределяющих в значительной степени и все последующие этапы внешней политики России в отношении европейских держав (вплоть до настоящего времени).

1. Хотя европейские державы рассматривают русское Государство как нормативно «национальное» (суверенное, рациональное, «европейское»), они отдают себе отчет в его инаковости и в определенных случаях относят его к разряду «переходных» (между «варварством» и «цивилизацией») или даже «варварских»; только сила и мощь Москвы сдерживают европейские державы от того, чтобы признать ее суверенитет «градуаль-

¹ Дугин А. Геополитика России.

² Buzan B., Little R. International Systems in World History: Remaking the Study of International Relations.

ным» или «обусловленным»; можно сказать, что Россия видится как «недоевропейское Государство».

2. Сама Россия оказывается в состоянии расщепленного статуса: с одной стороны, со стороны Европы на нее проецируется отношение в духе Модерна, т. е. к ней извне прилагается формат «европейского национального Государства» (хотя и с вышеупомянутыми оговорками), а с другой, изнутри она осознает себя в контексте Премодерна и крепко держится за свой статус «Православной Империи».

Эти два момента создают проблемы социализации России в европейском контексте, ставят ее в особое положение среди остальных европейских держав, которые входят в Модерн решительно и необратимо, что отражается в «канонизации» Вестфальской системы и «национальных суверенитетов». Россия становится для Европы «значимым Другим», как и сама Европа для России.

На внутреннем уровне эта же дилемма проявляется в религиозно-социальной драме раскола.

Санкт-Петербургский период

Противоречие между внешним пониманием России в европейском контексте и внутренними формами исторического самосознания с особой наглядностью выразились в Петровских реформах и составили главную политическую повестку дня всего Санкт-Петербургского периода русской истории¹. Петр Первый делает решительный выбор в пользу Европы, модернизации и превращения России в современное национальное суверенное государственное образование. Эту тенденцию принято называть «русским западничеством». В области международных отношений смысл такой стратегии в приведении России в соответствие с европейскими стандартами.

Начиная с Петра, внешнюю политику России можно с большим основанием, нежели раньше, описывать в терминах реализма: расчет национальных интересов, борьба за усиление влияния, защита суверенитета, стремление получить преференции в области международной торговли и контролировать наиболее значимые маршруты сообщений (битва за Балтику и Причерноморье). XVIII–XIX века русской истории представляют собой постепенную «нормализацию» политического статуса России в общеевропейском контексте. Россия заключает союзы, вступает в коалиции, участвует в войнах и конфликтах в целом по той же схеме, что и остальные европейские державы.

Однако модернизация и западничество затрагивают преимущественно только политическую элиту. Само общество остается преимущественно архаическим и продолжает пребывать в Премодерне. Поэтому Петр и его последователи при проведении своих «модернизаторских» реформ прибегают к авторитарным методам, используют силу и принуждение. Европейские стандарты касаются верхов, основная масса населения остается в контексте традиционного общества. Все это создает сильную социально-политическую инерцию, а в XIX веке кроме того выражается в постепенном подъеме осознанного консерватизма (призывы вернуться в Премодерн), что достигает своей кульминации в движении славянофилов. Славянофилы призывают власть (Царей и политическую элиту) сойти с петровского курса и обратить

¹ Дугин А. Геополитика России.

ся к подлинно русской корневой почвенной идентичности. В международных отношениях это выражается в требовании поддержки православных народов Греции и Балкан, а также призывах к объединению славянского мира под русской эгидой. Эти моменты активно влияют на внешнюю политику, сдерживая европеизацию и придавая поведению России в Европе атипичный характер.

Консерватизм в международных отношениях отчетливо виден в последний период правления Александра Первого (заключение Священного Союза между христианскими владьками Европы) и Николая Первого. С середины XIX века эта модель, сочетавшая национальный реализм с консервативными собственно русскими ценностями, получила наиболее яркое выражение в выдающемся российском политике, министре иностранных дел с 1856 года А.М. Горчакове (1798 – 1883), ставшего, кроме всего прочего, учителем Бисмарка. Горчаков заложил теоретические основы российской внешней политики в духе *консервативного реализма*, предложив гармонизацию двух моментов, составляющих главное противоречие для внешней политики России: православная имперская цивилизационная идентичность (Премодерн) и нахождение России в европейском контексте, где закреплены нормы Вестфальской системы (Модерн). Такой реализм Горчакова предполагает, что вовне (в первую очередь в области европейской политики) Россия выступает как «суверенное национальное Государство», но внутри сохраняет свою ценностную и цивилизационную идентичность в том виде, в каком это является органичным и естественным для ее религиозной и социальной истории.

Горчаковская парадигма «консервативного реализма» в той или иной степени преобладала в российской внешней политике вплоть до 1917 года.

Революция и СССР

Падение монархии в феврале 1917 года привело к власти буржуазное Временное Правительство, которое символизировало следующий этап модернизации России. В сфере внешней политики Временное Правительство продолжило союзнические отношения с Антантой, начатые Николаем Вторым и ставшие одной из причин гибели Империи¹. При этом буржуазные реформы предполагали завершение дела Петра и превращение России в полноценное европейское национальное Государство. Несмотря на кратковременность февральского режима можно сказать, что в международных отношениях большинство его членов придерживалось реалистского подхода, пролагая, что национальные интересы буржуазной российской Республики состоят в альянсе с другими развитыми буржуазными странами (Англия, Франция, США) и в отстаивании интересов перед лицом Германии, являющейся не просто врагом, но и образованием имперского консервативного типа. Иными словами, реализм Временного Правительства вполне сочетался и с либерализмом в МО, который мог бы развиваться в этом буржуазном контексте на следующем этапе, если бы буржуазной власти удалось сохраниться и укрепиться. За 6 месяцев управления страной, однако, либеральной линии во внешней политике в полном смысле слова не сложилось и сложиться не могло.

Октябрьская революция, захват власти большевиками, привели к господству новой коммунистической марксистской идеологии, а старые модели

¹ Дугин А. Геополитика России.

внешней политики и консервативно-реалистские (монархические) и буржуазно-национальные (просто реалистские) были отброшены. В области международных отношений большевики должны были бы логически утвердить марксистскую модель в МО. На первых порах так оно и было, если не считать важнейшей детали: согласно ортодоксальному марксизму, победа пролетарской революции невозможна в одной отдельной взятой стране и ни при каких обстоятельствах не имеет шансов совершиться в неевропейском обществе со слабо развитым промышленным пролетариатом. Маркс был убежден, что в аграрной России ни о какой пролетарской революции не может быть и речи. Поэтому русским большевикам предстояло сформулировать свою собственную теорию в рамках марксизма, обосновывающую возможность революции в России. Эта теория получила название «ленинизма». Согласно ей, Россия имеет минимально необходимый уровень развития капитализма и промышленного пролетариата, а остальное может восполнить хорошо организованная и эффективно действующая революционная партия. Далее: эта партия может и должна захватить власть в России, чтобы сделать ее плацдармом неизбежной и скорой мировой революции. Иными словами, революция в отдельно взятой стране (и конкретно, в России) возможна лишь как первый этап интернациональной мировой революции, которая должна разразиться в первую очередь в Европе (в области высоко развитых капиталистических обществ с активным и многочисленным промышленным пролетариатом). Так, ленинизм обосновывал большевистскую революцию в России, захват власти и введение диктатуры пролетариата. Уже одно только это было отвергнуто большинством европейских марксистов, придерживавшихся классических марксистских взглядов. На практике Ленина поддерживали большевики и, в частности, Троцкий. Захватив власть в России, большевики ожидали революционных событий в Европе, рассматривая Москву, куда была перенесена столица Советской России, как временный штаб мировой революции. Если бы такая революция началась и закончилась успехом, ленинизм и большевизм вернулись бы в области МО к классическим марксистским схемам, сделав небольшой вираж, обусловленный исторически и ничего принципиально (кроме деталей) в них не меняющий. Так мыслил Л. Троцкий.

Но ситуация пошла по иному сценарию. Революции в Европе не состоялось, эфемерная Баварская республика закрепиться не смогла. Советская Россия, совершившая пролетарскую революцию, осталась в полном одиночестве в капиталистическом окружении. Назревало новое противоречие реального советского опыта и классического марксизма. Это противоречие выплеснулось в противостояние Л. Троцкого и И. Сталина. Можно назвать их позиции в области МО, соответственно, как «троцкизм в МО» и «сталинизм в МО».

Троцкизм в МО совместим с ленинизмом (так Троцкий оправдывал свое участие в большевистской революции), т. е. признает возможность осуществления пролетарской революции — в отдельно взятой стране, России. Но дальше должна следовать мировая революция. В противном случае произойдет изменение природы социализма в консервативно-националистическом и бюрократическом духе; вместо социализма будет построен государственный капитализм. Троцкий призывал встать на сторону мирового пролетариата немедленно и оторваться от СССР, который на глазах перерождался в бюрократическую националистическую державу. Это перерождение Троцкий и заклеил как «сталинизм».

Сталин занял противоположную позицию. Построение социализма в одной отдельно взятой стране (в Советской России) возможно, а условия для мировой революции в Европе могут быть задержаны в силу многочисленных исторических факторов. Следовательно, надо строить социализм в России и способствовать по мере возможностей мировой революции, не делая из ее задержки никаких скоропалительных выводов.

Сталинизм в МО, по сути, возвращался к реализму, но в сочетании с марксизмом. государственные интересы СССР мыслились как эквивалент классовых интересов глобального пролетариата, и наоборот: мировой рабочий класс должен поддерживать в меру возможностей советские интересы, поскольку только так можно приблизить мировую революцию.

Троцкий в противостоянии со Сталиным проиграл, эмигрировал и был убит агентом НКВД в Мексике. Политика СССР в международных отношениях стала строиться по сталинской формуле: «реализм + пролетарский интернационализм». При этом сам Сталин и его окружение пользовались этой формулой очень умело: всякий раз в интересах СССР. Мировое коммунистическое движение выполняло роль глобальной сети, работающей в интересах Москвы, но вместе с тем Москва помогала коммунистическим партиям, поддерживая их информационно (Коминформ), организационно, политически и финансово (Коминтерн).

Тем не менее мировое коммунистическое движение разделилось на две враждующие части: Третий Интернационал (ориентированный на СССР и сталинизм в МО) и Четвертый Интернационал (принимаящий логику Троцкого и сливающийся в целом с классическим марксизмом). Для Третьего Интернационала СССР был не просто национальным образованием, но оплотом мировой революции (сталинизм в МО, советский реализм). Для Четвертого Интернационала, напротив, СССР был «национал-большевистским» Государством, переродившимся в бюрократию и в своих целях эксплуатирующим марксистскую теорию.

Троцкизм в МО таким образом сближается с марксизмом в МО, а сталинизм в МО представляет собой существенную коррекцию марксизма в сторону реализма, субъектом которого становится СССР. После Великой Отечественной войны к этой схеме добавляются страны социалистического лагеря, для которых СССР является гегемоном. В системе неореализма (К. Уолтц) такая картина концептуально осмысливается как «баланс могуществ» в рамках двухполярного мира.

Сталинизм в МО с поправкой на эмпирически сложившуюся двухполярность остается той парадигмой, которая продолжает действовать и после смерти самого Сталина, и после разоблачения «культа личности» при Хрущеве.

4.2. МО в современной России

Перестройка в МО

Впервые существенному пересмотру сталинизм в МО в СССР подвергся только во второй половине 80-х годов XX века с приходом к власти СССР реформатора М. Горбачева. Повторяя логику хрущевской оттепели, Горбачев взял курс на критику Сталина и сталинизма, но в отличие от Хрущева стал сближаться с Западом и начал экономические реформы в умеренно капиталистическом ключе. На Горбачева и его окружение повлияли теории конвергенции, разрабатываемые рядом западных аналитических организа-

ций (в частности, Римским клубом), которые предполагали сближение между собой двух идеологических систем — капиталистического мира и социалистического лагеря¹. Некоторые версии теории глобализации, развиваемые неолибералами и транснационалистами, допускали сближение с СССР в создании «нового мирового порядка». Ряд американских реалистов (в частности, Г. Киссинджер) также предлагали Горбачеву пути сближения в интересах коллективной безопасности и расширения экономического и энергетического партнерства между Востоком и Западом. Все эти факторы, а также внутренний социально-политический и экономический кризис в СССР подтолкнули Горбачева к тому, чтобы пойти на сближение с США и Западной Европой. Так появилась идея «общеευропейского дома», предполагавшая тесное сотрудничество между странами Восточной и Западной Европы.

С точки зрения парадигм в МО логика действий Горбачева во внешней политике требует особого подхода. С одной стороны, Горбачев принимает решение отказаться от сталинского подхода, для которого были характерны как внимательное отношение к государственным интересам СССР в духе реализма, так и идеологическая оппозиция в отношении капиталистических стран. На этом была основана двухполярная модель. Горбачев принялся демонтировать такое положение вещей в пользу сближения с Западом. При этом не были учтены ни государственные интересы СССР, ни идеологические принципы традиционного советского антикапитализма. Горбачев сближается с капиталистическим Западом на его идеологических условиях и не настаивает на соблюдении национальных интересов России в Европе и Азии, добровольно и в одностороннем порядке отказываясь от роли одного из двух глобальных гегемонов. Тем самым Горбачев ликвидирует один из полюсов двухполярного мира, позволяя ему стать однополярным. Все эти действия более всего напоминают неолиберальную модель глобализации, основанную на принципе установления капиталистической системы в планетарном масштабе и движение в сторону создания «Мирового Правительства». Хотя сам Горбачев, говоря о «новом мышлении», не называет вещи своими именами, его шаги во внешней политике однозначно свидетельствуют о намерении ликвидировать сталинскую парадигму в пользу неолиберальной (транснационалистской) глобалистской модели. С этим связаны и процесс вывода войск из Афганистана, а также Восточной Европы, и капиталистические реформы в самом СССР, и тот факт, что Москва закрыла глаза на «бархатные революции» в странах Восточной Европы и в их переходе в капиталистический лагерь.

Горбачев, отвергая сталинизм, отбрасывает не только коммунистический взгляд на капитализм и ленинскую традицию оппонирования ему, но и реализм, связанный с рациональным подсчетом национальных интересов СССР как Государства.

Резкий скачок в сторону неолиберализма в МО приводит закономерно к катастрофическим результатам. Социалистический лагерь рушится. Восточная Европа переходит на сторону американской сверхдержавы. Сам СССР оказывается на грани распада.

МО в России 90-х годов XX века

Распад СССР, подготовленный Горбачевым, закономерно происходит, но уже после того, как его сменяет Борис Ельцин. Ельцин приходит к власти

¹ Дугин А. Геополитика России.

на волне еще более радикальных прозападных капиталистических реформ, выходящих далеко за пределы более умеренных социал-демократических преобразований Горбачева. Ельцин и его окружение младореформаторов, состоящее из ультралибералов, распускают СССР и провозглашают на месте одной из союзных Республик, РСФСР, новое Государство — Российская Федерация. И хотя это государственное образование провозглашает себя «наследником и правопреемником СССР», речь идет о новом акторе международной политики. Российская Федерация больше не только не гегемон и сверхдержава в контексте двухполярного мира, но даже и не Государство имперского типа, которым был СССР, в общих чертах повторяющий границы Российской Империи. Соответственно, вес нового Государства в международных отношениях стремительно падает, оно оказывается на периферии однополярного мира, который стал возможным именно благодаря добровольной самоликвидации СССР — в два захода, его демонтаж начат Горбачевым и закончен Ельциным.

Российская Федерация, возникшая в 1991 году в границах РСФСР, представляет собой новое политическое явление. Это более не Империя, не советское Государство с социалистической экономикой и сталинской парадигмой МО, но национальное буржуазное демократическое Государство, полностью повторяющее основные черты западных обществ. Нечто подобное в русской истории существовало только в течение крайне непродолжительного периода — с февраля по октябрь 1917 года, после чего власть перешла к большевикам. На сей раз буржуазная демократия утвердилась более основательно и продолжает существовать и в настоящее время.

После ликвидации идеологической монополии в России все разновидности буржуазных наук становятся доступными и начинают изучаться в высшей школе. С этого момента можно отсчитывать и появление в России собственно дисциплины МО в том виде, в каком она сложилась на Западе. Никаких мировоззренческих преград для этого больше нет. Было бы логично, что с этого момента в российской науке постепенно сложатся по меньшей мере два лагеря в МО — реалисты и либералы, представляющие наиболее распространенные парадигмы на Западе и точно соответствующие новым для России условиям буржуазной демократии и национального Государства. Однако ситуация складывается иначе. Неолиберализм, глобализм и транснационализм, появившиеся в эпоху Горбачева и приведшие к краху СССР, ликвидации социалистической системы, советской гегемонии и двухполярного мира в эпоху Ельцина занял ключевые позиции в обществе и стал практически единственной и доминирующей парадигмой в МО. Без дебатов, споров и обсуждений, младореформаторы из окружения Ельцина по факту утвердили либеральную и неолиберальную (глобалистскую) школы МО в качестве основы для теоретизации и практического воплощения российской внешней политики. Эта ситуация проявилась в эксклюзивной доминации западничества и прямого атлантизма, что получило выражение в «доктрине Андрея Козырева», бывшего первым министром иностранных дел новой России¹. Согласно этому подходу, у России есть только один путь — скорейшая интеграция на любых условиях в глобальный мир с параллельным добровольным постепенным отказом от национального суверенитета в обмен на допущение России к зоне высокоразвитых технологий и ми-

¹ Дугин А. Геополитика России.

рового рынка. В таком ключе и строилась внешняя политика России Ельцина в начале 1990-х годов.

При этом в области теории МО либерализм и неолиберализм также стали доминантными подходами, подаваемыми как само собой разумеющиеся точки зрения, а не как одна из двух крупных парадигм, наряду с реализмом, не говоря уже об остальных школах. Можно понять, на каком основании был отброшен марксизм (он слишком живо напоминал сталинскую парадигму) и почему не получили достаточного развития постпозитивистские теории (они требовали слишком хорошего и глубокого понимания всей дисциплины МО, а кроме того, владения постмодернистскими философскими приемами деконструкции). Но тот факт, что реализму не было отведено должного места в новой доктрине МО, и что, соответственно, не сложилось собственной российской школы реализма и неореализма, вызывает по меньшей мере недоумение. МО как научная дисциплина строилась на дебатах между реалистами и либералами, в этом состоит ее сущность. Преподавать МО без ознакомления с обеими парадигмами и, соответственно, не соотносить их с местом Российской Федерации в системе международных отношений, было просто некорректно. Тем не менее именно это и произошло. Либерализм в МО был взят за нечто само собой разумеющееся, а реализм стал рассматриваться только в исторической перспективе как один из элементов политического опыта западных стран в XX веке. Достоинно удивления, что полноценной школы российского реализма нет вплоть до сегодняшнего дня. Единственным компенсаторным моментом для такой аномалии является российская школа евразийской геополитики¹, сложившаяся в начале 1990-х годов и в целом обосновавшая ту позицию, которую должны были бы теоретически занять российские реалисты. Но все же геополитика оперирует особой и свойственной лишь ей терминологией и в полной мере реализма в МО никак собой не заменяет.

Отсутствие российской школы реализма в МО — в лице институций, академических кругов, экспертных групп, аналитиков, изданий и т. д. — является еще более странным явлением, если принять во внимание, что в середине 1990-х годов в политике Ельцина происходит перелом. Он отвергает распад России, начавшийся в Чечне, вопреки либеральным младореформаторам, которые подталкивают его к продолжению курса не десоверенизацию и, соответственно, к предоставлению чеченским сепаратистам права выхода из РФ. Это ведет к началу Первой чеченской компании. В 1996 году Ельцин назначает на пост министра иностранных дел Евгения Примакова, который придерживается ориентации на суверенитет России и в целом действует в рамках реализма. Так на уровне практической политики постепенно начинается поворот в сторону реализма. В целом реалистской можно признать «доктрину Примакова». Но при этом ситуация в теоретическом плане остается точно такой же: в МО как научной дисциплине безальтернативно преобладают либеральные, глобалистские и транснационалистские подходы, даже отдаленного намека на полноценную теорию российского реализма нет даже в самом отдаленном приближении. Практический реализм в политике появляется, но на теории МО это никак не отражается.

При этом надо подчеркнуть, что в 1990-е годы и в политике реализм отнюдь не становится преобладающим подходом. Он появляется по факту, но многие

¹ Дугин А. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. М.: Арктогея, 1997.

шаги во внешней политике (даже большинство таких шагов) по-прежнему выдержаны в либеральном ключе и ориентированы на простое встраивание в однополярную модель единоличной глобальной американской гегемонии.

Внешняя политика РФ в 2000-е годы

В период президентства В. Путина ситуация во внешней политике России меняется кардинально¹. Путин объявляет курс на укрепление суверенитета, говорит о национальных интересах России, укрепляет вертикаль политической власти, стремится укрепить роль России в международных отношениях, повысить ее влияние в примыкающей к ней зоне (в частности, на постсоветском пространстве). Во внешней политике Путин стоит на строго реалистских позициях, и на сей раз это происходит не спорадически и не фрагментарно, но отражает сущность его программы. Доктрина Путина, хотя и не сформулированная эксплицитно, представляет собой курс на укрепление суверенитета России и ее статуса как мощной и самостоятельной региональной державы. По мысли Путина, Россия есть региональный гегемон, и никак не меньше. Соответственно, отношения с Западом строятся на принципе национальных интересов. Когда Путин считает сближение с Западом (США) полезным, например, после событий 9/11 и вторжения США в Афганистан, он поддерживает его. Когда это сближение грозит ослаблением России и ведет к утрате суверенитета, он этому жестко противостоит. Такое поведение есть манера классического реалиста. Этот реализм Путина резко контрастирует с неолиберализмом Горбачева и раннего Ельцина и составляет особенность внешнеполитического стиля Путина.

Лишь в период президентства Медведева происходит некоторое отклонение от реализма в МО в пользу либерализма («перезагрузка» российско-американских отношений, поддержка резолюции Совета Безопасности ООН по интервенции в Ливию и т. д.). Но все возвращается на свои круги после возвращения Путина на президентский пост в марте 2012 года.

Однако в теоретической области МО ситуация и в этот период остается необъяснимой. Здесь либеральная парадигма продолжает доминировать, а реалистская школа так и не складывается, как не складывалась в 90-е годы XX века. Экспертное сообщество, международники, теоретики МО в России продолжают как ни в чем ни бывало оперировать почти исключительно с либеральными парадигмами, анализируют ситуацию в терминах глобализации, однополярности, транснационализма, взаимозависимости и т. д. Даже сам Путин в речах и выступлениях сплошь и рядом переходит на либеральный дискурс, когда речь заходит об «объективности глобализации» или «о принадлежности России к западной цивилизации» (чисто либеральные тезисы). Таким образом, даже после более чем 10-летнего преобладания реализма в конкретной внешней политике России и после многократно подтвержденной в деле ориентации Путина на укрепление российского суверенитета и приоритет национальных интересов, теоретического развития реализма в России не получает, а реалистской школы в МО так и не складывается. Объяснить логически такое положение дел довольно трудно, если не учитывать того, что Западу, одержавшему над СССР победу в «холодной войне», было чрезвычайно важно закрепить ее на уровне концептуальных конструкций, активно внедренных в российскую интеллектуальную элиту — через систему научных грантов, семина-

¹ Дугин А. Геополитика России.

ров, образовательных проектов и иных способов влияния. Тем более, что значение теоретического дискурса западные специалисты в МО давно признали чрезвычайно важным фактором. Не будучи способными повлиять на саму политику России, Запад постарался повлиять на процессы осмысления процессов, протекающих в области международных отношений.

Евразийский Союз и Теория Многополярного Мира

Путин в серии программных статей, опубликованных осенью 2011 года, накануне президентских выборов, провозгласил в качестве приоритета внешней политики России ориентацию на создание на постсоветском пространстве Евразийского Союза и на многополярность будущего мироустройства. Оба тезиса тесно связаны между собой, т. к. региональная интеграция является необходимым элементом для равновесной многополярности (в одиночку Россия самостоятельным полюсом многополярного мира быть не может). Такой вектор внешней политики выходит за рамки реализма, который оперирует только с национальным Государством и анархией международных отношений как нормативной глобальной средой. Поэтому евразийская интеграция и многополярность требуют иных форм концептуализации, нежели реализм или даже неореализм.

Таким образом, в вопросе концептуализации МО в современной России стоит несколько пока еще нерешенных (и, к сожалению, даже не поставленных должным образом) задач.

1. Необходимо построить непротиворечивую теорию российского реализма и неореализма, которая соотнесла бы основные принципы реалистского подхода (национальные интересы, суверенитет, Князь, решение, анархия международных отношений, баланс могуществ, гегемония и т. д.) с современной Россией и той международной ситуацией, в которой она оказалась в XXI веке.
2. Важно построить корректную концептуальную среду, в которой могла бы разворачиваться содержательная полемика между представителями российского реализма и российского либерализма; это необходимо для накопления рациональной аргументации для обеих сторон и, соответственно, для организации у российской школы МО исторического и аналитического контента.
3. Желательно тщательно изучить постпозитивистские теории и школы в МО, чтобы открыть возможность для российских специалистов полноценно участвовать в процессе становления этой дисциплины, а также корректно понимать разворачивающиеся сегодня в этой сфере дебаты (третья волна) и, соответственно, корректно интерпретировать тексты, доклады и тезисы международных симпозиумов и конференций.
4. Требуется разработать в общих чертах концепцию евразийской интеграции¹ и Теорию Многополярного Мира, которые в настоящее время отсутствуют и среди основных направлений и парадигм в МО; без этой теории России будет трудно обосновать свой взгляд на будущее и занять достойное место среди других влиятельных и сильных мировых держав, что является эксплицитной задачей современной российской власти.

Четвертой задаче и посвящен последний заключительный раздел данной книги.

¹ Дугин А. Проект «Евразия». М.: Яуза, 2004.

5.1. Введение: многополярность – определение понятия и разграничение смыслов

Первые подходы к разработке ТММ

С чисто научной точки зрения, полноценной и законченной Теории Многополярного Мира (ТММ) ¹ на сегодняшний день не существует. Ее нельзя отыскать среди классических теорий и парадигм Международных Отношений (МО) ². Тщетно мы будем перебирать и новейшие постпозитивистские теории. Не до конца она разработана и в самой гибкой и синтетической области — в сфере геополитических исследований, сплошь и рядом откровенно осмысляющей то, что в Международных Отношениях остается за кадром или трактуется слишком пристрастно.

Тем не менее все больше трудов, посвященных внешней политике, мировой политике, геополитике и собственно Международным Отношениям, посвящается теме многополярности. Все большее число авторов пытается осмыслить и описать многополярность как модель, явление, прецедент или возможность.

Тематики многополярности так или иначе касались в своих работах специалист в МО Дэвид Кампф (в статье «Появление многополярного мира»³), историк Йельского Университета Пол Кеннеди (в книге «Взлет и падение великих держав» ⁴), геополитик Дэйл Уолтон (в книге «Геополитика и великие державы в XXI веке. Многополярность и революция в стратегической перспективе»⁵), американский политолог Дилип Хиро (в книге «После импе-

¹ Здесь и далее мы будем использовать аббревиатуру ТММ для обозначения Теории Многополярного Мира.

² Выражение Международные Отношения (МО) мы пишем с большой буквы или в сокращении МО в том случае, если речь идет об особой политологической дисциплине «Международные Отношения», академическая институционализация которой насчитывает около 100 лет. В англоязычной среде этому соответствует International Relations (IR). С маленькой буквы это словосочетание («международные отношения») мы будем писать в тех случаях, когда речь идет собственно об этих отношениях, а не о дисциплине, которая их исследует.

³ *Kampf David*. The Emergence of a Multipolar World. // Foreign Policy. Oct. 20, 2009. <http://foreignpolicyblogs.com/2009/10/20/the-emergence-of-a-multipolar-world/>

⁴ *Kennedy Paul*. The Rise and Fall of the Great Powers. Unwin Hyman, 1988.

⁵ *Walton Dale C*. Geopolitic and the great Powers in the Twenty-first Century. Multipolarity and the revolution in the strategic perspective. L;NY:Routledge, 2007.

рии. Рождение многополярного мира»¹) и другие. Ближе всего, на наш взгляд, к понимаю сущности многополярности подошел британский специалист в МО Фабио Петито, попытавшийся построить серьезную и обоснованную альтернативу однополярному миру на основе правовых и философских концептов К. Шмитта².

Неоднократно упоминают «многополярное мироустройство» в своих речах и текстах политические деятели и влиятельные журналисты. Так, госсекретарь Мадден Олбрайт, вначале называвшая Соединенные Штаты «незаменимой нацией», 2 февраля 2000 г. заявила, то США не хотят «установления и обеспечения соблюдения» однополярного мира и что экономическая интеграция уже создала «*определенный мир, который можно даже назвать многополярным*». 26 января 2007 г. в редакторской колонке «New York Times» прямо говорилось о «*появлении многополярного мира*» вместе с Китаем, который «занимает отныне параллельное место за столом с другими центрами силы, такими как Брюссель или Токио». 20 ноября 2008 г. В Докладе «Глобальные тенденции 2025» Национального совета по разведке США указано, что появление «*глобальной многополярной системы*» следует ожидать в течение двух десятилетий.

С 2009 г. президента США Барака Обаму многие рассматривали как провозвестника «эры многополярности», полагая, что он будет уделять в американской внешней политике приоритет растущим центрам силы, таким как Бразилия, Китай, Индия и Россия. 22 июля 2009 г. вице-президент Джозеф Байден во время посещения Украины заявил: «мы пытаемся построить многополярный мир».

И тем не менее во всех этих книгах, статьях и заявлениях не содержится ни точного определения, что такое многополярный мир (ММ), ни тем более какой-то стройной и непротиворечивой теории его построения (ТММ). Чаще всего, обращение к «многополярности» подразумевает лишь указание на то, что в настоящее время в процессе глобализации у бесспорного центра и ядра современного мира (США, Европы, и шире, «глобального Запада») на горизонте появляются определенные конкуренты — бурно развивающиеся или просто могущественные региональные державы и блоки держав, принадлежащие ко «Второму» миру. Сравнение потенциалов США и Европы, с одной стороны, и растущих новых центров силы (Китай, Индия, Россия, страны Латинской Америки и т. д.), с другой, все больше убеждает в относительности традиционного превосходства Запада и ставит новые вопросы относительно логики дальнейших процессов, предопределяющих глобальную архитектуру сил в планетарном масштабе — в политике, экономике, энергетике, демографии, культуре и т. д.

Все эти замечания и наблюдения чрезвычайно важны для построения Теории Многополярного Мира, но отнюдь не восполняют собой ее отсутствия. Их следует учитывать при построении такой теории, однако, стоит заметить, что они носят фрагментарный и обрывочный характер, не поднимаясь даже на уровень первичных теоретических концептуальных обобщений.

И там не менее обращение к многополярному мироустройству все чаще можно услышать на официальных саммитах, международных конференци-

¹ *Hiro Dilip*. After Empire. The birth of a multipolar world. NY: Nation books, 2009.

² *Petito Fabio*. Dialogue of Civilizations as Global Political Discourse: Some Theoretical Reflections // The Bulletin of the World Public Forum 'Dialogue of Civilizations'. Vol. 1. No. 2, 21 — 29. 2004.

ях и конгрессах. Ссылки на многополярность наличествуют в целом ряде важных межправительственных соглашений¹ и в текстах концепций Национальной безопасности и оборонной стратегии ряда влиятельных и могущественных стран (Китай, Россия, Иран, отчасти, Евросоюз). Поэтому сегодня как никогда актуально сделать шаг к тому, чтобы начать полноценную разработку теории многополярного мира в соответствии с базовыми требованиями академического научного подхода.

Многополярность не совпадает с национальной моделью организации мира по логике Вестфальской системы

Прежде чем приступить к построению Теории Многополярного Мира (ТММ) вплотную, следует строго разграничить исследуемую концептуальную зону. Для этого рассмотрим основные понятия и определим те формы глобального мироустройства, которые точно не являются многополярными и, соответственно, по отношению к которым многополярность является альтернативой.

Начнем с Вестфальской системы, признающей абсолютный суверенитет за Государством нацией и строящей на этом основании все правовое поле Международных Отношений. Эта система, сложившаяся после 1648 года (окончания 30-летней войны в Европе), прошла несколько стадий своего становления и в той или иной степени соответствовала объективной реальности до конца Второй мировой войны. Эта система родилась из отвержения претензий средневековых Империй на универсализм и «божественную миссию», соответствовала буржуазным реформам в европейских обществах и основывалась на положении, что высшим суверенитетом обладает лишь национальное Государство, и вне его нет никакой другой инстанции, которая имела бы юридическое право вмешиваться во внутреннюю политику этого Государства — какими бы целями и миссиями (религиозными, политическими или иными) она ни руководствовалась. С середины XVII века по середину XX этот принцип предопределял европейскую политику и, соответственно, переносился с определенными поправками и на страны остального мира.

Вестфальская система изначально относилась только к европейским державам, а их колонии считались лишь их *продолжением*, не обладающим достаточным политическим и экономическим потенциалом для того, чтобы претендовать на самостоятельную суверенность. С начала XX века в ходе деколонизации тот же самый Вестфальский принцип был распространен и на бывшие колонии.

Эта Вестфальская модель предполагает *юридически полное равенство* между собой всех суверенных Государств. В такой модели в мире есть столько полюсов принятия внешнеполитических решений, сколько *суверенных Государств*. Это правило (по умолчанию) по инерции действует до сих пор, и на нем строится все международное право.

Но на практике, конечно же, между различными суверенными Государствами существует *неравенство* и иерархическая соподчиненность. В Первой и Второй мировых войнах распределение сил между самыми крупными мировыми державами вылилось в противостояние отдельных блоков, где решения принимались в той стране, которая была самой могущественной среди союзников. По результатам Второй мировой войны вследствие пораже-

¹ См. Раздел 2 этой работы.

ния нацистской Германии и стран Оси в глобальной системе сложилась двухполярная схема международных отношений, называемая Ялтинской. De jure международное право продолжало признавать абсолютный суверенитет любого национального Государства. De facto же основные решения, касающиеся центральных вопросов миропорядка и глобальной политики, принимались *только в двух центрах* — в Вашингтоне и в Москве.

Многополярный мир отличается от классической Вестфальской системы тем, что не признает за отдельным национальным Государством, юридически и формально суверенным, *статуса полноценного полюса*. А значит, количество полюсов многополярного мира должно быть существенно меньше, чем количество признанных (и тем более, непризнанных) национальных Государств. Подавляющее большинство этих Государств не способно сегодня в одиночку обеспечить ни своей безопасности, ни своего процветания перед лицом теоретически возможного конфликта с гегемоном (в роли которого в нашем мире однозначно выступают США). А следовательно, они являются политически и экономически *зависимыми* от внешней инстанции. Будучи зависимыми, они не могут быть центрами по настоящему *самостоятельной и суверенной воли* в глобальных вопросах миропорядка.

Многополярность не есть такая система международных отношений, которая настаивает на том, чтобы *юридическое* равноправие национальных Государств рассматривалось как *фактическое* положение дел. Это лишь фасад совершенно иной картины мира, основанной на реальном, а не номинальном балансе сил и стратегических потенциалов. Многополярность оперирует с тем положением дел, который существует не столько de jure, сколько de facto, и отталкивается от констатации *принципиального неравенства* между собой национальных Государств в современной и эмпирически фиксируемой мира. Более того, структура этого неравенства такова, что второстепенные и третьестепенные державы не способны отстоять свой суверенитет перед лицом возможного внешнего вызова со стороны гегемонистской державы, ни в какой преходящей блоковой конфигурации. А значит, этот суверенитет является сегодня *юридической фикцией*.

Многополярность не является двухполярностью

После Второй мировой войны в мире сложилась двухполюсная система, называемая также Ялтинской. Формально она продолжала настаивать на признании абсолютного суверенитета всех Государств, и по этому принципу была организована ООН, продолжающая дело Лиги Наций. Однако на практике в мире возникло *два* центра глобального принятия решений — США и СССР. США и СССР представляли собой две альтернативные политэкономические системы: соответственно, глобальный капитализм и глобальный социализм, поэтому стратегическая двухполярность опиралась на идеологический, мировоззренческий дуализм — либерализм против марксизма.

Двухполюсный мир основывался на экономическом и военно-стратегическом *паритете* США и СССР, на симметричной сопоставимости потенциала каждого из противоборствующих лагерей. И в то же время, ни у одной другой страны, относящейся к тому или иному лагерю, не было совокупного могущества, даже отдаленно сравнимого с могуществом Москвы или Вашингтона. Следовательно, в глобальном масштабе существовало *два гегемона*, которые были окружены констелляцией союзных (полуассальных в стратегическом смысле) стран. В такой модели национальный суверенитет

стран, формально признаваемый, постепенно утрачивал свое значение. В первую очередь, любая страна зависела от глобальной политики того гегемона, к зоне влияния которого она относилась. Поэтому она не была самостоятельна, и региональные конфликты (как правило, развертывающиеся в зоне Третьего мира) быстро перерастали в *противостояние двух сверхдержав*, стремящихся перераспределить баланс планетарного влияния на «спорных территориях». Этим объясняются конфликты в Корее, Вьетнаме, Анголе, Афганистане и т. д.

В двухполюсном мире существовала и *третья сила* — Движение Неприсоединения. Оно включала в себя некоторые страны Третьего мира, отказывавшиеся делать однозначный выбор в пользу либо капитализма, либо социализма, и предпочитавшие лавировать между глобальными антагонистическими интересами США и СССР. До определенной степени некоторым это удавалось, но сама возможность неприсоединения предполагала наличие именно двух полюсов, которые в той или иной степени уравнивали друг друга. При этом сами «неприсоединившиеся страны» ни в коей мере не способны были создать «третий полюс», уступая по основным параметрам сверхдержавам, будучи разрозненными и не консолидированными между собой, не объединенными никакой общей социально-экономической платформой. Весь мир делился на капиталистический Запад (первый мир, the West), социалистический Восток (второй мир) и на «всех остальных» (the Rest, Третий мир), причем «все остальные» представляли собой во всех смыслах *мировую периферию*, где периодически сталкивались между собой интересы сверхдержав. Между самими сверхдержавами в силу паритета конфликт был почти исключен (в силу гарантированного взаимоуничтожения друг друга с помощью ядерного оружия). Преимущественной зоной для частичного пересмотра баланса сил служили страны периферии (Азии, Африки, Латинской Америки).

После краха одного из двух полюсов (распада СССР в 1991 году) эта двухполярная система рухнула. Это создало предпосылки для появления альтернативного мироустройства. Многие аналитики и специалисты в МО справедливо заговорили о «конце Ялтинской системы»¹. Признавая *de jure* суверенитет, *de facto* Ялтинский мир строился на принципе баланса двух симметричных и относительно равновесных гегемоний. С уходом с исторической арены одной из гегемоний, вся система прекратила свое существование. Пришло время *однополярного* мироустройства или «однополярного момента»².

Многополярный мир не является двухполярным миром (таким, как мы его знали во второй половине XX века), т. к. *сегодня в мире не существует ни одной державы, способной в одиночку стратегически противостоять мощи США и стран НАТО*, а кроме того, нет ни одной обобщающей и внятной идеологии, способной сплотить значительную часть человечества в жестком идейном противостоянии идеологии либеральной демократии, капитализма и «прав человека», на которой основывается новая, на сей раз *единоличная* гегемония США. Ни современная Россия, ни Китай, ни Индия, ни какое-то еще Государство, *не может претендовать в данных условиях в одиночку на статус второго полюса*. Восстановление двухполярности не-

¹ *Safire William*. The End of Yalta // New York Times. July 09, 1997.

² *Krauthammer Ch*. The Unipolar Moment // Foreign Affairs. 1990 / 1991 Winter. Vol. 70, No 1. С. 23–33.

возможно ни по идеологическим соображениям (конец широкой притягательности марксизма), ни по стратегическому потенциалу и накопленным военно-техническим ресурсам (США и страны НАТО за последние 30 лет вырвались вперед настолько, что симметричная конкуренция с ними в военно-стратегической, экономической и технической сферах не под силу ни одной стране).

Многополярность несовместима с однополюсным миром

Распад СССР означал одновременно исчезновение и мощной симметричной сверхдержавы и целого гигантского идеологического лагеря. Это был *конец одной из двух глобальных гегемоний*. Вся структура миропорядка с этого момента необратимо и качественно изменилась. При этом оставшийся полюс — во главе с США и на основе либерально-демократической капиталистической идеологии — сохранился как явление и продолжил расширение своей социально-политической системы (демократии, рынка, идеологии прав человека) в глобальном масштабе. Это и называется *однополярным миром*, однополюсным мироустройством. В таком мире существует *единственный центр притяжения решений по основным глобальным вопросам*. Запад и его ядро, евро-атлантическое сообщество во главе с США, оказались в роли единственной оставшейся в наличии *гегемонии*. Все пространство планеты в таких условиях представляет собой тройное районирование (подробно описанное в неомарксистской теории И. Валлерстайна¹):

- зона ядра («богатый Север», «центр»);
- зона мировой периферии («бедный Юг», «периферия»);
- промежуточная зона («полупериферия», к которой относятся активно развивающиеся по пути капитализма крупные страны: Китай, Индия, Бразилия, некоторые страны тихоокеанского региона, а также по инерции сохраняющая значительный стратегический, экономический и энергетический потенциал Россия).

Однополярный мир в 1990-е годы казался окончательно устоявшейся реальностью, и некоторые американские аналитики провозгласили на этом основании тезис о «конец истории»² (Ф. Фукуяма). Этот тезис означал, что мир становится полностью *однородным* идеологически, политически, экономически и социально, и отныне все процессы, в нем протекающие, будут представлять собой не историческую драму, основанную на борьбе идей и интересов, но экономическую (и относительно мирную) конкуренцию хозяйствующих субъектов — аналогичную тому, как строится внутренняя политика свободных демократических либеральных режимов. Демократия становится глобальной. На планете есть только Запад и его окрестности, т. е. те страны, которые постепенно в него интегрируются.

Наиболее четкое оформление теории однополярности предложили американские неоконсерваторы, которые подчеркивали роль США в новом глобальном мироустройстве, подчас открыто провозглашая США — «новой Империей» (Р. Каплан³), «благой глобальной гегемонией» (У. Кристал, Р. Кэй-

¹ Wallerstein I. Geopolitics and geoculture: essays on the changing world-system. Cambridge: Press Syndicate, 1991.

² Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ, 2004

³ Kaplan R.D. Imperial Grunts: On the Ground with the American Military, from Mongolia to the Philippines to Iraq and Beyond. NY: Vintage, 2006.

ган¹) и предвидя наступление «американского века» (Project for New American Century²). У неоконсерваторов однополярность приобрела теоретическое обоснование. Будущее мироустройство виделось как американоцентричная конструкция, где в ядре располагаются США в роли глобального арбитра и воплощения принципов «свободы и демократии», и вокруг этого центра структурируется констелляция остальных стран, воспроизводящих американскую модель с разной степенью точности. Они различаются по географии и по степени схождения с США:

- ближний круг — страны Европы и Японии;
- далее бурно развивающиеся либеральные страны Азии;
- затем все остальные.

Все пояса, расположенные вокруг «глобальной Америки» на разных орбитах, включены в процесс «демократизации» и «американизации». Распространение американских ценностей идет параллельно с реализацией практических американских интересов и расширением зоны прямого американского контроля в глобальном масштабе.

На стратегическом уровне однополярность выражается в центральной роли США в блоке НАТО, и далее, в асимметричном превосходстве совокупного военного потенциала стран НАТО над всеми остальными державами мира. Параллельно этому Запад превосходит другие незападные страны в экономическом потенциале, уровне развития высоких технологий и т. д. И самое главное: *именно Запад является той матрицей, где исторически сложилась и утвердилась система ценностей и норм, которые сегодня рассматриваются как универсальный эталон для всех остальных стран мира.* Это можно назвать *глобальной интеллектуальной гегемонией*, которая, с одной стороны, обслуживает техническую инфраструктуру глобального контроля, а с другой — стоит в центре доминирующей планетарной парадигмы. Материальная гегемония идет рука об руку с гегемонией духовной, интеллектуальной, когнитивной, культурной, информационной.

В принципе, американская политическая элита руководствуется именно таким осознанно гегемонистским подходом, однако, отчетливо и прозрачно об этом говорят неоконсерваторы, тогда как представители иных политических и идейных течений предпочитают более обтекаемые выражения. Даже критики однополярного мира в самих США не ставят под сомнение принцип «универсальности» американских ценностей и стремление к тому, чтобы утвердить их на глобальном уровне. Возражения сосредоточены в сфере того, насколько такой проект реалистичен в среднесрочной и долгосрочной перспективе и сможет ли США в одиночку нести бремя глобальной мировой империи. Проблемы на пути такой прямой и открытой американской доминации, казавшейся свершившимся фактом в 1990-е годы, привели некоторых американских аналитиков (того же Ч. Краутхаммера, который и ввел это понятие) к тому, чтобы говорить о конце «однополярного момента»³.

Но несмотря ни на что, именно *однополярность* в тех или иных — явных или завуалированных — формах, является той моделью мироустройства, ко-

¹ Fukuyama Francis. «After Neoconservatism» // The New York Times Magazine. 2006 — 02 — 19.

² <http://www.newamericancentury.org/>

³ Krauthammer Charles. The Unipolar Moment Revisited // National Interest. Volume 70. pages 5 — 17. Winter 2002.

торая стала *реальностью* после 1991 года и остается таковой вплоть до сегодняшнего дня.

Однополярность на практике соседствует с номинальным сохранением Вестфальской системы и с инерционными остатками двухполярного мира

De jure по прежнему признается суверенитет всех национальных Государств, а Совет Безопасности ООН отчасти все еще отражает баланс сил, соответствующий реалиям «холодной войны». Соответственно, американская однополярная гегемония de facto наличествует одновременно с рядом международных институтов, выражающих баланс сил иных эпох и циклов в истории международных отношений. Противоречия между положением дел de facto и de jure постоянно напоминают о себе — в частности, в актах прямой интернации США или западных коалиций в суверенные Государства (подчас в обход ветирования подобных действий Советом Безопасности ООН). В таких случаях как вторжение войск США в Ирак в 2003 г. мы видим пример и одностороннего нарушения принципа суверенитета независимого Государства (игнорирование Вестфальской модели), и отказ учитывать позицию России (В. Путина) в Совете Безопасности ООН, и даже невнимание Вашингтона к протестам европейских партнеров по НАТО (Франции Ж. Ширака и Германии Г. Шредера).

Наиболее последовательные сторонники однополярности (например, республиканец Дж. Маккейн) настаивают на приведении международного порядка к соответствию с реальным балансом сил. Они предлагают создание — вместо ООН — иной модели — «Лиги Демократий»¹, в которой доминирующие позиции США, т. е. однополярность, были бы закреплены *юридически*. Такой проект юридического оформления в структуре международных отношений пост-Ялтинской американской гегемонии, легализация однополярного мира и гегемонистского статуса «американской империи» — одно из возможных направлений эволюции мировой политической системы.

Совершенно очевидно, что многополярное мироустройство не просто отличается от однополярного, но представляет собой его *прямую антитезу*. Однополярность предполагает *одну* гегемонию и один центр принятия решений, многополярность настаивает на *нескольких центрах*, при том, что ни один из них не обладает исключительным правом и призван учитывать позиции других. *Многополярность, таким образом, есть прямая логическая альтернатива однополярности*. Между ними не может быть компромисса: по законам логики — *либо мир является однополярным, либо многополярным*. При этом важно не то, как юридически оформлена та или иная модель, а какой она является de facto. В эпоху «холодной войны» дипломаты и политики неохотно признавали «двухполярность», которая, тем не менее, была очевидным фактом. Поэтому следует разделять дипломатический язык и конкретную реальность. Однополярный мир — это *фактическое* устройство миропорядка на сегодняшний день. Можно лишь спорить о том, хорошо это или плохо, является ли это рассветом такой системы или, напротив, закатом, продлится ли это долго или, напротив, быстро закончится. Но факт остается фактом. *Мы живем в однополярном мире*. Однополярный момент

¹ *McCain John. America must be a good role model //Financial Times. March. 18. 2008.*

все еще длится (хотя некоторые аналитики убеждены, что уже подходит к концу).

Многополярный мир не является бесполярным

Американские критики жесткой однополярности и особенно идеологические конкуренты неоконсерваторов, сосредоточенные в «Совете Международных Отношений» (Council on Foreign Relations), предложили другой термин вместо однополярности — *бесполярность* (non-polarity)¹. Этот концепт строится на том, что процессы глобализации будут разворачиваться и дальше, и западная модель мироустройства станет расширять свое присутствие среди всех стран и народов земли. Таким образом, интеллектуальная и ценностная гегемония Запада продолжится. Глобальный мир будет миром либерализма, демократии, свободного рынка и прав человека. Но роль США как *национальной державы* и флагамена глобализации будет, согласно сторонникам этой теории, сокращаться. Вместо прямой американской гегемонии начнет складываться модель «мирового правительства», в котором примут участие представители разных стран, солидарных с общими ценностями и двигающихся к установлению единого социально-политического и экономического пространства на территории всей планеты. Снова мы имеем здесь дело с аналогом «конца истории» Ф. Фукуямы, только описанным в иных терминах.

Бесполярный мир будет основан на кооперации демократических (по умолчанию) стран. Но постепенно в процесс становления должны включаться и негосударственные акторы — НПО, общественные движения, отдельные группы граждан, сетевые сообщества и т. д.

Основной практикой в строительстве бесполярного мира является распыление уровня принятия решений от одной инстанции (сегодня это Вашингтон) к многим инстанциям более низкого уровня — вплоть до планетарных референдумов в онлайн режиме по поводу важнейших событий и действий всего человечества. Экономика вытеснит политику, а рыночная конкуренция сметет все таможенные страновые барьеры. Безопасность превратится из дела Государств в дело самих граждан. Наступит эра *глобальной демократии*.

Эта теория в основных чертах совпадает с теорией глобализации и представляется как этап, который должен прийти на смену однополярному миру. Но только при том условии, что продвигаемая сегодня США и странами Запада социально-политическая, ценностная, технологическая и экономическая модель (либеральная демократия) станет *универсальным явлением*, и необходимость в жесткой защите демократических и либеральных идеалов в лице самих США отпадет — все режимы, сопротивляющиеся Западу, демократизации и американизации к моменту наступления бесполярного мира окажутся ликвидированы. Элита же всех стран должна стать однородной, капиталистической, либеральной и демократической — одним словом, «западной», независимо от того, каким будет ее историческое, географическое, религиозное и национальное происхождение.

Проект бесполярного мира поддерживает целый ряд очень влиятельных политических и финансовых групп — от Ротшильдов до Дж. Сороса и его фондов.

¹ Haass Richard N. The Age of Nonpolarity. What Will Follow U.S. Dominance // Foreign Affairs. May / June 2008.

Этот проект бесполярного мира обращен в будущее. Он мыслится как та глобальная формация, которая должна *прийти на смену* однополярности; как то, что за ней последует. Это не столько альтернатива, сколько *продолжение*. И это продолжение станет возможным только по мере того, как центр тяжести в обществе будет перемещаться от сегодняшнего сочетания альянса двух уровней гегемонии — *материальной* (американский ВПК, западные экономика и ресурсы) и *духовной* (нормативы, процедуры, ценности) — к *чисто интеллектуальной гегемонии*, а значение материальной доминанции будет постепенно сокращаться. Это и есть *глобальное информационное общество*, где основные процессы властвования станут разворачиваться в сфере разума, через управление над умами, контроль над сознанием, программированием виртуального мира.

Многополярный мир никак не сочетается с проектом мира бесполярного, т. к. не принимает ни обоснованности однополярного момента в качестве прелюдии к будущему миропорядку, ни интеллектуальной гегемонии Запада, ни универсальности его ценностей, ни распыления уровня принятия решений на планетарное множество без учета их культурной и цивилизационной принадлежности. Бесполярный мир предполагает, что американская модель плавильного котла будет распространена на весь мир. В результате этого окажутся стертыми все различия между народами и культурами, и индивидуализированное, атомарное человечество превратится в космополитическое «гражданское общество» без границ. Многополярность же считает, что центры принятия решения должны остаться на достаточно высоком уровне (но не в одной инстанции — как это имеет место быть сегодня в условиях однополярного мира), а культурные особенности каждой конкретной цивилизации — сохраняться и укрепляться (а не растворяться в едином космополитическом множестве).

Многополярность не есть многосторонность

Еще одной моделью миропорядка, несколько дистанцирующейся от прямой американской гегемонии, является *многосторонний мир* (multilateralism). Эта концепция очень распространена в США в Демократической партии, именно ее формально придерживается во внешней политике Администрация президента Б. Обамы. В контексте американских внешнеполитических дебатов этот подход противопоставляется однополярности, на которой настаивают неоконсерваторы.

Многосторонность (multilateralism) означает на практике то, что США не должны действовать в области международных отношений, целиком и полностью полагаясь только на собственные силы и ставя всех своих союзников и «вассалов» в приказной манере перед фактом. Вместо этого Вашингтон должен учитывать позиции партнеров, убеждать и аргументировать свои решения в диалоге с ними, привлекать их на свою сторону с помощью рациональных доводов и, подчас, компромиссных предложений. США в такой ситуации должны быть «первыми среди равных», а не «диктатором среди подчиненных». Это накладывает на внешнюю политику США определенные обязательства перед союзниками по глобальной политике и требует подчинения общей стратегии. Эта общая стратегия в данном случае есть *стратегия Запада по установлению глобальной демократии, рынка и имплементации идеологии прав человека в планетарном масштабе*. Но в этом процессе, США, будучи флагманом, не должны прямо отождествлять свои

национальные интересы с «универсальными» ценностями западной цивилизации, от имени которой они выступают. В определенных случаях предпочтительней действовать в коалиции, а иногда даже идти партнерам на уступки.

Многосторонность отличается от однополярности тем, что акцент здесь ставится на Западе в целом, и особенно, на его «ценностной» (то есть «нормативной») составляющей. В этом апологеты многостороннего подхода сближаются с теми, кто выступают за бесполярный мир. Между многосторонностью и бесполярностью различие состоит только в том, что многосторонность ставит акцент на координацию между собой демократических западных стран, а бесполярность включает в качестве акторов и *негосударственные* инстанции — НПО, сети, общественные движения и т. д.

Показательно, что на практике многосторонность политики Обамы, неоднократно озвученная им самим и госсекретарем США Хилари Клинтон, немногим отличается от прямого и прозрачного империализма эпохи Джорджа Буша младшего, при котором доминировали неоконсерваторы. Военные интервенции США продолжились (Ливия), американские войска сохраняли свое присутствие в оккупированных Афганистане и Ираке.

Многополярный мир не совпадает с многосторонним миропорядком, т. к. не согласен с универсализмом западных ценностей и не признает правомочность стран «богатого Севера» — ни в одиночку, ни коллективно — на то, чтобы действовать от лица всего человечества и выступать в качестве (пусть составного), но единственного центра принятия решений по основным наиболее значимым вопросам.

Резюме

Разграничение значения понятия «многополярный мир» с цепочкой рядоположенных или альтернативных терминов очерчивает то смысловое поле, в котором нам предстоит в дальнейшем строить теорию многополярности. До этого момента мы говорили только о том, чем *не является* многополярное мироустройство, сами отрицания и различия позволяют нам по контрасту выделить ряд конституирующих и вполне *положительных* характеристик.

Если обобщить эту вторую положительную часть, вытекающую из серии проведенных разграничений, получаем приблизительно такую картину.

1. Многополярный мир представляет собой *радикальную альтернативу однополярному миру* (существующему по факту в нынешней ситуации) в том, что настаивает на наличии *нескольких* независимых и суверенных центров принятия глобальных стратегических решений на планетарном уровне.
2. Эти центры должны быть достаточно оснащены и независимы *материально*, чтобы иметь возможность на материальном уровне отстоять свой суверенитет перед лицом прямого вторжения вероятного противника, в качестве образца которого следует брать максимально могущественную на сегодняшний день силу. Это требование сводится к возможности *противостоять материальной и военно-стратегической гегемонии США и стран НАТО*.
3. Эти центры принятия решений не обязаны признавать в качестве *sine qua non* универсализм западных нормативов и ценностей (демократия,

либерализм, свободный рынок, парламентаризм, права человека, индивидуализм, космополитизм и т. д.) и могут быть полностью независимы от духовной гегемонии Запада.

4. Многополярный мир не предполагает возврата к двухполюсной системе, т. к. сегодня ни стратегически, ни идеологически не существует какой-то одной силы, способной в одиночку противостоять материальной и духовной гегемонии современного Запада и его флагмана — США. Полюсов в многополярном мире должно быть больше, чем два.
5. Многополярный мир не рассматривает всерьез суверенитет существующих национальных Государств, пока он декларируется на чисто юридическом уровне и не подтвержден наличием достаточного силового, стратегического, экономического и политического потенциала. Чтобы быть суверенным субъектом в XXI веке, национального Государства более не достаточно. Реальным суверенитетом может обладать в таких условиях только совокупность, коалиция Государств. Вестфальская система, продолжающая существовать *de jure*, не отражает более реалий системы международных отношений и требует пересмотра.
6. Многополярность несводима ни к бесполярности, ни к многосторонности, т. к. не помещает центр принятия решений (полюс) ни в инстанцию мирового правительства, ни в клуб США и их демократических союзников («глобальный Запад»), ни на подгосударственный уровень сетей, НПО и иных инстанций гражданского общества. Полюс должен локализовываться *где-то еще*.

Эти шесть пунктов задают камертон дальнейшим разработкам и концентрированно воплощают в себе основные черты многополярности. Однако это описание, хотя и существенно продвигает нас в понимании сути многополярности, еще не достаточно, чтобы претендовать на теорию. Это — первоначальный вывод, с которого полноценное теоретизирование только начинается.

На сегодняшний день ни в одной из наличествующих парадигм нет готовой Теории Многополярного Мира, и более того, в существующем контексте места для такой теории не зарезервировано. Долгое время область МО считалась «американской наукой», т. к. развивалась преимущественно в США. Но в последние десятилетия ее изучение получило более широкое распространение в научных заведениях и институтах всего мира. Однако до сих пор эта дисциплина носит на себе явный отпечаток западоцентричности. Она была разработана в западных странах в эпоху Модерна и сохраняет историческую и географическую связь с тем контекстом, в котором она возникла изначально, и где проходило ее становление. Это выражается, в частности, и в главной оси дебатов, вокруг которых складывалась МО как дисциплина (реалисты vs либералы), что отражало специфику основных забот и проблем собственно американской внешней политики (повторяя в чем-то классический для США спор изоляционистов и экспансионистов).

На последнем этапе, и особенно в среде постпозитивистских подходов, явно проявилась тенденция к релятивизации американоцентризма (западоцентризма в целом), отчетливо дали о себе знать импульсы к демократизации теорий и методов, к расширению критериев, к более равномерному распределению акторов МО и более внимательному («густому») анализу их семантических структур и идентичностей. Это — шаг в сторону релятивизации западной эпистемологической гегемонии. Но до настоящего времени

даже критика западной гегемонии строилась по законам самой гегемонии. Так, типично западные концепты демократии и демократизации, свободы и равенства переносятся на незападные общества и иногда даже противопоставляются Западу, как будто эти концепты представляют собой «нечто универсальное»¹. Если противостояние Западу идет под знаменами универсализма западных ценностей, такое противостояние обречено на то, чтобы остаться стерильным.

Поэтому для того, чтобы выйти за границы западоцентричной цивилизации, необходимо встать на дистанцию в отношении всех ее теоретических концептов и методологических стратегий — даже тех, которые содержат критику самого Запада. По-настоящему альтернативная модель МО и, соответственно, структура миропорядка может сложиться только в оппозиции ко всему спектру западных теорий в МО — в первую очередь, позитивистских, но отчасти и постпозитивистских.

Отсутствие среди рассмотренных нами теорий МО Теории Многополярного Мира (ТММ) оказывается не досадной случайностью или небрежением, но вполне закономерным фактом: ее в этом контексте, так или иначе закодированном установками западной когнитивной (эпистемологической) гегемонии, просто не может быть.

Тем не менее теоретически она вполне может быть построена. И учет широкой панорамы существующих теорий МО только поможет ее корректно сформулировать.

Если мы всерьез приступим к построению такой теории и изначально зайдем дистанцию по отношению к когнитивной гегемонии Запада в сфере МО, т. е., если мы поставим под вопрос существующий спектр теорий МО в качестве аксиоматической базы, то на втором уровне мы вполне можем заимствовать из этой сферы отдельные составляющие, всякий раз подробно оговаривая на каких условиях и в каком контексте мы это осуществляем. Ни одна из существующих теорий МО, строго говоря, не релевантна для построения Теории Многополярного Мира. Но многие из них содержат в себе элементы, которые, напротив, вполне можно при определенных условиях в ТММ интегрировать.

5.2. Гегемония и ее деконструкция

Значение постпозитивизма

Построение Теории Многополярного Мира начинается с глубокого историко-философского анализа самой дисциплины МО.

В этом случае наиболее полезны оказываются *постпозитивистские теории*, стремящиеся (хотя и чаще всего безуспешно) выйти за пределы «этноцентризма»², свойственного западноевропейской культуре, науке и политике и деконструировать волю к власти и доминации Запада (в последний период истории — США) как основное содержание всего теоретического дискурса в этой области³. Представители критической теории и постмодернизма в МО, и не в меньшей степени сторонники историко-социологического подхода и нормативизма, наглядно демонстрируют, что все

¹ Sen Amartya. Democracy as a Universal Value // Journal of Democracy. 10.3. 1999.

² Самнер У. Народные обычаи. М, 1914.

³ Hobson J.M. The Eurocentric Conception of World Politics: Western International Theory, 1760—2010.

современные теории МО строятся *вокруг гегемонистского дискурса*¹. Этот гегемонистский дискурс является характерной чертой западноевропейской цивилизации, уходящей корнями к греко-римскому представлению о структуре Эйкумены, в центре которой находится ядро «цивилизации» и «культуры», а по периферии зоны «варварства» и «дикости». Такое представление было свойственно и иным империям — Персидской, Египетской, Вавилонской, Китайской, а также индийской цивилизации, неизменно считавшим себя «центром мира», «Срединным Царством».

На более низком уровне с аналогичным «этноцентрическим» подходом мы сталкиваемся практически у всех архаических племен и коллективов, оперирующих с картой культурной географии, в центре которой находится само племя (люди), а вокруг него — по мере отдаления — внешний мир, постепенно расчеловечивающийся вплоть до зоны «потустороннего» — духов, чудовищ и иных мифических существ.

Генеалогию современного западного универсализма можно проследить вплоть до эпохи Средневековых империй, и еще дальше к Античной греко-римской цивилизации, и наконец, вплоть до архаического этноцентризма простейших человеческих коллективов, архаических племен, орд. Сплошь и рядом даже самые неразвитые примитивные племена именно сами себя считают «людьми», и даже «высшими существами», и отказывают в этом статусе ближайшим соседям, даже в том случае, если эти соседи наглядно демонстрируют социальные и технологические навыки, многократно превосходящие культуру данного племени². Постпозитивисты интерпретируют эту особенность как *базовую когнитивную установку*, которая а *posteriori* избирательно подыскивает (или фабрикует, в случае их отсутствия) пристрастные аргументы, подтверждающие это мнимое «превосходство» и мнимый «универсализм».

Контргегемония

Выявление западной гегемонии как основы западного дискурса, помещение этого дискурса в конкретный исторический и географический контекст, является первым фундаментальным шагом для построения Теории Многополярного Мира. Многополярность станет реальной только в том случае, если сумеет осуществить *деконструкцию гегемонии* и развенчать претензии Запада на универсализм своих ценностей, систем, методов и философских оснований. Если же опрокинуть гегемонию не удастся, любые «многополярные» модели будут лишь той или иной разновидностью западоцентричных теорий. Те, кто, принадлежа к западной интеллектуальной культуре, стремятся выйти за пределы гегемонии и создать контргегемонистский дискурс (например, Р. Кокс), фатально остаются внутри этой гегемонии, т. к. строят свою критику на таких постулатах как «демократия», «свобода», «равенство», «справедливость», «права человека» и т. д., что, в свою очередь, является набором *западоцентричного* миропонимания. Этноцентризм заложен в самом их основании. Они намечают верный путь, но сами пройти по нему до конца не способны. Они понимают искусственность и лживость претензий

¹ Ibidem.

² Яркие примеры такого подхода даны в работах культурных антропологов, в частности, у Д. Эверетта, изучавшего одно из самых архаичных племен Южной Америки — «пирахан». — Everett D. Don't Sleep, There are Snakes. New York: Pantheon Books, 2008. См. также Дугин А. Социология воображения. М., 2010; Он же. Этносоциология. М., 2011.

своей цивилизации на универсальность, но не могут найти доступа к альтернативным цивилизационным структурам. Поэтому контргегемонистская теория должна созидаться *за пределом* западного поля смыслов, в зоне промежуточной — между «ядром» мир-системы (в терминологии И. Валлерстайна) и «периферией» (где по культурным обстоятельствам корректное понимание западной гегемонии настолько маловероятно, что им следует пренебречь). «Второй мир», в свою очередь, именно за счет своей ангажированности в постоянный и интенсивный диалог с Западом, с одной стороны, может осознать природу и структуру гегемонии, а с другой, имеет в своих истоках альтернативные системы культурных ценностей и базовых цивилизационных критериев, на которые можно опереться в отвержении этой гегемонии. Иными словами, контргегемония в интеллектуальном пространстве самого Запада всегда вынуждена оставаться *абстрактной*, тогда как в зоне «Второго мира» она вполне может стать *конкретной*.

Деконструкция воли к власти

Первым этапом является фиксация внимания на воле к власти Запада как цивилизации.

Сегодня Запад претендует на универсальность и абсолютность своей ценностной системы, выдает себя за нечто *глобальное*. На основе той системы он стремится реорганизовать весь мир, распространив на него те процедуры, критерии, нормы и коды, которые были выработаны на самом этом Западе в последние столетия. Как мы видели, отождествление локальной культуры с универсальной культурой, а ограниченного коллектива с целым человечеством (или, по меньшей мере, с избранной частью человечества, его элитой, способной выступать от его имени) есть черта, присущая *любому* социуму — как имперскому, так и архаическому. Поэтому сама претензия западной цивилизации на универсализм не содержит в себе ничего уникального и из ряда вон выходящего. Этноцентризм, деление всего мира на «мы-группу» (как правило, мы — «лучшие, нормативные, образцовые») и «они-группу» (как правило, они — «худшие, враждебные, представляющие угрозу»¹) является социальной константой. И при этом явная произвольность и относительность такой установки сплошь и рядом не рефлексировуются или недостаточно рефлексировуются даже самыми развитыми и комплексными обществами, в других вопросах демонстрирующими гибкость суждений и навыки апперцепции. *Воля к власти движет обществами, но старательно избегает прямого взгляда, направленного на нее саму*. Она стремится скрыть себя за «очевидностью» или сложной системой аргументаций.

Начинать построение ТММ надо с того, что *признать Запад ядром гегемонии и зафиксировать это в ясной и недвусмысленной аксиоматике*. Как только мы попытаемся сделать это, мы тут же натолкнемся на интенсивное возражение со стороны самих западных интеллектуалов. Этот упрек, скажут они, целиком правомерен в отношении европейского прошлого. Но в настоящем сама западная культура отказалась от колониальных практик и евроцентристских теорий, приняла нормы демократии и мультикультурализма. Чтобы возразить на это, можно ситуативно встать на точку зрения марксизма и продемонстрировать, что Запад в буржуазную эпоху отождест-

¹ См. Sumner W. Folkways. Boston: Ginn, 1907.

вил свою судьбу с капиталом и стал зоной его географической фиксации. А смысл капитала состоит в доминации над пролетариатом, поэтому под маской «демократии» и «равенства» в условиях капитализма скрывается все та же воля к власти и практики эксплуатации и насилия. Так и поступают представители критической теории, и в этом они совершенно правы. Но чтобы не быть привязанными к марксизму с его дополнительными отягощающими догмами, многие из которых далеко не очевидны и неприемлемы, *необходимо расширить теоретическую базу разоблачения гегемонии и перевести ее из социально-экономического в более общий, цивилизационно-культурный контекст.*

Евразийская критика евроцентризма и западного универсализма

Обстоятельную критику гегемонистских претензий западной цивилизации начали еще русские славянофилы, а в XX веке продолжили представители евразийского направления. Князь Н.С. Трубецкой в программной работе «Европа и человечество»¹, положившей основу идейного течения евразийцев, методом философского культурологического и социологического анализа блестяще показал искусственность и необоснованность претензий Запада на универсализм. В частности, он указывал на вопиющую неадекватность подобных методов как сведение содержания фундаментального тома «Чистая теория права»² юриста Ганса Кельзена почти исключительно к истории римского права и европейской юриспруденции, будто иных правовых систем (персидской, китайской, индусской и т. д.) вообще не существовало. Знак равенства между «европейским» и «всеобщим» — несостоятельная претензия. Единственным ее основанием является факт прямого физического силового и технологического превосходства, *право силы*. Но это право силы ограничено той областью, где действуют законы материальных сравнений и сопоставлений. Перенесение этих признаков на интеллектуальную и духовную сферу есть разновидность «расизма» и «этноцентризма». Исходя из этих принципов, евразийцы развили теорию множественности историко-культурных типов (начало чему положил Н. Данилевский³), среди которых современный западный тип (романо-германская цивилизация) представляет собой лишь *географическую локальность и исторический эпизод*. Гегемония и успехи ее навязывания другим является фактом, с которым нельзя не считаться. Но, будучи осознанной как таковая, она перестает быть «очевидностью» или «судьбой» и становится лишь дискурсом, процессом, рукотворным и субъективным явлением, которое можно принять, но можно и отвергнуть, с которым можно согласиться, но который можно и оспорить.

Таким образом, контргегемония, необходимость которой обосновывают сторонники критической теории в МО, может быть с успехом дополнена совершенно другим интеллектуальным арсеналом — со стороны консервативных евразийцев, ориентирующихся в своей оппозиции Западу не на «пролетариат» и «равенство», но на культуру, традицию и духовные ценности.

Исторические метаморфозы гегемонии

Далее, важно проследить, какие *метаморфозы* проходит сама западная гегемония в последние столетия.

¹ Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. М.: Аграф, 2000.

² Kelsen H. Reine Rechtslehre. Vienna, 1934

³ Данилевский Н. Россия и Европа. М., 2007.

Когда мы имеем дело с традиционным Государством или с империей, воля к власти выражена более *отчетливо и прозрачно*. Так было в период империи Александра Македонского, Римской империи, Средневековой Священной Римской Империи германских наций и т. д. Но в основании более позднего имперского универсализма вначале лежала греческая философия и культура, затем римское право, позднее христианская Церковь. На этих этапах воля к власти Запада проявлялась в форме сословного иерархического общества и в имперской стратегии в отношении соседних народов, которые либо включались в западную эйкумену, либо, если это не удавалось, становились врагами, от которых надо было защищаться. Властные отношения и структуры доминации были прозрачны и во внутренней политике, и в области международных отношений. Особенности такой «интернациональной системы» подробно прослеживают Б. Бузан и Р. Литтл, определяя ее как «античную» или «классическую»¹. Здесь гегемония неприкрыта и откровенна, а, следовательно, и не является в полном смысле «гегемонией», как ее понимал Грамши, поскольку доминация здесь осуществляется эксплицитно, и теми, на кого она направлена, так и осознается. Явную власть можно либо терпеть, либо, при возможности и желании, свергнуть. С гегемонией (в грамшистском понимании) все обстоит несколько сложнее.

Гегемония как таковая складывается в Новое время, когда меняется вся «интернациональная система» — от «классической» к «глобальной» (Б. Бузан, Р. Литтл). Запад вступает в Новое время и отныне радикально меняет обоснование своего универсализма и оформление своей воли к власти. Отныне оно проходит под знаком «Просвещения», «прогресса» «науки», «секулярности» и «разума», а также борьбы с «предрасудками» прошлого во имя «лучшего будущего» и «человеческой свободы». В этот период образуются национальные Государства и складываются первые буржуазно-демократические режимы. И хотя этот период истории знает чудовищные практики работорговли и колонизации, а также кровопролитные войны между самими европейскими «просвещенными» державами, принято считать, что человечество (= Запад) вступило в новую эру и стремительно движется к «прогрессу», «свободе» и «равенству». Открытая имперская воля к власти и концепт «христианской эйкумены» трансформируются в новые универсальные идеалы, суммируемые в одном понятии «*прогресс*». Теперь «прогресс» берется в качестве всеобщей ценности, и во имя его разворачиваются новые формы доминации. Это прекрасно показывают постмодернисты в МО, интерпретируя технический взлет западной цивилизации в Новое время как новое издание воли к власти, меняющей, однако, свою структуру. Теперь иерархические отношения выстраиваются не между «христианами» и «варварами», а между «прогрессивными» и «отсталыми» обществами и народами, между «современным обществом» и «традиционным обществом». Уровень технического развития становится критерием распределения иерархических ролей: развитые страны становятся «господами», неразвитые — «рабами».

На первом этапе Нового времени эта новая структура неравенства выражается грубым образом в практике колонизации. Позднее она сохраняется

¹ Buzan B., Little R. International Systems in World History. Oxford: Oxford University Press, 2010.

в более завуалированных формах. В любом случае «глобальная система» МО, отражающая базовые установки Нового времени, есть чисто гегемонистский порядок, где Запад является гегемоном, претендующим на полный контроль, как в стратегической, так и в когнитивной сферах. Это одновременно и диктатура западной *техники* и западной *ментальности*. Соответственно, социальные признаки западного общества эпохи Модерна и его ценности рассматриваются в качестве общеобязательных для всех остальных народов и культур. А то, что отличается от этой системы, воспринимается с подозрением, как нечто «недоразвитое», «недозападное». По сути, это перенос теории «недочеловека» с *биологического* (как у германских расистов, также, кстати, являющихся субпродуктом европейского Модерна, как показывает Х. Арендт¹) на культурный уровень.

Отвержение неолиберализма и глобализма

В сфере теорий МО яркими выразителями концептуальной гегемонии являются представители реализма и либерализма, которые строят свои концепции, исходя из подразумеваемого универсализма Запада и его ценностей (а также интересов), и соответственно, закрепляют и активно поддерживают гегемонистский порядок.

На другом уровне однополярная модель и многосторонний подход, и даже глобалистская бесполярность представляют собой также разновидности оформления гегемонии — как прямые и откровенные («однополярность» и несколько более «soft-версия» — «многосторонность»), так и имплицитные и завуалированные (т. к. глобализация и транснационализм неолибералов и конструктивистские проекты также представляют собой формы экспансии западных кодов на всю планету).

Соответственно, построение Теории Многополярного Мира должно проходить через отвержение самих основ западной гегемонии и, соответственно, построенных на ней теорий МО.

Критика марксизма (евроцентризм)

Сложнее обстоит дело с марксистской теорией МО. С одной стороны, она жестко критикует саму гегемонию, интерпретируя ее как форму доминанции, свойственную капитализму. В этом она наиболее релевантна и продуктивна. Но с другой стороны, она исходит из тех же универсалистских и европоцентристских идей Нового времени как «прогресс», «развитие», «демократия», «равенство» и т. д., что вписывает ее в общий контекст именно *западного* дискурса. Даже если марксисты и солидарны с освободительной борьбой народов Третьего мира и незападных стран в целом против западного господства, они предвидят для этих стран универсальный сценарий развития, повторяющий путь западных обществ и не допускают мысли о самой возможности какой-то иной логики истории. Марксисты поддерживают незападные народы в их антиколониальной борьбе, чтобы они *поскорее* смогли пройти самостоятельно все этапы западного пути развития и построить общество, в сущности, такое же, какое уже построено в обществах Запада². Все общества должны пройти фазу капитализма, составляющие их классы должны стать полностью интернационализированными, и *только тогда* будут

¹ Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М.: ЦентрКом, 1996.

² О расистском аспекте марксизма см.: Hobson J.M. The Eurocentric Conception of World Politics: Western International Theory, 1760 – 2010.

созданы условия для мировой революции. Эти аспекты марксизма в МО противоречат Теории Многополярного Мира, т. к.:

- основываются на том же западном универсализме;
- признают однонаправленный вектор истории всех обществ;
- и косвенно оправдывают капитализм и буржуазный строй, считая его необходимой фазой социального развития, без прохождения которой невозможно ни осуществить революцию, ни построить коммунизм.

Марксизм в такой ситуации есть *обратная сторона западной гегемонии*, которая, критикуя ее наиболее одиозные и лживые аспекты и обнажая ее классовую сущность, при этом не ставит под сомнение *историческую оправданность и даже фатальность* такого порядка вещей. Марксисты и сторонники мир-системы рассуждают: западная гегемония отвратительна, но она неизбежна, и бороться с ней напрямую бессмысленно, поскольку это только *отложит* ее неминуемую победу на глобальном уровне и, соответственно, *отгалит* момент мировой революции. Это значит, марксистское направление в МО следует рассматривать не как антитезу гегемонии, а как ее парадоксальный и не лишенный определенной методологической и концептуальной ценности *инвариант*.

Критика универсализма в постпозитивистских теориях МО

Ближе всего к Теории Многополярного Мира стоят как раз *постпозитивистские теории*, критикующие Модерн как таковой и подчас возвышающиеся до антизападных обобщений и прямой фронтальной атаки на гегемонию и волю к власти, составляющую ее осевой вектор.

Среди этих теорий наибольший интерес представляют те, которые в ходе деконструкции западной гегемонии четко помещают Запад в пространственно-географические границы и, соответственно, прослеживают эволюцию западной доминации по временной шкале и на географической карте мира¹. Параллельно этому осуществляется эпистемологический анализ интеллектуальных концептов и схем, которые на каждом историческом этапе оформляли западную волю к власти и обосновывали его гегемонию. Такого рода работы показывают, что Запад есть цивилизация среди всех других цивилизаций, и в этом качестве ее претензии на универсализм сводятся до уровня конкретных исторических и географических границ. В этом смысле «современное общество» и совокупность связанных с ним аксиоматических тезисов (секулярность, антропоцентризм, главенство техники, прагматизм, гедонизм, индивидуализм, материализм, консьюмеризм, транспарентность, толерантность, демократия, либерализм, парламентаризм, свобода слова и т. д.) предстают чем-то *локальным и преходящим* — не более чем *моментом* мировой истории, имеющим строгие рамки. Такой анализ подрывает главное условие западной гегемонии — ее сокрытие под покровом универсалистских претензий, выдаваемых за нечто «само собой разумеющееся и очевидное». В этом огромный вклад постпозитивистов в разработку Теории Многополярного Мира.

Но здесь стоит поставить (быть может, риторический) вопрос: а почему в самой постпозитивистской среде не сложилась законченная теория много-

¹ Большое значение здесь играют теории Фернана Броделя, повлиявшие, в частности, и на концепт мир-системы И. Валлерстайна. См.: *Бродель Ф. Динамика капитализма*. Смоленск: Полиграмма, 1993; *Он же. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV – XVIII вв.*: В 3 т. М.: Весь мир, 2006.

полярности, ведь релятивизация Запада и деконструкция его гегемонии были налицо и, казалось бы, сами собой подталкивали к тому, чтобы обратиться к иным цивилизациям и иным полюсам, а уже на основе глубинного анализа этих цивилизационных альтернатив и предложить полицентричную картину мира? Но постпозитивисты, как правило, лишь доводят до своих *логических пределов* именно западоцентричный дискурс, предлагая сделать *не шаг в сторону* от Запада и Модерна, но *шаг вперед*, в постисторию, в мир, который должен последовать за исчерпавшим себя Модерном, но сохраняющий с ним преемственность, логическую, историческую и моральную связь. Вместо того чтобы подвергнуть деконструкции принципы «свободы», «демократии», «равенства» и т. д., постмодернисты настаивают лишь на еще «большей свободе», «настоящей демократии» и «полном равенстве», и критикуют Модерн за то, что он этого предоставить не может. Отсюда и споры между рядом современных философов¹ и социологов относительно того, можно ли считать Постмодерн по-настоящему новой и альтернативной парадигмой в сравнении с Модерном, или мы имеем дело лишь с высоким Модерном, ультрамодерном, «новым Модерном», т. е. с доведением до логического конца предпосылок и нормативов, обозначенных, но не реализованных до конца именно Новым временем.

Как бы то ни было, постпозитивисты при всех их несравненных достоинствах и полезности их работ для построения Теории Многополярного Мира, остаются глубоко *западными людьми* (кем бы они не были по происхождению) и продолжают мыслить и действовать в рамках, поставленных западной цивилизацией, частью которой они являются даже в том случае, если отчаянно критикуют ее и ее основания (надо заметить, что приглашение к рациональной критике заложено как ценность в самой модели Нового времени).

Постмодернисты *расчищают путь* для построения Теории Многополярного Мира, т. к. благодаря их работам гегемония Запада становится очевидным, прозрачным и всесторонне описанным явлением, и претензии на универсальность западных ценностей объясняются через обращение именно к этой гегемонии и являющуюся ее практическим следствием. А это значит, что она разоблачается и перестает быть столь эффективной, как в том случае, когда ее наличие не осознается и не замечается. Западные ценности и установки являются локальными и исторически ограниченными, а не глобальными и неизменными, и, соответственно, мировой порядок, построенный на их основании, есть выражение гегемонистской доминации и продукт экспансии одного центра в ментальной и идеальной средах, а не судьба, не прогресс, не объективный закон развития и не предзаданная фатальность. Утвердив и обосновав это, мы оказываемся в отношении гегемонии *лицом к лицу*. Она более не проникает в нас исподволь, пропитывая нас и захватывая контроль над нашей волей и нашим сознанием; она объективируется как внешняя и чуждая сила, отдельная от нас и пытающаяся навязать нам через суггестию и принуждение свою абсолютную власть. Хотя раз посмотрев гегемонии глаза в глаза, мы никогда уже не будем прежними.

¹ См.: *Хабермас Ю.* Философский дискурс о модерне. Пер. с нем. М.: Издательство «Весь Мир», 2003. Или: *Бауман З.* Текучая современность. Санкт-Петербург: Питер, 2008. А также: *Дугин А.* Постмодерн или ультрамодерн? // Дугин А. Поп-культура и знаки времени. СПб.: Амфора, 2005. С. 436 – 445.

5.3. Цивилизация как актер (большое пространство и политейя)

Теории С. Хантингтона: введение концепта цивилизация

Несмотря на огромное значение постпозитивистских теорий в МО, к ТММ вплотную подошли не они, а представитель консервативного направления в американской политике, убежденный сторонник реализма политический философ С. Хантингтон. Он в своей программной статье и позднее в полемической книге «Столкновение цивилизаций»¹ развернул концептуальную картину баланса сил в современном мире, которая в целом может быть взята за набросок ТММ в первом приближении.

Хантингтон в своей программной работе, сделавшей его всемирно известным и вызвавшей шквал реакций, рассматривает новые условия миропорядка, сложившиеся после распада двухполярного мира. Он полемизирует со своим учеником, другим известным политическим аналитиком Ф. Фукуямой, который, интерпретируя конец двухполюсного мира, пришел к выводу о «конце истории»², т. е. о фактически наступившем триумфе либерально-демократической модели в планетарном масштабе и о совершившейся глобализации. В духе неолиберальной парадигмы МО Фукуяма посчитал, что:

- демократия стала универсальной нормой во всем мире, и, следовательно;
- отныне угрозы военных конфликтов сведены к минимуму (если не исключены вовсе — «демократии друг с другом не воюют»);
- единственной нормой становится мирная торговая конкуренция;
- гражданское общество утвердилось вместо национальных Государств и
- приходит время провозглашения мирового правительства.

На это С. Хантингтон возражает с пессимистических позиций. Согласно ему:

- конец двухполярного мира не ведет автоматически к установлению глобального и однородного либерально-демократического миропорядка, а, следовательно,
- история не закончена, и
- говорить о конце конфликтов и войн преждевременно.

Мир перестал быть двухполярным, но не стал ни глобальным, ни однополярным. В нем наметились совершенно новая конфигурация, новые коллизии, новые столкновения, напряжения и конфликты. Здесь Хантингтон подходит к самому главному моменту и выдвигает совершенно фундаментальную и до сих пор по достоинству не оцененную гипотезу относительно того, *кто будет актором, главным действующим лицом этого будущего мира*. В качестве такого актора он называет *цивилизации*.

Именно этот концептуальный шаг и следует считать началом возникновения совершенно новой теории — Теории Многополярного Мира. Хантингтон совершает главное: он выделяет нового актора, цивилизацию, и одновременно говорит о множественности акторов, употребляя в названии своей статьи это слово во множественном числе: столкновение «*цивилизаций*».

Если мы согласимся с Хантингтоном в этом принципиальном моменте, мы окажемся в концептуальном поле, которое выходит за рамки классиче-

¹ *Huntington Samuel. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. London: Simon, 1996.*

² *Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ, 2004.*

ских теорий МО, и даже постпозитивистских парадигм. Стоит только признать множественность цивилизаций и отождествить их с главными акторами (units) в новой системе международных отношений, как мы получаем в первом приближении готовую *карту многополярного мира*. Теперь у нас есть и идентификация того, что является полюсом такого многополярного устройства: этим *полюсом является цивилизация*. Следовательно, сразу же можно ответить на принципиальный вопрос о том, сколько полюсов должно иметь многополярное устройство. Ответ: *столько же, сколько существует цивилизаций*.

Итак, благодаря С. Хантингтону мы получаем в первом приближении frame новой теории. В этой теории постулируется модель, в которой существует несколько *центров* принятия глобальных решений в поле международных отношений, и этими центрами являются соответствующие цивилизации.

Хантингтон исторически принадлежит к школе реалистов в МО. Поэтому он тут же переходит от выявления цивилизаций как акторов нового миропорядка к анализу вероятности конфликта (столкновения) между ними. Точно так же устроена базовая модель реалистов при оценке национальных интересов: в первую очередь, при анализе международных отношений они рассматривают вероятность конфликтов, зону пресечения интересов и способность к обеспечению обороны и безопасности. Но фундаментальное различие состоит в том, что классические реалисты прикладывают эти критерии к национальному Государству, считающемуся главным и единственным актором в международных отношениях, как к строго и легально конституированной реальности, признанной на международном уровне, а Хантингтон применяет тот же подход к цивилизации — понятию гораздо более расплывчатому, нечеткому и не проработанному концептуально. И тем не менее именно интуиция Хантингтона и тот качественный сдвиг в определении актора нового миропорядка от национального Государства к цивилизации, представляет собой самый важный момент его теории. Это открывает совершенно новые пути к пониманию структуры международных отношений и закладывает основы ТММ.

Понятие «цивилизация» в МО

Здесь важно ясно понять, *что такое цивилизация*, и какой смысл заключен в этом принципиальном для ТММ понятии.

Цивилизация не является концептом, фигурирующим ни в одной из теорий МО — ни в позитивистских, ни в постпозитивистских. Это не Государство, не политический режим, не класс, не сеть, не сообщество, не группа индивидуумов и не отдельные индивидуумы. *Цивилизация — коллективная общность, объединенная причастностью к одинаковой духовной, исторической, культурной, ментальной и символической традиции (чаще всего религиозной в своих корнях, хотя не обязательно осознаваемой в терминах конкретной религии), члены которой осознают близость друг к другу, независимо от национальной, классовой, политической и идеологической принадлежности*¹.

После классической работы О. Шпенглера² некоторые авторы разделяют, вслед за ним, «цивилизацию» и «культуру», где под «культурой» понима-

¹ Другие дефиниции см. в: Katzenstein Peter J. Civilizations in World Politics: Plural and Pluralist Perspectives. London, UK: Routledge, 2010.

² Шпенглер О. Закат Европы. Образ и действительность. М.: Наука, 1993.

ется духовно-интеллектуальная общность, а под «цивилизацией» фиксация рационально-технологических установок и структур. По Шпенглеру, цивилизация есть «остывшая» культура, культура, утратившая внутренние силы и волю к развитию и расцвету и опустившаяся до отчужденных механических форм. Однако это разделение не стало общепринятым, и в большинстве работ (например, у А. Тойнби¹) понятия «цивилизация» и «культура» оказываются практически синонимами. Для нас важно, что С. Хантингтон понимает под «цивилизацией» практически то же, что и под «культурой», и поэтому не случайно при описании и перечислении цивилизаций он преимущественно обращается к религиям или религиозным системам.

В теоретическом поле МО этот концепт встречается впервые, и только сейчас позиционируется как возможный актер глобальной политики. По классификации Бузана /Литгла²:

- в *классической* или *античной* системе интернациональных отношений (традиционное общество, Премодерн) фигурируют традиционные Государства и империи;
- в *глобальной* системе (международные отношения в эпоху Нового времени) — национальные Государства буржуазного типа;
- в последней *постмодернистской* системе — наряду с Государствами транснациональные сетевые сообщества, асимметричные группы и иные «множества».

Ни в одной из них нет цивилизаций как акторов. «Цивилизация» как понятие фигурирует и в исторической науке, и в социологии, и в культурологии. Но в МО этот концепт вводится впервые.

Логика Хантингтона, выдвинувшего гипотезу цивилизации в МО, довольно прозрачна. Конец двухполюсного мира и противостояния друг другу двух идеологических лагерей, капиталистического и социалистического, завершается победой капитализма и ликвидацией СССР. Отныне у капиталистического Запада больше нет «формального» противника, способного на рациональном и интеллигентном уровне обосновать свою позицию, предложить симметричный альтернативный сценарий мировой системы и доказать на практике свою конкурентоспособность. Из этого Ф. Фукуяма делает поспешный вывод о том, что Запад стал отныне глобальным явлением, и все страны мира и все общества превратились в единое однородное поле, в целом воспроизводящее с небольшими отклонениями парламентскую демократию, рыночную экономику и идеологию прав человека. Поэтому, считает Фукуяма, время национальных Государств прошло, и мир стоит на пороге полной и окончательной интеграции. Человечество на глазах превращается в глобальное гражданское общество, политика уступает место экономике, война полностью сменяется торговлей, либеральная идеология становится универсально признанной безальтернативной нормой, все народы и культуры смешиваются в едином космополитическом плавильном котле³.

¹ Тойнби А. Постигание истории. М.: Прогресс, 1991.

² Buzan B., Little R. International Systems in World History. Oxford: Oxford University Press, 2010.

³ Позднее Ф. Фукуяма признал, что его оптимистический прогноз либеральной глобализации был слишком скоропалительным и в реальности все обстояло далеко не так, как он описал в своей программной работе, сделавшей его знаменитым. Фукуяма Ф. Идеи имеют большое значение. Беседа с А. Дугиным //Профиль. 2007.

Фукуяма в данном случае следовал правилам «разбавленного» (thin) анализа. Он совершенно справедливо выделяет главные и самые яркие черты происходящих событий. Действительно, конец социализма устраняет с исторической арены самого серьезного и внушительного идеологического противника либеральной демократии, делая ее «универсальной». Ни какая другая идеология на этот момент не имеет достаточного распространения, привлекательности и кредита доверия, чтобы всерьез конкурировать с либерализмом. Практически все страны мира принимают *de facto* и *de jure* нормативы западной цивилизации. Обществ, игнорирующих нормативы демократии, рыночную экономику и свободу прессы, осталось совсем немного, и те находятся в состоянии перехода к западной модели. Это является достаточным основанием для того, чтобы провозгласить «конец истории», который если не наступил, то наступит вот-вот. К подобному же выводу пришли неореалисты, открыто оправдывающие гегемонию США (Р. Джилпин, Ч. Краутхамер), и неолибералы (восторженно встретившие победу демократии в странах Восточного блока), и некоторые постмодернисты (увидевшие в глобализации новые горизонты индивидуальной свободы).

Хантингтон противопоставляет этому «густой» (thick) анализ, который уделяет больше внимания деталям, качественным сторонам анализируемых процессов и стремится лучше понять глубинное измерение изучаемых трансформаций постбиполярного мира. Он приходит к выводу, что модернизация и демократизация, а также нормативы рыночного либерализма по настоящему затронули только западные общества, а все остальные страны приняли эти правила игры под давлением необходимости, не включили их в глубину своих культур, прагматически заимствовал лишь отдельные избирательные моменты западной цивилизации — прикладные и технологические. Так, Хантингтон говорит о распространенном в незападных странах явлении «модернизации без вестернизации», когда представители незападных обществ заимствуют определенные западные технологии, но стремятся адаптировать их к местным условиям и сплошь и рядом направить их *против того же Запада*. Демократизация и модернизация незападных обществ, таким образом, в свете «густого» анализа становятся двусмысленными и относительными, и, соответственно, отнюдь не гарантируют тех результатов, которых следовало бы ожидать без учета внутренней подоплеки этих процессов. Чем больше Запад расширяет свои границы, включая в них «всех остальных» (the Rest, незападные общества), тем больше усугубляется эта *двусмысленность* и возрастает зазор между Западом и незападными регионами, получающими новые технологии и усиливающими свой потенциал, при этом сохраняя связи с традиционными структурами обществ. Вот это обстоятельство и приводит к понятию «цивилизация» как научному концепту МО.

Цивилизации в структуре МО XXI века — это обширные пространственные зоны, которые под влиянием модернизации и с опорой на западные технологии усиливают свой силовой и интеллектуальный потенциал, но вместо того, чтобы полностью принять вместе с этим западную систему ценностей, сохраняют органические и крепкие связи со своими традиционными культурами, религиями и социальными комплексами, подчас резко конфликтующими с западными или даже противоположными им. Распад социалистического лагеря лишь катализирует эти процессы и обнажает такое положение вещей. Вместо симметричной оппозиции Восток — Запад появляется поле

напряжений между несколькими цивилизациями. Эти цивилизации, сегодня чаще всего разделенные национальными границами, в ходе глобализации и интеграции будут все теснее осознавать свою общность и действовать в системе международных отношений, руководствуясь общими ценностями и интересами, вытекающими из этих ценностей. В результате развития этих процессов и в случае успешной «модернизации без вестернизации» мы получаем принципиально новую картину баланса сил в мировом масштабе. Это и есть *многополярный мир*.

Расширенный спектр понятия «цивилизация» в ТММ: определения

Концепт «цивилизации» играет ключевую роль для Теории Многополярного Мира¹ (ТММ). Поэтому чрезвычайно важно рассмотреть его на разных уровнях и дать ему различные толкования. В этом вопросе преждевременно настаивать на «строгой ортодоксии» или на каком-то однозначном определении, т. к. мы заведомо имеем дело с принципиально новым теоретическим контекстом, соответствующим той идейной среде, где только и может выстроиться полноценная теория многополярности.

Чтобы стать впоследствии юридической реальностью, «цивилизация» должна быть сопряжена с тем, что К. Шмитт называет «большим пространством»² и что в ТММ рассматривается как переходный теоретический модуль «преконцепта», располагающийся между этим окончательным оформлением «де-юре» и существующей «де-факто» цивилизацией³. Поэтому можно рассмотреть данную ситуацию схематично:



Чтобы перейти от первого уровня ко второму, необходимо уточнить, что понимается под «цивилизацией».

Здесь возможно несколько подходов. Перечислим основные.

Цивилизация как субстанция (онтологическая концепция цивилизации)

Рассмотрение цивилизации как автономной субстанции предполагает приписывание ей онтологического первенства. В этом случае «цивилизация» соответствует аристотелевской категории «подлежащего» и отвечает на вопрос *το τι εν ειναι*.

¹ Дугин А.Г. Теория Многополярного Мира. М.: Евразийское Движение, 2012.

² Шмитт К. Номос Земли: Civitas Terrena. М., 2008.

³ Там же.

Такое представление помещает цивилизацию в центр концептуального поля, расширяемого за счет номенклатуры предикатов. Если цивилизация соответствует субстанции, то набор предикатов описывает ее в каждом конкретном случае, предопределяя, соответственно, ее качественное содержание.

Одна цивилизация как субстанция описывается одним набором предикатов, другая — иным и т. д.

Между цивилизациями как субстанциями могут быть прослежены взаимодействия, взаимовлияния. Субстанции как «вещи» (res) могут быть рассмотрены статически и кинетически, а также динамически (с точки зрения особого силового потенциала).

Продолжая аристотелевскую модель, можно говорить об энтелехиях цивилизаций и о перспективе их тяготения к «естественным местам».

Цивилизация как процесс (динамическая концепция цивилизации)

Такой подход предполагает рассмотрение цивилизации в рамках того, что Ф. Бродель назвал «grande durée»¹, т. е. «циклами большой длительности». Впервые (1939) теорию цивилизации как процесса предложил Норберт Элиас². В этом случае цивилизация представляет собой постоянное изменение всех составляющих, которое становится заметным только тогда, когда цивилизация достигает своей кульминационной точки — входит в период революций, потрясений или войн. Но изменения внутри цивилизационного устройства происходят всегда, хотя и остаются чаще всего незаметными для глаза исследователя.

Таким образом, цивилизация есть состояние, в котором на микроуровне происходят постоянные флуктуации, накапливаются изменения, трансформируются отношения между отдельными элементами.

Такой подход сводим к методу «школы анналов» и качественно отличается от субстанциального подхода, основанного на презумпции постоянной идентичности. Динамический подход предполагает, напротив, что цивилизационная идентичность постоянно меняется, а, следовательно, каждый исторический момент должен быть рассмотрен тщательно, и его семантическое поле необходимо детально изучить.

Цивилизация как система (системическая концепция цивилизации)

Системический подход в целом близок к динамическому, но ставит в центр внимания изменение обобщающей доминанты, которая представляет собой выражение совокупного баланса микро — и мезопроцессов. Цивилизация может быть рассмотрена в таком случае как социокультурная система (П. Сорокин³) или историко-культурный тип (Н. Данилевский⁴).

Системный подход к цивилизации характерен также для О. Шпенглера (обосновывающего дуализм цивилизация / культура), А. Тойнби⁵ (предло-

¹ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV — XVIII вв.: В 3 т. М.: Весь мир, 2007; Он же. Структуры повседневности. М., 1986.

² Элиас Н. О процессе цивилизации: Социогенетические и психогенетические исследования. М.; СПб, 2001.

³ Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. М.: Астрель, 2006.

⁴ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германно-романскому. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, Издательство «Глаголь», 1995.

⁵ Тойнби А. Постигание истории. М.: Прогресс, 1990.

жившего расширенную номенклатуру цивилизаций) или Л. Гумилева¹ (сочетавшего рассмотрение цивилизаций с этнологической перспективой и оригинальной теорией пассионарности).

Цивилизация как структура (структурно-функциональная / морфологическая концепция цивилизации)

В отличие от системического подхода, структурный подход рассматривает цивилизацию как константное явление, изменения внутри которого не влекут за собой существенного морфологического изменения. Форма цивилизации остается на разных этапах ее существования постоянной и выражается в неизменности ее основополагающих структур.

Другое дело, что сами эти структуры и их «материальное» воплощение могут изменяться, а их выражения приобретать различный характер, проявляясь через те или иные идеологические, религиозные или культурные комплексы. Но при этом функциональное значение и соотношение друг с другом основных несущих элементов во всех случаях сохраняется неизменным.

В отличие от субстанционального подхода, структурный подход ставит акцент не на онтологической, но на эпистемологической и гносеологической непрерывности.

Цивилизация как пайдеума (образовательная концепция цивилизации)

Уточнением эпистемологического подхода к цивилизации может служить теория «пайдеумы», развитая представителями исторической школы «культурных кругов», в частности, Л. Фробениусом². Фробениус рассматривает трансляцию культур от одного общества к другому как передачу особого образовательного кода, называемого «пайдеумой». Структура этого кода предопределяет основные цивилизационные практики — как в области экономики и политики, так и в сфере духовной культуры, обрядов, ритуалов, символов и т. д.

Цивилизация, таким образом, есть то, чему можно научить и чему следует учиться.

Совмещение понятия цивилизации как пайдеумы с моделью «культурных кругов» позволяет проследить маршруты распространения древних цивилизаций и продолжение этого процесса в современном мире.

Вопросы образования в такой модели становятся в центре внимания.

Цивилизация как набор ценностей (аксиологическая концепция цивилизаций)

Цивилизация может быть сведена к той совокупности ценностей, которые приобретают в том или ином обществе статус нормативных. Такой аксиологический подход заложен в социологии М. Вебера³ и хорошо известен. Не вдаваясь в детальный анализ цивилизационных структур и не претендуя на понимание логики системного развития, аксиологический подход позволяет оперативно описать цивилизацию на основании ее наиболее явных

¹ Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 1992.

² Frobenius Leo. Paideuma: Umriss einer Kultur — und Seelenlehre. München: Beck, 1921 — 1928.

³ Вебер М. Избранное. Образ общества. М.: Юрист, 1994.

признаков (ценностей), построить их систематические иерархии и подвергнуть компаративистскому анализу.

Такой подход удобен для экспресс-анализа и для оперативного составления «паспорта цивилизации» в духе того, что антропологи (К. Гирц¹) называют «жидким описанием» («thin description»).

Цивилизация как организованное бессознательное (психоаналитическая концепция цивилизации)

Психоаналитическая трактовка цивилизации может быть построена уже на основании поздних работ самого З. Фрейда (в частности, «Тотем и табу»²), где он предлагает применить психоаналитический метод к анализу культурных фактов. В частности, по этой реконструкции «Эдипов комплекс» является социообразующим элементом для всех человеческих обществ. Хотя сам этот тезис был позднее оспорен представителями социальной антропологии (доказавшими, что в некоторых культурах сами предпосылки для «Эдипова комплекса» отсутствуют — в частности, в матриархальных культурах аборигенов Тробрианских островов³), идея применить психоанализ к интерпретации культур доказала свою состоятельность.

Еще более продуктивным для понимания цивилизации является метод К.Г. Юнга, развивавшего идею о «коллективном бессознательном»⁴. Сам Юнг по-разному понимал на разных этапах своего творчества «коллективное бессознательное», но различия в его структуре у представителей разных обществ — это эмпирический факт. На этом основании можно построить психоаналитическую карту цивилизаций.

Особым направлением может служить теория Ж. Дюрана, предложившего свою версию «социологии глубин»⁵, позволяющую интерпретировать культурные и цивилизационные коды как результаты работы разных режимов воображения.

Цивилизация как (религиозная) культура

Культурологическая интерпретация цивилизации является одной из наиболее очевидных — тем более, что в некоторых европейских языках цивилизация и культура воспринимаются как синонимические термины. Особенность такого подхода состоит не просто в подчеркивании культурного фактора при определении цивилизации и ее качественного содержания, но в повышенном внимании к религиозным основам каждой конкретной цивилизации — и в том случае, если эта религиозность является эксплицитной и социообразующей, и в том случае, если она действует имплицитно, сквозь иные, секулярные идеологии и ценностные системы.

Цивилизация как язык (филолого-лингвистическая концепция цивилизации)

Определение цивилизации как языка предполагает рассмотрение ее структуры с лингвистической и филологической точек зрения. Строго моно-

¹ Geertz Clifford. The Interpretation of Cultures. NY: Basic Books, 2000.

² Фрейд З. Тотем и табу. М., 1923.

³ Малиновский Бронислав. Избранное: Аргонавты западной части Тихого океана. М.: РОССПЭН, 2004.

⁴ Юнг К.Г. Проблемы души нашего времени. СПб., 2002.

⁵ Durand G. Les Structures anthropologiques de l'imaginaire. Paris: Borda, 1969.

лингвистических обществ не бывает, тем более в масштабе цивилизации. Поэтому всегда в цивилизации есть один (реже два и более) койне (*lingua franca*) и целый спектр других языков, переплетенных в общий семантический и концептуальный блок.

Язык и языковое наследие могут выступать как обобщенный эквивалент цивилизации, что позволяет сравнивать цивилизации между собой с помощью средств компаративной лингвистики и семиотики.

На определенном уровне такой подход к цивилизации может быть совмещен со структуралистским подходом.

Цивилизация как первая производная от этноса (этносоциологическая концепция цивилизации)

В книге «Этносоциология»¹ разработана модель интерпретации обществ и социальных структур через метод их соотнесения с этносом и его архаическим состоянием. В этой модели цивилизация рассматривается (наряду с Государством и религией) как технический термин, обозначающий переход от этноса к лаосу (народу), как к результату его первого качественного усложнения. Народ отличается от этноса тем, что его структура на порядок более дифференцирована, в нем присутствует социальная стратификация (элиты и массы), сильными позициями наделены структуры Логоса, в центре внимания стоит фигура Другого. В отличие от Государства и религии, цивилизация воплощает этот высокий дифференциал в культуре, философии и искусстве. Хотя сплошь и рядом Государство, религия и цивилизация идут друг с другом рука об руку.

Этносоциология позволяет найти место цивилизации как историко-социальному феномену в цепочке других производных от этноса. В частности, из такой реконструкции видно, что цивилизация относится к парадигме Премодерна и к формам традиционного общества.

Цивилизация как конструкт (конструктивистская концепция цивилизации)

Совершенно отличное понимание цивилизации может быть получено в рамках конструктивистского подхода. Этот подход относится к парадигмам Модерна и Постмодерна. Но если преимущественным объектом конструирования общества в Модерне является Государство (национальное Государство — *Etat-Nation*), то цивилизация может быть осознана как конструкт и результат проектирования именно в условиях Постмодерна. Однако либеральный и отчасти гошистский Постмодерн занимается, скорее, деконструкцией любых социальных структур, вплоть до их атомизации и обращения к сингулярным индивидуумам (и далее — вплоть до ризомы, тела без органов, машины желания Делеза /Гваттари²). В ТММ и в Четвертой Политической Теории³, однако, мы сталкиваемся с альтернативной версией Постмодерна, и в этом контексте объектом конструирования вполне может стать именно цивилизация как новый и, в данном случае, искусственный актер.

¹ Дугин А. Г. Этносоциология. М.: Академический Проект, 2011.

² Делез Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения. Екатеринбург, 2007.

³ Дугин А. Г. Четвертая Политическая Теория. СПб.: Амфора, 2009; Четвертая Политическая Теория. Альманах NN 1–2, 2010–2011.

Цивилизация как Dasein (экзистенциальная концепция цивилизации)

В Четвертой Политической Теории субъект намечается именно через экзистенциальное измерение и идентифицируется в Dasein. Множественность Dasein'ов соответствует множественности цивилизаций. Эта тема намечена в книге «Мартин Хайдеггер. Возможность Русской Философии»¹. Это как раз позволяет связать между собой 4ПТ и ТММ как два аспекта одного и того же подхода.

В этом случае цивилизация может быть описана через набор экзистенциалов, каждый из которых будет характерен только для какой-то одной цивилизации. Отсюда же можно прочертить и временные горизонты цивилизации, описанные Хайдеггером в Sein und Zeit², применительно, естественно, к Dasein'у. Будущее цивилизации, таким образом, будет заключаться в ее возможности *аутентично* быть. Следовательно, для каждой цивилизации есть свой конкретный Ereignis.

Цивилизация как нормативное поле человека (антропологическая концепция цивилизации)

Наконец, к цивилизации можно применить тот же метод, который используют антропологи для исследования бесписьменных культур и архаических обществ. Франц Боас³ показал, что между обществами не может существовать общей меры, и постижение каждого из них требует внутреннего соучастия, включенного наблюдения и даже (временной) смены идентичности. Эту же тему развили и ученики Боаса (американская школа культурной антропологии), и английские представители социальной антропологии, и французские социологи школы Э. Дюркгейма⁴-М. Мосса⁵, и структурные антропологи (К. Леви-Стросс⁶), и немецкие этносоциологи (Р. Турнвальд⁷, В. Мюльман⁸).

Антропологический подход с самого начала социологи стали время от времени применять и к иным, неархаическим обществам (например, У. Томас вместе с Ф. Знанецким в их классической работе «Польский крестьянин в Европе и Америке»⁹). Поэтому для системного изучения с помощью антропологического инструментария цивилизаций все предпосылки налицо и все маршруты такого подхода уже приблизительно намечены.

Теоретически, видимо, можно наметить и иные подходы к изучению цивилизаций, но здесь допустимо остановиться на их перечислении. 13 различных, хотя и не исключающих, а скорее, дополняющих друг друга подходов

¹ Дугин А. Г. Мартин Хайдеггер. Возможность Русской Философии. М.: Академический Проект, 2011.

² Heidegger M. Sein und Zeit (1927). Tubingen: Max Niemeyer Verlag, 2006.

³ Boas F. The Mind of Primitive Man. New York: Macmillan, 1938.

⁴ Durkheim E. Les formes élémentaires de la vie religieuse. Paris: Librairie générale française, 1991.

⁵ Мосс М. Общества. Обмен. Личность. М.: Восточная литература, 1996.

⁶ Леви-Стросс К. Структурная антропология. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001.

⁷ Thurnwald R. Die menschliche Gesellschaft in ihren ethno-soziologischen Grundlagen, 5 B. Berlin: de Gruyter, 1931 – 1934.

⁸ Mühlmann Wilhelm Emil. Methodik der Völkerkunde. Stuttgart: Ferdinand Enke, 1938.

⁹ Thomas W. I., Znaniecki F. W. The Polish Peasant in Europe and America: A Classic Work in Immigration History. Urbana.: University of Illinois Press, 1996.

уже достаточно, чтобы составить представление о качественном объеме возможных цивилизационных исследований.

Каждый из этих подходов можно сопрячь как с другими, параллельными, так и напрямую с областью «большого пространства». Геополитика в целом и социология пространства позволяют нам осуществлять подобные операции в случае каждого из концептов цивилизации. Пространственное выражение может иметь и субстанция, и процесс, и система, и структура, и язык, и религия, и культура, и бессознательное, и этнос, и Dasein и все остальное. Совокупность подобных карт, соответствующих разным толкованиям цивилизаций, дадут преемнику «большого пространства» огромный семантический качественный объем. Из предварительной аппроксимации «большое пространство» в каждом конкретном случае превратится в полноценное и многомерное смысловое поле. Все это и подготовит последний этап — переход к тому, что К. Шмитт назвал «порядком больших пространств»¹, а в нашем случае — к полноценному правовому оформлению Многополярного Мира.

Полюса многополярного мира / номенклатура цивилизаций

Хантингтон выделяет следующие цивилизации:
беспорные

- Западная цивилизация
 - Православная (евразийская) цивилизация
 - Исламская цивилизация
 - Индуистская цивилизация
 - Китайская (конфуцианская) цивилизация
 - Японская цивилизация
- потенциальные
- Латиноамериканская цивилизация
 - Буддистская цивилизация
 - Африканская цивилизация

Им-то и суждено в определенном историческом времени стать полюсами многополярного мира.

Западная цивилизация

Самой очевидной и часто претендующей на единственность и универсальность является западная цивилизация². Она берет свое начало в греко-римском мире, а в Средневековье складывается окончательно в западной половине христианской Эйкумены. Сегодня она состоит из двух стратегических центров по обе стороны Атлантики: Северной Америки (в первую очередь, США) и Западной Европы. В этой зоне сформировался Модерн и вся его цивилизационная аксиоматика. Здесь находится бесспорный и очевидный полюс нынешнего миропорядка. Это Хантингтон называет термином «the West», «Запад».

Но в картине множественности цивилизаций мы видим следующую особенность: Запад как цивилизация (*одна из нескольких!*) есть явление локальное, рядоположенное с другими цивилизациями, имеющими длительную историю, глубокие исторические корни, и сегодня обладающими серьезным

¹ Schmitt C. Völkerrechtliche Großraumordnung Mit Interventionsverbot Für Raumbremde Mächte. Ein Beitrag zum Reichsbegriff im Völkerrecht. Berlin: Duncker & Humblot, 1988.

² Eisenstadt S.N. The Civilizational Dimension of Modernity: Modernity as a Distinct Civilization // International Sociology, 16 (3) 2001. С. 320 – 340.

ресурсным, стратегическим, экономическим, политическим и демографическим потенциалом. Запад — это «большое пространство», среди других «больших пространств»¹. Западная цивилизация является лидирующей, но «все остальные» (the Rest), если сложить их совокупный потенциал, в определенный момент могут бросить ему вызов и поставить его гегемонию под вопрос. Сам Хантингтон, естественно, этого не хочет, но он реалистично оценивает ситуацию, предполагая, что это в любом случае когда-то произойдет, и поэтому уже сейчас руководители западной цивилизации должны самым серьезным образом посмотреть в глаза тревожному и рискованному будущему, где вероятность столкновения со «всеми остальными» будет только возрастать — по мере развития мощи других цивилизаций.

Православная (евразийская) цивилизация

Православная (евразийская) цивилизация также имеет средиземноморское происхождение, но складывается на основании восточно-христианской традиции, продолжая геополитику Византийской империи. Уже более тысячи лет назад расхождения между западным и восточным христианством принимают критические формы, и эти две части христианской эйкумены следуют своими отличными и часто антагонистическими историческими путями. Ядром православной (евразийской) цивилизации является Россия, получившая, начиная с XV века, двойное историческое и геополитическое наследие — одновременно от покоренной османами Византии и от рухнувшей Золотой Орды, став синтезом восточно-христианской и степной (туранской) культуры².

Вся история отношений России с Западной Европой представляет собой конфликт вокруг линии цивилизационного разлома, прореченного между православием и западным христианством (католичеством и протестантизмом). Позднее (с эпохи Петра) это противостояние приобретает характер противоречия национальных интересов, еще позднее (в XX веке) выражается в конфликте мирового капитализма и мирового социализма. И хотя эта последняя версия ушла в прошлое, цивилизационная идентичность России и других православных (по своей истории и культуре) обществ предопределяет существенное отличие от западных критериев, что легко выливается в конфликт интересов и при определенных обстоятельствах в вероятность столкновения. Православная (евразийская) цивилизация с ядром в России имеет все основания на то, чтобы претендовать на роль одного из полюсов многополярного мира. В современных условиях у России едва ли хватит потенциала для единоличного противостояния Западу, поэтому возврат к двухполярной системе и невозможен. Но в контексте многополярности эта цивилизация вполне могла бы стать важнейшим и в определенных ситуациях решающим фактором мирового баланса сил. Особенно это стало заметно с 2000 года, когда Москва стала понемногу укреплять свои позиции на международной арене, преодолев хаос 1990-х.

Исламская цивилизация

Исламская цивилизация представляет собой еще одну мировую силу. Сегодня мусульмане разделены границами национальных Государств, но есть пункты, по которым представители исламской цивилизации в целом соли-

¹ *Schmitt Carl. Völkerrechtliche Grossraumordnung mit Interventionsverbot für Raumfremde Mächte — Ein Beitrag zum Reichsbegriff im Völkerrecht. Berlin: Duncker & Humblot, 1991.*

² Основы евразийства. М. Арктогея-Центр, 2002.

дарны между собой по ту сторону национальных границ. По мере модернизации исламских обществ и укрепления их экономического, политического и военно-стратегического потенциала, исламские элиты и интеллектуальные круги все отчетливее осознают различия в ценностных системах между исламским миром и западной цивилизацией, что вызывает постоянно растущие антизападные настроения. Атака исламских террористических групп «Аль-Каиды» на башни Всемирного Торгового Центра 9 сентября 2011 года демонстрирует, до какой степени ожесточения этот конфликт способен дойти. По ряду параметров исламская цивилизация вполне может претендовать на статус самостоятельного полюса многополярного мира.

Китайская цивилизация

Не менее очевидны культурные особенности китайской (конфуцианской) цивилизации. Китайское общество объединено не столько религией, сколько общностью этической культуры, сходством социальных установок и множеством иных этических, духовных, философских и психологических черт. Китайцы живо осознают свою цивилизационную особенность и способны сохранять верность культурному типу, даже проживая в среде иных, не китайских, обществ. Успешно осваивая западные технологии, китайцы сохраняют свою культурную идентичность почти неприкосновенной. Западный индивидуализм, гедонизм, рационализм и т. д. не проникают глубоко в китайское общество. Сохранение в Китайской Народной Республике коммунистического правления только подчеркивает особость китайского пути. Внушительная демография китайского населения представляет собой огромный политический и экономический ресурс, а выдающиеся успехи китайской экономики давно превратили Китай в серьезного экономического конкурента странам Запада.

Индуистская цивилизация

Не меньшим чем у Китая демографическим потенциалом обладает и Индия. Очевидно, что это не просто Государство, но именно цивилизация, с многотысячелетней историей и особыми философскими и ценностными установками, существенно отличающимися от нормативов современного Запада. Модернизация Индии приводит к определенным изменениям в социальной структуре этой страны, но по мере технического развития растет и осознание индусами собственной цивилизационной идентичности (хиндутва¹). Индуистская цивилизация не агрессивна и созерцательна по своим корням, но при этом чрезвычайно консервативна и устойчива, и перед лицом альтернативных цивилизационных кодов (ислам, вестернизация и т. д.) способна проявлять определенную жесткость. Экономический рост Индии в последние годы также делает ее вполне состоятельным претендентом на роль полюса многополярного мира. У Индии есть своя стратегия, распространяющиеся на ряд ключевых зон субконтинента, граничащих с Индией, на определенный сектор Индийского океана и на расположенные там островные Государства.

Японская цивилизация

Японская цивилизация, несмотря на то, что из всех незападных стран Япония после Второй мировой войны глубже всех интегрирована в зону

¹ Savarkar Vinayak Damodar. Hindutva. Delhi: Bharati Sahitya Sadan, 1989.

«глобального Запада», представляет собой уникальное явление с самобытной культурной традицией. Огромный экономический потенциал Японии и специфика японской социальной психологии еще в начале 1990-х годов приводили ряд американских аналитиков к мысли о возможном столкновении Запада с Японией¹. В последние два десятилетия экономический рост Японии заметно замедлился, а ее политические амбиции в региональной политике, не говоря уже о глобальной, существенно сократились. Нем не менее учитывая прошлый исторический опыт и огромный потенциал японского общества, нельзя исключить того, что в определенный момент Япония станет наряду с Китаем одной из ведущих цивилизационных сил — как минимум, в Тихоокеанском регионе. Она и сейчас является таковым, но, правда, представляя стратегические интересы США, в том числе и в вопросе уравнивания растущей мощи Китая. В условиях многополярности эта «прозападная» функция Японии может измениться.

Латиноамериканская цивилизация

Латиноамериканская цивилизация является постколониальной зоной, политически организованной европейцами. Но исторические связи с католическими и консервативными культурами Испании и Португалии, а также значительный процент сохранившегося автохтонного населения, стали причиной того, что культура стран Южной Америки существенно отличается от культуры Северной Америки (где преобладали англосаксонские протестантские влияния и местные индейские племена были почти полностью истреблены). Религиозные, культурные, этносоциологические и психологические отличия латиноамериканцев могут служить предпосылкой для того, чтобы население Южной Америки осознало свое историческое своеобразие и стало самостоятельным полюсом — с собственной повесткой дня и стратегическими интересами.

В этом направлении на разных уровнях уже сегодня начинают двигаться разные латиноамериканские страны — от Венесуэлы Уго Чавеса и Боливии Эво Моралеса до сделавшей в последние годы мощный бросок вперед Бразилии. Совокупно страны Латинской Америки обладают значительным демографическим, ресурсным, экономическим, политическим потенциалом и вполне могут при определенных обстоятельствах стать полюсом многополярного мира.

Африканская цивилизация

Остальные цивилизации могут рассматриваться лишь как далекие кандидаты на статус полюсов многополярного мира.

Африканская цивилизация как пространство, подлежащее интеграции в самостоятельный полюс многополярного мира, существует в форме умозрительного проекта. Народы Транссахарской Африки чрезвычайно разрозненны и объединены в национальные Государства по строго колониальному признаку. У них нет никакой *общей* культурной идентичности или цивилизационной системы. Теоретически, на основании расовых, пространственных, геополитических, экономических и социологических особенностей, в ка-

¹ *Friedman George, LeBard Meredith. The Coming War With Japan. New York: St. Martin's. Press, 1991.*

кой-то момент народы Африки могли бы осознать (точнее, сконструировать) свое единство. Такие проекты существуют — например, проект Соединенные Штаты Африки (Кваме Нкрума, Абдулай Ваде, Муаммар Каддафи¹), Организация Африканского Единства, Панафриканское экономическое сообщество и т. д. Совокупность населения и территория делают эту теоретическую конструкцию весьма внушительной (третье место по демографии и первое по объему занимаемого пространства в мире).

Но для того чтобы эта зона превратилась в самостоятельный полюс, должно пройти, видимо, довольно много времени.

Буддистская цивилизация также представляется туманной и размытой. К ней относятся разные страны, которые отличаются по ряду культурных и социальных признаков от соседних с ними исламской и индуистской цивилизаций. Буддизм распространен в Китае и Японии, однако, эти страны могут претендовать на то, чтобы выступать в качестве самостоятельных полюсов. Поэтому консолидация буддистского пространства, четко отличного от ареала китайского или японского влияния, вряд ли может состояться в ближайшей перспективе. Можно считать «буддистскую цивилизацию» резервной зоной в Тихоокеанском регионе.

Карта потенциального многополярного мира

Таким образом, простой перечень цивилизаций и довольно оформленных и пока еще весьма приблизительных, позволяет придать ТММ конкретный характер. Мы получаем дифференцированную структуру потенциальной карты многополярного мира.

Мы видим на ней:

- *западную цивилизацию*, сегодня претендующую на универсализм и гегемонию, но на самом деле, представляющую собой лишь цивилизацию среди многих, а значит, и ее гегемония и ее универсализм имеют строго определенные географические границы и вполне конкретное историческое содержание (и пространственные и временные границы могут быть сдвинуты в любом направлении — это как раз зависит от междивизиционного баланса);
- *православную (евразийскую) цивилизацию*, чьи приблизительные границы включают в себя пространство СНГ и часть Восточной и Южной Европы (это территория неоднократно выступала в истории как главный или, по меньшей мере, основательный конкурент для западной цивилизации — вплоть до недавнего прямого дуализма Восток-Запад в системе двухполярного мира);
- *исламскую цивилизацию*, пространственно охватывающую Северную Африку, центральную Азию и ряд тихоокеанских стран (где сосредоточен огромный демографический потенциал и критически важный объем полезного сырья, в том числе энергоресурсов);
- *китайскую цивилизацию*, включающую в себя не только Тайвань, но и обширную зону в Тихоокеанском регионе, на которую распространяется китайское влияние (и которая имеет определенные основания для того, чтобы стать еще более обширной с учетом китайской демографии и темпов экономического роста);

¹ *Tshiyembe Mwayila*. Would a United States of Africa work? *Le Monde diplomatique* (English edition), September 2000.

- *индуистскую цивилизацию* (куда кроме собственно Индии можно отнести Непал и Маврикий в Африке, где более 50 % населения исповедует индуизм);
- *латиноамериканскую цивилизацию*, объединенную связью с испано-португальскими обществами Европы, католической религией, относительной общностью смешанной европейско-индейско-африканской культуры (сюда можно включить как страны Южной Америки, так и Центральной Америки вплоть до Мексики на самом севере этого региона);
- *японскую цивилизацию*, сегодня пребывающую в анабиозе, но исторически имевшую (обоснованные, с точки зрения силового потенциала) претензии на установление во всем Тихоокеанском регионе «японского порядка».

Контуры этих цивилизаций ясно различимы на карте и проступают по целому ряду важных вопросов сквозь границы национальных Государств, дробящих соответствующие цивилизационные пространства.

Контуры трех других потенциальных цивилизаций видны не столь отчетливо. Африканская и буддистская цивилизации в качестве интегрированного полюса многополярного мира представляют собой сегодня, скорее всего, реалии далекого будущего.

Тем не менее мы имеем дело с готовым наброском миропорядка, радикально отличного от того, что является объектом теоретизаций подавляющего большинства парадигм МО — как позитивистских и классических, так и постмодернистских. Эта картина цивилизационных центров в системе многополярности есть *схема возможного и даже вероятного будущего*. В таком будущем количество акторов мировой политики будет строго больше одного и двух, но при этом их будет на порядок меньше, чем существующих сегодняшний день национальных Государств.

Каждая из цивилизаций будет представлять собой полюс силы и центр локальной гегемонии, превосходящей потенциал всех своих составляющих (относящихся к данной цивилизации), но не обладающей достаточным могуществом, чтобы навязать свою волю соседним цивилизациям.

Многополярный порядок, таким образом, будет воспроизводить на ином уровне Вестфальскую систему — с ее суверенитетом, балансом сил, хаосом интернациональной среды, возможностями конфликтов и потенциалом мирных переговоров, но с той лишь принципиальной разницей, что акторами отныне будут *не национальные Государства*, нормативно представляемые по одинаковому образцу, скопированному с европейских капиталистических держав Нового времени, а *цивилизации*, имеющие совершенно самостоятельную внутреннюю структуру, соответствующую историческим традициям и культурным кодам.

Такой мир будет в полном смысле слова *полицентричным*, т. к. равенство цивилизаций на уровне международного порядка не будет предполагать идентичности их внутривнутриполитического устройства. Каждая из цивилизаций получит, тем самым, право организовывать свои общества в соответствии со своими предпочтениями, ценностными системами и историческим опытом. В одних религия будет играть решающую роль, в других вполне могут преобладать секулярные принципы. В одних будет демократия, в других — совершенно иные политические формы правления, либо связанные с историческим опытом и культурными особенностями, либо избранные самими обще-

ствами в качестве оптимальных конструктивных проектов. В отличие от Вестфальской системы в такой модели мироустройства будет отсутствовать общепланетарная модель универсалистской гегемонии и общеобязательный паттерн. В каждой цивилизации смогут быть утверждены обобщающие системы ценностей, свойственные только данной цивилизации — включая представления о субъекте, объекте, времени, пространстве, политике, человеке, познании, цели и смысле истории, правах и обязанностях, социальных нормативах и т. д. Каждая цивилизация имеет свою философию, и незападные цивилизации, вполне естественно, будут опираться на свои, автохтонные, философские системы, возрождая их, совершенствуя, трансформируя или даже меняя на новые, но все это в условиях исключительной свободы и опоры на конкретное общество.

Цивилизации как конструкты

Здесь мы подходим к очень важному моменту. Многие критики Хантингтона выдвинули контраргументы, оспаривая само существование цивилизаций в современном мире или указывая на то, что глобализация, вестернизация и модернизация через определенный срок выровняют культурные и цивилизационные различия¹. Вопрос об онтологии концепта цивилизации, таким образом, ставится ими на повестку дня со всей остротой.

Тот факт, что цивилизации существуют как объединяющий широкие сегменты обществ культурный и ценностный (иногда религиозный) фон, является эмпирическим фактом социологии и истории. Но достаточно ли этого, чтобы в нынешних условиях это единство было достаточно ясно осознано, мобилизовано и превратилось в сильную политическую идею, способную сделать цивилизации главными акторами в системе международных отношений?

Хантингтон приводит эмпирические наблюдения, настаивая на том, что такая онтология есть² и что в нынешних условиях именно цивилизационная идентичность призвана сыграть решающую роль в развертывании основных процессов после конца двухполюсного мира и все возрастающих трудностей у США с тем, чтобы справиться с растяжением границ однополярного момента, а также на фоне глобализации, которая, параллельно с универсализацией определенных кодов и процедур, способствует одновременно возрождению локальных и религиозных идентичностей (Р. Робертсон и его «глокализация»³). Но это вопрос дискуссионный: сторонники цивилизационного подхода утверждают, что цивилизация является онтологически обоснованным концептом в области международных отношений⁴, противники же настаивают на том, что эта онтология сомнительна или ирреальна. Так как сам Хантингтон стоит на стороне Запада и является интегральной час-

¹ Fox J. Paradigm Lost: Huntington's Unfulfilled Clash of Civilizations Prediction into the 21st Century // International Politics, 42, 2005. pp. 428–457.; Henderson E.A., Tucker R. Clear and Present Strangers: The Clash of Civilizations and International Conflict // International Studies Quarterly. 45. 2001; Russett B.M., Oneal J.R., Cox M. Clash of Civilizations, or Realism and Liberalism *Déjà Vu?* Some Evidence // Journal of Peace Research 37. 2000; Said Edward. The Clash of Ignorance // The Nation, October 2001.

² Huntington Samuel P. (ed.). The Clash of Civilizations?: The Debate // Foreign Affairs. New York, 1996.

³ Robertson R. Globalization: Social Theory and Global Culture. London: Sage, 1992.

⁴ Harris Lee. Civilization and Its Enemies: The Next Stage of History, New York, The Free Press, 2004.

тью его интеллектуальной элиты, то его осмысление фактора цивилизаций идет с позиций Запада, и в самом факте наличия других цивилизаций, кроме Западной, и тем более в их вероятном усилении и становлении самостоятельными полюсами многополярного мира Хантингтон видит лишь угрозу. Он считает эту угрозу реальной и онтологически обоснованной. Поэтому его относят к пессимистам глобализации. И все же для него онтология концепта цивилизации — это оценка серьезности и реальности потенциального противника¹.

Однако к этой проблеме можно подойти и с совершенно другой стороны, не в рамках реалистского подхода, которому по многим вопросам остается верен сам Хантингтон, но на основе конструктивистского метода и, шире, постпозитивистских теорий МО.

Для ТММ не столь важно, существуют ли цивилизации как акторы и полюса многополярного мира или нет, является ли их бытие доказанным и весомым фактором или слабой и турбулентной помехой на пути уверенного катка однополярности или западоцентричной глобализации. Цивилизация как актер международных отношений — это совсем не возврат к Премодерну, где фигурировали традиционные Государства и Империи. Цивилизации как актер международных отношений — это нечто *совершенно новое*, никогда не бывшее, это своего рода *реальность Постмодерна*, призванная заместить собой исчерпавший себя потенциал миропорядка, основанного на доминации Вестфальской системы, но *Постмодерна альтернативного* как однополярной американской империи, так и бесполярной глобализации.

Иными словами, в каком-то смысле цивилизацию следует рассматривать как *конструкт*, как специфический дискурс, как текст, который, однако, имеет структуру, принципиально отличную от однородного и «монотонного» западоцентричного дискурса. Цивилизация — это привнесение в реальность международных отношений качественного различия (*différance*), когда человечество мыслится не как воспроизводство однотипной серии (презумпция гражданского общества или идеологии прав человека), но как набор невозможных монад (по Лейбницу²), которые организуют несколько параллельных семантических и культурных Вселенных. Эти Вселенные складываются в *конфликте* (как у Хантингтона), но совсем не обязательно, что *только* в нем. В той же мере вероятен и *диалог цивилизаций*³, на чем настаивал бывший президент Ирана Мухаммад Хатами⁴. Форма взаимодействия цивилизаций как акторов многополярной системы может быть *любой* — конфронтационной и мирной: практически в той же самой пропорции, как строятся отношения национальных Государств в Вестфальской системе. Но если национальное Государство и национальный суверенитет были конструктами Нового времени, то цивилизация вполне может стать *конструктом Постмодерна*, выражая таким образом *радикальную плюральность дискурсов, не сводимых к общему знаменателю*.

¹ В этом его упрекает Эдвард Саид. *Said Edward. The Clash of Ignorance. Op. cit.*

² Делез Ж. Складка. Лейбниц и барокко. М.: Издательство Логос, 1997.

³ *Michael M.S., Petite F. (eds.). Civilizational Dialogue and World Order: The Other Politics of Cultures, Religions, and Civilizations in International Relations. Palgrave-Macmillan, 2009.*

⁴ *Khatami Mohammad. Dialogue among civilizations: a paradigm for peace. NY: Theo Bekker, Joellen Pretorius, 2001; Köchler Hans (ed.). Civilizations: Conflict or Dialogue? Vienna: International Progress Organization, 1999.*

Координационный центр многополярности

Цивилизации суть то, что требуется создать. Однако этот процесс создания цивилизаций не предполагает целиком искусственной модели, полностью отсутствующей в реальности. Культурная, социологическая, историческая, ментальная, психологическая база для цивилизаций есть, и она эмпирически фиксируется¹. Но переход от цивилизации как культурной и социологической данности к цивилизации как актору многополярного мира требует усилия. Это задание, которое может и призвана осуществить особая историческая инстанция.

Что это за инстанция? Можно условно и аппроксимативно определить ее как *политическую и интеллектуальную идеологическую элиту* «всех остальных» (the Rest), т. е. совокупность государственных деятелей, интеллектуалов, представителей крупных монополий и религиозных структур, а также ведущих политических сил тех стран, которые по тем или иным причинам не согласны с однополярностью или западоцентричной глобализацией, являются сторонниками «модернизации без вестернизации» и видят будущее своих обществ только в рамках мироустройства, альтернативного ныне существующему.

Сам Хантингтон, повторяя А. Тойнби, говорит о паре «the West and the Rest», «Запад и все остальные», как о цивилизационных антагонистах². Постепенно это расплывчатое «все остальные» (the Rest) приобретает зримые черты и фиксирует свою историческую программу в выработке ТММ.

Именно интеллектуальная элита незападного мира призвана *сконструировать многополярность* и, соответственно, превратить «цивилизацию» в действенный и содержательный концепт.

Границы цивилизаций

Очень важный вопрос заключается в том, как определить *границы цивилизаций* и, соответственно, как определить вероятные модели отношений между ними. Здесь можно рассматривать различные варианты, но несколько моментов являются заведомо очевидными.

Границы цивилизаций не могут являться и не являются строго фиксированными *линиями*, как в случае государственных границ, разделяющих между собой национальные Государства. Цивилизации отделены друг от друга в пространстве широкими *полосами*, на которых наличествует смешанная цивилизационная идентичность. Кроме того, внутри одной цивилизации могут быть достаточно большие анклавы или вкрапления иной цивилизации. Цивилизация относится к пространству радикально иначе, нежели национальное Государство к своей территории. Степень административного упорядочивания соотносится не столько с пространством, сколько с обществами, общинами и группами населения. Поэтому территориальный признак не является здесь столь же однозначным, как в случае определения принадлежности той или иной национальной территории.

¹ Harrison Lawrence E., Samuel P. Huntington (eds.). Culture Matters: How Values Shape Human Progress. New York: Basic Books, 2001.

² С.Н. Трубецкой в этом же смысле противопоставлял как антагонистические концепты «Европу» и «человечество». Трубецкой Н. С. Европа и человечество // Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. М.: Аграф, 2001.

Соответственно, у границ между цивилизациями должен быть *качественно иной статус*, нежели у границ между Государствами¹. На границе между цивилизациями могут быть расположены целые автономные миры, самобытные и обособленные, составляющие совершенно специфические социальные структуры и культурные ансамбли. Для них следует разработать совершенно особую правовую модель, учитывающую особенности накладывающихся друг на друга цивилизаций, пропорции между ними, а также их качественное содержание и уровень интенсивности осознания собственной идентичности. В некоторых юридических школах различают понятие «граница» (в строгом смысле, как линия, отделяющая территорию одной страны от другой) и «фронтир» (как менее конкретная зона, находящаяся между одним типом пространства и другим). В первом случае это именно линия, не имеющая ширины, в другом случае — зона, полоса, нечто имеющее ширину. В этом контексте одну цивилизацию от другой отделяет именно «фронтир», межцивилизационная зона, которая может быть довольно широкой и расплывчатой, всякий раз специфической и отличающейся от социокультурного пространства, преобладающего по обе стороны «фронтира»².

Практика многополярного мира: интеграция

Выяснив онтологический статус концепта «цивилизация», становится понятным направление основного вектора практики строительства многополярного мира. Речь идет об *интеграции*.

Интеграция становится осью многополярного миропорядка. Но эта интеграция в ТММ должна четко вписываться в цивилизационные рамки. Поэтому следует строго различить несколько типов интеграции:

- *глобальную*, не учитывающую цивилизационные особенности и протекающую на основе универсального протокола, за основу которого взята западная система норм, процедур и ценностей;
- *гегемонистскую*, приводящую к установлению иерархических диспропорциональных отношений у субъектов интеграции без учета культурных различий;
- *цивилизационную*, захватывающую только те страны и общества, которые имеют общую культурную составляющую и сходную социально-политическую систему, а также общие исторические (и религиозные) корни.

ТММ настаивает на противодействии первым двум типам интеграции и на поощрении и активном проведении третьего типа интеграции.

Таким образом, мы получаем конкретный набор, состоящий из нескольких интеграционных зон, довольно неравнозначных по своему цивилизационному содержанию:

- *западная интеграция* (европейская и американская), а также евро-атлантическая (здесь все обстоит успешно — есть военно-политический блок НАТО, есть Евросоюз, есть проекты интеграции всего североамериканского континента, включая введение североамериканской валюты — «амеро»);

¹ Shapiro M.J., Hayward R. Alker (eds.) Challenging Boundaries: Global Flows, Territorial Identities. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, 1996.

² Ashley R. Living on Border Lines: Man, Poststructuralism and War // Derian Der, Shapiro M.J. (eds.). International /Intertextual Relations: Postmodern Readings of World Politics Lexington, MA: Lexington Books, 1989.

- *евразийская интеграция* (ее ориентиром является Евразийский Союз, а этапами — интенсификация военно-стратегического сотрудничества в рамках ОДКБ, экономическое партнерство в рамках ЕврАзЭС, союзное Государство Россия-Белоруссия, проект Единого Экономического Пространства, с учетом Украины, частично — структуры СНГ);
- *исламская интеграция* (Исламская конференция, Исламский банк развития, единое шиитское пространство от Ирана, Ирака до Ливана, а также фундаменталистские проекты «нового халифата»);
- *китайская интеграция* (АСЕАН + Китай, вероятное поглощение Китаем Тайваня, введение зоны «золотого юаня»);
- *индийская интеграция* (усиление индийского влияния в юго-восточной Азии, на Индийском субконтиненте, в Непале, и в ряде стран Тихоокеанского бассейна, близких к Индии геополитически и культурно);
- *японская интеграция* (пока под вопросом и включает в себя рост влияния Японии на Дальнем востоке);
- *латиноамериканская интеграция* (Латиноамериканская Ассоциация интеграции, Меркосур, Центральноамериканский общий рынок и т. д.);
- *африканская интеграция* (Организация Африканского единства, Соединенные Штаты Африки и т. д.).

Интеграция становится приоритетным процессом в организации многополярного порядка в международных отношениях.

Преконцепт: цивилизация и «большое пространство»

В ходе строительства многополярного мира в определенный момент со всей остротой встанет вопрос о переводе понятия «цивилизация» из социокультурной категории в *правовое понятие*. Здесь чрезвычайно важна концепция «большого пространства» («Grossraum»), разработанная немецким философом и юристом К. Шмиттом¹. Значение идей К. Шмитта для сферы МО убедительно показал английский теоретик МО Ф. Петито². К. Шмитт задается вопросом о том, каким образом происходит формирование международных нормативов, которые со временем приобретают статус общепризнанных правовых положений. Особенно его интересует становление такого явления как *Jus Publicum Europaeum*, заложившего основы европейской системы МО в Новое время. Шмитт стоит в целом на позициях реализма, и поэтому для него первостепенным вопросом является сама *процедура* соотнесения суверенитета национального Государства (над которым по определению не может быть никакой высшей инстанции) и выработкой правил в области международных отношений, которым, тем не менее, национальные Государства вынуждены подчиняться. Обычно наличие институционального упорядочивания анархии международных отношений признают именно либералы, поэтому в некоторых классификациях их называют «институционалистами». В случае К. Шмитта мы имеем дело с убежденным реалистом,

¹ *Schmitt Carl*. Völkerrechtliche Grossraumordnung mit Interventionsverbot für Raumerfremde Mächte — Ein Beitrag zum Reichsbegriff im Völkerrecht. Berlin: Duncker & Humblot, 1991.

² *Petito F., Odysseos L*. The International Political Thought of Carl Schmitt: Terror, liberal war and the crisis of global order. London and New York: Routledge, 2007; *Petito F., Odysseos L*. (2006) Introducing the International Theory of Carl Schmitt: International Law, International Relations, and the Present Global Predicament (s) // *Leiden Journal of International Law*, vol. 19. No. 1. 2006.

но, тем не менее, уделяющим пристальное внимание структурированию среды международных отношений. Отсюда парадоксальная характеристика его подхода: «институционалистский реализм»¹.

Хаос и анархия в международных отношениях как базовые предпосылки реализма в МО, по Шмитту, регулируются не просто воззванием к общности либерально-демократических ценностей, торговой конкуренции и пацифизму, но специфически осознаваемым балансом сил, соотношенным с конкретной географической ситуацией. Уделяя большое внимание геополитике, Шмитт настаивает на фиксации правовых норм в географическом пространстве². В результате вся сфера МО оказывается соотношенной с физической и политической картой. Хаос в МО приобретает тем самым пространственные черты и структурируется силовыми линиями баланса могуществ различных держав.

Так как Вестфальская система формально отказывается от признания какой бы то ни было легитимной и легальной реальности, превосходящей национальный суверенитет, пространственная нормативизация сферы международных отношений не получает и не может получить формально концептуализированного выражения. Тем не менее баланс сил подчас бывает устойчивым и очевидным настолько, что по своей сути вполне может сравниться с законом и, соответственно, быть зафиксированным в праве фиксации. Такой была судьба «доктрины Монро», Английского морского права, «доктрины Вильсона» или условий Версальского мира: доминирующие мировые державы отождествляли свои национальные интересы (подтвержденные силовым ресурсом) с нормативным положением дел даже в том случае, если речь шла о процессах, протекающих не просто за пределами их непосредственных границ, но на критически далеком от них расстоянии³.

Шмитт детально анализирует процесс этой тонкой работы, приводящей на последнем этапе к появлению наднациональных правовых структур, имеющих различную степень обязательности и до определенной степени концептуально конфликтующих с общепризнанной Вестфальской системой национальных суверенитетов. Для этого анализа К. Шмитт вводит технический термин «*преконцепт*» («пред-понятие») как некую *политическую идею*, имеющую наднациональный масштаб и пока еще не закрепленную в правовых уложениях, но при определенных обстоятельствах и конкретном состоянии баланса сил способную обрести легальный статус.

Далее, Шмитт соотносит «преконцепт» (например, «доктрину Монро» или «немецкий Рейх») с пространственными границами, к которым этот преко́нцепт может быть применим. В результате рождается новая форма — «*большое пространство*» (*Grossraum*), являющееся одной из важнейших составляющих политической теории К. Шмитта.

«*Большое пространство*» — это пространственное выражение правового преко́нцепта в области МО.

Если мы применим эту процедуру к нашему понятию «цивилизация», то обнаружим, что она идеально подходит к ТММ. Многополярность, как, впрочем, и двуполярность или однополярность, не является правовым понятием

¹ *Petito F., Odysseos L.* The International Political Thought of Carl Schmitt: Terror, liberal war and the crisis of global order.

² См.: Дугин А. Геополитика. М.: Академический проект, 2011; Он же. Четвертая политическая теория. СПб.: Амфора, 2007.

³ См. Третий раздел настоящего труда.

и не может стать таковым в ближайшем будущем или вообще когда-либо. Это описание фактического баланса сил среди ведущих мировых акторов. Следовательно, и «цивилизация» и «многополярный уклад» имеют статус правовых прекоцептов: они существуют, они могут быть силовым и ресурсным образом подтверждены, они могут быть декларированы, они могут быть действены и реальны. При определенных обстоятельствах они даже могут сменить Вестфальскую модель, и тогда будет закономерно поставить вопрос о формальном отказе от национального суверенитета, перенеся это понятие на иную инстанцию — на саму *цивилизацию* или полюс многополярного мира. В этом случае прекоцепт станет просто концептом и правовым понятием.

Но события могут разворачиваться и по другой логике: в этом случае цивилизация и многополярность останутся в состоянии прекоцепта на неопределенно долгий срок (подобно тому, как двухполярность не упразднила национального суверенитета, хотя и сделала его относительным для всех тех стран, которые не обладали статусом сверхдержавы).

А когда мы попытаемся начертить границы цивилизаций, то столкнемся напрямую с «большим пространством» — понятием, очень удобным в силу его прекоцептуального статуса для фиксации пространственной локализации цивилизации.

Многополярный мир, основанный на балансе сил составляющих его цивилизаций, можно будет назвать вслед за К. Шмиттом «*порядком больших пространств*»¹.

«Политейя» в Теории Многополярного Мира

Актером международных отношений в ТММ выступают цивилизации. Мы видели, что понимание цивилизаций может быть чрезвычайно разнообразным; при этом разные варианты не исключают, а дополняют друг друга. Такое разнообразие существенно обогащает концепт, делает его чрезвычайно содержательным, что дает возможность плюральных толкований цивилизационной идентичности, чьи пропорции, акценты и границы могут меняться, уточняться и варьироваться. Но для того, чтобы перейти на уровень теории, этот концептуальный плюрализм должен быть сведен к более упрощенной редукционистской системе. Здесь важнейшим инструментальным концептом является «большое пространство» (Grossraum), рассмотренное в «Геополитике многополярного мира». «Большое пространство», в отличие от цивилизации представляющее собой принципиально не политическое явление, можно рассматривать уже как политический прекоцепт, подводящий вплотную к оформлению политического измерения ТММ. И здесь мы подходим к очень важной проблеме: каким политическим статусом будут обладать полюса многополярного мира (= цивилизации) в этой теории? И соответственно, на какой основе будет строиться правовая база международных отношений?

Здесь мы вынуждены напрямую ответить на очень деликатный вопрос, имеющий как чисто теоретическое, так и психологическое значение: будут ли полюса многополярного мира *Государствами*? Если да, то какими? Если нет, то чем они будут?

¹ *Schmitt Carl*. Völkerrechtliche Grossraumordnung mit Interventionsverbot für Raumerfremde Mächte — Ein Beitrag zum Reichsbegriff im Völkerrecht.

Для того чтобы ответить на эти вопросы и приблизиться к выработке формального политического концепта, завершающего построение ТММ (по крайней мере, на первом этапе), следует дать краткий обзор того, что понимается под «Государством» в современной политической науке.

На исторической шкале принято разделять все Государства на два типа: пред-современное Государство (Pre-Modern State) и современное Государство (Modern State). Это принципиально разные концепты, обладающие собственным набором признаков. Пред-современные Государства достигают своей обобщающей кульминации в Империи, которая предполагает сочетание высшей центральной власти в едином центре с широким распределением полномочий в пользу политических образований более низкого уровня — провинции, колонии, полуавтономные царства и т. д. К другому типу пред-современного Государства относится древний полис, город-государство как небольшая автономная единица, обладающая относительной независимостью от других аналогичных сил и представляющая собой властный центр для прилегающих (сельских) территорий. Пред-современные Государства могут быть самыми разнообразными с точки зрения политической власти, которую Аристотель систематизировал в трех парах, первый член которых рассматривался как позитивная версия правления, второй — как негативная, ущербная и пейоративная:

- монархия — тирания;
- аристократия — олигархия;
- полития — демократия.

Большие территории предполагают больше централизации (монархия), малые могут управляться в режиме прямого народоправления (политии). То есть Империя или город-государство как версии пред-современных Государств мы относим именно к Премодерну не на основании политической системы, в них преобладающей. Это важно.

Главными критериями пред-современного Государства в его отличии от Государства современного являются:

- 1) наличие у пред-современного Государства сверхрациональной миссии и мифических истоков;
- 2) наличие в основании распределения власти сословного общества;
- 3) наличие коллективной идентичности (кастовой, сословной, этнической, конфессиональной и т. д.) как социальной основы политического организма.

Современное Государство отличается от традиционного именно в этих трех пунктах. Оно:

- 1) совершенно рационально, руководствуется расчетом и национальными интересами, а создано на основании социального договора;
- 2) предполагает равенство всех граждан перед законом и отсутствие строго определенных привилегий на власть у какой бы то ни было социальной группы;
- 3) основано на индивидуальном гражданстве, т. е. отрицает на правовом уровне какую бы то ни было коллективную идентичность.

Современное Государство принято называть «национальным Государством» или «Государством-Нацией» (Etat-Nation).

Сегодня в международных отношениях нормативным является только «национальное Государство», которое считается единственным легитимным паттерном.

В отношении природы и структуры современного национального Государства в политической науке ведутся жаркие дискуссии, но базовым для большинства ученых остается анализ Государства социологом М. Вебером и плеядой его современных последователей, называемых иногда «неовеберянцами» (М. Манн, Т. Скокпол, Ч. Тилли и т. д.).

Веберовская традиция определяет Государство по 4 основным элементам¹. Государство — это:

- 1) *дифференцированный* набор институций и персонала, воплощающих в себе;
- 2) *централизм*, в том смысле, что политические отношения организованы как излучаемые изнутри вовне, покрывая собой
- 3) всю *территориально фиксированную зону*, над которой
- 4) обладает *монополией на установление правил властвования*, подтвержденной монополией на использование средств физического насилия.

Эта веберовская модель социологии Государства дает точное описание его с позиции форм и предполагает определенную степень ее автономии (учение об абсолютном суверенитете лежит в основании такой модели как имплицитная аксиома). Марксисты вносят в эту картину дополнительный социальный аспект, настаивая на том, что огромную роль играют классовые отношения, тяготеющие к тому, чтобы выйти за национальные границы (классовая солидарность международной буржуазии и интернациональный характер пролетариата). Но даже если не признавать учение о классовой борьбе, марксистский анализ уделяет повышенное внимание социальной стороне, гражданскому обществу, которое не имеет прямого отношения к Государству как политической форме, но, тем не менее, оказывает на политику значительное (подчас решающее) влияние. Это подробно разбирал А. Грамши и продолжают современные грамшисты (как левые, так и правые). Грамши помещает «гражданское общество» в надстройку и строго отделяет его от сферы политического (то есть от Государства). Если в политике (государстве) мы имеем дело с прямой властью, оформленной правовым образом и признанной функционально (*Potestas Directa* Карла Шмитта), то в обществе мы имеем дело с тем, что Грамши называет «гегемонией», т. е. такой формой установления иерархических и властных отношений, которые не осознаются как таковые теми, кому они навязываются. Можно соотнести гегемонию в понимании Грамши с *Potestas Indirecta* у К. Шмитта. Гегемония не осознается как власть теми, на кого она воздействует, не признается легально и не имеет вообще никакого правового статуса. Коммунист Грамши считает, что в буржуазном обществе буржуазия обладает не только политической властью с помощью буржуазного Государства и его аппарата, но и гегемонией, воплощенной в образовании, педагогике, науке, культуре, философии, искусстве и других формах гражданского общества, где неявно доминируют носители буржуазного сознания, подкрепляющие и легитимизирующие интеллектуально политическую доминацию капиталистов. Значение фактора «гегемонии» в понимании Грамши существенно дополняет веберовское определение Государства дополнительным — социальным — измерением. Значение роли гражданского общества и разных вариантов *Potestas Indirecta* охотно признают и даже

¹ *Mann M. The autonomous power of the state: its origins, mechanisms and results // Archives Europeennes de sociologie. № 25. 1984.*

идеологически используют многие либералы, транснационалисты и даже «новые правые» (А. де Бенуа).

И наконец, еще один важный концептуальный ход в понимании природы Государства делают представители неореализма в области Международных Отношений (в первую очередь, М. Уолц), которые предлагают рассматривать структуры национального Государства не «изнутри вовне», на чем зиждется классический веберовский анализ, а «извне внутрь», анализируя то, как общий баланс сил в мировой политике аффлектирует не только внешнюю политику отдельных Государств, но отчасти и внутреннюю, заставляя национальные Государства адаптироваться — политически, экономически, социально, культурно и т. д. — к политической системе, сложившейся на международном уровне. Эту же тему развивают представители неовеберовского направления (М. Манн, Т. Скокпол и т. д.), дополняя геополитическими факторами и учетом «баланса сил» анализ собственно Государства.

Синтезом такого подхода является Английская школа Международных Отношений, и особенно ее направление, связанное с трудами Фреда Холдзэя, положившего начало направлению «исторической социологии в МО». У представителей этого направления мы встречаем все три уровня в понимании Государства: веберовский (формальный), социологический (как грамшистский, так и либеральный /транснационалистский) и геополитический (учет глобальной системы баланса сил на мировом уровне).

Этот краткий обзор понимания современного Государства помогает нам подойти к ответу на поставленный ранее вопрос: можно ли рассматривать полюс многополярного мира, цивилизацию, как базового актора в синтаксисе Государства?

Теперь можно попытаться встать на индуктивный путь исследования и нащупать те характеристики, которые должны были бы быть свойственны полюсам многополярного мира. Попробуем описать их интуитивно:

1. *Полюс многополярного мира должен обладать суверенитетом.* Но только перед лицом других полюсов. Это вытекает из практического требования обеспечить цивилизации свободу и независимость перед лицом других цивилизаций, основанных на альтернативных культурных кодах.
2. *Центр власти в цивилизации должен быть легальным* с формально правовой точки зрения.
3. *Зона применения власти и, соответственно, область установки ею правил игры должны быть дифференцированы* в зависимости от этнокультурного и конфессионального состава населения.
4. *Территориальная модель управления строится на принципах федерализма и субсидиарности* (Альтуссиус).
5. *Идентичность интегрируемых в цивилизации единиц может быть вариативной* — коллективной (преимущественно) и индивидуальной (в определенных случаях).
6. *У политического образования должны быть и миссия* (вытекающая из культурного кода цивилизации) *и рациональные интересы* (основанные на верифицируемой и прозрачной калькуляции).
7. *Социальные страты* (этноконфессиональные группы, классы и т. д.) *должны быть транспарентно и легально представлены* в структуре политического тела.
8. *Необходим межцивилизационный совет* как совещательный орган, устанавливающий (неабсолютные и не неизменные) правила межцивилизаци-

ционного взаимодействия (не нарушающие принцип суверенитета цивилизаций) с учетом как принципа многополярности, так и силового баланса.

Теперь, если мы проанализируем этот набор интуитивных параметров, мы обнаружим, что, к нашему удивлению, такое сконструированное теоретически политическое тело, с одной стороны, оперирует с известными и теоретически обоснованными в других контекстах свойствами Политического, а с другой, не совпадает ни с одной из рассмотренных моделей — ни с пред-современным Государством, ни с современным национальным Государством, ни с транснационалистскими конструктами неоллибералов, ни с марксистскими интернационалистскими проектами. Мы имеем дело с централизмом в понимании власти, суверенитета, легальности, но в то же время с плюрализмом в отношении социальной идентичности и территориальных полномочий, а кроме того, с высоким уровнем легализации того, что Грамши называет «гражданским обществом». Так, мы получили оригинальный концепт, который не может быть строго отождествлен ни с Государством (ни с Империей, ни с национальным Государством-Нацией), ни с обществом, ни с какой-то еще привычной моделью Политического, хотя все его составляющие, взятые по отдельности, оказываются нам знакомыми.

В определенном смысле мы имеем дело с описанием одной из версий политического Постмодерна.

Осталось подобрать имя для этой концепции. Мы предлагаем (как вариант) воспользоваться термином «политейя»¹ в платоновском смысле (а не в узком смысле «положительной демократии», как его употреблял в «Политике» Аристотель, прибегавший в других случаях и к более широкому толкованию). Платоновскую «Политеюю» (знаменитый диалог, в котором связно и системно излагается учение об идеях) переводят и как «государство», и как «Республику». Но тем не менее та реальность, о которой идет речь у самого Платона, и тот смысл, который вкладывали в этот термин греки того времени, не совпадает ни с нашим сегодняшним пониманием государства, ни с тем, что понимали под *Res Publica* римляне (ни тем более что имеется в виду под «Республикой» в наше время). «Политейя» — это политическое образование *любой размерности*: от полноценного централизованного Государства до его отдельных частей (провинций, округов, сатрапий и даже совсем мелких сельских единиц или конфессиональных анклавов).

Этот термин иногда используется в политической науке, но чаще всего метафорически, не приобретая никакого строго закрепленного за ним концептуального денотата. Что мешает в таком случае закрепить в качестве такого денотата набор свойств, которым обладает полюс многополярного мира? Тем более что термин «политейя» не имеет строгой фиксации ни в политических теориях Модерна, ни в Премодерне. Политейя — это упорядоченное, организованное общество, причем таковым может быть как Империя, так и современное Государство, их отдельные части, а также общества разного калибра — от небольших общин до глобального общества. Теоретически мы можем применить ко всем ним термин «политейя», который не используется именно в силу его чрезмерной многозначности. Но та же самая полисемия, которая является причиной того, что этот термин не получил ши-

¹ На релевантность термина «политейя» в контексте Теории Многополярного Мира нам указала впервые Н. Сперанская.

рокого применения в политологии, в случае теории многополярного мира является удивительным терминологическим преимуществом, вполне соответствующим самой структуре многополярности как комплексного явления. Политейя — это понятие, идеально подходящее для описания *комплексного Политического*, редукция которого в концепт требует включения большего числа параметров разной размерности, нежели в рутинной практике Модерна.

государство — это политейя, но политейя — это не Государство, т. к. включает в себя и общество, и культуру, и даже геополитические единицы. Политейя в ТММ есть политическое оформление «большого пространства» и поэтому обладает с самого начала еще и геополитическим измерением, что позволяет прозрачно интегрировать в ТММ «геополитику многополярности».

Если мы зафиксируем термин «политейя» для полюса многополярного мира, то увидим еще одну лингвистическую параллель: при толковании значения греческого слова «*πολιτεία*» словари часто приводят в качестве наиболее близкого по смыслу концепта латинский термин «*civitas*», что дает нам именно цивилизацию. Но именно цивилизацию мы выделили в качестве главного актора международных отношений в ТММ. То есть поиск политического концепта для описания полюса многополярного мира завершился строго в той точке, с которой мы начали: мы снова пришли к понятию «цивилизации», но на сей раз уточнив его политическое выражение и его политическое содержание.

5.4. Теория Многополярного Мира и другие парадигмы МО

Релевантность реализма для ТММ

Цивилизация как базовый актор в МО и выстраиваемая на этом основании ТММ, после того, как их оригинальность и отличие от существующих подходов в МО были отчетливо выявлены и прояснены, могут быть на новом уровне вновь соотнесены с существующими теориями — но уже не как производные, а как новая *самостоятельная парадигма* с другими, уже существующими парадигмами. Это сопоставление поможет нам как полнее обрисовать специфику ТММ и ее структуру, так и исследовать наиболее важный момент — выяснение того, как теоретически могут складываться отношения между цивилизациями, будет ли в них превалировать конфликт (как считал С. Хантингтон), либо диалог (как считают М. Хатами или Ф. Петито¹).

Реализм для акторов цивилизаций. Реалистская парадигма, оперирующая с нормативами Вестфальской системы и выделяющая в качестве акторов национальные Государства, напрямую совершенно не применима для ТММ. Отличие в акторах предопределяет совершенно иное понимание среды международных отношений. Если мы примем реалистскую парадигму буквально, то увидим, что вместо карты цивилизаций и «больших пространств» перед нами будет политическая карта мира, где зоны цивилизаций поделены (подчас совершенно искусственно) на серии национальных Государств, а некоторые Государства представляют собой пересечение двух или более цивилизаций. Реалисты настаивают, что «Государство Государству —

¹ *Petito F.* Dialogue of Civilizations as Global Political Discourse: Some Theoretical Reflections // The Bulletin of the World Public Forum 'Dialogue of Civilizations'. Vol. 1. No. 2, 21 – 29. 2004.

волок» или, на крайний случай, признают иерархические отношения гегемонии. Но такой подход блокирует любую попытку интеграции «больших пространств» на цивилизационной основе. Следовательно, в чистом виде реализм неприемлем и неприменим. Сторонники ТММ в таком случае логически оказываются в полемических отношениях с представителями классического реализма и неореализма.

Но если мы возьмем в качестве главных акторов международных отношений цивилизации, фиксированные в «больших пространствах», то мы получаем совершенно иную картину. В этом случае мы можем представить *межцивилизационные* отношения как прямую аналогию со структурой международной среды в реалистской парадигме. Здесь также следует постулировать хаос и анархию, но уже на новом уровне — как *межцивилизационный* хаос и *межцивилизационную* анархию.

Повторяя логику реалистов, можно сказать, что никакого надцивилизационного уровня в ТММ не существует, и никакой универсальной шкалы ценностей, которая могла бы выступать в качестве общепризнанного норматива в отношениях между цивилизациями, быть просто не может. Цивилизационный многополярный подход предполагает совершенную уникальность каждой цивилизации, и найти общий знаменатель для них не представляется возможным. В этом суть многополярности как *плюриверсума*¹. Каждая цивилизация сама формулирует и презентует свои понятия человека, общества, нормы, истины, знания, бытия, времени, пространства, Бога, мира, истории, политики и т. д. Поэтому диалог между цивилизациями возможен в той же степени, как и конфликт, но невозможен переход от нескольких цивилизаций к одной единственной. Следовательно, на этом уровне ТММ может полностью заимствовать логику традиционных реалистов, отрицающую онтологию и устойчивость интернациональных институций и норм, но применить ее к совершенно новой среде — не межнациональной (межгосударственной), но межцивилизационной.

Изменение субъекта миропорядка означает изменение и его качественного содержания. Если реалисты полагали, что все Государства стремятся к оптимизации своих интересов и рационализации способов и механизмов их достижения, то в случае цивилизации такая редукционистская схема не работает. У цивилизаций могут быть совершенно разные цели и разная мотивация. Одни склонны к экспансии, другие — к максимализации материального могущества, третьи — к техническому развитию, четвертые — к созерцанию, пятые — к сохранению себя в изоляции, шестые — к активному диалогу с окружающим миром и обмену культурными формами. Здесь совершенно не подходит «разбавленный» (*thin*) подход к МО, т. к. цивилизации как субъекты настолько многомерны и уникальны, самобытны и особенны, что наличие «густого» (*thick*) подхода становится не просто желательным, но необходимым и обязательным. Моделирование профиля цивилизации всякий раз является уникальной задачей, а выявление общих свойств можно получить только *a posteriori*, и никак не *a priori*. Это второе ограничение реализма. Если реалисты понимают принципы «опоры на собственные силы» (*self-help*) и национальных интересов как общую линейку параметров, свойственную практически любому национальному Государству, то ТММ

¹ По поводу этого концепта см. Манифест 2001 г. французского движения GRECE (Ален де Бенуа) http://grece-fr.com/?page_id=64.

настаивает на том, что у цивилизаций номенклатура базовых мотиваций намного *шире* и *объемнее*, а также разнообразнее. Поэтому и хаос и анархия в междивизиционной среде приобретают более сложную структуру: это не просто поле борьбы приблизительно одинаковых акторов с разным силовым потенциалом, но сходной системой интересов и целей, но многомерный и многослойный лабиринт, где действуют *нелинейные* закономерности, посторонние аттракторы и явления турбулентности. Составление карты междивизиционной анархии является намного более сложным делом, чем анализ анархии в классическом реализме, и даже в неореализме.

Но с этими двумя фундаментальными поправками многие логические ходы реализма могут быть с успехом задействованы при разворачивании ТММ.

В частности, наиболее важным заимствованием классического реализма может стать критика самой возможности наддивизиционных институтов. Неореализм с его тяготением к построению структурной системы, основанной на балансе сил, вполне может быть применен к многополярному мироупорядку, который по своим основным параметрам также будет организован в соответствии с силовым потенциалом главных акторов (только в данном случае ими будут цивилизации). В определенном смысле цивилизации как полюса многополярного мира будут региональными *гегемониями*, со всеми вытекающими из этого последствиями. При этом таких гегемоний должно быть заведомо больше трех. Неореалистские конструкции, приоритетно исследующие как раз гегемонистские модели, могут быть чрезвычайно полезны для построения ТММ. При этом оказавшиеся на периферии теории К. Уолтца об устойчивости двухполярной модели¹, опровергнутые фактами 80 — 90-х годов XX века, снова могут быть введены в оборот при конструировании многополярной модели, которая будет поставлена на место двухполярной.

Релевантность либерализма для ТММ

Отдельные аспекты ТММ может заимствовать и в либеральной парадигме. Либерализм настаивает на том, что сходные политические режимы (хотя речь у либералов идет только о либеральных демократиях) склонны к интеграции, укреплению многоуровневых социокультурных, экономических и сетевых связей, а в перспективе и общих наднациональных институций. Культура политической демократии создает условия для преодоления национального эгоизма. Если отбросим типичное для западного универсализма, по сути «этноцентрическое» обращение к «демократии», то получим тезис: общества *со сходными культурами* склонны к интеграции и созданию наднациональных структур. Если мы применим это к зоне общей цивилизации, то окажемся на волне ТММ. Действительно, интеграционные процессы и создание надгосударственных структур на основе общей социокультурной матрицы протекают намного *легче*, чем в иных случаях. В рамках цивилизации не столько политический режим Государства (демократия), сколько *культура (и часто религия) имеет значение*. Поэтому отношения между Государствами с общей культурой (религией) строятся по совершенно иной логике, нежели между Государствами с разной культурой.

Общность культуры для ТММ есть необходимое условие для успешной интеграции в общее «большое пространство», и, соответственно, для созда-

¹ Waltz K. Theory of International Politics. New York: McGraw Hill, 1979.

ния самого полюса многополярного мира. Значение культурного фактора как не менее значимого, чем принцип суверенитета, сближает сторонников ТММ более с либералами, нежели с классическими реалистами, настаивающими на суверенитете именно национальных Государств без учета культурного фактора. (Исключение составляет К. Шмитт и иные «институциональные реалисты», в частности, некоторые представители Английской школы в МО). Но это сближение действительно только при условии замены признака «политического режима» (демократии) на признак принадлежности к общей культуре (религии).

Либеральная парадигма, и особенно неолиберализм и транснационализм, большое внимание уделяет процессам глобализации. У глобализации на практике есть несколько этапов. Вначале идет региональная глобализация, а затем и универсальная, планетарная. Для либералов в МО региональная глобализация есть лишь переходное состояние и предварительный этап общепланетарной глобализации, не имеющий в себе никакой особой ценности и лишь предуготовляющий искомый результат — наступление «глобального мира» и «конца истории».

ТММ, со своей стороны, поддерживает региональную глобализацию и интеграцию по той причине, что эти процессы на практике всегда проходят в границах какой-то одной конкретной цивилизации. Споры между странами Евросоюза о принятии Турции в эту наднациональную структуру ясно показывают, что даже у европейцев, игнорирующих какие бы то ни было религиозно-культурные стороны идентичности общества, ощущение чуждости турок вызывает серьезные опасения.

Но если для неолибералов и глобалистов это временные трудности, то сторонники ТММ, напротив, *концептуализируют именно региональную интеграцию*, которую рассматривают как самостоятельный и законченный процесс, ценный сам по себе, и более того, не предполагающий после своего завершения никаких иных интеграционных этапов. В соответствии с духом многополярности региональная интеграция мыслится не как ступень или фаза планетарной глобализации, но как автономный историко-политический, стратегический и социальный процесс, имеющий цель в самом себе. Интеграция должна *закончиться* по достижению естественных границ цивилизации. После этого наступит фаза уточнения пропорций и системы влияния в зонах «фронтара».

Региональная глобализация сближает сторонников ТММ с либералами в МО, а отношение к планетарной глобализации, напротив, разделяет.

Но если принять эти две фундаментальные поправки (культурное единство вместо политического режима и региональная глобализация вместо планетарной), то сторонники ТММ вполне могут заимствовать аргументацию у представителей либеральной теории в МО, особенно в тех случаях, когда надо опровергнуть тезисы реалистов, строго придерживающихся статистического подхода.

Более того, либералы развили ряд тем, которые также релевантны для ТММ.

В первую очередь, это *идея мира или зоны мира*, которая является приоритетным центром внимания либерализма в МО¹. Если мы посмотрим на

¹ Lederach John Paul. *Preparing for Peace*. Syracuse: Syracuse University Press, 1996; Richmond Oliver P. *Peace in International Relations*. London: Routledge, 2008.

исторические реалии, то заметим, что понятие «мира» сплошь и рядом связывалось с обязательным уточнением: какого именно мира? Мы знаем «Pax Romana», «Pax Turcica», «Pax Britannica», «Pax Russica», наконец, современный «Pax Americana». Такое словоупотребление термина «мир» с дополнением, проясняющим, чей это мир, кто ответственен за него и за сохранения порядка, весьма показательно. Если мы соотнесем это дополнение с цивилизациями, то получим *многополярную теорию мира* (в смысле Pax, peace), состоящую из нескольких зон, где будет царить мир, основанный всякий раз на конкретном цивилизационном принципе. Мы получаем:

Pax Atlantica (состоящий из Pax Americana и Pax Europea);

Pax Eurasiatica;

Pax Islamica;

Pax Sinica;

Pax Hindica;

Pax Nipponica;

Pax Latina.

И более отдаленные:

Pax Buddhistica;

Pax Africana.

Эти зоны цивилизационного мира (как отсутствия войны) и общей безопасности могут быть взяты в качестве базовых концептов многополярного пацифизма. Задача цивилизаций как акторов международных отношений — в первую очередь, сделать их зонами устойчивого мира, т. к. в противном случае они не смогут выступать консолидированно на общепланетарном уровне. При этом многополярный мир (Pax Multipolaris) должен иметь особую онтологию в контексте международных отношений: он предполагает одновременно наднациональный, надгосударственный уровень (а поэтому есть мир интернациональный и внешний по отношению к Государствам), но вместе с тем не «универсальный» и не «общепланетарный» (то есть внутренний — по отношению к цивилизациям).

Второй важный момент для ТММ заключается в неолиберальном концепте взаимозависимости и расширения номенклатуры акторов. Здесь также следует перенести все то, что говорится либералами относительно всего человечества, на уровень цивилизации. Цивилизация предполагает наличие социокультурной, геополитической и экономической зоны, где тесно переплетаются между собой структуры и общины, относящиеся к этой цивилизации, причем гораздо в большей степени, нежели в условиях разделения национальными границами. Цивилизационные сети сменяют в ТММ сети глобальные, но в остальном их функции остаются весьма сходными. В цивилизации переплетаются между собой различные уровни политико-социальных, экономических и культурных систем, образуя намного более сложную и нелинейную карту общества, нежели в классических буржуазных моделях политической нации. Это, своего рода, «цивилизационная турбулентность», требующая нелинейного подхода и детального описания каждого отдельного сегмента. В цивилизации взаимозависимость социальных групп и страт образует сложную игру множественных идентичностей, накладывающихся друг на друга, расходящихся и сходящихся в новых узлах. Общий цивилизационный код (например, религия) задает рамочные условия, но внутри этих границ может существовать значительная степень вариативности. Часть идентичностей может быть основана на традиции, но часть представлять со-

бой новаторские конструкции, т. к. цивилизации в ТММ мыслятся живыми историческими организмами, находящимися в процессе постоянных трансформаций.

Так же, как и в либерализме, ТММ признает за индивидуумами, относящимися к конкретной цивилизации, не нулевую степень компетенции в международных вопросах — по меньшей мере, в пределах цивилизации. Идентичность индивидуума здесь строго маркирована культурой, и в этой культуре индивидуум всегда может почерпнуть основополагающие знания, необходимые для того, чтобы сформулировать свою точку зрения по конкретному цивилизационному вопросу. Поэтому на индивидуальном уровне рядового члена общества в ТММ мы имеем, скорее, «искусного индивидуума» Дж. Розенау¹, нежели λ -индивидуумов реалистов; только компетентность этого «искусного индивидуума» определяется не личным доступом к широкому спектру некодифицированной информации (как у транснационалистов и глобалистов), а принадлежностью к семантическому полю традиции.

Релевантность Английской школы в МО для ТММ

Английская школа в МО чрезвычайно продуктивна для построения социологии межцивилизационного взаимодействия. Представители этой школы рассматривали среду международных отношений *как общество*, и, соответственно, приоритетно исследовали процедуры и протоколы социализации стран в сфере международных отношений, т. е. их интернациональную «социализацию». Тем самым они снабдили теоретиков МО арсеналом методов, предназначенных для углубленного исследования закономерностей взаимодействия акторов международных отношений между собой. В ТММ акторы меняются: вместо Государств ими становятся цивилизации. Вместе с этим меняется и структура среды международных отношений. Соответственно, методы Английской школы МО вполне могут быть взяты за основу для изучения *межцивилизационного социума*, ансамбля цивилизаций и структуры развертывающегося между ними диалога.

Тезис о «диалоге цивилизаций» приобретает в оптике Английской школы конкретное содержание: этот диалог может быть осмыслен как стратегия социализации, предполагающая динамику градиентных отношений, ритмы эксклюзий /инклюзий, попытки иерархизировать систему отношений, экспансию и отступления, протоколы войны и мира, баланс материального и духовного и т. д.

Цивилизации в многополярном мире будут представлять собой планетарное общество, так или иначе вынужденное признавать наряду с собой *другого*. Но в данном случае другим будет выступать не Государство, а цивилизация, отличная от данной. Как будет структурироваться образ другого, до какой степени он будет наделен отрицательными и пейоративными чертами, а в какой он может быть осмыслен в духе мирной конкуренции и партнерства, будет зависеть от множества приходящих факторов, предсказать которые заведомо невозможно. Но концептуальный инструментарий Английской школы теоретически прекрасно годится для того, чтобы строить на нем дальнейшие теории.

¹ Rosenau J., Fagen W. A New Dynamism in World Politics: Increasingly Skillful Individuals? // JSTOR. Studies Quarterly. 41. 1997.

В качестве примера можно взять образ исламского мира на современном Западе. Определенная демонизация Ислама как цивилизации (особенно после «9 /11») стала на Западе характерным цивилизационным клише (причем, независимо от того, о какой стране идет речь и на основании чего этот негативный образ формируется — на базе христианской идентичности или чистого секуляризма). Нечто аналогичное характерно и для американофобии и общей неприязни к Западу в самом исламском мире — и снова, независимо от того, о каком конкретно Государстве идет речь. Мы имеем дело с распределением социальных статусов и ролей на уровне международных отношений, а это в значительной степени и исследует приоритетно Английская школа в МО, ставя в центре внимания «общество Государств» и социальные аспекты их взаимодействия, взаимопризнания и самооценки.

Методы Английской школы будут приемлемы в ТММ, если мы вместо «общества Государств» будем исследовать «общество цивилизаций» и социологические процессы, в этом обществе протекающие.

Релевантность марксизма и неомарксизма для ТММ

Марксизм и неомарксизм в МО чрезвычайно полезен для ТММ как доктринальный арсенал критики универсализма западной цивилизации и ее претензий на моральное превосходство, основанное на факторе превосходства материального, технологического и финансового. Западная цивилизация в Новое время встала на путь капитализма и достигла на этом пути предельных горизонтов. Но материальное воплощение успеха в высоком уровне развития экономики и в эффективности рыночных процедур, а в последнее время и приоритетно развитого финансового сектора, может выступать в качестве решающего аргумента только в том случае, если мы согласимся признать капитал мерилom не только материальных, но и социальных, культурных и духовных ценностей. Это прекрасно показал М. Вебер, идентифицировав капитализм как выражение протестантской этики¹, где вознаграждение человека при жизни богатством и успехом мыслится как прямое отражение его морального достоинства. Знак равенства между благополучием и моралью как отличительная черта западного общества Нового времени имеет таким образом религиозные и культурные истоки. Капитал и капитализм оказываются не просто эталоном силы, но и эталоном правды.

Марксизм в своих истоках бросает вызов такому подходу, и, признавая мощь капитала, отказывает ему в праве морального превосходства. Этика марксизма организована прямо противоположным образом. Благим является труд и трудовой класс (пролетариат), который оказывается в условиях капитализма полностью поработанным паразитическим классом буржуазии. «Богатый» для марксизма значит «плохой». Следовательно, материальное развитие или средоточие капитала в тех или иных странах не просто ничего не доказывают, но доказывают, что речь идет о самых несправедливых и, следовательно, дурных обществах, которые необходимо уничтожить.

В анализе МО эта марксистская этика приводит к моральной оценке «богатого Севера» и ядра капиталистической мир-системы как историко-географического и социального выражения мирового зла. Запад становится не образцом для подражания, вожделения и обетованной землей, где получены

¹ Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.

ответы на все вопросы, но цитаделью эксплуатации, лжи, насилия и несправедливости.

Не разделяя догматически всех выводов относительно мировой революции и мессианского предназначения пролетариата, ТММ принимает марксистский подход в оценке капиталистической природы Запада и солидаризуется с разоблачением капитализма как асимметричной модели эксплуатации и навязывания своих цивилизационных критериев (капитализм, свободный рынок, погоня за наживой, материализм, консьюмеризм и т. д.) всем остальным народам и обществам. *Капитализм есть материальная экономическая сторона западного универсализма и западного колониализма.* Принимая логику капитала, мы автоматически вынуждены будем рано или поздно признать Запад и его цивилизацию в качестве ориентира, образца для подражания и горизонта развития. Но это прямо противоположно идее многополярного мироустройства и ценностного плюрализма цивилизаций. Для одних цивилизаций материальное благополучие и капиталистические формы хозяйствования приемлемы и вожделенны, а для других, вполне возможно, что нет. Капитализм не обязательная и не единственная форма организации хозяйства. Он может быть как принят, так и отвергнут. отождествление материального благополучия с моральным достоинством одни могут оправдать, а другие отбросить. Поэтому для ТММ антикапиталистический вектор марксизма и неомарксизма в МО, а также разоблачение эксплуатационных процедур, свойственных зависимому развитию¹, является важной составляющей и вполне может быть принят на вооружение. То же самое справедливо и для критики «богатого Севера» и призыву к противостоянию ядру мир-системы. Без этого противостояния появление многополярного мира невозможно.

Главное отличие ТММ от неомарксизма и теории мир-системы (а также проектов А. Негри, М. Хардта и других альтерглобалистов) состоит в том, что ТММ категорически не признает исторического фатализма марксистских теорий, настаивающих на том, что капитализм является общеобязательной и универсальной фазой исторического развития, за которой столь же фатально и неотменимо должна последовать пролетарская революция. Для ТММ капитализм есть эмпирически фиксируемая форма развития западноевропейской цивилизации, выросшая из корней западноевропейской культуры и обретшая сегодня почти планетарный размах. Но глубинный анализ капитализма в незападных обществах показывает, что он имеет в них сплошь и рядом имитационный и поверхностный характер, наделен иными смысловыми характеристиками и представляет собой всякий раз нечто особое и весьма отличное от социально-экономической формации, возобладавшей на современном Западе. Капитализм возник на Западе, там он может либо развиваться дальше, либо погибнуть. Но его экспансия за пределы западного мира, хотя и обусловлена стремлением капитала к росту, совершенно не оправдана с точки зрения тех незападных обществ, на которые она проецируется. У каждой цивилизации может быть свое время, свое представление об истории, свое видение хозяйства и логики материального развития. Капитализм вторгается в незападные цивилизации как продолжение колониальной практики, а, следовательно, может и должен быть отброшен, отражен — как агрессия чуждой культуры или чуждой цивилизации. Поэтому ТММ настаи-

¹ Furtado C. A nova dependência, dívida externa e monetarismo.

вает на том, чтобы борьба с «богатым Севером» шла сегодня от лица всех субъектов политической карты человечества, и особенно, от лица стран «второго мира» (полупериферии по И. Валлерстайну). Многополярный мир должен наступить не *«после либерализма»*¹ (как считают неомарксисты), а *вместо либерализма*. Поэтому борьба с либерализмом должна идти не во имя того, что придет ему на смену после того, как он утвердится в планетарном масштабе, а уже *сегодня*, чтобы в планетарном масштабе он вообще никогда бы не утвердился. Незападным цивилизациям необязательно проходить капиталистическую фазу развития. Равно как не надо и мобилизовать свое население для пролетарской революции. Элиты и массы стран «полупериферии» вопреки неомарксистам вовсе не обязаны социально разделиться и интегрироваться в два интернациональных класса — мировую буржуазию и мировой пролетариат, утратив все свои цивилизационные признаки. Напротив, элитам и массам, принадлежащим к одной и той же цивилизации, необходимо осознать свою общую цивилизационную идентичность, значение которой должно быть более весомо, чем значение идентичности классовой. Если относительно интернациональной солидарности буржуазии и (в меньшей степени) пролетариев, марксисты отчасти правы (ведь речь идет о капиталистических обществах и буржуазных Государствах, где действительно, доминирует логика капитала), то обращение к какой-то иной, западной цивилизации качественно меняет все дело. Верхи и низы, например, исламского мира, гораздо острее осознают свою общую принадлежность к исламской культуре, чем свою классовую близость к верхам и низам других цивилизаций — в частности, западной. И это единство надо не размывать и раскачивать (как либеральным космополитизмом, так и неомарксистским или анархистским классовым интернационализмом), но укреплять, развивать и поддерживать.

Многополярный мир, особенно на первом антигегемонистском этапе своего становления, должен строиться на солидарности всех цивилизаций в их противостоянии колониальной и глобалистской практике «богатого Севера». И эта борьба должна сплотить элиты и массы внутри самих цивилизаций, тем более что применение к ним чисто классового критерия (элиты как буржуазия, массы как пролетариат) является проекцией западного гегемонистского подхода. В западных цивилизациях эмпирически, безусловно, есть высшие и низшие социологические страты, но их социологическая и культурная семантика качественно отличается от редукционистской модели, где главным и единственным критерием является отношение к собственности на средства производства. Поэтому ТММ апеллирует к цивилизационной солидарности элит и масс в общем строительстве полюса многополярного мира и организации «большого пространства» в соответствии с историческими и культурными особенностями каждого отдельного общества.

Релевантность критической теории для ТММ

Чрезвычайно продуктивны для ТММ постпозитивистские теории МО.

Критическая теория в МО может быть задействована практически полностью для денонасации западной гегемонии. Критика западоцентричных претензий, глобального капитализма, либеральной глобализации и однопо-

¹ Wallerstein I. *After Liberalism*. New York: New Press. 1995.

лярного мира в этой теории соответствует основным установкам ТММ и является необходимой ее частью. Без ясного осознания гегемонистской природы нынешней системы международных отношений и ее сущностной однополярности (как бы она ни выражалась — прямо, косвенно или завуалированно) не может быть обоснована потребность в альтернативе. ТММ в своих истоках представляет собой радикальную альтернативу именно существующей гегемонии. Поэтому тщательное и детальное описание ее структуры, методов ее укрепления и сокрытия ее сущности, а также ее разоблачение является важнейшей составляющей ТММ. Критическая теория в МО (в первую очередь, Р. Кокс¹) представляет собой образец такой фронтальной атаки, основные моменты которой можно полностью интегрировать в ТММ. Это же касается и структуралистского и лингвистического анализа гегемонии².

Вытекающая из критики гегемонии концепция контргегемонистского блока также может быть взята на вооружение ТММ. При этом концепт контргегемонистского блока приобретает в ТММ более конкретные и систематизированные черты, нежели в инерциально марксистской критической теории. *Контргегемонистский блок в ТММ представляет собой совокупность тех сил во всех существующих на сегодняшний день цивилизациях, которые осознают условия нынешней гегемонии как неприемлемые и не удовлетворяющие интересы народов и обществ.* Ядром контргегемонистского блока должны стать авангардные интеллектуалы, представляющие основные цивилизации, претендующие на то, чтобы быть полноценными полюсами, в чем условия нынешней гегемонии им а priori жестко отказывают: православной (евразийской), исламской, китайской, индийской, латиноамериканской (а также буддистской, японской и африканской). В границах самой западной цивилизации также вполне могут объявиться представители интеллектуальных кругов, осознающих западную цивилизацию (американскую и европейскую) как *локальные и региональные* и предпочитающих ограничить зону их распространения историческими пределами (например, сторонников американского изоляционизма или проекта «крепость-Европа»). На втором уровне к ядру этого контргегемонистского блока можно было бы отнести и все те силы, которые противостоят глобализации и однополярности по каким-то иным, например, классовым, этическим, культурным, религиозным или идеологическим основаниям. Но если мы учтем, что при построении контргегемонистского блока сторонники многополярного мира, целое семейство интеллектуалов и теоретиков, будут опираться на гигантский потенциал своих цивилизаций, а не просто на моральное отвержение гегемонии, этот блок мгновенно превратится в нечто намного более серьезное, нежели можно себе представить, если учитывать только впечатление от текстов и предположений западных теоретиков, как правило, представляющих неконформистские и маргинальные круги. Диалог с контргегемонистами всех типов, принадлежащими ко всем группам и культурным зонам, безусловно, чрезвычайно важен, но приоритетной является

¹ Cox R.W. Production, Power and World Order: Social Forces in the Making of History. Columbia: Columbia University Press, 1987: *Idem*. Gramsci, Hegemony and International Relations: An Essay in Method // Gill S. (ed.). Gramsci, Historical Materialism and International Relations. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.

² Ashley R. The Eye of Power: The Politics of World Modeling // International Organization. Vol. 37. No. 3. Summer 1983.

консолидация именно представителей мощных и состоятельных в региональном масштабе цивилизационных сил.

Только в сочетании с ТММ критическая теория превращается из благородной интеллектуальной игры и морально героической позиции в серьезную и внушительную политическую силу.

Релевантность постмодернистской теории для ТММ

Не менее важно направление постмодернизма в МО — в первую очередь, для систематической деконструкции властного дискурса, с помощью которого западная гегемония преподносит себя как нечто естественное, безальтернативное и единственно возможное. Вся структура теоретизации поля международных отношений в западной политической науке, не говоря уже о политических дискурсах по поводу международных вопросов западных политиков, представляет собой хорошо организованное поле «самосбытывающихся пророчеств» (self-fulfilled prophecies), «теорий для решения проблем» (solving problems theories) и «выдавания желаемого за действительное» (wishful thinking). Теории МО и глобальный дискурс западных лидеров есть своего рода «нейролингвистическое программирование», призванное навязать через текст¹ человечеству тот образ реальности, который организован всегда в пользу удовлетворения интересов западной элиты. Знание, подчеркивают постмодернисты в МО, не может объективным и нейтральным. И разоблачение того, кому и чему служат те или иные теории, составляет уникальный и чрезвычайно полезный инструмент деконструкции МО в самых разнообразных теоретических изданиях².

Иногда эту деятельность называют «субверсивной» («подрывной»), т. к. она помогает увидеть натяжки, фигуры умолчания и двойные стандарты, которыми полны теоретические тексты и тем более политические декларации, описывающие логику процессов в международных отношениях и тем самым их предопределяющую. В целом постмодернисты ведут ту же линию, что и представители критической теории, разоблачая и выставляя напоказ гегемонистскую природу Запада и его «тоталитарный» дискурс, призванный навязать свои интересы и ценности всем остальным обществам³. При том, что население Запада составляют несопоставимо меньшую часть человечества, и его культура не является самой древней или совершенной (если к культуре вообще можно применить оценочную шкалу).

Постмодернизм в МО чрезвычайно полезен для ТММ еще и для того, чтобы избавиться от предрассудков «эмпиризма», «верификации», «статической достоверности», «материальной наглядности» и т. д., характерны для остатков преодоленной веры эпохи Модерна в самостоятельную онтологию объекта. На уровне философии науки и социологии идея того, что критерием научности является верифицируемость факта на практике, давно была отвергнута и заменена иными, более тонкими критериями, в частности,

¹ *Shapiro M.J.* Textualizing Global Politics / Darian Der J., Shapiro M. J. (eds.). International / Intertextual Relations: Postmodern Readings of World Politics, Lexington, MA: Lexington Books, 1989.

² *Darian Der J.* (ed.), International Theory: Critical Investigations. London: MacMillan, 1995.

³ *Ashley R.* Imposing International Purpose: Notes on a Problematic of Governance // Czempiel Ernst-Otto, Rosenau James N. (eds.). Global Changes and Theoretical Challenges: Approaches to World Politics for the 1990s. Lexington, MA: Lexington Books, 1989.

фальсификационизмом (К. Поппер, И. Лакатос), т. е. признанием научной той гипотезы, которую можно опровергнуть на основе рациональной системы доказательств. Другие эпистемологи говорили о «смене парадигм» (Т. Кун) или о «пролиферации гипотез» (П. Фейерабенд) как главных признаках научности. В МО эти философские разработки внедряются с опозданием, но постмодернисты восполняют этот недостаток, приводя саморефлексию специалистов в МО к должному уровню¹. В постмодернистской эпистемологии нет фактов, объектов или субъектов. Есть только процессы, алеаторные коды, структуры, сети, гибриды (Б. Латур) или ризомы (Ж. Делез). И все они могут организовываться либо вокруг оси воли к власти, либо расслабиться и быть предоставленными сами себе.

Вот здесь можно наметить одно качественное различие между постмодернизмом в МО и ТММ. Пока речь идет о критике западной гегемонии и воли к власти Запада с разоблачением структур доминирования и установления неравенства на уровне дискурса и теоретизирования (письма), обе теории идут рука об руку. ТММ полностью признает арсенал постмодернистской критики и заимствует из него базовые методы деконструкции. Деконструкция гегемонии полностью принимается. Различия начинаются там, где постмодернисты выдвигают свой альтернативный проект. Он чаще всего сводится к требованию отказа от «воли к власти» вообще, от любой иерархии и к обращению к всеобщему расслабленному хаосу, где полностью угасает и стирается любая иерархическая геометрия бытия, знаний, социума, политики, телесности, пола, производственных практик и т. д. Деконструируя власть Запада, постмодернисты стремятся в его лице низвергнуть принцип иерархии вообще. ТММ не разделяет этого пафоса, полагая, что деконструкция «воли к власти» Запада, чрезвычайно полезная для расчищения поля создания ТММ, и, соответственно, для построения многополярного мира как такового, не ликвидирует «волю к власти» как явление, а вместе с ней и любую иерархическую геометрию мира, но релятивизирует эту волю, демонополизировывает Запад в его претензии быть единственным носителем «воли к власти» и навязывать свое западное (сегодня — либерально-капиталистическое) издание этой воли остальным обществам.

Западная «воля к власти» есть, и она на самом деле предопределяет структуру всего западного дискурса. В соответствии с этим организуется среда МО и ее теоретическое осмысление (даже точнее: осмысление организует эту среду через ее теоретическое осмысление). Но вскрыв и признав это, можно сделать вывод, отличный от постмодернистского. Не отвергая эту волю в целом, следует ограничить ее естественными историческими и географическими пределами западной цивилизации и в этих рамках позволить ей либо утверждаться, либо трансформироваться, либо сползть в сети и клубни турбулентного общества. Это выбор Запада. Но выбор иных цивилизаций — евразийской, исламской, китайской, индустской и т. д. — вполне может заключаться в том, чтобы *отстоять право культивировать свою версию «воли к власти», построенную на основании исторических традиций, культур, религий, социальных особенностей* и т. д. Православная, китайская, исламская или индийская «воля к власти» могут отличаться и друг от друга, и от европейской, и любая из них имеет все основания для того, чтобы укреп-

¹ Darian Der J. Introducing Philosophical Traditions in International Relations // Millennium. Vol. 17. No. 2. 1988.

ляться, видоизменяться, мутировать или расплываться. В каждой цивилизации у «воли к власти» может быть своя судьба. Освободившись от глобального влияния со стороны гегемонистского дискурса Запада и принуждения к его полному (до карикатуры) копированию, цивилизации получают огромную степень свободы поступить с автохтонными структурами «воли к власти» по своему собственному усмотрению. И в этом не должно быть никаких заведомых универсалистских предписаний (в том числе и постмодернистских). «Волю к власти» можно принять или отбросить, это остается на усмотрение конкретных обществ. Но освободиться от одной единственной гегемонистской «воли к власти» современного капиталистического Запада необходимо.

Релевантность феминизма для ТММ

Феминизм в МО обладает большой методологической ценностью для ТММ в силу того, что демонстрирует, как социологическая позиция (в данном случае гендерная) аффилирует теоретические конструкции. Особую ценность представляет собой «stand point feminism», «ситуационный феминизм», наглядно демонстрирующий возможность радикального пересмотра социально-политических теорий, стоит только начать их построение с иной социологической отправной точки — в данном случае, из «ситуации» женщины, а не мужчины. В результате мы получаем совершенно особую теорию, имеющую с общепринятыми мало общего. Тем самым подрывается претензия на универсальность однобоких (здесь — маскулинистских) дискурсов.

ТММ предлагает повторить этот ход, поставив в основании теории не иной гендер, а иную цивилизационную идентичность. Это даст нам «stand point civilizational approach» — т. е. «ситуационный цивилизационный подход». Если для западной цивилизации антропологический принцип Гоббса «человек человеку — волк» может работать и стать основанием дальнейших политологических конструкций, вплоть до концепции Левиафана, суверенитета, национального Государства и анархии международных отношений, а может быть оспариваемым более гуманной и пацифистской позицией Локка и Канта, то в контексте любой другой цивилизации мы имеем дело с совсем иной антропологией, сопряженной с качественно иными базовыми представлениями о человеке и его природе. Например, в индуизме действует принцип «человек человеку — бог», в православной этике — «ты больше, чем я», а в исламской религии — «перед лицом Аллаха нет различия между одним и другим». Везде мерой вещей являются разные реалии, где-то все измеряется человеком, а *где-то нет*, и сам человек видится производным от иной субстанции (например, в буддизме индивидуум есть случайный поток переплетенных дхарм и не имеет собственной природы и собственного «я», откуда буддистский принцип «анатман»).

Стоит встать на антропологическую точку зрения какой-то конкретной, но не западной цивилизации, и мы получаем совершенно новую концепцию Государства, власти, общества, истории, международных и межгосударственных отношений и связей, отличающуюся от западной намного больше, чем мужской взгляд от женского в рамках самой западной цивилизации. Поэтому феминизм в МО может служить иллюстрацией социологического плюрализма стартовых позиций, который можно применить и в совершенно ином контексте.

Что же касается собственно требований феминисток расширить присутствие женского начала в теоретизации МО, то это как раз совершенно не обязательно буквально воспроизводить в ТММ. Помимо того, что женский и мужской взгляды на мир существенно различаются в контексте одной и той же цивилизации (на что совершенно справедливо указывают феминистки, требующие эти различия изучать и учитывать), *разные цивилизации по-разному конституируют гендерные пары* — так же на основе присущей только им уникальной антропологии. Например, лишение индусской женщины права взойти добровольно на жертвенный костер после смерти мужа (обряд сати), как это зафиксировано в законодательстве современной Индии, копирующей правовые кодексы западных обществ, вполне может рассматриваться как «ущемление прав индусской женщины», тогда как европейцам обоюбого пола этот обряд скорее всего внушит лишь ужас и отвращение. В разных цивилизациях семантическое содержание пола качественно различается, и вопрос о месте женщины в обществе должен решаться на основании локальных социальных традиций и устоев. Если феминистки борются против стремления мужчин выдать свои гендерные архетипы и установки за нечто универсальное, они должны были бы осудить в той же мере и стремление выдать за универсальные любые ценности, имеющие историческое и локальное происхождение — в том числе, и идею равенства полов, которая в современном виде является, безусловно, сугубо западным, модернистским и отчасти постмодернистским концептом.

Релевантность исторической социологии для ТММ

Чрезвычайно актуален для ТММ метод исторической социологии в МО, т. к. он позволяет рассмотреть современную эволюцию всей системы международных отношений в исторической перспективе, а значит, расчищает горизонты будущего и делает возможным новое углубленное осмысление истории. Представители историко-социологической школы в МО критикуют классические теории за отсутствие у них исторического измерения. Это означает, что эти теории не уделяют должного внимания эволюции акторов, действующих единиц и руководящих принципов, определяющих взаимодействия между собой Государств и обществ на разных этапах истории. Считая, что сегодняшнее положение дел так или иначе воспроизводит то, как было всегда, и проецируя на прошлое нынешнее статус-кво (темпоцентризм и хронофетишизм большинства теорий МО), классические парадигмы в МО закрывают возможность понять прошлое и обрекают будущее на повторение одних и тех же механических закономерностей. Утрата исторического чувства приводит большинство теоретиков МО к неадекватным прогнозам и анализам, ярким случаем чего стала полная неспособность неореалистов и неолИБералов предсказать крах двухполярного мира и распад СССР буквально накануне того, как эти принципиальные события стали свершившимся фактом. Структура международных отношений некогда была качественно отличной от той, что есть сейчас, и вполне вероятно, в ближайшем будущем станет качественно отличной от той, что существует сегодня. Чтобы предсказать и спроектировать будущее и понять прошлое, в сфере МО необходимы особые теоретические инструменты, которые и разрабатывает историческая социология.

Одну из версий такого историко-социологического подхода предлагают известные теоретики этого направления Б. Бузан и Р. Литтл¹. Они вводят понятие «интернациональной системы» и прослеживают фундаментальные изменения этой системы на разных исторических этапах. Суть их теории сводится к следующему.

Существует 4 «интернациональные системы»:

- *преднациональная система* (характерная для тех обществ, где еще нет никаких следов политической Государственности — племена охотников и собирателей, ранние фазы аграрных производителей и т. д.);
- *классическая или античная система* (соответствует городам-государствам, империям и первым политическим образованиям; эта система характерна для традиционного общества и продолжает существовать в течение тысячелетий вплоть до начала Нового времени в Европе);
- *глобальная интернациональная система* (приходит на смену классической; основана на взаимодействиях суверенных национальных Государств и характеризуется тем, что накладывает сетку национальных территорий на все обитаемое пространство планеты — отсюда ее глобальность);
- *постмодернистская интернациональная система* (складывающаяся в результате глобализации и представляющая собой результат мутации предыдущей системы и диффузии структур национальных Государств).

При переходе от одной интернациональной системы к другой меняется практически все — главные акторы, структура взаимодействия между ними, интенсивность контактов и обменов, экономический уклад, политическое оформление власти, идеологии и т. д. При этом все исторические переходы происходят не одновременно и не мгновенно, а иногда растягиваются на тысячелетия, и в разных частях мира протекают по-разному и с разной скоростью. Чтобы понять настоящий момент в международных отношениях необходимо поместить его в конкретный фундаментальный историко-социологический контекст.

Теория интернациональных систем важна для ТММ по двум причинам.

Первая: эта теория позволяет лучше понять, как стало возможным появление цивилизации в качестве претендента на главного актора международных отношений.

Вторая: в ее контексте можно сосредоточиться на историческом и социологическом смысле того, какой станет постмодернистская система — ведь сегодня совершенно не ясно, в каком направлении она будет эволюционировать дальше, более того, в отношении этого направления могут и должны вестись самые серьезные споры. Будущее не предопределено, оно открыто и делается теми, кто осуществляет выбор сегодня. Рассмотрим этот аспект несколько подробнее.

Если следовать универалистскому и западоцентричному взгляду на историю, то переход к глобальной интернациональной системе представляет собой нечто «необратимое» и «справедливое» для всех обществ земли. Даже там, где страны были включены в эту систему изначально в статусе европейских колоний, они постепенно получают независимость и обретают национальный суверенитет. Но так обстоит дело только на поверхности. Под тон-

¹ *Buzan B., Little R. International Systems in World History. Oxford: Oxford University Press, 2010.*

кой пленкой модернизации политических систем в большинстве незападных обществ сохраняется совершенно иная социокультурная модель, как правило, соответствующая именно классической или античной интернациональной системе. Модернизация распространяется на верхние слои общества, большинство же остается в условиях общества традиционного. Поэтому получающие независимость бывшие колониальные общества лишь формально являются «современными» и, соответственно, полноценными акторами Вестфальской системы. В своей сути они, как и прежде, продолжают оставаться традиционными.

Именно этот фактор и проявляется тогда, когда рухнет двухполюсный мир. Из-под тонкой пленки модернизации проступают контуры *реального содержания* многих социокультурных регионов. Здесь обнаруживается возрастание значения и роли всех тех признаков, которые составляют отличительные черты именно традиционного общества — религии, этики, семьи, этноса, эсхатологии и т. д. Это и есть феномен «всплывания цивилизаций» («emergency of civilizations»), когда после обрушения структуры Модерна (двухполярности) в условиях Постмодерна (глобализации) поднимается континент Премодерна (столкновение /диалог цивилизаций).

В терминах исторической социологии МО это описывается как обнаружение признаков *классической* интернациональной системы при переходе от *глобальной* интернациональной системы к *постмодернистской*. Глобализирующийся мир, намереваясь сделать решительный шаг вперед за пределы Модерна и Нового времени, внезапно обнаруживает, что во многих регионах мира Модерн еще, оказывается, толком и не утвердился, а Нового времени пока там так и не наступило. И здесь возникает подозрение, что может быть, в этих западных обществах Модерн в его европейском и привычном для нас понимании вообще невозможен, а Нового времени не наступит никогда. Это и есть актер цивилизации — со всем веером его премодернистских атрибутов. И если этот актер окажется достаточно сильным и устойчивым, то универалистская и прогрессистская логика линейного понимания истории, свойственного Западу, будет опрокинута. ТММ в определенном смысле это и предлагает осуществить, перейдя от линейного понимания истории к циклическому, от всеобщего и единого времени человечества — к особым траекториям и маршрутам отдельных цивилизационных времен, переплетающихся друг с другом в сложном и требующем пристального внимания постоянно меняющемся узоре¹.

Отсюда можно сделать второй шаг и рассмотреть постмодернистскую интернациональную систему, о которой говорят Бузан и Литтл, как открытый *выбор* между продолжением западоцентричной глобализации, но только с постоянным размыванием вертикальной ориентации гегемонистского дискурса Запада и многополярным проектом, в котором в дело вступают забытые, но вновь пробуждающиеся от анабиоза *структуры традиционного общества*, т. е. цивилизации, культуры, религии. Если в контексте каждой интернациональной системы меняются смыслы, акторы, связи и структуры, то переход от глобальной системы к новой системе так же предполагает сдвиги, сломы, смену идентичностей и парадигм. Некорректно применять к постмодернистской системе модернистские критерии, на глазах утрачиваю-

¹ О социологии времени см.: Дугин А. Социология воображения. М.: Академический проект, 2010; Он же. Социология русского общества. М.: Академический проект, 2011.

щие свою релевантность. А значит, смысловые горизонты той интернациональной системы, которая приходит на смену глобальной системе и условно пока определяется как «постмодернистская», остаются открытыми и проблематичными, а за формирование их может вестись напряженная и страстная борьба между различными сегментами человечества.

Это важный пункт ТММ: Постмодерн в МО не является predetermined и не означает перехода от одной приблизительно понятной структуры международных отношений к другой, тоже в целом представимой. Это, скорее, открытый процесс с неопределенным исходом, который может привести как к одной модели миропорядка, так и к совершенно иной и отличной от первой по основным параметрам. Постмодерн может стать продолжением Модерна, а может оказаться выходом за его границы в сторону от магистральной логики его развертывания. Этот второй вариант Постмодерна представляет собой шанс построения многополярного мира на основе цивилизационного плюрализма.

Другим важнейшим теоретическим моментом для развертывания ТММ является критика представителями исторической социологии (в частности, британским теоретиком МО Джоном Хобсоном) евроцентризма и расизма всех существующих теорий МО. Его книга «Евроцентристская концепция мировой политики»¹ является фундаментальным теоретическим вкладом в становление ТММ и может быть целиком включена в контекст этой теории. Хобсон, с одной стороны, демонстрирует несостоятельность отождествления западной системы ценностей с универсальной, при том, что западная система объявляется высшей, а все остальные типы цивилизаций и их ценностные системы — низшими (прямой или сублиминальный расизм), а с другой, предлагает построить сбалансированную и полицентричную теорию МО, где западная цивилизация была бы возвращена в свой исторический и «провинциальный» (с точки зрения всей планеты и всего человечества) контекст. Идеи Хобсона могут быть полностью интегрированы в ТММ и стать ее важнейшей концептуальной составляющей.

Релевантность нормативизма для ТММ

Нормативизм в МО чрезвычайно удобен для «густого» анализа цивилизаций и структуры соотношений и связей между ними. Этот подход ставит в центре внимания исследование норм, ценностей, идей и идеалов конкретных обществ, с помощью чего достигается углубленное понимание того, как осмысляются основные темы международных отношений в разных странах и социальных контекстах. Такой нормативистский подход предполагает, что образы мировой политики осмысляются и интерпретируются каждым обществом в соответствии с его культурными установками (нормами). И эти нормы влияют на политическое руководство и иные центры, принимающие решения во внешней политике, т. к. они никогда не являются оторванными от остальной социальной среды, но связаны с ней и зависят от нее по внутриполитическим соображениям (вопрос легитимности). Если отдельные λ -индивидуумы, и даже их множество, не обладают компетенцией в сфере международных отношений и в вопросах внешней политики, их совокупные представления вполне могут влиять на легитимацию правителя. Внешняя по-

¹ *Hobson J.M. The Eurocentric Conception of World Politics: Western International Theory, 1760 – 2010. Cambridge: Cambridge University, 2011.*

Интернациональные системы в МО и теория номоса К. Шмитта



литика, таким образом, помещена в конкретный социокультурный контекст, и в этом контексте символы, предпочтения, установки и этнические комплексы играют важную роль.

Приоритетно изучая образы из области международных отношений (например, фигуру «другого») и их резонанс в конкретном обществе, нормативисты подводят нас вплотную к составлению цивилизационной карты, где различные общества проецируют разные комплексы моральных критериев, этических оценок, императивов и правил на международную среду. Как это сопрягается с конкретной реальной политикой в каждом конкретном случае, следует рассматривать отдельно, но при таком подходе вся сфера зоны международных отношений становится не пространством применения силовых или экономических технологий или институциональных глобалистских инициатив, но полем символов и знаков, которые, к тому же, разные общества и культуры интерпретируют по-разному — в соответствии со своими ценностными комплексами.

Так, для ТММ открывается широкий простор *символического анализа международных отношений* на основе конкретных цивилизационных ансамблей, каждый из которых описывается через оригинальную картину норм и идеалов.

Другой ценной стороной нормативизма является выделение двух этических систем в МО в работах нормативиста К. Брауна. ТММ исходит из того, что в условиях многополярности только коммунитаристская этика должна рассматриваться как нормативная, поскольку каждая цивилизация основывает свою ценностную систему на собственных критериях и принципах, и даже «универсальность» понимает всякий раз по-своему, т. е. локально. Отсутствие общей меры для всех цивилизаций, последовательный цивилизационный релятивизм ТММ, исключает саму возможность существования обоснованной космополитической этики. А то, что выдается за таковую, при ближайшем рассмотрении обнаруживается как *универсализация западной цивилизационной модели*. Таким образом универсализм и основанный на нем глобализм на поверку оказываются лишь формами колониализма, империализма и расизма, т. е. проекциями одной коммунитаристской (исторически и географически предопределенной) этической системы на все человечество.

Релевантность конструктивистской теории для ТММ

О значении конструктивизма для ТММ уже шла речь ранее. Важнее всего в этом подходе внимание, которое уделяется *теоретическим построениям*, имеющим подчас определяющее значение в осуществлении того или иного проекта. Представления о мире аффектируют мир, и если не делают его таким, каким он представляется, то, по крайней мере, придают ему некоторые качественные черты. Следовательно, система международных отношений есть в значительной степени *результат конструирования* в процессе развертывания теоретического поля МО как дисциплины.

Сами конструктивисты, в первую очередь, А. Вендт, предпочитают использовать этот метод в гуманистическом и неолиберальном ключе, указывая на то, как много в МО зависит от самоограничивающих формулировок или запрограммированных изначально установками конфликтов. Вендт полагает, что анархию международных отношений можно осмыслить по-разному — в духе Гоббса (соперничество, готовность к войне), в духе Локка

(конкуренция, мирное соперничество) и в духе Канта (солидарность, партнерство, объединение в единое гражданское общество). По Вендту, онтологически это одна и та же анархия, но ее гносеологическая оценка позволяет сконструировать на ее основании либо поле вражды, либо зону конкуренции, либо пространство тесного солидарного сотрудничества. Как мы сконфигурируем понимание реальности в международных отношениях, такой она в конце и концов и предстанет. Согласно конструктивистам, мы живем в том мире, который создаем сами. Николас Онуф формулирует это в названии своей программной книги — «Мир, который мы сами и сделали» («World of Our Making») ¹.

Но в контексте ТММ на основании конструктивистского понимания природы международных отношений можно сделать заключение, отличное от (в целом) либеральной ориентации самих конструктивистов. Они хотят сделать мир «более гуманным» в духе соответствия тем ценностям, которые представляются им базовыми и само собой разумеющимися в контексте западной модернистской и отчасти постмодернистской культуры. Но это «мир, созданный ими» — «World of Their Making». Незападные цивилизации вполне логично предпочтут «сделать мир» в соответствии с их собственными установками и идеями, традициями и культурными паттернами. Западный мир, претендующий сегодня на то, чтобы быть единственной и универсальной моделью мира, *создан людьми Запада*. Они же научились его деконструировать и конструировать заново. Эта практика является критически важной для ТММ. Но применять ее надо в ином контексте и для решения других задач. Осознав, что в лице норм, претендующих на самоочевидность и универсализм (технический прогресс, демократия, права человека, толерантность, гуманизм, рыночная экономика, свободная пресса и т. д.), мы имеем *дело с проекцией только одной из цивилизаций*, причем, с чертами, присущими только одной исторической фазе этой цивилизации, мы будем способны легко локализовать западный дискурс, подвергнуть его деконструкции и *освободить тем самым смысловое поле для конструирования иной реальности*. Мир, созданный нами, а не ими, может быть и должен быть только многополярным. И чтобы он стал таким, его остается только сконструировать.

Начинать надо с теории, т. к. именно в пространстве репрезентаций и концептов коренятся истоки того, что затем мы начинаем воспринимать и переживать как реальность, данность и статус-кво.

Пример анализа многополярного мира в сравнении с постмодернистской интернациональной системой

Приведем пример того, как метод, предлагающийся теоретиками «интернациональных систем», мог бы быть применим к многополярности.

Предлагаемый анализ интернациональной системы сводится к выявлению следующих уровней²:

- Система
- Подсистема
- Unit (основная единица)
- Subunit (под-единица)
- Индивидуум

¹ Onuf Nicholas. World of Our Making: Rules and Rule in Social Theory and International Relations. Columbia: University of South California Press, 1989.

² Buzan B., Little R. International Systems in World History. Oxford: Oxford University Press, 2010.

И к рассмотрению отношений между ними в сферах:

- военной;
- политической;
- экономической;
- социальной;
- амбиентальной.

Кроме того, в интернациональной системе выделяется:

- *взаимодействие* (бывает линейным или многоординатным — это определяет уровень интенсивности взаимодействия — по характеру чаще всего сводится к пяти типам — войны, союзы, обмены, заимствование, доминация);
- *структура* (статичная модель организации unit в систему);
- *процесс* (трансформация всех отношений по качественной шкале).

По Бузану /Литтлу постмодернистская интернациональная система характеризуется следующими особенностями:

- расширение номенклатуры базовых единиц (units) (по сравнению с глобальной системой, где преимущественно действовали Государства);
- появление негосударственных акторов вплоть до новой единицы — кочевника асфальта (Э. Юнгер, Ж. Аттали), космополита полностью равнодушного к системе территориализированных иерархий;
- еще более высокая интенсивность взаимосвязей;
- возникновение новых сверхгосударственных пространств — информационного, торгового, культурного, сетевого, дистрибьюторского, стилевого;
- глобальное взаимодействие как дисперсия (дисперсия военно-политических базовых единиц — к торгово-экономическим единицам);
- появление новых локальностей (регионализм).

Эта картина постмодернистской интернациональной системы, описываемая Бузаном /Литтлом, соответствует, в целом, глобалистскому видению и концептам транснационализма и неолиберализма.

Теперь опишем по той же методике многополярную модель.

Главной базовой единицей (unit) является цивилизация (полюс многополярного мира).

Эта единица входит в планетарную систему, основанную на *межцивилизационном взаимодействии*. С соседними цивилизациями складывается подсистема — каждый раз разная — в зависимости от того, какую цивилизацию мы рассматриваем. Здесь могут быть асимметричные ситуации.

На уровне *под-единиц* (subunits) мы встречаем целый спектр концептов, и их номенклатура может быть различной и асимметричной — частично иерархической, частично рядоположенной.

В постмодернистской системе в этом вопросе есть совпадение с многополярностью: и там, и там фиксируется рост значения локальных факторов и новый регионализм.

Так, среди *под-единиц* (subunits) можно выделить *доминантную* социокультурную общность и *миноритарные* общности. Эти миноритарные общности могут соответствовать доминантным общностям в других цивилизациях, а могут быть уникальными.

Эти общности способны структурироваться по культурному, религиозному, этническому, территориальному или иному признаку, образуя *суперпозицию идентичностей*. Каждая из этих идентичностей может быть тож-

дественной или отличной от доминантной общности, иметь или не иметь аналоги в других цивилизациях. В зависимости от этого будут складываться и межцивилизационные отношения.

Появление новых или возрождение прежних общностей (религиозных, этнических, социокультурных и иных) является признаком многополярного мира.

Отношения между цивилизациями будут складываться неравномерно в зависимости от того, какую под-единицу (subunit) мы рассматриваем. Связи с отдельными религиозными или социокультурными группами могут развиваться весьма интенсивно. Между доминантными группами цивилизаций, напротив, связи и обмены скорее всего будут осуществляться в довольно ограниченной сфере и при опосредовании специальных инстанций на это уполномоченных.

Вместо повышения роли индивидуального актора, кочевника асфальта, напротив, многополярность предполагает сведение к минимуму индивидуальной идентичности в пользу разнообразного выбора асимметричных коллективных идентификаций и социальных статусных наборов.

Техника как явление, претендующее на универсализм и культурную нейтральность, будет возвращена в свой изначальный историко-культурный контекст и осознана как специфический гаджет лишь одной из цивилизаций, выражая собой ее гегемонистские претензии и ее этноцентрический импульс.

Сравнивая модели постмодернистской системы, предлагаемые историческими социологами в МО (и в целом совпадающие у транснационалистов, глобалистов и неолибералов) с моделью многополярного мира, мы видим фундаментальное различие в образе картин будущего. В одном случае (у обычных постмодернистов) мы имеем дело с транспозицией современного западного кода на все более и более распыленный *индивидуальный* уровень. Во втором случае человечество рекомбинируется и регруппируется на основе *холизма* — коллективной идентичности, хотя структура этой идентичности, взаимодействия между собой отдельных групп и процессы, отражающие постоянное изменение в качестве этих взаимодействий, будут представлять собой динамичную картину, не сводимую ни к классической интернациональной системе, ни к глобальной, ни к той, которую описывают представители исторической социологии в МО под названием «постмодернистской» (в ее неолиберальной и транснационалистской) версиях.

При этом качественное семантическое изменение природы unit по сравнению с глобальной системой, где базовой единицей было национальное Государство, в ТММ можно уподобить тому различию, которое существует между элементарной частицей классической физики и фракталом (Б. Мандельброт) или петлей (в физике суперструн Э. Виттена). *Цивилизация есть комплексная реальность с очень сложной и всякий раз уникальной геометрией* и системой странных аттракторов. Поэтому и система межцивилизационных отношений — таких, как войны, союзы, обмены, заимствования и доминанция, — приобретут *комплексный* характер¹. Межцивилизационная война будет чем-то принципиально иным, нежели войны между Государствами — и, по сути, и по форме. Также чем-то иным будет союз цивилизаций или природа мирных договоров. Характер обмена, в том числе и экономического,

¹ Morin, E., *Le Moigne, J.-L.* L'intelligence de la complexité. Paris: L' Harmattan, 1999.

станет определяться уровнем, где эти операции осуществляются: в цивилизации таковыми могут быть довольно разные инстанции и довольно разные группы (в отличие от статоцентричной концепции в классических парадигмах МО или атомарных индивидуумов /множеств в неолиберализме и неомарксизме).

И наконец, доминация одной цивилизации над другой также может носить амбивалентный характер: материальное превосходство не всегда будет означать когнитивное превосходство и гносеологическую гегемонию. И напротив, духовная доминация в отдельных случаях может сопровождаться отставанием в развитии материальной сферы. Многополярный мир оставляет все возможности предельно открытыми.

Из этого можно сделать важное заключение: многополярный мир — это пространство предельно открытой истории, где живое участие обществ в создании нового мира, новой карты реальности не будет ограничено никакими внешними рамками, никакой гегемонией, никаким редуционизмом или универсализмом, никакими предустановленными и навязанными кем-то со стороны правилами. Такая многополярная реальность будет намного более сложной, комплексной и многомерной, чем любые постмодернистские интуиции.

Многополярный мир — это рукотворное пространство практически неограниченной исторической свободы, свободы народам и общинам самим верстать свою историю.

Резюме

Сведем основные сходства и различия между ТММ и другими парадигмами в МО в обобщающую таблицу.

Парадигма	Сходства	Различия
<i>Реализм</i>	Суверенитет акторов Анархия международных отношений	Актор — не национальное Государство, но цивилизация / политея
<i>Неореализм</i>	Баланс могуществ /гегемоний	Отрицание глобальной гегемонии Запада Отрицание двухполярности
<i>Либерализм</i>	Интеграция и наднациональная институционализация на основе общих ценностей	Отказ от приоритета либеральной демократии и непризнание универсальности западных ценностей
<i>Неолиберализм</i>	—	Отказ от глобализации / транснационализма
<i>Марксизм / неомарксизм</i>	Критика глобального капитализма	Непризнание универсальности фаз развития Отказ от исторической необходимости глобальной мир-системы
<i>Критическая теория</i>	Критика (западной / капиталистической) гегемонии Контргегемония	Индивидуализм Маргинализм / Анархизм в качестве ценностей (контробщество)

Постмодернизм	Деконструкция глобальной воли к власти	Девалоризация власти как таковой
Феминизм	Деконструкция гендерного маскулинизма и эксклюзивизма в МО Учет женского гендера в культуре и цивилизации Stand point feminism	Отказ от либерального феминизма / прямолинейного эгалитаризма / легализации однополых браков / релятивизации и дезонтологизации пола
Историческая социология	Антирасизм Антиевроцентризм Историчность обществ и интернациональных систем Критика темпоцентризма и хронофетишизма Построение незападной теории МО	—
Нормативизм	Приоритет норм и ценностей при определении цивилизации Коммунитаристская этика	Космополитическая этика
Конструктивизм	Конструктивистский характер объекта МО Деконструкция Конструирование	Сублиминальный евроцентризм

5.5. Основные темы и сюжеты МО в контексте ТММ

Власть (Князь) в ТММ

Рассмотрим несколько конкретных аспектов ТММ применительно к классическим темам, разбираемым в МО.

Важнейшим вопросом в МО является выявление инстанции, которая является носителем верховной власти, определяющей структуру поведения актора в среде международных отношений. Эта инстанция функционально называется «носителем суверенитета» или «Князем» (по терминологии Н. Макиавелли¹).

Базовой единицей (unit) в ТММ является, как мы видели, *цивилизация*. Соответственно, необходимо выяснить, как решается в таком явлении, как цивилизация, проблема власти и ее носителей, и соответственно, проблема суверенитета.

Этот вопрос не так прост, как может показаться на первый взгляд. Цивилизация, как мы видели, *комплексное* явление, математическое и геометрическое описание которого требует введения нелинейности. В этом принципиальное отличие цивилизации от национального Государства, которое в Новое время ввело как строго рационализированную схематичную редукционистскую реальность, в таком качестве и осмысляемую в большинстве теорий МО. Лишь постпозитивистские теории МО стали постепенно релятивизировать эту линейную схему, доминирующую в реализме и либерализ-

¹ Макиавелли Н. Государь. М.: Планета, 1990.

ме, а также, с некоторыми существенными поправками, в марксизме. Нелинейность процессов и комплексность акторов в турбулентных моделях международных отношений Постмодерна представляются намного более примитивными, упрощенными и предсказуемыми в сравнении с цивилизацией. Постпозитивистские теории в любом случае имеют своим концептуальным пределом индивидуумов (отсюда идеология прав человека), к математической сумме которых при всех обстоятельствах сводится вся система МО даже в самой смелой постмодернистской модели. Атомарный индивидуум составляет концептуальную опору как национальных Государств, так и демократий, как гражданского общества, так и постмодернистских множеств альтерглобализма. И во всех случаях этот атомарный индивидуум репрезентируется на основании западной антропологии, концептуализируется в свете классических модернистских и постмодернистских представлений. Иными словами, пределом сложности турбулентных систем является индивидуум как концепт, сконструированный по выкройкам западноевропейской социологии¹. Соответственно, все калькуляции вокруг проблемы носителя суверенитета так или иначе выстраиваются на основе этого концепта. Атомы могут складываться самым причудливым и замысловатым образом, но всегда любая композиция сводима к дигитальному коду, поддающемуся статистическому расчету. Поэтому вопрос о власти и представительстве в классических и даже постпозитивистских теориях МО всегда принципиально сводим к калькуляционной схеме: индивидуумы и группы индивидуумов могут делегировать власть своим представителям вплоть до суверенного правителя (индивидуального или коллективного — президента, премьер-министра, правительства, парламента и т. д.) или, напротив, опускать эту власть все ниже и ниже — на средний уровень (субсидиарность федералистских моделей, местное самоуправление) или даже еще ниже, вплоть до собственно индивидуального уровня (проект электронного референдума всех граждан через прямое онлайн участие — в ультрадемократических утопиях планетарного гражданского общества). Какой бы ни была инстанция суверенитета, она высчитывается и определяется на основе индивидуума как специфически западного базового социологического и антропологического концепта². Власть есть явление человеческое и индивидуальное.

Но плюрализм цивилизаций выбивает почву из-под такой концептуализации. Дело в том, что разные цивилизации оперируют с разными антропологическими конструктами, большинство из которых не разлагаются на атомарных индивидуумов. Иными словами, атомарные индивидуумы не являются неразложимыми (атомарными) или автономно содержательными моментами. В разных цивилизациях человек может быть кем угодно, но только не самостоятельной самостоятельной единицей. Чаще всего он представляет собой осознанную и эксплицитную *функцию от социального целого* (на этом принципе основана социология Э. Дюркгейма и его последователей, культурная антропология Ф. Боаса и его учеников, а также структурализм К. Леви-Стросса). Соответственно, структура власти и ее формализация в каждой отдельной цивилизации отражает специфику организации

¹ Dumont L. Essais sur l'individualisme. Une perspective anthropologique sur l'idéologie moderne. Paris: Le Seuil, 1983.

² В этом отношении чрезвычайно релевантна «понимающая социология» М. Вебера, строящаяся как раз вокруг этого концепта и его всесторонне обосновывающая.

холистского ансамбля, которая может качественно отличаться в каждом конкретном случае.

Кастовый принцип индуизма имеет мало общего с исламской религиозной демократией или китайским ритуализмом. Кроме того, одни и те же цивилизационные основы могут давать различные концептуализации власти в ее отношении к обществу и отдельным людям. В христианской цивилизации мы видим (как минимум) две полярные средневековые модели нормативного Государства — 1) симфония властей и цезаре-папизм Византии (отголоски чего до сих пор ясно ощущаются в православных странах, и особенно в России) и 2) августиновский, в духе учения о «двух градах», принцип папо-цезаризма, свойственный католическому Западу. После Реформации к этому добавился широкий спектр протестантских концептуализаций природы власти — от лютеранской монархии до пророчески-либерального кальвинизма и эсхатологического анабаптизма.

Поэтому заведомо следует рассмотреть власть в контексте цивилизации как фрактальное нелинейное явление, отражающее самобытную геометрию каждого конкретного социального «холоса».

Конечно, кто-то в цивилизации должен принимать решение в вопросах, связанных с межцивилизационными отношениями — в частности, о мире и войне, союзе и его расторжении, о сотрудничестве и обмене, о запретах, квотах и тарифах и т. д. Можно назвать это *стратегическим полюсом* цивилизации. Эта инстанция является условной и выводимой чисто теоретически как умозрительное пространство, где концентрируются решения, затрагивающие в той или иной степени сферу международных отношений. Этот стратегический полюс и есть полюс многополярного мира, поскольку мир цивилизаций открывается как многополярный именно за счет пересечения интересов или оформления конфликтов, проходящих через *инстанцию полюса*.

Стратегический полюс *должен* присутствовать в любой цивилизации. Его наличие и делает мировую систему многополярной, но его место и его содержание, а также его структура и связь с другими уровнями власти в каждой цивилизации могут быть уникальными и не похожими ни на что другое.

Примером одной из таких комплексных систем является модель принятия решений в современном Иране, где объем суверенитета пропорционально разделен между светской властью президента и духовными структурами аятолл. В Саудовской Аравии меджлис, аналог парламента, представляет собой площадку для консенсусных решений трех доминирующих в этом обществе сил: многочисленной королевской семьи, духовных авторитетов салафитского Ислама и представителей наиболее значимых бедуинских племен. В современном Китае совокупность политических и экономических интересов этой своеобразной страны при выходе в область международных отношений жестко контролирует и регламентирует Компартия. В Индии баланс фасадного светского парламентаризма и имплицитной кастовой системы создает многоуровневую модель принятия наиболее важных решений. В России вполне устойчив едва прикрытый демократическими процедурами западного образца патерналистский авторитаризм.

Все эти реальные формы организации стратегического полюса считаются по западным меркам «аномалиями», подлежащими «европеизации», «вестернизации», «модернизации» и «демократизации», а затем и ликвидации в общей системе глобального гражданского общества. Но этот проект пред-

ставляется сегодня все более утопичным даже самым последовательным апологетам планетарной демократии. В этом отношении показательно изменение взглядов Ф. Фукуямы в последние годы, когда он признал, что его ожидания скорого «конца истории» были явно поспешными, т. к. на пути глобализации и создания планетарной либерально-демократической системы стоит еще слишком много с трудом преодолимых препятствий для того, чтобы можно было «положить конец истории» в ближайшем будущем¹.

При принятии модели многополярного мира системы власти, коренящиеся в цивилизационных особенностях традиционных обществ, *утрачат необходимость скрывать себя* под поверхностью принятыми и двусмысленными западными демократическими стандартами. Поэтому стратегический полюс цивилизации может вполне открыто провозгласить себя, признав эксплицитно себя тем, чем он и так имплицитно является в большинстве незападных обществ. Но только вместо того, чтобы испытывать за это «утриезения совести» перед лицом недостижимого западного образца (выдаваемого за «универсальную норму»), цивилизации получат возможность институционализировать свои особые модели власти в соответствии со своими традициями, историческим состоянием обществ и волеизъявлением тех социальных инстанций, тех выразителей культурного «холоса» цивилизации, которые в них считаются наиболее авторитетными и правомочными для подобных действий. Это образует концепт «нашего Князя», *Princeps nostrum*, т. е. не просто самобытной формы устройства верховной власти (автократия, демократия, представительство, династичность, меритократия и т. д.), но и свободы насытить ее различным цивилизационным содержанием — светским, сакральным, функциональным, рациональным или религиозным.

Цивилизационный плюрализм ТММ совершенно не настаивает на ликвидации демократии там, где она есть, или на том, чтобы препятствовать ее появлению и созреванию там, где ее нет или она слаба и номинальна. Ничего подобного. ТММ не является заведомо антидемократической. Но она не является и нормативно демократической, т. к. ряд цивилизаций и обществ вообще не считают демократию в ее западном издании ни ценностью, ни оптимальной формой социально-политической организации. Если так считает общество и если это имеет обоснование в цивилизационном укладе, то это надо принять как факт. Стронники демократии могут бороться за свои идеалы и взгляды, как им вздумается. Они могут выиграть, но могут и проиграть. Все это вопросы, решать которые предстоит внутри цивилизации, без оглядки на какие бы то ни было укоряющие или подбадривающие взгляды или недовольные реакции извне.

Поэтому стратегический полюс, который должен существовать в силу полицентричного характера многополярного мира, не может иметь однотипного политического содержания — аналогичного понятию национального Государства в Вестфальской системе. Эта система строилась на оптимистической уверенности в универсальности человеческого разума, под которой, как позже выяснилось, понималась весьма *специфическая рациональность* европейского человека Нового времени, высокомерно и заносчиво принятого за «трансцендентальный разум» вообще. Европейская рациональность Нового времени, стремительно изживающая себя сегодня, оказалась пространственно *локальным историческим моментом*, не более того. С посте-

¹ Фукуяма Ф. Идеи имеют большое значение. Беседа с А. Дутиным // Профиль. 2007.

пенным осознанием этого связан и Постмодерн в целом, и эрозия Вестфальской системы, в частности.

ТММ не предлагает нового универсализма в области определения того, кто нормативно должен являться носителем власти в новых базовых единицах (units) многополярного мира. Но он не впадает и в хаотический экстаз полуживотного ризоматического иррационализма постструктуралистов. Цивилизации как структуры, как языки имеют все основания для развертывания своих особых моделей рациональности, иерархическая симметрия которых, предопределяющая структуру властных отношений, и, соответственно, политическое устройство общества (которое есть не что иное, как калька философской парадигмы, что ясно показано у Платона и Аристотеля), могут быть любыми.

Поэтому вопрос о власти в многополярном мире решается следующим образом. Извне мы намечаем в каждой цивилизации стратегический центр, который выступает субъектом диалога в международных отношениях. Этот стратегический центр есть формализации цивилизации и ее *метонимическая аббревиатура* в системе многополярности. Но ее структура и ее содержание, ее соотношение с внутренними пластами и этажами общества, объемы ее полномочий и характер легитимации — все это может качественно и фундаментально варьироваться. Многополярность запрещает оценивать эту легитимацию извне, т. е. выносить суждение относительно содержания власти в цивилизации, отличной от той, к которой принадлежит наблюдатель. Поэтому концепт стратегического центра остается *вполне конкретным вовне*, в сфере международных отношений, но *совершенно произвольным внутри* и может быть сконфигурирован в соответствии с культурными кодами каждого отдельного общества на основании свойственной ему и только ему социальной и политической антропологии.

Можно назвать этот принцип ТММ «плюральностью князя».

Решение в ТММ

Подобный фрактальный подход является базовой установкой ТММ в отношении всех других классических тем МО, связанных с суверенитетом, легитимностью акторов, легальностью процедур в международных отношениях и т. д. Во всех случаях правильным ответом будет обращение к уникальной социальной и культурной специфике каждой цивилизации — при отсутствии какой бы то ни было априорной проекции. ТММ требует от теоретика максимальной *цивилизационной апперцепции* — т. е. способности рефлексировать собственную принадлежность к той цивилизации, от лица которой осуществляется анализ международных отношений, а также проникновения в ценностную цивилизационную систему изучаемой цивилизации. Здесь в полной мере релевантны требования, предъявляемые к культурным антропологам, намеривающимся исследовать то или иное архаическое общество. Для этого необходимы:

- знание языка;
- включенное наблюдение;
- мораторий на поспешные выводы и моральные сопоставления «чужого» со «своим»;
- отсутствие предвзятых мнений и предрассудков относительно исследуемой культуры;

- искреннее намерение проникнуть в то, как члены данного общества сами понимают и интерпретируют окружающий их мир, социальные институты, традиции, символы, ритуалы и т. д.

Все это прекрасно систематизировано и обосновано Ф. Боасом и его последователями¹.

ТММ требует от политолога-международника навыков социальной и культурной антропологии, без которых ни одно его заключение относительно политических структур той или иной цивилизации и соотношения этих структур между собой не будет иметь валидности и научной ценности.

Поэтому прикладные вопросы, сопряженные с проблемой суверенитета, его носителя и его структуры требуют предварительно углубленного осмысления цивилизационного поля.

В качестве удобной формализации для точной фиксации того, где конкретно располагается стратегический полюс в цивилизации, может быть использована процедура, предложенная К. Шмиттом для определения суверенитета. «Суверенен тот, кто принимает решение в условиях чрезвычайного положения²», — утверждает он. Чрезвычайно положение — это ситуация, когда правовой кодекс, отвечающий за упорядочивание вопросов правления в обычных типовых обстоятельствах, перестает действовать и не способен служить опорой для выбора того или иного поведения, предполагающего включенность в него значительной группы людей и масштабные социальные последствия. Это определение К. Шмитта является удобным инструментом для локализации центра власти в проблематичных исторических условиях. Если пользоваться этим критерием, то, любое принятие решения в чрезвычайных обстоятельствах, означает автоматически *локализацию* полюса суверенитета. Тот, кто принимает решение в чрезвычайных обстоятельствах, тот суверенен — даже в том случае, если у него не хватает легальности или легитимности с правовой точки зрения. И наоборот, тот, кто не принимает решения в чрезвычайных обстоятельствах, не суверенен, даже при наличии у него формальной легальности и легитимности.

Так появляется конкретный параметр для определения местонахождения суверенной инстанции практически *в любой политической системе* — и там, где власть действует открыто и прозрачно (*potestas directa*), и там, где она действует косвенно и тайно (*potestas indirecta*)³. Поэтому в цивилизации при естественной для нее неопределенности и комплексности социальных слоев внутри общего контекста, месторасположение суверена, князя, определяется *через фактическую локализацию источника принимаемых решений*, а не наоборот. *Кто решает в чрезвычайных обстоятельствах, тот и Князь, тот и является носителем суверенитета.*

Это замечание относительно решения позволяет отнести к цивилизации как к системе, открытой для истории и насыщенной мощной экзистенциальной энергией. В какой-то момент любой цивилизации в стихии многополярного мира приходится принимать решение. И всякий раз инстанция этого решения может теоретически всплывать *в различном сегменте цивилизации*. Это чрезвычайно усложняет структуру международного права, делает ее отчасти спонтанной и «окказионалистской» (*ad hoc*). Но вместе с тем это освобождает естественную и наполненную внутренней силой, *potestas*,

¹ См.: Дугин А. Этносоциология. М.: Академический проект, 2011.

² Шмитт К. Диктатура. СПб.: Наука, 2005.

³ Schmitt C. Der Leviathan in der Staatslehre des Thomas Hobbes. Berlin, 1938.

стихию исторического бытия от необходимости постоянно взламывать быстро остывающую систему легальных нормативов, превращающихся в ограничения и стесняющие ток живой и непредсказуемой истории.

Здесь понятие «хаоса международных отношений», наличествующее и в классических парадигмах, является вполне уместным и релевантным. «Хаосом» среда международных отношений в контексте ТММ является в той мере, в какой она позволяет решению манифестироваться в любой точке цивилизации — предсказуемой или нет. Канализация решения и обуздание его стихии, формализация и легитимация власти — все это внутреннее дело каждой цивилизации. Но теоретически следует рассматривать *суверенитет не как правовое уложение, а как функцию от самого факта решения, принятого в чрезвычайных обстоятельствах*. В таком случае стратегические полюса цивилизаций будут постоянно иметь дело с серией спонтанных вызовов, и драма истории обретет насыщенный, органический и динамичный характер — в отличие от той рутины, военной или пацифистской, в которую превратились международные отношения в Вестфальскую эпоху или в условиях двухполярного мира, и печальным апогеем чего является слабovolьные утопии глобализации.

Точка принятия решения в чрезвычайных обстоятельствах — это концентрация исторического духа; не дисперсия анатомических пожеланий и простейших инстинктов, но движение по вертикали интенсивного исторического процесса.

Элита и массы в ТММ

Практически то же самое можно сказать относительно социальной стратификации цивилизаций и выделения в них высших и низших классов, «элиты и массы», по В. Парето. Геометрия социального верха и социального низа в каждой цивилизации может варьироваться. Холизм незападных цивилизаций может быть кастовым, сословным, теократическим, этническим, монархическим, демократическим, смешанным — каким угодно. Теоретически, каким угодно может стать и западное общество, хотя на основании эмпирических наблюдений можно предположить, что оно сохранит и в будущем свои индивидуалистические и либерально-демократические установки и тенденции к дисперсии социального тела в сторону атомизации и гражданского общества. И это полное право Запада — организовывать свое общество в соответствии с собственной волей. Демократизация и дисперсия властных полномочий, однако, не отменяет принципиально классового неравенства и огромного зазора между сверхбогатой элитой и всеми остальными гражданами. Поэтому классовое неравенство, в XX веке старательно прикрываемое ростом среднего класса, который в последнее время резко затормозился, в свою очередь, конструирует элиты и массы Запада в духе тех иерархий, которые подробно описаны и раскритикованы марксистами. Элиты и массы Запада формируются по классовому критерию. Запад считает это «нормальным» и «справедливым», а остальные формы иерархизации отвергает как «негуманные», «варварские» и «недемократические».

В отношении своего общества Запад имеет все основания принимать любые политические решения. Но в отношении незападных обществ в многополярном мире компетенции морального судьи у Запада исчерпываются. Люди европейской культуры Нового времени считают, что материальное неравенство «справедливо», а социальное нет. Представители других цивили-

заций, например, индуcской, придерживаются совершенно иного мнения. Логика «дхармы» и законы «артхи» приводят индуса к справедливости совершенно иного рода: справедливо следовать традиции, в том числе кастовой, и несправедливо ее нарушать. Благородный бедняк, исполняющий карму, перерождается в высшем мире. Нерадивый богач имеет все шансы воплотиться в свинью. И это справедливо. А вторжение западных критериев в структуры традиционного общества есть верх несправедливости и типично колониальная и расистская в своих корнях практика.

Так же несправедливым для мусульман является взимание банковского процента (т. к. время принадлежит Аллаху, и деньги не могут порождать деньги во времени — это кощунство и святотатство, посягательство на прерогативы Господа миров). При этом стратификация исламского общества может представляться неприемлемым индуистам, а китайцы-конфуцианцы могут распознать в буддизме «завуалированный анархизм» и «асоциальность».

Элиты и массы, верхи и низы есть в любой цивилизации. И они имеют свои функции в общем целом социального тела в соответствии с нормативной конфигурацией этого тела. В некоторых случаях они могут оказывать влияние на внешнюю политику и выступать в роли «компетентных групп» (в отличие от уверенности классических реалистов в том, что индивидуум, представитель массы, обладает нулевой компетенцией в международных вопросах), в других случаях не могут, и тогда их доля влияния на международные отношения ничтожна. Но этот вопрос снова зависит от случая рассматриваемой конкретной цивилизации. Ни неолиберальные концепты относительно неуклонного и гарантированного роста компетенции масс в международных отношениях, ни реалистский скепсис на этот счет, неприменимы в качестве норматива в ТММ.

Социальная стратификация обществ в рамках цивилизации не является международной проблемой, не имеет универсальной формы и дисконтируется через стратегический центр цивилизации, каким бы причудливым образом он бы ни был составлен: правительство, парламент, император, правящая партия, союз духовных лидеров и т. д. Легитимным этот центр делает само социальное тело, цивилизационный холос.

Диалог и война цивилизаций

Теперь опишем в общих чертах, как ТММ рассматривает проблему войны в МО. Война — это свойство человеческой истории и постоянно встречающееся в ней событие. Более того, согласно общепринятой концепции, именно войны и революции делают историю историей. Практически все известные Государства были созданы войнами или возникли в ходе военных походов. Войны же положили основу практически всем существующим исторически элитным группам. Война, по Гераклиту, «есть отец всех вещей, в одних она обнаруживает богов, в других — людей, в одних — рабов, в других — свободных». Полис как Государство и политика как управление полисом всегда были тесным образом сопряжены со стихией войны и по внутреннему устройству, и в отношении главной задачи обеспечения безопасности, и с точки зрения перспектив завоевательных походов на того или иного внешнего противника.

Стремиться к прекращению войн — все равно, что стремиться к упразднению истории или исчезновению человека и человеческого общества.

Минимализировать риск войны или вообще избавиться от него может быть задачей определенных культур, социальных или гендерных типов (женщины не склонны к стихии войны и рассматривают ее чаще всего как катастрофу и чисто негативное явление). Но наблюдение за историей человеческих обществ показывает, что мир, как и война, являются циклически чередующимися явлениями, сменяющими друг друга в определенной последовательности, какими бы короткими или длительными ни были интервалы.

Поэтому ТММ не исключает возможности войны (столкновения) между цивилизациями, но при этом не считает, что это является единственным возможным сценарием.

Здесь следует обратиться к концепции *dialoga*. Диалог — это по-гречески «разговор, осуществляемый с кем-то другим», где высказывание передается (*δια* — от одного к другому). Диалог может выражаться в словах, но может и в жестах. И слова и жесты могут быть мирными или агрессивными, в зависимости от ситуации. Диалог может быть жестким. В конце концов, *война также способна быть формой dialoga*, в ходе которого одна сторона в жесткой форме что-то *сообщает* другой.

Диалог совсем не обязательно предполагает равенство говорящих. Сама структура человеческого языка иерархична, и поэтому произнесение фраз в диалоге вполне может носить характер развертывания воли к власти или стратегии доминирования. Это еще раз подтверждает, что войну также можно рассматривать как диалог.

В ТММ между цивилизациями по умолчанию развертывается именно диалог, который можно рассмотреть в двух экстремумах — мирный диалог и немирный диалог. Но в любом случае речь идет именно о сообщении, об общении одного и другого, о коммуникации, а, соответственно, о социализации цивилизации или нескольких цивилизаций одновременно в общей системе международных отношений. Диалог цивилизации ведут между собой постоянно. Подчас он занимает целые тысячелетия, на протяжении которых народы, культуры и религии смешиваются друг с другом, переплетаются, сближаются, поглощают друг друга, разделяются и удаляются друг от друга и т. д. Поэтому нельзя *начать* диалог между цивилизациями и нельзя его *прекратить*. Он ведется сам по себе, и всю человеческую историю можно рассмотреть как *непрерывно глящийся dialog*.

Но цивилизация становится главным актором международных отношений лишь в определенных ситуациях. Согласно ТММ, сегодня мы живем именно в такой ситуации, а, следовательно, структура диалога цивилизаций требует, в свою очередь, нового осмысления и повышенной рефлексии. Этот диалог именно сегодня нуждается в *формализации*. Как, о чем и для чего ведет между собой диалог цивилизации?

Диалог цивилизаций есть конституирование базовой пары идентичностей — «мы» и «они», что является неотъемлемым свойством любого общества. Общество способно осознать себя как себя только перед лицом другого общества, *осознанного* как другое. Поскольку цивилизация является максимально сложной системой общества, состоящего, в свою очередь, как из иерархических, так и из рядоположенных слоев и пластов, то степень этой цивилизационной рефлексии относительно своей идентичности требует особого инструментария, качественно намного более сложного, нежели модели и процедуры идентификации иных базовых единиц. Цивилизационная

идентичность и для утверждения самой себя, и для противопоставления себя другому, и, соответственно, для формирования образа другого, требует в наивысшей степени усложненной рефлексии. Этот уровень, как правило, выражается в особой философии или теологии, духовной традиции, сконцентрированной в интеллектуальных элитах, но по касательной расходящейся на все слои общества вплоть до самых его глубин. То, что является философией или теологией для элит, становится типичными видами ментальности, психологией и усредненным культурным типом для масс. Но на всех уровнях — от острого осознания философских основ до самых инерциальных и неосознанных ментальных и психологических клише, через исторические события, политические реформы, достижения искусства и науки и хозяйственные практики — идентичность цивилизации утверждается и, утверждаясь как таковая, обязательно контрастирует с идентичностью других соседних цивилизаций. Это и есть диалог цивилизаций: постоянное сравнение своего и чужого, обнаружение общих свойств или, напротив, различий, обмен отдельными элементами, отвержение других, вскрытие смыслов или семантические сдвиги, искажающие элементы другой цивилизации. В определенных случаях наличие другого становится основанием для войн. В других — диалог развивается мирно и конструктивно.

Цивилизации ведут между собой диалог о постоянно переопределяемом балансе своего и чужого, идентичности и инаковости. Этот диалог не имеет никакой конечной цели, т. к. не ставит перед собой задачи убедить другого в своей правоте, и тем более, в принятии образа другого как нормативного для себя (хотя в некоторых случаях — крайней экспансии и, напротив, крайней пассивности) могут быть и такие сценарии. Но смысл заключается не в достижении цели, а в наличии самого диалога, который в условиях открытого исторического процесса всегда облекает себя в череду исторических событий, вспыхивающих в разных сферах — от религиозных и политических реформ, появления новых философских теорий до народных волнений, династических переворотов, военных походов, циклов экономического подъема и упадка, новых открытий, экспансий и сжатий, этнических передвижений и т. д. В диалоге участвует вся многоуровневая структура цивилизации, и он ведется на всех ее этапах.

Однако формализуется этот диалог в интеллектуальной элите, которая способна емко отрефлексировать, определить параметры как своей идентичности, так и идентичности другого. В значительной степени, она и конфигурирует образ другого, наделяет его теми или иными чертами, корректно или некорректно разгадывает семантические блоки той цивилизации, с которой находится в состоянии диалога.

При повышении уровня формализации цивилизации существенно возрастает и роль интеллектуальной элиты, которая становится носителем диалога цивилизаций не просто по инерции, но по своей функции. И эта функция приобретает важнейшее международное измерение, т. к. от структуры диалога цивилизаций зависит напрямую сама структура международных отношений в многополярном мире. Если стратегический полюс есть инстанция принятия *решений* и точка суверенитета цивилизации, то содержательный, *смысловой* центр цивилизации сосредотачивается в ее интеллектуальной элите, которая в условиях многополярности резко повышает свой статус в области международной жизни. Эта элита уполномочивается насыщать многополярность смысловым содержанием и развертывать содержательные

процессы, конститутивные для среды международных отношений, а, следовательно, для истории человечества.

В диалоге цивилизаций интеллектуальная элита должна осуществлять дисконт всех стальных факторов — экономических, технологических, материальных, ресурсных, логистических и т. д. Знак, образ, концепт, философская теория, теологическая экзегеза представляют собой главное синтетическое послание от одной цивилизации к другой. И от того, каким будет это послание в каждом отдельном случае, во многом будет зависеть изгиб мировой истории — война или мир, конфликт или сотрудничество, упадок или взлет.

Диалог, о котором идет речь, не может быть сведен к конкуренции, к установлению гегемонистских отношений, к убеждению в своей правоте одних или других и т. д. Диалог цивилизаций — это нередуцируемое фрактальное поле свободной и спонтанной истории, непрограммируемой и непредсказуемой, т. к. будущее в таком случае рассматривается как конструируемый горизонт мышления и воления. Мышление относится к зоне компетенции интеллектуальной элиты цивилизации, воление — к стратегическому полюсу и точке решения. Вместе оба эти начала составляют *голограмму цивилизации*, ее живое символическое средостение, солнечное сплетение цивилизационных нервов.

Не власть, не хозяйство, не материальные ресурсы, не конкуренция, не безопасность, не интересы, не комфорт, не выживание, не гордость, не агрессивность — являются базовой мотивацией исторического бытия цивилизации в условиях многополярного мира, но именно процесс духовного диалога, который на любом повороте и при любых обстоятельствах может приобрести как позитивный и мирный, так и агрессивный и воинственный характер. «Духовные битвы, — как писал А. Рэмбо в «Сезонах в аду», — столь же жестоки, как человеческие сражения»¹. Очевидно, что современная западная цивилизация устала от истории и больше не вдохновляется высокими горизонтами ее свободы. Отсюда и стремление как можно быстрее с ней покончить, закрыв исторический процесс. Но специфика ТММ в том и состоит, чтобы открыть и отвоевать возможность смотреть на мир, на время и эпоху не только глазами Запада; а это значит, что диалог цивилизаций осмысляется не как нечто механическое, рутинное и ставящее перед собой только одну цель — «чтобы не было войны», но как нечто насыщенное, живое, непредсказуемое, напряженное, содержательное, рискованное и с открытым и неизвестным финалом.

Дипломатия: антропология и традиционализм

В классических теориях МО выделяется специальная группа уполномоченных лиц, которые занимаются планированием и реализацией внешней политики Государства. Речь идет о дипломатическом корпусе. Значение его в международных отношениях очень велико, т. к. от компетентности и эффективности дипломатов в значительной мере зависит вся структура международных отношений. Не дипломаты определяют внешнеполитический курс. Это решение, как правило, находится на уровне главы Государства или иного руководящего органа. Но дипломатический корпус претворяет решения в жизнь, и от того, с каким искусством дипломаты справляются с постав-

¹ Рэмбо Артиор. Стихотворения. М.: Художественная литература, 1960.

ленной задачей, часто в международных отношениях зависит очень и очень многое. Потому в Вестфальской системе занятие дипломатией предполагало специальную подготовку, знакомство с различными странами и национальной психологией, особые навыки поведения и манеру переговоров. Чаще всего дипломаты представляют собой элиту общества и рекрутируются в его высших слоях.

Многополярность выдвигает к дипломатическому корпусу дополнительные требования. Межцивилизационные отношения сводятся к диалогу. И в мирное время этот диалог получает свою наибольшую формализацию в действиях именно дипломатического корпуса, представляющего одну цивилизацию перед лицом другой. Поэтому дипломатия в контексте ТММ приобретает новое качественное измерение: на нее возлагается миссия искусного ведения межцивилизационного диалога. Мы видели выше, что в ТММ за такой диалог ответственна интеллектуальная элита цивилизации. Соответственно, дипломатический корпус должен быть интегральной частью этой элиты. Принадлежность к интеллектуальной элите предполагает глубокую степень рефлексии относительно идентичности собственной цивилизации, включая все ее многомерные и разнообразные слои и нелинейные закономерности. Поэтому представитель интеллектуальной элиты по определению должен отличаться незаурядными навыками в области философии (или /и теологии). Это требование целиком и полностью распространяется и на дипломатов. Но при этом от дипломатов, выступающих от имени цивилизации, требуется и еще одна важнейшая компетенция. Это способность понять структуру *группы цивилизации*, с которой данная вступает в диалог, а, соответственно, освоить или создать заново корректную систему перевода (пусть приблизительного) смыслов из контекста одной цивилизации в контекст другой. Кроме рефлексии своей идентичности, дипломат многополярного мира должен обладать способностью охватывать и *иную идентичность*, проникать в нее на критически важную для взаимопонимания глубину. Для этого требуется владение особой топикой, которая могла бы быть аппроксимативно общей для самого разного цивилизационного контекста.

В этой связи надо сразу отбросить западный гегемонизм, претендующий на универсальное объяснение основных социальных, политических и мировоззренческих установок (на базе критериев и норм самой западной цивилизации). Западные версии гуманитарных дисциплин (философии, истории, социологии, права, политологии, культурологии и т. д.) насквозь пронизаны этноцентризмом и стремлением к эпистемологической гегемонии. Поэтому ссылка на эту базу заведомо выводит нас из контекста многополярности и при видимом удобстве обращения к проработанным западным систематизациям культур и философий этот самый простой путь оказывается самым долгим и ведущим в никуда, т. е. неприемлемым. Его следует отбросить как заведомо непригодный для формирования дипломатического корпуса многополярного мира.

Лишь на периферии западной науки и философии можно найти некоторые методики и теории, которые могли бы послужить важным концептуальным подспорьем для воспитания профессиональных участников диалога цивилизаций. В первую очередь, это *культурная и социальная антропология*¹, представители которой разработали методики изучения архаических об-

¹ Дугин А. Этносоциология. М.: Академический проект, 2011.

шеств, поставив перед собой цель — заведомо избавиться от проекции западодцентричных теорий на социальные объекты исследования. Антропологи разработали систему правил, позволяющую максимально приблизиться к жизненному миру незападных обществ, выяснить структуры их символических и мифологических представлений, разобраться в сложных и не лежащих на поверхности таксономиях (часто резко контрастирующих с привычными для западного человека систематизациями). При этом в рамках западной науки антропологические методы применяются почти исключительно к бесписьменным культурам, предоставляя анализ более сложных обществ (собственно, цивилизаций) классическим дисциплинам — философии, истории, социологии, религиоведению и т. д.

В контексте многополярного мира данный антропологический подход может быть с успехом применен к исследованию цивилизаций. И если строго соблюдать правила культурной антропологии, есть шанс получить специалистов и интеллектуалов, по-настоящему не зависящих от эпистемологической гегемонии Запада и при этом способных глубоко постичь цивилизационные коды, отличные от своих собственных, и деконструировать идентичности и комплексы идентичностей, им свойственные.

Дипломатия в ТММ должна быть жестко привязана к антропологии, и дипломатические компетенции должны основываться на искусном владении базовыми навыками антропологического праксиса.

Вторым способом систематизировать межцивилизационную дипломатию в условиях многополярного мира является *традиционалистская философия*¹. Большинство существующих сегодня цивилизаций представляют собой разновидности традиционных обществ с относительно неглубокой степенью модернизации. А в традиционном обществе религия, сакральное, символ, ритуал и миф играют, как известно, решающую роль. Различные религии основываются на собственных оригинальных теологических комплексах, которые либо несводимы к другим комплексам, либо сводимы, но с огромными натяжками, искажающими изначальный смысл. Попытки построить синкретические модели для облегчения межконфессионального диалога ни к чему не приведут, т. к. немедленно столкнутся с противостоянием консервативной ортодоксии и вызовут лишь волну протеста в самих цивилизациях. Поэтому ни секулярная (западная) база, ни религиозный синкретизм не могут быть взяты за основу дипломатической практики в области межконфессионального общения, к которому в значительной мере будут сводиться наиболее значимые и важные аспекты диалога цивилизаций.

В такой ситуации есть только один выход: взять за основу философию традиционализма (Р. Генон, Ю. Эвола, М. Элиаде и т. д.), которая представляет собой проект выявления семантической карты, общей для традиционного общества как такового — особенно в его оппозиции секулярному, западно-обществу эпохи Модерна². Но и само это секулярное общество Запада, анализируется традиционалистами с позиций общества *традиционного*³, что делает такой метод оптимальным для большинства цивилизаций.

Полноценный и семантически корректный диалог между цивилизациями можно выстроить только на основании традиционалистской философии.

¹ Генон Р. Восток и Запад, Великая триада. М., 2005.

² Генон Р. Кризис современного мира. М.: Арктогея, 1991.

³ Генон Р. Царство количества и знаки времени. М., 2004.

Выделив главные направления многополярной дипломатии, мы получаем теоретическую основу для ее становления. Остальные компетенции — знакомство с технологическими условиями другой цивилизации, военно-техническими и стратегическими аспектами, демографией, экологией, социальными и миграционными проблемами и т. д. естественно входят как необходимое условие в подготовку профессиональных дипломатов. Но диалог цивилизаций предполагает в первую очередь *установление канала корректной передачи смыслов*. Без этого канала весь комплекс технических знаний будет лишен солидной базы и станет представлять собой бесполезное или искаженное знание. Не вопросы мира и войны, торговли или блокады, миграции или безопасности, экономических санкций или торгового оборота должны стоять во главе дипломатии многополярного уклада: но вопросы смысла философии, циркуляции идей (в платоновском смысле). Поэтому дипломатия должна превратиться в своего рода сакральной профессию.

Экономика в ТММ

По правилам современного дискурса ни одной теории и ни одного проекта не может обойтись без экономической программы и соответствующих ей расчетов и исчислений. Закономерно встает вопрос: на какой экономической модели будет основываться многополярность?

В случае однополярного или глобального мира мы имеем строго определенный ответ: современная мировая экономика представляет собой капиталистическую систему, и в будущем любые проекты будут строиться на этой основе. При этом стало практически аксиомой, что сегодня капитализм вступил в свою *третью фазу развития*¹ (постиндустриальная экономика, информационное общество, экономика знаний, турбокапитализм по Э. Лютваку и т. д.), для которой характерны:

- качественная доминация финансового сектора над промышленным и аграрным;
- диспропорциональный рост удельного веса фондовых рынков, хэдж-фондов и иных чисто финансовых институций;
- высокая волатильность рынков;
- развитие транснациональных сетей;
- поглощение третичным сектором (сектором услуг) вторичного (производство) и первичного (аграрное хозяйство);
- делокализация промышленности из стран «богатого Севера» в страны «Бедного Юга»;
- глобальное разделение труда и рост влияния транснациональных корпораций;
- резкий прогресс высоких (высокоточных и информационных) технологий;
- повышение значение виртуального пространства для развития экономических и финансовых процессов (электронные биржи и т. д.).

Такова картина мировой экономики настоящего и, если все будет двигаться по инерциальному сценарию — ближайшего будущего. Однако *такая экономическая модель несовместима с многополярностью*, т. к. в ее основе лежит имплементация западных кодов ведения хозяйства на общепланетарном уровне, гомогенизация экономических практик всех обществ, стирание

¹ Дугин А. Конец экономики. СПб.: Амфора, 2009.

цивилизационных отличий, а, следовательно, упразднение цивилизаций в единой космополитической системе, действующей по универсальным правилам и протоколам, сформулированным и примененным впервые капиталистическим Западом в собственных интересах. Современная глобальная экономика *есть гегемонистское явление*. Это убедительно описывают неомарксисты в МО, но в целом признают и реалисты, и либералы. Против этого в значительной мере направлены постпозитивистские теории (критическая теория и постмодернизм). Сохранение такой экономической системы несовместимо с реализацией многополярного проекта. Поэтому ТММ должна обратиться к альтернативным экономическим теориям.

В этой связи полезно внимательно присмотреться к марксистской и неомарксистской критике капиталистической системы и к анализу заложенных в ее основании противоречий, а также к выявлению и прогнозированию природы неизбежных кризисов¹. Марксисты часто говорят о системном крахе капитализма и видят его проявления в волнах экономического кризиса, потрясшего человечество, начиная с 2008 года после краха американской ипотечной системы. Хотя сами марксисты полагают, что финальный кризис капитализма должен наступить только после окончательной интернационализации мир-системы и двух глобальных классов (мировой буржуазии и мирового пролетариата), их интерпретация кризисов и прогнозирование их интенсификации, является весьма реалистичными. В отличие от марксистов, сторонники ТММ не должны откладывать многополярность на период, последующий после финального аккорда глобализации. Вполне возможно, что ближайшие кризисы нанесут по мировой капиталистической системе фатальный удар, не дожидаясь окончания глобализации и космополитизации классов. Это вполне может привести к полномасштабной Третьей мировой войне. Но в любом случае мировая экономическая модель, существующая сегодня, скорее всего в самое ближайшее время столкнется с фундаментальным и необратимым кризисом. И, вероятно, перестанет существовать, по крайней мере, в том виде, в котором она есть сегодня². Последние границы экспансии новой экономики и постиндустриального уклада видны сегодня, и нетрудно заметить, что через несколько шагов, скорее всего, этой системе предстоит коллапс.

Что может противопоставить ТММ в сфере экономике постиндустриализму?

Ориентирами в этом вопросе должны быть:

- ниспровержение капиталистической гегемонии Запада;
- отвержение претензий либеральной экономики и рыночной модели на универсализм и глобальный самоочевидный норматив и, соответственно;
- экономический плюрализм.

Многополярная экономика должна основываться на признании различных полюсов и в экономической карте мира.

Поиски экономических альтернатив следует искать в философском поле, отвергающем или, по меньшей мере, релятивизирующем значение материального, гедонистического фактора. Признание материального мира — главным и единственным, материального благополучия — высшей обще-

¹ *Wallerstein I. Decline of American Power: The U.S. in a Chaotic World. New York: New Press, 2003.*

² *Дугин А. Конец экономики.*

ственной, культурной и духовной ценностью, неминуемо приведет нас к капитализму и либерализму, т. е. к согласию с правомочностью экономической гегемонии Запада. Даже если незападные страны захотят обернуть экономические процессы в свою пользу и подорвать монополию Запада на контроль в области рыночной экономики в глобальном масштабе, рано или поздно логика капитала навяжет незападным странам и соответствующим цивилизациям все те же нормативы, которые существуют и сегодня. В этом марксисты правы: у капитала есть своя логика, и стоит только принять ее, как она приведет социальную и политическую систему к буржуазному образцу, тождественному западному. Поэтому выступать против гегемонии «богатого Севера» и выражать верность капиталистической системе является полным противоречием и фундаментальной концептуальной преградой на пути построения истинной многополярности.

Американский социолог П. Сорокин отчетливо видел границы материалистической западной цивилизации, которую он называл «чувственной» социокультурной системой¹. С его точки зрения, эконоцентричное общество, основанное на гедонизме, индивидуализме, консьюмеризме и комфорте, обречено на скорое исчезновение. А на смену ему придет идеационное² общество, ставящее во главе угла радикально духовные и отчасти антиматериальные ценности. Этот прогноз может быть путеводной нитью для ТММ в ее отношении к экономике в целом. Если мы видим в многополярности именно завтрашний день, а не продолжение дня сегодняшнего, мы должны последовать за этой интуицией великого социолога.

Сегодня большинство западных и незападных экономистов убеждены, что альтернативы рыночной экономике нет. Такая уверенность равнозначна уверенности в том, что все общества движутся влечением к материальному комфорту и консьюмеризму, а, следовательно, ни о какой многополярности речи быть не может. Стоит только признать, что экономика — это судьба, мы автоматически признаем, что либеральная экономика — это судьба: в таком случае экономическая гегемония «богатого Севера» становится естественной, оправданной и легитимной. Остальным странам остается только «догоняющее развитие», которое в структуре мир-системы приведет к глобализации, классовому расслоению и стиранию границ цивилизаций (здесь И. Валлерстайн совершенно прав).

Отсюда следует логический вывод: экономическая модель многополярного мира должна строиться на отвержении эконоцентризма и на постановке экономических факторов ниже социальных, культурных, религиозных и политических. *Не материя, но идея является судьбой*, а, следовательно, не экономика должна диктовать, что делать в политической сфере, а политическая сфера должна доминировать над экономическими мотивациями и структурами. Без релятивизации экономики, без подчинения материального духовному, без превращения хозяйственной сферы в подчиненное и второстепенное измерение цивилизации в целом, многополярность недостижима.

Следовательно, ТММ должна отвергнуть все типы эконоцентрических концепций — как либеральных, так и марксистских (поскольку в марксизме экономика также мыслится как исторический фатум). Антикапита-

¹ Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. М.: Астрель, 2006.

² Евразийцы называли его «идеократическим».

лизм, и особенно антилиберализм, должны стать направляющими векторами становления ТММ.

В качестве позитивных ориентиров следует взять широкий спектр альтернативных концептов, которые до настоящего времени оставались маргинальными среди классических экономических теорий (по вполне понятным гегемонистским причинам).

В качестве первого шага по деструкции мировой экономической системы как она есть сегодня, вероятно, следует обратиться к теории «автаркии больших пространств» (Ф. Лист)¹, что предполагает создание закрытых экономических зон на территориях, относящихся к общей цивилизации. По периметру этих территорий предполагается выстраивание таможенных барьеров, которые формируются таким образом, чтобы стимулировать в рамках данной цивилизации производство необходимого минимума товаров и услуг, требующегося для обеспечения нужд населения и развития внутреннего производственного потенциала. Внешняя торговля между «большими пространствами» сохраняется, но организуется таким образом, чтобы ни одно из «больших пространств» не становилось зависимым от внешнеторговых поставок. Это гарантирует реструктуризацию всей экономической системы в каждой из цивилизаций в соответствии с региональными особенностями и требованиями внутреннего рынка. Так как цивилизации, по определению, представляют собой демографически весомые зоны, то в перспективе имеющегося внутреннего рынка будет вполне достаточно для интенсивного развития.

Одновременно следует сразу поставить вопрос о создании системы региональных валют и об отказе от доллара в качестве мировой резервной валюты. Каждая цивилизация должна выпускать свою независимую валюту, обеспеченную экономическим потенциалом данного «большого пространства». Полицентризм эмиссионных инстанций станет в таком случае прямым выражением экономической многополярности. При этом следует отказаться от какого бы то ни было универсального эталона в межцивилизационных расчетах: курс валют должен определяться качественной структурой внешней торговли между двумя или несколькими цивилизациями.

Во главе угла должна стоять *реальная экономика*, соотношенная с объемом конкретных товаров и услуг.

Принятие этих правил создаст предпосылки для дальнейшей диверсификации экономических моделей каждой из цивилизаций. Выйдя из пространства глобального либерального капитализма и организовав «большие пространства» в соответствии с цивилизационными особенностями (пока еще на рыночной основе), в дальнейшем цивилизации смогут сами выстроить экономическую модель в соответствии с культурно-историческими традициями. В исламской цивилизации, вероятно, следует ввести мораторий на банковский рост денег. В других цивилизациях возможны обращения к социалистическим практикам перераспределения прибавочного продукта по той или иной схеме (через управление налоговой системой, по теории французского экономиста Ж. Ш. Сисмонди, или через иные инструменты — вплоть до введения планового хозяйства и дирижистских методов²).

Экономический плюрализм цивилизаций должен выстраиваться поэтапно и без каких бы то ни было универсалистских предписаний. Разные обще-

¹ Дугин А. Конец экономики.

² Там же.

ства могут создавать разные экономические модели — как рыночные, так и смешанные или плановые, как на основе хозяйственных практик традиционного общества, так и на основе новых постиндустриальных технологий. Главное — разрушить либеральный догматизм, гегемонию капиталистической ортодоксии и подорвать глобальную функцию «богатого Севера» как главного бенефициара в организации планетарного распределения труда. Распределение труда должно развертываться только внутри «больших пространств», в противном случае цивилизации окажутся в зависимости друг от друга, что чревато возникновением новых гегемоний.

СМИ в ТММ

Средства массовой информации в современной структуре международных отношений играют огромную роль. Они создают единую планетарную информационную среду, которая все больше влияет на международные процессы. СМИ становятся глобальными, и через медийный дискурс способствуют процессам глобализации (в интересах Запада). Глобальные СМИ являются важнейшим инструментом Запада в формировании общественного мнения и являются по сути инструментом *глобального управления*. Для строительства многополярного мира необходимо начать фронтальную борьбу с глобалистскими СМИ.

Роль СМИ в традиционном обществе является весьма ограниченной. Рост их влияния напрямую сопряжен с Новым временем, буржуазной демократией и гражданским обществом. СМИ являются конститутивным элементом демократии и претендуют на то, чтобы воплощать в себе *дополнительное измерение*, промежуточное между властью и обществом, элитой и массами. В пространстве медиакратии формируется новая модель нормативного образца, влияющего на массы как *завуалированное приказание*, учреждающее особую онтологию демократического общества (то, о чем говорится в СМИ, есть; то, о чем СМИ умалчивают, не существует). А для власти СМИ заменяют собой общественное мнение, т. е. являются *суррогатом массы*. Так, пространство СМИ в теории должно снимать напряжение между верхами и низами общества, переводя их иерархические отношения в *горизонтальную плоскость телеэкрана* (газетной полосы, компьютера, планшета, мобильного телефона и т. д.). Медиа-пространство является *двойным симулякром*: симулякром власти и симулякром общества¹.

Глобализация распространяет этот принцип на все человечество, превращая его в глобальный симулякр. В СМИ встречается спроецированная на плоскость реальность мирового правительства и представленная аналогичной проекцией (но только снизу) реальность планетарного общества. Это создает особый виртуальный мир, который воплощает в себе спроектированный капиталом и Западом глобальный гегемонистский конструкт. Независимость СМИ от национальных Государств делает их привилегированной зоной постмодернистских диссипативных структур. Поэтому в этой области переход от Модерна к Постмодерну виден нагляднее всего, и виртуальность заменяет собой реальность наиболее осязаемо.

Глобальные СМИ в незападных цивилизациях задают образцы для национальных СМИ, подстраивая их под общий виртуальный проект. И по мере того, как роль СМИ возрастает, структуры традиционного общества оказы-

¹ См.: Дугин А. Поп-культура и знаки времени. СПб.: Амфора, 2005.

ваются либо в слепой зоне, либо подвергаются планомерным и систематическим атакам, направленным на их ослабление и размывание.

СМИ по природе своей буржуазны и несут отпечаток западной культуры. Поэтому для строительства многополярного мира необходимо качественно пересмотреть их роль в обществе. На этом пути можно выделить два этапа.

Первый этап состоит в создании сети *цивилизационных СМИ*, которые служили бы постоянным рупором интеграционных процессов и способствовали бы укреплению цивилизационной идентичности. В этом случае цивилизационные СМИ могли бы подорвать монополию глобальных (и потому подчиненных интересам Запада) СМИ и создать предпосылки для консолидации культурно-социальных групп вокруг оси общей цивилизации.

Второй этап будет заключаться в том, чтобы вернуть СМИ в контекст структур того общества, которое будет построено на цивилизационной основе с учетом особого культурного кода. Нельзя исключить, что в некоторых цивилизациях СМИ вообще могут быть упразднены как явление, т. к. никаких универсальных нормативов в этом вопросе не останется и выбор того, как организовывать отношения власти и общества, элит и масс, будет решаться на основе свободного цивилизационного поиска. Одни цивилизации могут сохранить это пространство «демократического симулякра» и виртуального дубля реальности, другие вполне вероятно предпочтут от него отказаться.

Резюме

Представим то, какое содержание получают основные темы и концепты МО в ТММ, в виде обобщающей таблицы.

Темы	Подтемы	ТММ
<i>Акторы</i>	Количество	Несколько полюсов
	Субъекты	Цивилизации
	Политическая институционализация	Политейя
	Структура	Плюральная
<i>Геополитика</i>	Главный геополитический концепт	Большое Пространство
	Границы	Полосы /Зоны Фронтир
<i>Среда международных отношений</i>	Глобальная институция	Отсутствует
	Структура	Анархия между цивилизациями
	Гегемония	Региональная гегемония, Commonwealth
<i>Князь</i>	Власть	Наш Князь / Princeps nostrum Иерархия (содержание зависит от конкретной цивилизации) Суверенитет политейи
	Элита	Цивилизационная (духовная) элита
	Решение	Компетенция Князя на основе Традиции

<i>Война</i>	Возможность	Открытая
	Мир	Внутрицивилизационный Pax Nostrum
	Безопасность	Цивилизационная безопасность
<i>Интересы</i>	Интересы	Цивилизационные интересы
	Ценности	Цивилизационные ценности
	Могущество	Духовное /материальное Качественно плюральное (зависит от цивилизации)
<i>Международная Полит-Экономия</i>	Парадигма	Плюральные парадигмы Автаркия больших пространств
	Разделение труда	Внутри цивилизации
<i>СМИ</i>	Структура	Цивилизационные СМИ
	Значение	Второстепенное

Представленные теоретические выкладки являются пролегоменами к полноценной ТММ. Общей задачей в этом разделе было выяснить содержание понятия «многополярность», соотнести ТММ с существующими теориями МО и, таким образом, подойти вплотную к формулировке некоторых базовых принципов этой теории. Прделанный разбор тем можно рассматривать как подготовку почвы для полноценного конструирования развернутой ТММ. Основные магистральные пути такого развертывания в целом намечены. Но детальная разработка этих направлений — дело будущего, это только еще предстоит осуществить.

Плюрализм, заложенный в самой основе многополярного подхода, исключает какую бы то ни было форму догматизма. Бессмысленно спорить относительно деталей многополярного устройства, темпов построения многополярного мира, локализации границ между цивилизациями, нюансов правового оформления новой системы международных отношений. Даже точное количество акторов многополярного мира пока остается открытым вопросом.

Принципиально было осуществить теоретический рывок от предельно расплывчатого и неопределенного употребления термина «многополярность», «многополярный мир» к теоретической базе, в рамках которой он получает вполне конкретное, хотя и открытое для дальнейшего осмысления, значение.

КОНТРЕГЕМОНИЯ В ТЕОРИИ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА

Важнейшим аспектом Теории Многополярного Мира является концепт *контргегемонии*, изначально сформулированный в контексте критической теории Международных Отношений (МО). При переходе от критической теории к Теории Многополярного Мира¹ (ТММ) этот концепт претерпевает определенные смысловые трансформации, которые необходимо разобрать более детально. Для этого следует напомнить основные положения теории гегемонии в рамках критической теории.

Понимание «гегемонии» в реализме

Понятие гегемонии в критической теории основано на теории Антонио Грамши. Следует различать концепт гегемонии в грамшизме и неограмшизме от того, как гегемонию понимают реалистское и неореалистское направления в МО.

Классические реалисты используют термин «гегемония» в относительном смысле и понимают под ним «фактическое и существенное превосходство потенциала могущества какой-то одной державы над потенциалом остальных, чаще всего соседних, стран». Гегемония вполне может быть региональным явлением, т. к. определение того, является ли то или иное политическое образование «гегемоном», зависит от того, какой масштаб рассмотрения мы применяем. В этом смысле этот термин встречается уже у Фукидида, говорившего о гегемонии Афин и о гегемонии Спарты в ходе Пелопонесской войны; классический реализм пользуется им точно так же вплоть до настоящего времени. Подобное понимание гегемонии можно назвать «стратегическим» и «относительным».

В неореализме «гегемония» понимается в глобальном (структурном) контексте. Основное отличие от классического реализма состоит в том, что здесь «гегемония» не может рассматриваться как региональное явление; она всегда глобальна. В неореализме К. Уолтца, например, утверждается баланс двух гегемоний (двухполюсный мир) как оптимальной структуры баланса сил в планетарном масштабе². Р. Джилпин полагает, что гегемония вполне может сочетаться с однополярностью, т. е. может существовать один глобальный гегемон (сегодня эту функцию выполняют США).

В обоих случаях гегемония у реалистов истолковывается как способ сотенения между собой потенциала могуществ различных держав.

Понимание гегемонии у Грамши в корне отлично и помещается в совершенно иной теоретической плоскости. Чтобы избежать неверного употреб-

¹ Дугин А.Г. Теория Многополярного Мира. М.: Евразийское Движение, 2012.

² До конца «холодной войны» Уолтц брал за образец противостояние США и СССР как двух гегемоний. В настоящее время он склоняется к идее новой bipolarности, где противовесом американскому гегемону будет выступать Китай как новый претендент на второй полюс.

ления термина в МО, и особенно в ТММ, следует подробнее остановиться на политической теории Грамши, в контексте которой гегемония и рассматривается приоритетно в критической теории и ТММ. Кроме того, такой анализ позволит яснее увидеть концептуальный зазор между критической теорией и ТММ.

Гегемония в концепции Антонио Грамши

Антонио Грамши основывает свою теорию, получившую впоследствии название «грамшизма», на основании переосмысления марксизма и его практического воплощения в исторической практике. Будучи марксистом, Грамши уверен, что социально-политическая история полностью предопределена экономическим фактором. Как и все марксисты, он объясняет *надстройку* (суперструктуру, Aufbau) через *базис* (инфраструктуру, Basis). Буржуазное общество является квинтэссенцией классового общества, где процесс эксплуатации достигает наиболее концентрированного выражения в отношении к собственности на средства производства и в присвоении буржуазией прибавочной стоимости, возникающей в процессе производства. Неравенство в экономической сфере (базис) и главенство Капитала над Трудом является сущностью капитализма и предопределяет всю социальную, политическую и культурную семантику (надстройку). Этот тезис разделяют все марксисты, и в нем нет ничего нового или оригинального. Но далее Антонио Грамши задается вопросом: как была возможна пролетарская социалистическая революция в России, где с точки зрения самого Маркса (анализировавшего положение в Российской империи в XIX веке, но в прогностической перспективе) и с точки зрения классического европейского марксизма начала XX века объективное состояние базиса (неразвитость капиталистических отношений, малый процент городского пролетариата, преобладание аграрного сектора в совокупном ВВП страны, отсутствие буржуазной политической системы и т. д.) исключало саму возможность прихода к власти коммунистической партии. И тем не менее Ленин сделал это возможным и приступил к строительству социализма.

Грамши осмысляет этот феномен как фундаментально значимый, называя его «ленинизмом». Ленинизм, в понимании Грамши, есть авангардное, опережающее действие консолидированной и решительной политической надстройки (в лице коммунистической партии большевиков) по захвату политической власти. Как только это становится фактом и революция оказывается успешной, следует стремительное развитие базиса, через достраивание ускоренными темпами тех экономических реальностей, которые не были реализованы при капитализме: индустриализация, модернизация, «электрификация», «народное образование». Значит, делает вывод Грамши, в определенных обстоятельствах политика (надстройка) способна опережать экономику (базис). Коммунистическая партия может идти впереди «естественного» развития исторических процессов. Следовательно, ленинизм доказывает наличие значительной автономии надстройки в отношении базиса.

Но ленинизм, как его понимал Грамши, ограничивается областью *политического* сегмента надстройки — того, где действуют законы власти и решается проблема господства. Грамши утверждает, что в надстройке есть еще один важный сегмент, который не является политическим в полном смысле слова — т. е. партийным и сопряженным напрямую с вопросами политической власти. Он называет его «гражданским обществом». Такое определение

следует сопровождать пояснением: «гражданское общество в понимании А. Грамши», т. к. он вкладывает в это понятие смысл далеко не во всем совпадающий с тем, которым оно наделяется, например, в либеральных теориях. Гражданское общество, по Грамши, это область интеллектуальной деятельности в самом широком смысле, за вычетом из нее прямой политической (партийной, государственной, административной) активности. Гражданское общество — это зона развертывания интеллектуальных сторон общества, включающая в себя науку, культуру, философию, искусство, аналитику, журналистику и т. д. Для марксиста Грамши эта область, как и вся надстройка, конечно же, выражает закономерности базиса. Но... ленинизм показывает, что, выражая закономерности базиса, в некоторых случаях надстройка может действовать *относительно автономно*, идя на опережение процессов, развертывающихся в базисе. Опыт революции в России демонстрирует на историческом примере, как это реализуется в политическом сегменте надстройки. И здесь Грамши выдвигает гипотезу: если так обстоит дело в политической сфере надстройки, почему чему-то подобному не быть и в области «гражданского общества»? Отсюда рождается грамшистская концепция «гегемонии»¹. Она призвана показать, что в интеллектуальной сфере (= «гражданское общество по Грамши») существует нечто аналогичное экономическому дифференциалу (Капитал vs Труд) в базисе и политическому дифференциалу в надстройке (буржуазные партии и правительства vs пролетарские партии и правительства — например, СССР). Этот третий дифференциал Грамши и называет «гегемонией», т. е. совокупностью стратегий доминации буржуазного сознания над сознанием пролетарским в условиях относительной автономии по отношению как к политике, так и к экономике. Еще немецкий социолог В. Зомбарт, исследуя социологию буржуа², показал, что комфорт может быть ценностью как третьего сословия, которое его частично имеет, так и других социальных слоев, которые его не знают и не имеют. Гегель в «Феноменологии духа»³ аналогичным образом говорил о том, что Раб для самоосмысления пользуется не своим сознанием, но сознанием Господина. Этот пункт был положен Марксом в основу развития коммунистической идеологии. Продолжая эту цепочку размышлений, Грамши приходит к выводу, что принятие или отторжение гегемонии (= структур буржуазного сознания) может напрямую не зависеть ни от факта принадлежности к буржуазному классу (фактор базиса), ни от прямой политической ангажированности в буржуазную (или антибуржуазную) партийную или административную систему. Быть на стороне гегемонии или против нее есть, по Грамши, дело свободного выбора интеллектуала. Когда интеллектуал сознательно осуществляет такой выбор, он из «традиционного» интеллектуала, становится «органическим», т. е. осознанно выбирающим свое положение относительно гегемонии.

¹ «Можно зафиксировать два крупных надстроечных плана: тот, что можно назвать «гражданским обществом», т. е. совокупностью организмов, обычно называемых «частными», и тот, который является «политическим обществом», или государством. Им соответствует функция «гегемонии», которую доминирующая группа осуществляет во всем обществе, и функция «прямого господства», или командования, которая выражается в государстве, в «юридическом» правительстве», писал Грамши. Грамши А. Тюремные тетради. Часть первая. М.: Издательство политической литературы, 1991.

² Зомбарт Вернер. Буржуа М., Наука, 1994.

³ Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. СПб.: Наука, 1992.

Из этого вытекает важный вывод: выступить против гегемонии интеллектуал вполне может и в том обществе, где капиталистические отношения в базисе и политическое доминирование буржуазии в надстройке преобладают. Интеллектуал может отвергнуть или принять гегемонию свободно, т. к. у него есть зазор свободы, аналогичный тому, который есть в области политического по отношению к экономическому (как показал опыт большевизма в России). Другими словами, можно быть носителем пролетарского сознания и стоять на стороне рабочего класса и справедливого общества, находясь в самом центре общества буржуазного. Все зависит от интеллектуального выбора: гегемония — это вопрос совести.

Сам Грамши пришел к такой концепции на основании анализа политических процессов в Италии 1920 — 30-х годов¹. В этот период, согласно его анализу, в этой стране вполне назрели предпосылки для социалистической революции — и в базисе (развитый промышленный капитализм и обострение классовых противоречий и классовой борьбы), и в надстройке (политические успехи консолидированных левых партий). Но в этих, казалось бы благоприятных, условиях, анализирует далее Грамши, левые силы были обязаны своим провалом тому, что в интеллектуальной сфере в Италии тон задавали представители именно гегемонии, внедряя буржуазные стереотипы и штампы даже там, где это шло вразрез с экономическими и политическими реалиями и предпочтениями активных антибуржуазных кругов. Этим, с его точки зрения, и воспользовался Муссолини, обративший гегемонию в свою пользу (фашизм, с точки зрения коммунистов был завуалированной формой господства буржуазных классов) и предотвративший искусственно социалистическую революцию, назревавшую в силу естественного исторического хода событий. Иными словами, ведя (относительно) успешно политические баталии, итальянские коммунисты, по Грамши, упустили из виду «гражданское общество», сферу интеллектуальной, «метapolитической» борьбы, и в этом он видел причину их поражения.

В этой форме грамшизм был взят на вооружение европейскими левыми (особенно новыми левыми), и начиная с 1960-х годов левое движение в Европе применило грамшизм на практике. Левые (марксистские) интеллектуалы (Сартр, Камю, Арагон, Фуко и т. д.) смогли внедрить антибуржуазные концепции и теории в самый центр общественной и культурной жизни, пользуясь издательствами, газетами, клубами и университетскими кафедрами, которые были интегральной частью капиталистической экономики и действовали в политическом контексте доминанции буржуазной системы. Тем самым они подготовили и события 1968-го года, прокатившиеся по Европе, и левый поворот европейской политики в 1970-е годы. Как ленинизм на практике доказал, что у политического сегмента надстройки есть определенная автономия и активность в этой области может опережать процессы, развертывающиеся в базисе, так грамшизм в практике новых левых продемонстрировал эффективность и практическую ценность активной интеллектуальной стратегии.

Грамшизм в критической теории: левый уклон

В том виде, в каком мы описали, грамшизм и был интегрирован в критическую теорию МО ее современными представителями — Робертом Кок-

¹ Грамши А. Тюремные тетради. Указ. соч.

сом¹, Стивеном Гиллем² и др. И хотя в духе постмодерна они еще более акцентировали автономность сферы «гражданского общества» и, соответственно, феномена гегемонии, поставив интеллектуальный выбор и эпистемологические стратегии выше политических процессов и экономических структур, в целом преимущество именно марксистскому левому дискурсу была сохранена: для них капитализм в целом лучше докапиталистических социально-экономических систем, хотя и заведомо хуже той посткапиталистической (социалистической и коммунистической) модели, которая должна прийти ему на смену. Этим объясняется структура проекта *контргегемонии*³ в критической теории МО — она остается в контексте *левого* понимания исторического процесса. Можно описать это так: согласно представителям критической теории, *гегемония* (= буржуазное общество, кульминирующее в голограмме буржуазного сознания) должна сменить собой *него-гегемонию* (типы обществ, предшествующие буржуазному, и свойственные им формы коллективного сознания — Премодерн), чтобы затем быть ниспровергнутой *контргегемонией*, которая, после своей победы, установит *пост-гегемонию*. Так, сами Маркс и Энгельс в «Манифесте Коммунистической партии»⁴ на все лады настаивали на том, что претензии коммунистов к буржуазии не имеют ничего общего с претензиями к буржуазии со стороны антибуржуазных феодалов, националистов, христианских социалистов и т. д. Капитализм есть *чистое* зло, вбирающее в себя относительное (не столь явное и не столь эксплицитное) зло прежних форм общественной эксплуатации, но чтобы победить зло, надо дать ему полностью проявить себя и лишь затем искоренить, а не ретушировать его наиболее одиозные черты, лишь оттягивая тем самым горизонты революции и коммунизма.

Это необходимо иметь в виду, когда рассматриваются структуры неограмшистского анализа международных отношений.

Этот анализ делит все страны на те, где гегемония укрепилась явно (речь идет о развитых капиталистических странах с индустриальной экономикой, доминанцией буржуазных партий в парламентских демократических системах, организованных в соответствии с образцами национальных Государств, обладающих развитой рыночной экономикой и либеральной правовой системой), и те, где по разным историческим обстоятельствам этого не произошло. Первые страны принято называть «развитыми демократическими державами», а вторые — относить к «пограничным случаям», «проблемным зонам» или даже к разряду «государств-негодяев» («rogue states»). Анализ гегемонии в странах, где она укрепилась, полностью вписывается в общий левый (марксистский, неомарксистский и грамшистский) анализ. Но случай стран с «недостроенной гегемонией» следует рассмотреть отдельно.

¹ Cox R. Gramsci, Hegemony and International Relations: An Essay in Method // Millennium. 12.1983.

² Gill S. Gramsci, Historical Materialism and International Relations. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.

³ Неограмшист Николс Пратт определяет контргегемонию как «создание альтернативной гегемонии в зоне гражданского общества для подготовки политических изменений». Pratt N. Bringing politics back in: examining the link between globalization and democratization // Review of International Political Economy. Vol. 11. No. 2. 2004.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 4. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. С. 419–459.

Эти страны сам Грамши относил к разряду «цезаристских» (явно имея перед глазами опыт фашистской Италии). «Цезаризм» может быть рассмотрен широко — как любая политическая система, где буржуазные отношения существуют фрагментарно и их полноценное политическое оформление (как классического буржуазно-демократического Государства) задерживается. В «цезаризме» главное не авторитарный принцип правления, но именно *задержка* всесторонней инсталляции полноценной капиталистической системы (в базисе и надстройке) западного образца. Причины такой задержки могут быть самые разные: диктаторский стиль правления, клановость элит, наличие религиозных или этнических группировок во власти, культурные особенности общества, исторические обстоятельства, особое экономическое или географическое положение страны и т. д. Важно, в первую очередь, то, что в таком обществе гегемония выступает одновременно и как *внешняя* сила (со стороны полноценно буржуазных Государств и обществ) и как *внутренняя* оппозиция, так или иначе связанная с внешними факторами.

Неограммисты в МО утверждают, что «цезаризм» представляет собой именно «недо-гегемонию»; поэтому его стратегия сводится к тому, чтобы балансировать между давлениями гегемоний извне и изнутри, идя на определенные уступки, но вместе с тем, делая это избирательно, стремясь во что бы то ни стало сохранить власть и не допустить ее захвата буржуазными политическими силами, выражающими на уровне политической надстройки структуры экономического базиса общества. Поэтому «цезаризм» обречен на «трансформизм» (итальянское «transformismo») — постоянную подстройку под гегемонию, с одной стороны, при неизменном стремлении оттянуть, отложить или направить по ложной траектории тот финал, к которому она неуклонно движется.

В этом отношении представители критической теории в МО рассматривают «цезаризм» как то, что рано или поздно будет преодолено гегемонией, поскольку это явление представляет собой не более, чем «историческое запаздывание», а отнюдь не альтернативу, т. е. не контргегемонию как таковую.

Очевидно, что именно к такому «цезаризму» современные представители критической теории в МО относят большинство стран Третьего мира, и даже крупные державы, входящие в БРИКС (Бразилию, Россию, Индию, Китай и Южную Африку).

С учетом такой особенности, становится ясной ограниченность концепта контргегемонии у представителей критической теории в МО и откровенный утопизм их альтернативных проектов — так, «контр-общество» Кокса представляет собой нечто невыразительное и неопределенное. Они исходят из того смутного проекта социально-политического миропорядка, который должен наступить «после либерализма»¹ (И. Валлерстайн) и соответствовать привычным для левых коммунистическим утопиям. Подобная версия контргегемонии ограничена еще и тем, что поспешно заносит многочисленные политические явления, явно не попадающие в разряд гегемонии и тяготеющие к альтернативным версиям миропорядка, в разряд «цезаризма» и, следовательно, «недо-гегемонии», лишая их какого бы то ни было интереса для разработки эффективной контргегемонистской стратегии. Но при этом общий анализ структуры международных отношений в свете методологии

¹ Валлерстайн И. После либерализма. М.: Едиториал УРСС, 2003.

неограмшизм представляет собой крайне важное направление для разработки ТММ.

Однако для того, чтобы преодолеть ограниченность критической теории МО и полностью задействовать потенциал неограмшизма, следует качественно расширить этот подход, выйдя за рамки исключительно левого (даже «левацкого») дискурса, помещающего всю конструкцию в зону идеологического сектантства и маргинальной экзотики (где она располагается в настоящее время). В этом вопросе бесценную помощь нам окажут идеи французского философа Алена де Бенуа.

«Граммшизм справа» — ревизия Алена де Бенуа

Еще в 1980-е годы французский представитель «новых правых» («Nouvelle Droite») Ален де Бенуа обратил внимание на идеи Грамши с точки зрения их методологического потенциала¹. Так же, как и Грамши, де Бенуа открыл фундаментальность метаполитики как особой области интеллектуальной деятельности, подготавливающей (в форме «пассивной революции») дальнейшие политические и экономические сдвиги. Успехи «новых левых» во Франции и в Европе в целом только подтверждали эффективность такого подхода.

В отличие от большинства французских интеллектуалов второй половины XX века Ален де Бенуа не был сторонником марксизма, что делало его позицию несколько обособленной. Вместе с тем А. де Бенуа строил свою политическую философию на радикальном отвержении либеральных и буржуазных ценностей, отрицая капитализм, индивидуализм, модернизм, а также геополитический атлантизм и евроцентризм Запада. Более того, он противопоставлял «Европу» и «Запад» как два антагонистических концепта: «Европа» для него является полем развертывания особого культурного Логоса, идущего от греков и активно взаимодействующего с богатством кельтской, германской, латинской, славянской и иных европейских традиций, а «Запад» — эквивалентом механицистской, материалистической, рационалистской цивилизации, основанной на преобладании техники над всем остальным. «Запад» Ален де Бенуа вслед за О. Шпеглером понимал как «закат Европы» и вместе с Ф. Ницше и М. Хайдеггером был убежден в необходимости преодоления современности как нигилизма и «покинутости мира бытием» (Seinsverlassenheit). Запад в этом понимании был тождественен для него либерализму, капитализму, буржуазному обществу — всему тому, что «новые правые» призывали преодолеть. Не будучи материалистами, «новые правые» вместе с тем были согласны с ключевым значением, придаваемым Грамши и его последователями сфере «гражданского общества». Так, Ален де Бенуа пришел к выводу, что явление, именованное Грамши «гегемонией», является набором стратегий, установок и ценностей, которые сам он считал «абсолютным злом». Это привело к провозглашению им принципа «грамшизма справа».

«Граммшизм справа» означает признание автономии «гражданского общества в понимании Грамши» вместе с выявлением феномена гегемонии в этой сфере и выбором собственной мировоззренческой позиции на противоположной от гегемонии стороне. Ален де Бенуа публикует программную

¹ Benoist de A. Vu de droite. Anthologie critique des idées contemporaines. P., Copernic, 1977.

работу «Европа, Третий мир — одна и та же битва»¹, всецело построенную на параллелях между борьбой народов Третьего мира против западного буржуазного неокOLONиализма и стремлением европейских народов освободиться от отчуждающей диктатуры буржуазного рыночного общества, от морали и практики торговцев, заместившей собой этику героев² (В. Зомбарт).

Важнейшее значение «грамшизма справа» для ТММ состоит в том, что такое понимание «гегемонии» позволяет встать на позицию за пределом левого и марксистского дискурса и отвергнуть буржуазный порядок как в базе (экономика), так и в надстройке (политика и гражданское общество), но сделать это *не после того*, как гегемония станет тотальным планетарным и глобальным фактом, а *вместо этого*. Отсюда чрезвычайно нагруженный смыслом нюанс в названии другой программной работы Алена де Бенуа «Против либерализма»³ в отличие от «После либерализма»⁴ неомарксиста Иммануила Валлерстайна: для де Бенуа ни в коем случае нельзя уповать на «после», нельзя позволить либерализму сбыться как свершившемуся факту, *надо быть против либерализма уже сейчас, сегодня, вести борьбу с ним из любого положения и в любой точке мира*. Гегемония атакует в планетарном масштабе, находя своих носителей как в сложившихся буржуазных обществах, так и в обществах, где капитализм еще не утвердился окончательно. Поэтому контргегемония должна мыслиться вне идеологических сектантских ограничений: если мы хотим создать контргегемонистский блок, то в его состав надо ввести всех представителей антибуржуазных, антикапиталистических сил — левых, правых или вообще не поддающихся никакой классификации (сам Аде Бенуа постоянно подчеркивает, что разделение на «левых» и «правых» давно устарело и не соответствует настоящему выбору позиции; сегодня гораздо важнее, выступает ли некто за гегемонию или *против* нее).

«Грамышизм справа» Алена де Бенуа возвращает нас к «Манифесту Коммунистической Партии» Маркса/Энгельса и вопреки их эксклюзивистскому и догматическому призыву «очиститься от попутчиков» призывает к формированию Глобального Революционного Альянса, объединяющего всех противников капитализма и гегемонии, всех тех, кто сущностно против него. При этом неважно, что берется за позитивную альтернативу — важнее в данном случае наличие общего врага. В противном случае, как считают «новые правые» (отказывающиеся, если быть точными, называть себя «правыми» — это название присвоено представителям данного течения их оппонентами), гегемонии удастся разделить своих противников по искусственным признакам, противопоставить одних другим, чтобы успешнее справиться со всеми по отдельности.

Денонсация евроцентризма в исторической социологии

С совершенно иной стороны подошел к этой же проблеме современный исследователь международных отношений и один из главных представителей исторической социологии в МО Джон Хобсон. В своей программной ра-

¹ *Benoist de A. Europe, Tiers monde, même combat.* P.: Robert Laffont, 1986.

² *Зомбарт В.* Торгаши и герои. Зомбарт В. Собрание сочинений в 3 томах. Том 2. СПб.: Владимир Даль, 2005.

³ *Бенуа А. Де Против либерализма.* К Четвертой Политической Теории. СПб.: Амфора, 2009.

⁴ *Валлерстайн И.* После либерализма.

боте «Евроцентрическая концепция мировой политики»¹ он анализирует практически все подходы и парадигмы в МО с точки зрения заложенной в них иерархии, построенной по принципу сравнения Государств и их роли, структур и интересов с образцом западного общества, взятого за универсальный норматив. Д. Хобсон приходит к выводу, что все без исключения школы в МО строятся на имплицитном *евроцентризме*, признавая универсальность западноевропейских обществ и считая фазы европейской истории обязательными для всех остальных культур. Хобсон справедливо рассматривает такой подход как проявление европейского расизма, постепенно и незаметно переходящего от биологических теорий о «превосходстве белой расы» к концепциям универсальности западных культурных ценностей, стратегий и технологий, а вслед за этим и интересов. «Бремя белого человека» становится «императивом модернизации и развития». При этом сами локальные общества и культуры подлежат этой «модернизации» по умолчанию — никто их не спрашивает, согласны ли они с тем, что западные ценности, технологии и практики универсальны, или готовы нечто возразить. Лишь сталкиваясь с насильственными формами отчаянного сопротивления в форме терроризма и фундаментализма, Запад (иногда) задается вопросом: «за что они нас так ненавидят?» Но ответ готов заранее: «Это происходит от дикости и неблагодарности неевропейских народов за все те блага, которые несет с собой западная «цивилизация».

Важно, что Хобсон убедительно показывает, что расизм и евроцентризм присущи не только буржуазным теориям МО, но и марксизму, и в том числе критической теории МО (неограмшизму). Марксисты при всей их критике буржуазной цивилизации, убеждены, что ее триумф неизбежен, и в этом разделяют общий для западной культуры евроэтноцентризм. Хобсон показывает, что сам Маркс отчасти оправдывает колониальные практики тем, что они ведут к модернизации колоний, а следовательно, приближают момент пролетарских революций. Таким образом, в исторической перспективе марксизм оказывается пособником капиталистической глобализации и союзником расистских цивилизационных практик. Деколонизация мыслится марксистами только как прелюдия к построению буржуазных Государств, которым только еще предстоит встать на путь полноценной индустриализации и двинуться в сторону будущих пролетарских революций. А это мало чем отличается от теорий неолибералов и транснационалистов.

Джон Хобсон предлагает приступить к созданию радикальной альтернативы — к разработке теории МО, основанной на неевроцентристском и антирасистском подходах. Он солидарен с проектом «контргегемонистского блока», выдвинутого неограмшистами, но настаивает на освобождении его от всех форм евроцентризма, а следовательно, на его качественном расширении.

Проект неевроцентричной теории МО приводит нас наконец напрямую к ТММ.

Переход к многополярности

Теперь можно свести воедино все сказанное о контргегемонии и поместить в это контекст Теории Многополярного Мира (ТММ), которая, по сути,

¹ *Hobson J. The Eurocentric Conception of World Politics: Western International Theory, 1760–2010. Cambridge: Cambridge University Press, 2012.*

является последовательной неевроцентристской теорией МО, отвергающей гегемонию в ее основах и призывающей к созданию широкого *контргегемонистского альянса* или *контргегемонистского пакта*.

Контргегемония в ТММ осмысливается сходным образом с теориями неограмшистов и представителей критической школы МО. Гегемония есть доминанция капитала и буржуазной политической системы общества, выраженная в интеллектуальной сфере. Другими словами, гегемония есть прежде всего дискурс. При этом среди трех сегментов общества, выделяемых Грамши — базиса и двух составляющих надстройки (политики и «гражданского общества») — ТММ, в согласии с постмодернистской и постпозитивистской эпистемологией, главенствующим считает именно уровень дискурса, т. е. интеллектуальную сферу. Именно поэтому вопрос о гегемонии и контргегемонии видится центральным и основополагающим для построения ТММ и ее эффективной реализации на практике. Область метаполитики важнее как политики, так и экономики. Она не исключает их, но логически и концептуально им предшествует. В конечном счете, человек имеет дело только со своими разумом и его проекциями. Поэтому устройство или переустройство сознания автоматически влечет за собой изменение (внутреннего и внешнего) мира.

ТММ есть фиксация контргегемонистской концепции в конкретном теоретическом поле. И до определенного момента ТММ строго следует за грамшизмом. Но там, где дело доходит до выяснения содержательной стороны контргегемонистского пакта, возникают существенные расхождения. Самым принципиальным является отказ от левого догматизма: ТММ отказывается рассматривать буржуазные трансформации современных обществ на всем пространстве планеты как универсальный закон. Поэтому ТММ принимает грамшизм и метаполитику скорее в версии «новых правых» (Ален де Бенуа), нежели в версии «новых левых» (Р. Кокс). При этом позиция Алена де Бенуа не является эксклюзивистской и не исключает марксизма — в той степени, в которой он является союзником в общей борьбе против Капитала и гегемонии. Поэтому, строго говоря, выражение «грамшизм справа» не совсем точно: правильнее было бы говорить о *инклюзивном грамшизме* (контргегемонии, понятой широко, как все типы противостояния гегемонии, т. е. как обобщающее и этимологически строгое «контр-») и *эксклюзивном грамшизме* (контргегемонии, понятой узко, только как «пост-гегемония»). ТММ ратует за *инклюзивный грамшизм*. Более обстоятельно эта позиция преодоления правых и левых, а также выхода за концептуальные пределы политических идеологий Модерна, разворачивается в контексте Четвертой Политической Теории, неразрывно связанной с ТММ.

Чрезвычайно важным является вклад в разработку инклюзивной контргегемонии Дж. Хобсона. Его призыв строить неевроцентричную теорию МО точно совпадает с целью ТММ. Международные отношения должны быть осмыслены с плюральных позиций. При построении по настоящему универсальной теории должны быть выслушаны и учтены представители самых разных культур и цивилизаций, религий и этносов, обществ и общин. В каждом обществе есть свои ценности, своя антропология, своя этика, свои нормативы, своя идентичность, свои представления о пространстве и времени, об общем и частном. В каждом обществе есть, в конце концов, свой собственный «универсализм» — как минимум, свое собственное понимание того, что является «универсальным». Что думает об «универсальности» За-

пад, нам известно, даже слишком. Пора предоставить право голоса остальному человечеству.

Это и есть многополярность в ее фундаментальном измерении: *свободный полилог* обществ, народов и культур. Но прежде, чем этот полилог сможет по-настоящему развернуться, необходимо определить общие правила. А это и есть теория Международных Отношений. Причем такая, которая будет предполагать открытость терминов, концепций, теорий, понятий, плюральность акторов, комплексность и полисемию высказываний. Не терпимость, но соучастие и взаимопонимание. ТММ в этом случае является не финалом, но стартом, расчищением базового пространства для будущего миропорядка.

Однако призыв к многополярности звучит не в пустом пространстве. В дискурсе о международных отношениях, в глобальной политической, социальной и экономической практике властвует гегемония. Мы живем в жестком евроцентричном мире, где империалистически доминирует одна сверхдержава (США) совокупно с ее союзниками и вассалами (страны НАТО), где рыночные отношения диктуют все правила хозяйственных практик, где буржуазные политические нормативы берутся в качестве обязательных, где техника и уровень материального развития считаются высшими критериями, где ценности индивидуализма, личного комфорта, материального благополучия и «свободы от» превозносятся выше всех остальных. Одним словом, мы живем в мире торжествующей гегемонии, раскинувшей свои сети в планетарном масштабе и подчиняющей себе все человечество. Поэтому чтобы сделать многополярность реальностью, необходима радикальная оппозиция, борьба, противостояние. Иными словами, необходим контргегемонистский блок (в его инклюзивном понимании).

Рассмотрим, какие ресурсы наличествуют у этого потенциального блока.

Синтаксис гегемонии/синтаксис контргегемонии

Гегемония в своей концептуальной голограмме основывается на убежденности в том, что современность во всем превосходит древность (прошлое), Модерн торжествует над Премодерном, а Запад во всем превосходит не-Запад (Восток, Третий мир).

Вот какую структуру имеет *синтаксис гегемонии* в самом общем виде:

Zanag (the West) = современность (Модерн) = цель = благо = прогресс = универсальные ценности = США (+НАТО) = капитализм = права человека = рынок = либеральная демократия = право

vs

Остальное (the Rest) = отсталость (Премодерн) = нуждается в модернизации (колонизация/помощь/уроки/внешнее управление) = нуждается в вестернизации = варварство (дикость) = локальные ценности = некапитализм (еще некапитализм) = несоблюдение (недостаточное соблюдение) прав человека = несправедливый рынок (участие Государства, клановость, групповые преференции) = недемократия = коррупция

Эти формулы гегемонии аксиоматичны и автореферентны, как своего рода «self fulfilling prophecy». Один термин обосновывается другим из цепочки эквивалентностей и противопоставляется любому термину (симметричному или нет) из второй цепочки. По этим незатейливым правилам строится любой дискурс гегемонии. Он может иметь видимость каузальности, иллюстративности, дескриптивности, аналитики, прогноза, исторического исследования, социологического опроса, дебатов, оппозиций и т. д. Но в своей структуре гегемония строится именно на таком остове, покрывающая его миллионами вариаций и рассказанных историй. Если принять эти две параллельные цепочки равенств, мы оказываемся внутри гегемонии и полностью закодированы ее синтаксисом. Любое возражение будет гаситься новыми суггестивными пассажами, скачущими через один или другой термин, чтобы прийти к искомой гегемонистской тавтологии. Даже самые критические формы дискурса рано или поздно соскользнут в эту постоянно возобновляемую семантическую колею синонимов и растворятся в ней. Стоит признать хотя бы одно из отождествлений, далее все предрешено заведомо.

Поэтому строительство контргегемонии начинается с полного опровержения обеих этих цепочек.

Построим симметричный синтаксис контргегемонии:

Zanag (West) ≠ современность (Модерн) ≠ цель ≠ благо ≠ прогресс ≠ универсальные ценности ≠ США (+НАТО) ≠ капитализм ≠ права человека ≠ рынок ≠ либеральная демократия ≠ право

vs

Остальное (Rest) ≠ отсталость (Премодерн) ≠ нуждается в модернизации (колонизация/помощь/уроки/внешнее управление) ≠ нуждается в вестернизации ≠ варварство (дикость) ≠ локальные ценности ≠ неодокапитализм (еще некапитализм) ≠ несоблюдение (недостаточное соблюдение) прав человека ≠ несправедливый рынок (участие Государства, клановость, групповые предпочтения) ≠ недемократия ≠ коррупция

Если значки равенства гипнотически внедряются в коллективное сознание как нечто само собой разумеющееся, развернутое обоснование каждого значка неравенства требует отдельного текста или группы текстов. В той или иной степени ТММ и параллельные ей Четвертая Политическая Теория¹, евразийство, «новые правые» (А. Де Бенуа), неевроцентричная теория МО (Дж. Хобсон), традиционализм, постмодернизм и т. д. осуществляют эту задачу, но сейчас важно предложить эту схему как наиболее общую форму контргегемонистского синтаксиса. Отрицание содержательного высказывания содержательно уже в силу самого факта отрицания, а значит, осмысление неравенств нагружено смыслами и связями. Ставя под сомнение цепочки отождествлений гегемонии, мы получаем семантическое поле, свободное от гегемонии и ее суггестивной «аксиоматики». Одно это полностью развязывает нам руки для развертывания контргегемонистского дискурса.

¹ Дугин А.Г. Четвертая Политическая Теория. СПб.: Амфора, 2009.

В данном случае мы привели эти базовые правила для конкретной цели: для предварительного и самого общего исчисления тех ресурсов, на которые можно рассчитывать теоретически при построении контргегемонистского пакта.

Глобальная революционная элита

Контргегемонистский блок строится вокруг интеллектуалов. Следовательно, его ядром должна быть *глобальная революционная элита*, отвергающая «статус кво» в самой его глубинной основе. Эта глобальная революционная элита образуется вокруг синтаксиса контргегемонии. Пытаясь осмыслить свое положение из любой точки современного мира, — в любой стране, культуре, обществе, социальном классе, профессиональной функции и т. д., — человек в поисках глубоких ответов об устройстве общества, в котором он живет, рано или поздно придет к пониманию базовых тезисов гегемонистского дискурса. Конечно, это дано не каждому, хотя, по Грамши, каждый человек есть интеллектуал до определенной степени. Однако только полноценный интеллектуал представляет собой человека в полном и совершенном смысле; он — своего рода делегат в парламент мыслящего человечества (*homo sapiens*) от более скромных его представителей (от тех, кто не может или не хочет реализовывать полноту данных человеку как виду возможностей — кульминирующих в возможности мыслить, т. е. быть интеллектуалом). Такой интеллектуал и имеется в виду, когда мы говорим о обнаружении гегемонии. В этот момент он становится перед выбором, т. е. реализует свою возможность стать «интеллектуалом органическим»: он может сказать гегемонии «да» и принять ее синтаксис, далее действуя в его структуре, а может сказать «нет». Когда он говорит «нет», он отправляется на поиски контргегемонии, т. е. ищет доступа в глобальную революционную элиту.

Этот поиск может остановиться на промежуточном этапе: всегда существуют локальные структуры (традиционалисты, фундаменталисты, коммунисты, анархисты, этноцентристы, революционеры разных типов и т. д.), которые, осознавая вызов гегемонии, отвергают его, но делают это на локальном уровне. Здесь мы находимся уже на уровне органических интеллектуалов, но пока еще не осознающих необходимость обобщения своего отказа от гегемонии в форме универсальной планетарной стратегии. Однако, вступая в реальную (а не воображаемую) борьбу с гегемонией, любой революционер рано или поздно обнаружит ее транснациональный, экстерриториальный характер: для своих целей гегемония всегда прибегает к комбинации внутренних и внешних факторов, атакуя то, что считает своим противником или препятствием своего имперского владычества (элементы второй цепочки — Остальные (*the Rest*)). Поэтому локальное сопротивление глобальному вызову в один момент достигнет своих естественных пределов; когда-то гегемония может и отступить, но она придет снова, и просто увернуться от нее не удастся никому и никогда.

В момент такого осознания наиболее развитые интеллектуально представители локальной контргегемонии почувствуют необходимость выхода на уровень фундаментальной альтернативы, т. е. овладения контргегемонистским синтаксисом. А это уже прямой путь к Глобальному Революционному Альянсу. Таким образом объективно и естественно будет формироваться мировая контргегемонистская элита.

Именно ей и суждено стать ядром контрgegемонии. Более всего ТММ необходима именно ей.

Ресурсы контрgegемонии: «ревизионеры» миропорядка и их уровни

Классические теории МО, в частности, реализм, делят страны на тех, кого устраивает существующее положение вещей и баланс сил в мироустройстве, и тех, кого не устраивает и кто хотел бы поэтому его изменить в свою пользу. Первые называются «сторонниками статус кво», вторые — «ревизионерами».

Те силы в мире, независимо от их масштаба и влияния, которые вписаны в гегемонию и удовлетворены ею, представляют одну половину (мыслящего) человечества; «ревизионеры» — вторую. Закономерно контрgegемонистская элита рассматривает совокупность «ревизионеров» как свой ресурс. Именно «ревизионеры», осознают ли они это сами или нет, нуждаются в ТММ. Потребность в ТММ может быть вполне бессознательной, но даже если принять модель «цезаризма» и предположить, что многие политические единицы заняты только и исключительно процессами «трансформизма» (*transformismo*), ТММ дает им дополнительный аргумент для того, чтобы оппонировать давлению гегемонии. Иными словами, у контрgegемонистской элиты (понятой широко, в описанном нами структурном виде — по ту сторону правых и левых) в лице «ревизионеров» появляется мощный естественный ресурс.

Для того, чтобы этот ресурс наличествовал, совершенно не обязательно, чтобы руководящие политические элиты стран-«ревизионеров» были солидарны с контрgegемонией или принимали ТММ как руководство к построению внешней политики. Здесь самое время вспомнить о значении интеллектуального дискурса в его автономном состоянии (на чем неограмшизм настаивает). Достаточно того, что интеллектуалы Глобального Революционного Альянса будут осознавать значение и функции «цезаристских» режимов в глобальном поле гегемонии; сами «ревизионеры» действуют интуитивно, тогда как представители контрgegемонистского пакта — вполне осознанно. У тех и других в среднесрочной перспективе интересы совпадают. А это делает контрgegемонистский пакт заведомо фундаментальной силой: *hardware* предоставляют «ревизионеры», *software* — глобальная революционная элита.

«Ревизионеры» в современном мире — это целый ряд мощных и развитых Государств, которые в силу различных исторических обстоятельств помещены глобальной гегемонией в такие условия, что чувствуют себя ущемленными. Их дальнейшее развитие по логике, навязываемой глобальным дискурсом, неминуемо приведет их либо к нежелательным для актуальных политических элит последствиям, либо к дальнейшему ухудшению положения этих государств. «Ревизионеры» весьма различны: одни склонны к компромиссу с гегемонией, другие, напротив, стараются всячески уклониться от ее влияния. Но повсюду есть поле для деятельности глобальной революционной элиты.

Самым серьезным объединением стран-«ревизионеров» является БРИКС. Каждая из этих стран сама по себе является гигантским ресурсом, и руководство всего клуба «Второго мира» объективно заинтересовано в многополярности — следовательно, ничто не мешает продвигать в них ТММ в качестве стратегической программы внешней политики.

Вокруг стран «Второго мира» гравитируют целые конstellации крупных региональных держав (Аргентина, Мексика — в Латинской Америке; Турция, Пакистан — в Центральной и Передней Азии; Саудовская Аравия, Египет — в арабском мире; Вьетнам, Индонезия, Малайзия, Южная Корея — на Дальнем Востоке и т. д.). Каждая из этих стран в какой-то мере также может быть отнесена к «ревизионерам» и имеет внушительный список региональных амбиций, удовлетворить которые в системе гегемонии затруднительно или невозможно. Еще больше у этих стран страхов и вызовов в области безопасности, отражению которых гегемония совершенно не способствует.

Кроме того, есть целый ряд стран, находящихся в прямой оппозиции гегемонии (Иран, Северная Корея, Сербия, Венесуэла, Боливия, Эквадор и т. д.), что предоставляет Глобальному Революционному Альянсу привилегированные стратегические площадки.

На следующем под-государственном уровне требуется более тщательный анализ, призванный выявить «ревизионеров» на политическом уровне — т. е. те политические партии и движения, которые по тем или иным идеологическим соображениям отвергают гегемонистский дискурс в том или ином его существенном элементе. Такие политические силы могут быть правыми или левыми, религиозными или секулярными, националистическими или космополитическими, парламентскими или радикально оппозиционными, массовыми или «диванными». Все они могут быть интегрированы в стратегию контргегемонистской элиты. При этом такие партии и движения могут располагаться как в политической зоне «ревизионеров», так и в поле тех стран, где гегемония укрепилась твердо и основательно. При определенных обстоятельствах — особенно в условиях кризиса или реформ — даже в таких державах открываются определенные окна возможности для неконформных сил и их (пусть относительного) успеха и продвижения.

В сегменте гражданского общества возможности контргегемонии еще более широки, т. к. здесь носители гегемонистского дискурса выступают напрямую, без масок и опосредований. В области науки, культуры, искусства, философии носители контргегемонии, владеющие синтаксисом, способны эффективно противостоять идейным противникам, т. к. количество и масса в данной среде имеет весьма второстепенное значение. Один талантливый и подготовленный интеллект со стороны контргегемонии может стоять тысячи противников. В неполитической сфере, где располагаются науки, культура, искусство, философия, контргегемония может использовать гигантский арсенал средств и методов — от религиозных и традиционалистских до авангардных и постмодернистских. Ориентируясь на корректно понятый контргегемонистский синтаксис, не будет составлять труда развернуть самые разнообразные интеллектуальные стратегии, бросающие вызов западной «аксиоматике» Модерна. Эту модель также легко можно применить не только в западных обществах, но и в развитых капиталистических странах, повторяя в новой исторической ситуации успешный опыт нового «левого грамшизма» в Европе 60–70-х годов XX века.

Совокупность под-государственных политических структур и бескрайняя зона «гражданского общества» (в понимании Грамши) совокупно дает нам мезоуровень, тогда как сами Государства («ревизионеры») как таковые могут быть взяты за макроуровень развертывания контргегемонистской практики.

И наконец, микроуровень — это отдельные личности, которые также могут быть при определенных условиях носителями контрgegемонии, т. к. поле борьбы за ТММ — это человек как таковой во всех его измерениях — от личного до социального и политического. Глобальность следует понимать антропологически.

Так мы получаем гигантский резервуар ресурсов, который находится в распоряжении потенциальной глобальной революционной элиты. В той ситуации, когда правила задает гегемония, а ей пассивно сопротивляется «недогегемония» или просто «негегемония», этот ресурс нейтрализован, либо задействован в бесконечно малой степени и в строго локальных ситуациях, т. е. он не консолидирован, рассеян и подвергается постепенной энтропии. Для самой гегемонии в этом случае он не более, чем пассивное препятствие, инерция и объект, подлежащий покорению, «доместикации» или демонтажу (так для строительства дороги вырубают лес или засыпают болота). Но все это становится ресурсом контрgegемонии, когда контрgegемония превращается в осознающую себя силу, в исторический субъект, в явление. Все это трансформируется в ресурс, когда налицо *глобальная революционная элита*, обращенная к ТММ как к своей теоретической базе. До этого и без этого все перечисленные моменты ресурсом не являются.

Контрgegемония и Россия

Осталось спроецировать принципы контрgegемонии в контексте ТММ на ситуацию в России.

В контексте неограмшистского анализа современная Россия представляет собой классический «цезаризм» со всеми его типичными атрибутами.

Гегемония, со своей стороны, уверенно помещает Россию в цепочку «Остальные» (the Rest) и строит ее образ с соответствием со своим классическим синтаксисом: «авторитаризм» = коррупция = нуждается в модернизации = не соблюдает права человека и свободу прессы = Государство вмешивается в вопросы бизнеса и т. д.

Субъективно российское руководство занято процессами «трансформизма» (transformismo), постоянно балансируя между уступками гегемонии (участие в международных экономических организациях, таких как ВТО, приватизация, рынок, демократизация политической системы, подстройка под образовательные стандарты Запада и т. д.) и стремлением сохранить суверенитет, а заодно и власть правящей элиты с опорой на «патриотические» настроения масс. При этом в международных отношениях лично Путин однозначно придерживается *реализма*, тогда как Правительство и экспертное сообщество явно тяготеет к *либерализму*, что создает типичное для «трансформизма» двоемыслие.

Для ТММ и контрgegемонистской элиты такое положение дел создает благоприятную среду для развертывания автономной активности и представляет естественный анклав, способствующий ее развитию, укреплению и консолидации. Россия однозначно относится к лагерю «ревизионеров» в международной системе, утратив свое положение одной из двух сверхдержав в 90-е годы XX века и резко сократив сферу своего влияния даже на ближайших рубежах. Однополярность мироустройства и укрепление гегемонии в последние десятилетия (= глобализация) принесли России исключительно отрицательные результаты, т. к. строились — геополитически, стратегически, идеологически, политически и «психологически» — за ее

счет. И хотя предпосылки для активного реванша явно не назрели, общая атмосфера в обществе и основные объективные тенденции помогают становлению ТММ и способствуют укреплению и кристаллизации российского сегмента глобальной контрgegемонистской революционной элиты. Более того, многие шаги В.В. Путина в вопросах внешней политики, направленные на укрепление российского суверенитета, его намерения в строительстве Евразийского Союза, его критика однополярного мира и американской доминации, а также эпизодические упоминания многополярности как наиболее желательного мироустройства — все это расширяет поле возможностей для органического построения полноценной и состоятельной теории контрgegемонии в контексте ТММ.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Acharya Amitav, Buzan, Barry* (eds.). Non-Western international relations theory: perspectives on and beyond Asia. London: Routledge, 2010
- Adler E.* Communitarian International Relations: The Epistemic Foundations of International Relations. London and New York: Routledge, 2005.
- Aldrich John H., Sullivan John L., Borgida E.* Foreign Affairs and Issue Voting: Do Presidential Candidates 'Waltz Before a Blind Audience'? // *American Political Science Review*. 83 (1) (March 1989). P. 123–141.
- Allison G.* Essence of Decision. Boston: Little Brown, 1971.
- Almond G.* The American people and foreign policy. NY: Praeger, 1950.
- Amin S.* Mondialisation, comprendre pour agir. Paris, 2002.
- Angell N.* The Great Illusion — a Study of the Relation of Military Power to National Advantage. London: Heinemann, 1910.
- Angell N.* The Great Illusion: A Study of the Relation of Military Power in Nations to their Economic and Social Advantage. New York: G.P. Putnam's & Sons, 1910.
- Aron R.* La Société industrielle et la Guerre, suivi d'un Tableau de la diplomatie mondiale en 1958. Paris: Plon, 1959.
- Aron R.* Paix et guerre entre les nations, Paris, Calmann-Lévy, 1962.
- Ashley R.* Imposing International Purpose: Notes on a Problematic of Governance // Czempli Ernst-Otto, Rosenau James N. (eds.). Global Changes and Theoretical Challenges: Approaches to World Politics for the 1990s. Lexington, MA: Lexington Books, 1989.
- Ashley R.* Living on Border Lines: Man, Poststructuralism and War // Derian Der, Shapiro M.J. (eds.). International/Intertextual Relations: Postmodern Readings of World Politics Lexington, MA: Lexington Books, 1989.
- Ashley R.* The Achievements of Poststructuralism // Steve Smith, Ken Booth, Marysia Zalewski (eds.). International Theory: Positivism & Beyond, Cambridge: Cambridge UP, 1996. C. 240–253.
- Ashley R.* The Eye of Power: The Politics of World Modeling // *International Organization*. Vol. 37. No. 3 Summer 1983.
- Ashley R.* The Powers of Anarchy: Theory, Sovereignty, and the Domestication of Global Life // Derian D. (ed.) *International Theory: Critical Investigations*. London: MacMillan, 1995.
- Ashley R., Walker R. B. J.* (eds.). Speaking the Language of Exile: Dissidence in International Studies // *International Studies Quarterly*, Vol. 34. No. 3. September 1990.
- Ashley Richard.* The Achievements of Poststructuralism // Steve Smith, Ken Booth, Marysia Zalewski (eds.). *International Theory: Positivism & Beyond*, Cambridge: Cambridge UP, 1996. C. 240–253.
- Babst Dean V.* Elective Governments—A Force For Peace // *The Wisconsin Sociologist*. 3.1. 1964.
- Bakker I., Gill S.* Power, Production and Social Reproduction. NY: Macmillan-Palgrave, 2003.
- Baran P.A.* The Political Economy of Growth. Harmondsworth: Penguin, 1957.
- Baran P.* The Political Economy of NeoColonialism. London: Heinemann, 1975.

- Barkin J.S.* Realist Constructivism: Rethinking International Relations Theory. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.
- Batistella D.* Theories des relations internationales. P: Presse de Sciences Po, 2003.
- Beck U.* Risk Society: Towards a New Modernity. New Delhi: Sage, 1992.
- Bhagwati Jagdish N.* Free Trade Today. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 2002
- Bhagwati Jagdish N.* In Defense of Globalization. New York: Oxford University Press, 2004.
- Boas F.* The Mind of Primitive Man. New York: Macmillan, 1938.
- Boli J., Thomas G.* World Culture in the World Polity// American Sociological Review. 1997. № 62 (2). С. 171 – 190.
- Braudel F.* Civilisation matérielle, économie et capitalisme (XVe-XVIIIe siècles). 3 volumes. Paris, Armand Colin, 1979.
- Brewer A.* Marxist theories of Imperialism: a critical survey. London: Routledge, 1990.
- Brown Ch.* International Relations Theory: New Normative Approach. NY: Harvester Press, 1992. P. 3.
- Brown Ch.* Understanding International Relations. Basingstoke: Palgrave Publishing, 2005.
- Bull H.* The Anarchical Society. A Study of Order in World Politics. New York: Columbia University Press, 1977.
- Bull H., Watson A.* (eds.), The Expansion of International Society. Oxford: Clarendon Press, 1984.
- Buzan B., Little R.* International Systems in World History. Oxford: Oxford University Press, 2010.
- Buzan B., Wæver O.* Regions and Powers: The Structure of International Security. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
- Buzan Barry, Acharya Amitav* Conclusion: on the possibility of a non-Western IR theory in Asia // International Relations of the Asia-Pacific, 7 (3). 2007.
- Buzan Barry, Acharya Amitav.* Why is there no non-Western international relations theory?: an introduction // International Relations of the Asia-Pacific. 7 (3). 2007.
- Buzan Barry, Little Richard.* International Systems in World History: Remaking the Study of International Relations. Oxford: Oxford University Press, 2000.
- Buzan Barry, Little Richard.* The historical expansion of international society // Denmark, Robert Allen (ed.). The international studies encyclopedia. Wiley-Blackwell in association with the International Studies Association, Chichester, UK., 2010.
- Campbell D.* National Deconstruction: Violence, Identity, and Justice in Bosnia. Minneapolis, 1998.
- Carr E.H.* The Twenty Years' Crisis. London, 1939.
- Caspary W.R.* The Mood Theory: A Study of Public Opinion and Foreign Policy // American Political Science Review. 64. 536 – 547. 1970.
- Clinton W.D.* The realist tradition and contemporary international relations. Baton Rouge: LSU Press, 2007.
- Clough P.T.* Feminist Thought. Cambridge: Blackwell Publishers, 1994.
- Cobden R.* Political writings. 2 vol. London: Fisher Unwin, 1903.
- Code Lorraine.* Encyclopedia of Feminist Theories. London; New York: Routledge, 2002.
- Cohen R., Kennedy P.* Global sociology. N.Y.: New York University Press, 2007.
- Cohn C.* Sex and Death in the Rational World of Defense Intellectuals // Signs: Journal of Women in Culture and Society. Vol. 12. No. 4. Summer 1987.
- Cox R.W.* Production, Power and World Order: Social Forces in the Making of History. New York: Columbia University Press, 1987.

- Cox R., Jacobson Harold K.* The Anatomy of Influence: decision making in international organization. London, 1973.
- Cox R., Schechter M.* The Political Economy of a Plural World: Critical Reflections on Power, Morals and Civilization. Routledge: London and New York, 2002
- Cox R.W.* Gramsci, Hegemony and International Relations: An Essay in Method // Gill S. (ed.). Gramsci, Historical Materialism and International Relations. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.
- Cox R.W.* Production, Power and World Order: Social Forces in the Making of History. Columbia: Columbia University Press, 1987
- Cox Robert W.* Social Forces, States and World Orders: Beyond International Relations Theory // Millennium 10. 1981.
- Crocker David A.* Ethics of Global Development: Agency, Capability, and Deliberative Democracy. Cambridge: Cambridge University Press, 2008
- Crocker David A.* Development Ethics, Globalization, and Democratization/ Chatterjee D., Krausz M. (eds.) Globalization, Democracy, and Development: Philosophical Perspectives. Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 2007.
- D'Anieri P.* International Politics: Power and Purpose in Global Affairs. Boston: Cengage Learning, 2009.
- Derian Der J.* (ed.). International Theory: Critical Investigations. London: MacMillan, 1995.
- Derian Der J.* Introducing Philosophical Traditions in International Relations// Millennium. Vol. 17. No. 2. 1988.
- Delgado R., Stefancic J.* Critical Race Theory: An Introduction. NY: NYU Press, 2011 – 12.
- Derian Der J.* On Diplomacy: A Genealogy of Western Estrangement. NY: John Wiley & Sons, 1987.
- Derian Der J.* Antidiplomacy: Spies, Terror, Speed, and War. NY; London: Blackwill, 1992.
- Derian Der J., Shapiro M.* (eds). International / Intertextual Relations; Postmodern Readings of World Politics. New York: Lexington Books, 1989.
- Devetak R.* Post-structuralism // Burchill S., Linklater A., Devetak R., Donnely J., Nardin T., Paterson M. Reus-Smit Ch., True J. Theories of International Relations. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2009.
- Devetak R.* Postmodernism // Burchill S., Linklater A. Theories of International Relations. London: Macmillan Press, 1996.
- Devetak R., Burke A., George J.* An Introduction to International Relations: Australian Perspectives. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.
- Donneli J.* Realism and IR. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
- Doyle M.* Kant, Liberal Legacies, and Foreign Affairs//Philosophy & Public Affairs, Vol. 12. No. 3 (Summer, 1983). P. 205 – 235.
- Doyle M.* Liberalism and World Politics//American Political Science Review. 1986. 80 (4). 1151 – 1169.
- Dumont L.* Essais sur l'individualisme. Une perspective anthropologique sur l'idéologie moderne. Paris: Le Seuil, 1983.
- Dumont L.* Homo Æqualis I: genèse et épanouissement de l'idéologie économique. Paris: Gallimard/BSH, 1977.
- Dunne T.* Inventing International Society. A History of the English School. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 1998.
- Dunne T., Kurki M., Smith S.* International relations theories: discipline and diversity. Oxford: Oxford University Press, 2007.
- Durand G.* Les Structures anthropologiques de l'imaginaire. Paris: Borda, 1969.

- Durkheim E.* Les formes élémentaires de la vie religieuse. Paris: Librairie générale française, 1991.
- Edkins J., Vaughan-Williams N.* Critical theorists and international relations. N.Y.: Taylor & Francis, 2009.
- Eisenstadt S.N.* The Civilizational Dimension of Modernity: Modernity as a Distinct Civilization // *International Sociology*, 16 (3). 2001. C. 320 – 340.
- Elshtain J.* Women and War: Gender Identity and Activism in Times of Conflict. Sterling, VA: Kumarian Press, 2010.
- Enloe C.* Margins, Silences, and Bottom-Rungs: How to overcome the Understanding of Power in the Study of International Relations // *Smith S., Boot R., Zalewski M.* (eds). *International Theory: Positivism and Beyond*. Cambridge, 1997.
- Enloe Cynthia.* Bananas, Beaches and Bases: Making Feminist Sense of International Politics. London: Pandora Press 1990.
- Everett D.* Don't Sleep, There are Snakes. New York: Pantheon Books, 2008.
- Featherstone M.* (ed.). *Global Culture*. London: Sage, 1992
- Finnemore Martha.* National Interests in International Society. Cornell: Cornell University Press, 1996
- Fox J.* Paradigm Lost: Huntington's Unfulfilled Clash of Civilizations Prediction into the 21st Century // *International Politics*. 42. 2005. P. 428 – 457.
- Fox J.* Paradigm Lost: Huntington's Unfulfilled Clash of Civilizations Prediction into the 21st Century // *International Politics*. 42. 2005. P. 428 – 457.
- Friedman George, LeBard Meredith.* The Coming War With Japan. New York: St. Martin's. Press, 1991.
- Friedman Thomas L.* The Lexus and the Olive Tree: Understanding Globalization. New York: Farrar, Straus & Giroux, 1999.
- Friedman Thomas L.* The World Is Flat: A Brief History of the Twenty-First Century. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2005; *Idem.* The Lexus and the Olive Tree: Understanding Globalization. New York: Farrar, Straus & Giroux, 1999.
- Frobenius Leo.* Paideuma: Umriss einer Kultur — und Seelenlehre. München: Beck, 1921 – 1928.
- Frost M.* Ethics in International Relations. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
- Frost M.* Towards a Normative Theory of International Relations & Ethics and International Relations Consensus. Cambridge: CUP, 1986.
- Fukuyama Francis.* After Neoconservatism // *The New York Times Magazine*. 2006 – 02 – 19.
- Furtado C.* A nova dependência, dívida externa e monetarismo. RJ: Paz e Terra, 1982.
- Geertz Clifford.* The Interpretation of Cultures. NY: Basic Books, 2000.
- Geertz Clifford.* Thick Description: Toward an Interpretive Theory of Culture/
- George J.* Discourses of Global Politics: A Critical Introduction to International Relations. NY: Lynne Rienner Publishers, 1994.
- Giddens A.* Risk and Responsibility // *Modern Law Review*. 1999. № 62 (1). C. 1 – 10.
- Gill S.* American Hegemony and the Trilateral Commission. Cambridge: Cambridge University Press, 1991
- Gill S.* Gramsci, Historical Materialism and International Relations. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.
- Gill S.* Power and Resistance in the New World Order. London; New York: Macmillan-Palgrave, 2003.
- Gill S.* The Global Political Economy: Perspectives, Problems and Policies with David Law. Brighton: Harvester Wheatsheaf; Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1988.

- Gilpin R.* Global Political Economy: Understanding the International Economic Order. NY, 2001.
- Gilpin R.* Political Economy of International Relations. Princeton: Princeton University Press, 1987.
- Gilpin R.* The Theory of Hegemonic War // Journal of Interdisciplinary History. 18 (4). 1988.
- Gilpin R.* War and Change in World Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1981.
- Gowa J. Farber H.* Politics and Peace // International Security. Vol. 20. Issue 2 (autumn 1995). P. 123 – 146.
- Gray C.S.* War, peace and international relations: an introduction to strategic history. N.Y.: Taylor & Francis, 2007.
- Griffiths M.* International relations theory for the twenty-first century: an introduction. N.Y.: Routledge, 2007.
- Griffiths M., O'Callaghan T., Roach S.C.* International relations: the key concepts. New York: Taylor & Francis, 2008.
- Guzzini Stefano.* A reconstruction of Constructivism in IR // European Journal of International Relations Copyright. Vol. 6 (2). 2000.
- Guzzini S.* Realism in international relations and international political economy: the continuing story of a death foretold, New York: Routledge, 1998.
- Guzzini S., Leander A.* Constructivism and international relations: Alexander Wendt and his critics. N.Y.: Routledge, 2006.
- Haass Richard N.* The Age of Nonpolarity. What Will Follow U.S. Dominance//Foreign Affairs. May / June 2008.
- Halliday Fred.* Rethinking International Relations. London: Macmillan, 1994.
- Haraway Donna.* A Cyborg Manifesto: Science, Technology, and Socialist-Feminism in the Late Twentieth Century // Simians, Cyborgs and Women: The Reinvention of Nature. New York; Routledge, 1991. C. 149 – 181.
- Harris Lee.* Civilization and Its Enemies: The Next Stage of History, New York, The Free Press, 2004.
- Harrison Lawrence E., Samuel P. Huntington* (eds.). Culture Matters: How Values Shape Human Progress. New York: Basic Books, 2001.
- Haslam J.* No virtue like necessity: realist thought in International Relations since Machiavelli. New Haven: Yale University Press, 2002.
- Heidegger M.* Sein und Zeit (1927). Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2006.
- Held David, McGrew Anthony, Goldblatt David, Perraton Jonathan.* Global Transformations. Stanford: Stanford University Press, 1999.
- Henderson E.A., Tucker R.* Clear and Present Strangers: The Clash of Civilizations and International Conflict // International Studies Quarterly. 45. 2001.
- Hiro Dilip.* After Empire. The birth of a multipolar world. NY: Nation books, 2009.
- Hobden Stephen, Hobson John M.* Historical sociology of international relations. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
- Hobden Stephen.* International Relations and Historical Sociology: Breaking Down Boundaries & L. NY: Routledge, 1998.
- Hobson J.M.* The Eurocentric Conception of World Politics: Western International Theory, 1760 – 2010. Cambridge: Cambridge University, 2011.
- Holsti Ole R.* Public Opinion and Foreign Policy: Challenges to the Almond-Lippmann Consensus//International Studies Quarterly. 36 (4) (December 1992). P. 439 – 466.
- Huntington Samuel P.* (ed.) The Clash of Civilizations?: The Debate // Foreign Affairs, New York, 1996.

- Huntington Samuel.* The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. London: Simon, 1996.
- Hurd I.* Legitimacy and authority in international politics / International Organization. 53. 1999.
- Ikenberry G. John, Slaughter Anne-Marie.* Princeton Project on National Security, Forging a World Under Liberty and Law: U.S. National Security in the 21st Century. September 2006.
- Ikenberry J.* After Victory: Institutions, Strategic Restraint, and the Rebuilding of Order after Major Wars. Princeton: Princeton University Press, 2001.
- Jackson R., Sorensen G.* Introduction to International Relations. Oxford University Press, 2010.
- Reus-Smit Ch., Snidal D.* The Oxford Handbook of International Relations. Oxford University Press, 2008.
- Kaiser K.* Interdependence and autonomy // Morgan R., Kaiser K. (ed.). Britain and Germany. London. Oxford University Press, 1971.
- Kampf David.* The Emergence of a Multipolar World // Foreign Policy. Oct. 20, 2009. <http://foreignpolicyblogs.com/2009/10/20/the-emergence-of-a-multipolar-world/>
- Kaplan M.* System and Process in International Politics. NY: Wiley, 1964.
- Kaplan R.D.* Imperial Grunts: On the Ground with the American Military, from Mongolia to the Philippines to Iraq and Beyond. NY: Vintage, 2006.
- Katzenstein P.* (ed). Civilizations in World Politics: Plural and Pluralist Perspectives NY: Routledge, 2009.
- Katzenstein P.* Beyond Paradigms: Analytic Eclecticism in World Politics NY: Palgrave, 2010.
- Katzenstein Peter J.* Civilizations in World Politics: Plural and Pluralist Perspectives. London, UK: Routledge, 2010.
- Katzenstein Peter J.* (ed.). The Culture of National Security: Norms and Identity in World Politics. New York: Columbia University Press, 1996.
- Kegley C.W., Blanton L.B.* World politics: trend and transformation. Boston: Cengage Learning, 2009.
- Kelsen H.* Reine Rechtslehre. Vienna, 1934
- Kennan G.F.* Morality and foreign policy // Foreign Affairs. 64. 1985 – 1986. P. 206.
- Kennedy Paul.* The Rise and Fall of the Great Powers. Unwin Hyman, 1988.
- Keohane R.* After Hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy. Princeton: Princeton University Press, 1984.
- Keohane R.* Power and Governance in a Partially Globalized World. New York: Routledge, 2002.
- Keohane Robert O., Nye Joseph S.* Power and Interdependence: World Politics in Transition. Boston: Little, Brown and Company, 1977.
- Khatami Mohammad.* Dialogue among civilizations: a paradigm for peace. NY: Theo Bekker, Joellen Pretorius, 2001.
- Kindleberger Ch.P.* World Economic Primacy: 1500 – 1990. Oxford: Oxford University Press, 1996.
- Kissinger H.* A World Restored: Metternich, Castlereagh and the Problems of Peace, 1812 – 22. Boston: Houghton Mifflin, 1957.
- Klotz A., Lynch S.* Strategies for Research in Constructivist International Relations. N.Y.: M.E. Sharpe, 2007.
- Köchler, Hans* (ed.). Civilizations: Conflict or Dialogue? Vienna: International Progress Organization, 1999.
- Krasner S.* Sovereignty: Organized Hypocrisy. Princeton: Princeton University Press, 1999.

- Krasner S.* Structural Conflict: The Third World Against Global Liberalism. Los Angeles: University of California Press, 1985.
- Krasner S.D.* Defending the National Interest: Raw Materials Investment and American Foreign Policy Princeton: Princeton University Press, 1978.
- Krauthammer Ch.* The Unipolar Moment// Foreign Affairs. 1990/1991 Winter. Vol. 70. No 1. C. 23 – 33.
- Krauthammer Charles.* The Unipolar Moment Revisited // National Interest. Volume 70. Pages 5 – 17. Winter 2002.
- Lash S.* Another Modernity, A Different Rationality. Oxford: Blackwell, 1999.
- Lash S., Featherstone M.* (eds.) Spaces of Culture: City, Nation, World. London: Sage, 1999.
- Lash S., Featherstone M., Szerszynski B., Wynne B.* Spaces of Culture: City, Nation, World. London: Sage 1999
- Lash S., Lury C.* Global Culture Industry: The Mediation of Things. Cambridge: Polity, 2005.
- Lash S., Szerszynski B., Wynne B.* (eds.) Risk, Environment and Modernity. London: Sage (TCS), 1996.
- Layne Ch.* Kant or Cant. The myth of the Democratic Peace // International security. 19 (2). 1994. P. 5 – 49.
- Lebow R.N.* A cultural theory of international relations. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.
- Lebow R.N., Lichbach M.I.* Theory and evidence in comparative politics and international relations. Palgrave Macmillan, 2007.
- Lederach John Paul.* Preparing for Peace. Syracuse: Syracuse University Press, 1996.
- Richmond Oliver P.* Peace in International Relations. London: Routledge, 2008.
- Lederach John Paul.* Preparing for Peace. Syracuse: Syracuse University Press, 1996.
- Linklater A.* Beyond Realism and Marxism: Critical Theory and International Relations& London: MacMillan Press, 1990.
- Linklater A.* Critical Theory and World Politics: Citizenship, sovereignty and humanity. L, NY: Routledge, 2007.
- Linklater A.* Marx and Marxism / Theories of International Relations. NY: Pilgrave Macmillan, 2009. P. 117
- Linklater A., Suganami H.* The English School of International Relations: A Contemporary Reassessment. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.
- Lippman W.* Essays in Public Philosophy. NY: New American Library, 1956.
- Little R.* The balance of power in international relations: metaphors, myths and models. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.
- Wittgenstein Ludwig:* Philosophische Untersuchungen. Kritisch-genetische Edition. Herausgegeben von Joachim Schulte. Wissenschaftliche Buchgesellschaft. Frankfurt, 2001.
- MacLean J.* Marxism and international relations: a strange case of mutual neglect// Millennium. Vol. 17. No. 2.
- Mahan A.T.* The Influence of Sea Power Upon History, 1660 – 1783. New York: Dover Publications, 1987.
- Mann M.* The autonomous power of the state: its origins, mechanisms and results // Archives Europeennes de sociologie. № 25. 1984.
- Mansfield E., Snyder J.* Democratization and the Danger of War // International Security, Vol. 20. No. 1. Summer, 1995.
- Marx K.* Selected writings. Oxford, 1977. P. 539.
- McCain John.* America must be a good role model // Financial Times. March 18. 2008.

- Mearsheimer John J., Walt Stephen M.* The Israel Lobby and U.S. Foreign Policy. NY: Farrar, Straus and Giroux, 2007.
- Mearsheimer John J. E. H.* Carr vs. Idealism: The Battle Rages On // International Relations. Vol. 19. No. 2.
- Mearsheimer John J.* The Tragedy of Great Power Politics. New York: Norton, 2001.
- Merton Robert K.* Social Theory and Social Structure. New York: Free Press, 1968
- Mesquita Bueno de, Lalman David.* War and Reason: Domestic and International Imperatives New Haven: Yale University Press, 1992.
- Meyer J., Boli J., Thomas G., Ramirez F.* World Society and the Nation-State // American Journal of Sociology. 1997. № 103 (1). С. 144 – 181
- Meyer John W.* The World Polity and the Authority of the Nation-State // Bergesen A. (ed.). Studies of the Modern World-System. New York: Academic Press, 1980. С. 109 – 137.
- Michael M.S., Petite F.* (eds.). Civilizational Dialogue and World Order: The Other Politics of Cultures, Religions, and Civilizations in International Relations. Palgrave-Macmillan, 2009.
- Miliband R.* Divided Societies: Class Struggle in Contemporary Capitalism. Oxford: Clarendon Press, 1989.
- Moravcsik A.* Taking Preferences Seriously: A Liberal Theory of International Politics // International Organization. 51 (4): 513 – 53. 1997.
- Morgenthau H.* In defence of the national interest: a critical examination of American foreign policy. New York: Alfred A. Knopf, 1951.
- Morgenthau H.* Truth and Power: Essays of a Decade, 1960 – 70. NY: Praeger, 1970.
- Morgenthau Hans J.* Politics Among Nations. The Struggle for Power and Peace. Second Edition, Alfred A. Knopf: New York, 1955.
- Morin, E., Le Moigne, J.-L.* L'intelligence de la complexité. Paris: L' Harmattan, 1999.
- Mühlmann Wilhelm Emil.* Methodik der Völkerkunde. Stuttgart: Ferdinand Enke, 1938.
- Muir Ramsay.* The faith of a liberal. London, 1933.
- Niebuhr R.* Christian Realism and Political Problems. York: Charles Scribner's Sons, 1953.
- Nitzan J., Shimshon B.* Capital as Power: A study of order and creorder. London: Routledge, 2009.
- Nye J.* Power in the Global Information Age: From Realism to Globalization L., NY: Routledge, 2004.
- Nye Joseph S. Jr.* Soft Power: The Means To Success In World Politics. PublicAffairs, 2004.
- Nye Joseph S.* The Future of Power. NY: Public Affairs, 2011.
- Nye Jr., Joseph S.* Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. New York: Basic Books, 1990.
- Onuf Nicholas.* World of Our Making: Rules and Rule in Social Theory and International Relations. Columbia: University of South California Press, 1989.
- Patomäki H., Teivainen T.* A Possible World: Democratic Transformation of Global Institutions. NY: Zed Books, 2005.
- Petito F.* Dialogue of Civilizations as Global Political Discourse: Some Theoretical Reflections // The Bulletin of the World Public Forum 'Dialogue of Civilizations'. Vol. 1 No. 2/ 21 – 29. 2004.
- Petito F., Odysseos L.* (2006) Introducing the International Theory of Carl Schmitt: International Law, International Relations, and the Present Global Predicament (s // Leiden Journal of International Law. Vol. 19. No. 1. 2006.
- Petito F., Odysseos L.* The International Political Thought of Carl Schmitt: Terror, liberal war and the crisis of global order. London and New York: Routledge, 2007
- Petito Fabio.* Dialogue of Civilizations as Global Political Discourse: Some Theoretical Reflections // The Bulletin of the World Public Forum 'Dialogue of Civilizations'. Vol. 1. No. 2, 21 – 29. 2004.

- Pijl K. van der.* The Making of an Atlantic Ruling Class. London, 1984.
- Pijl K. van der.* Transnational Classes and International Relations. London, 1998.
- Pijl K. van der.* Global Rivalries — From the Cold War to Iraq. London, 2006.
- Pijl van der K.* Modes of foreign relations and political economy. Vol. 1: Nomads, Empires, States. London, 2007
- Pijl van der K.* Modes of foreign relations and political economy. Vol. 2: The foreign Encounter in Myth and Religion, London: 2010.
- Prebisch Raul.* The Economic Development of Latin America. New York: United Nations, 1950.
- Reus-Smit C., Snidal D.* The Oxford handbook of international relations. Oxford: Oxford University Press, 2008.
- Reus-Smit Ch., Snidal D.* International Relations. Oxford: Oxford University Press, 2008.
- Reuss-Smit Ch.* Constructivism // Burchill S., Linklater A., Devetak R., Donnely J., Nardin T., Paterson M. Reus-Smit Ch., True J. Theories of International Relations. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2009. P. 222.
- Reuss-Smit Ch.* Constructivism // Burchill S., Linklater A., Devetak R., Donnely J., Nardin T., Paterson M. Reus-Smit Ch., True J. Theories of International Relations. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2009.
- Richmond Oliver P.* Peace in International Relations. London: Routledge, 2008.
- Robertson R.* Globalization: Social Theory and Global Culture. London: Sage, 1992.
- Robinson W.I.* Capitalist globalization and the transnationalization of the state // Rupert M., Smith H. Historical materialism and globalization. London: Routledge, 2002.
- Rosenau J.* Turbulence in World Politics: A Theory of Change and Continuity. Princeton, 1990.
- Rosenau J., Fagen W.* A New Dynamism in World Politics: Increasingly Skillful Individuals? // JSTOR. Studies Quarterly. 41. 1997.
- Ruggie John.* What Makes the World Hang Together? Neo-utilitarianism and the Social Constructivist Challenge // International Organization. 52. 4. Autumn 1998.
- Rummel R.* Understanding Conflict and War. NY: John Wiley & Sons, 1976.
- Rupert M.* Producing Hegemony: The Politics of Mass Production and American Global Power. Cambridge: Cambridge University Press. 1995
- Rupert M., Smith H.* Historical materialism and globalization. London: Routledge, 2002.
- Russet B.* Grasping the Democratic Peace. Princeton: Princeton University Press, 1994.
- Russett B.M., O Neal J.R., Cox M.* Clash of Civilizations, or Realism and Liberalism Déjà Vu? Some Evidence // Journal of Peace Research. 37. 2000.
- Russett B., Starr H., Kinsella D.* World Politics: The Menu for Choice. Boston: Cengage Learning, 2009.
- Safire William.* The End of Yalta // New York Times. July 09, 1997.
- Said Edward.* The Clash of Ignorance // The Nation. October 2001.
- Salmon T.C.* Issues in international relations. New York: Taylor & Francis, 2008.
- Sanbonmatsu J.* The Postmodern Prince: Critical Theory, Left Strategy, And The Making Of A New Political Subject. Quebec: Monthly Review Press, 2004.
- Savarkar Vinayak Damodar.* Hindutva. Delhi: Bharati Sahitya Sadan, 1989.
- Schmitt C.* Der Leviathan in der Staatslehre des Thomas Hobbes. Berlin, 1938.
- Schmitt Carl.* Völkerrechtliche Grossraumordnung mit Interventionsverbot für Raumsfremde Mächte — Ein Beitrag zum Reichsbegriff im Völkerrecht. Berlin: Duncker & Humblot, 1991.
- Schmitt Carl.* Völkerrechtliche Grossraumordnung mit Interventionsverbot für Raumsfremde Mächte — Ein Beitrag zum Reichsbegriff im Völkerrecht. Berlin: Duncker & Humblot, 1991.

- Sen Amartya*. Democracy as a Universal Value // *Journal of Democracy*. 10.3. 1999.
- Shapiro M.J.* Textualizing Global Politics/ Darian Der J., Shapiro M. J. (eds.). *International // Intertextual Relations: Postmodern Readings of World Politics*, Lexington, MA: Lexington Books, 1989.
- Shapiro M.J., Hayward R.* Alker (eds.). *Challenging Boundaries: Global Flows, Territorial Identities*. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, 1996.
- Sharp P.* *Diplomatic theory of international relations*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.
- Sheeran P.* *Literature and international relations: stories in the art of diplomacy*. Bogmin: Ashgate Publishing, Ltd., 2007.
- Shilliam R.* *International Relations and Non-Western Thought: Imperialism, Colonialism and Investigations of Global Modernity*. N.Y.: Taylor & Francis, 2010.
- Shimko K.L.* *International Relations: Perspectives and Controversies*. Boston: Cengage Learning, 2009.
- Singer D.* Correlates of War Project: Interim Report and Rationale // *World Politics*. Vol. 24. No. 2. Jan., 1972.
- Singer Hans W., Ansari Javed A.* *Rich and Poor Countries: Consequences of International Disorder*. London: Routledge, 1988.
- Small Melvin, Singer J.D.* The War Proneness of Democratic Regimes, 1816 – 1965 // *Jerusalem Journal of International Relations* 1: 50 – 69.
- Smith S.* Epistemology, Postmodernism and International Relations Theory: A Reply to Osterud // *Journal of Peace Research*, 1997. Vol. 34 (3). P. 330 – 336.
- Smith S.M., Booth R., Zalewski M.* (eds.). *International Theory: Positivism and Beyond*. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
- Smith S.* New approaches to International Theory / Baylis J, Smith S. (eds). *The globalization in world politics*. Oxford: Oxford University Press, 1995. P. 181.
- Snyder R., Bruck H., Sapin B.* *Foreign policy decision making*. NY: The Free Press, 1962.
- Spykman N.* *America's Strategy in World Politics: The United States and the Balance of Power*. New York: Harcourt, Brace and Company, 1942.
- Spykman N.* *The Geography of the Peace*. New York: Harcourt, Brace and Company, 1944.
- Strange S.* *Casino Capitalism*. Oxford: Basil Blackwell, 1986.
- Strange S.* *States and markets*. London: Pinter, 1988.
- Sumner W.* *Folkways*. Boston: Ginn, 1907.
- Teivainen T.* *Enter Economism, Exit Politics: Experts, Economic Policy and the Damage to Democracy*. London; New York: Zed Books, 2002.
- Telò M.* *International relations: a European perspective*. Ashgate Publishing, Ltd., 2009.
- Thomas W.I., Znaniecki F.W.* *The Polish Peasant in Europe and America: A Classic Work in Immigration History*. Urbana.: University of Illinois Press, 1996.
- Thurnwald R.* *Die menschliche Gesellschaft in ihren ethno-soziologischen Grundlagen*, 5 B. Berlin: de Gruyter, 1931 – 1934.
- Tickner A.* Yans Morgentau's Political Principles of Political Realism: A Feminist Reformulation // *Millenium*. 17 (3). 1988.
- Tickner A.B., Wæver O.* *International relations scholarship around the world*. N.Y.: Taylor & Francis, 2009.
- Tickner J. Ann.* *Gendering World Politics*. Columbia University Press. 2001.
- Tickner J. Ann.* Hans Morgentau's Principles of Pjlitical Realism. A Feminist Reformulation // Derian D. (ed.) *International Theory: Critical Investigations*. London: MacMillan, 1995.
- Tilly Ch.* *Coercion, Capital, and European States, AD 990 – 1990*. Cambridge: Basil Blackwell, 1990.

- Tretschke von H.* Politics. London: Constable, 1916.
- Tshiyembe Mwayila.* Would a United States of Africa work? *Le Monde diplomatique* (English edition). September 2000.
- Vincent R.J.* Human Rights and International Relations. Cambridge: Cambridge University Press, 1986.
- Walker, R.B.J.* Inside / Outside: International Relations as Political Theory. Cambridge: University Press, Cambridge, 1993.
- Wallerstein I.* After Liberalism. New York: New Press, 1995.
- Wallerstein I.* Decline of American Power: The U.S. in a Chaotic World. New York: New Press, 2003.
- Wallerstein I.* Geopolitics and geoculture: essays on the changing world-system. Cambridge: Press Syndicate, 1991.
- Wallerstein I.* Geopolitics and geoculture: essays on the changing world-system. Cambridge: Press Syndicate, 1991.
- Wallerstein I.* Historical Capitalism, with Capitalist Civilization. London: Verso, 1995.
- Wallerstein I.* The End of the World As We Know It: Social Science for the Twenty-first Century. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1999.
- Wallerstein I.* The Twentieth Century: Darkness at Noon? Keynote address. Boston: PEWS conference, 2000. C. 6.
- Wallerstein I.* Utopistics: Or, Historical Choices of the Twenty-first Century. New York: New Press, 1998.
- Wallerstein I.* World-Systems Analysis: An Introduction. Durham, North Carolina: Duke University Press, 2004.
- Wallerstein I.* World-Systems Analysis: An Introduction. Durham, North Carolina: Duke University Press, 2004.
- Walt S.* American Hegemony: Its Prospects and Pitfalls // *Naval War College Review*. Spring 2002.
- Walt S.* Taming American Power: The Global Response to U.S. Primacy. W.W. Norton, 2005.
- Walt S.* Taming American Power: The Global Response to U.S. Primacy. W.W. Norton, 2005.
- Walton Dale C.* Geopolitic and the great Powers in the Twenty-first Century. Multipolarity and the revolution in the strategic perspective. L; NY: Routledge, 2007.
- Waltz K.* Man, the State, and War. New York: Columbia University Press, 1959.
- Waltz K.* The Spread of Nuclear Weapons: A Debate Renewed. W. W. Norton & Company. New York, 1995.
- Waltz K.* Theory of International Politics. New York: McGraw Hill, 1979.
- Waltz. M.* Man, State and War. New York: Columbia University Press, 1959.
- Walzer Michel.* Thinking Politically. Yale: Yale University Press, 2007.
- Walzer M.* Thick and Thin: Moral Argument at Home and Abroad Notre Dame, IN: Notre. Dame University Press, 1994.
- Webb Michael C., Krasner Stephen D.* Hegemonic Stability Theory: An Empirical Assessment // *Review of International Studies*. 1989, # 15.
- Weber C.* International Relations Theory: A Critical Introduction. N.Y.: Taylor & Francis, 2009.
- Wendt Alexander.* Social Theory of International Politics, Cambridge University Press, 1999.
- Wight M.* International Theory: The three Traditions. Leicester: Leicester University Press, 1991.
- Wight M.* Systems of States. London: Leicester University Press, 1977.

- Wilkinson P.* International Relations. A Brief Insight. New York: Sterling Publishing Company, Inc., 2010.
- Wittgenstein Ludwig.* Philosophische Untersuchungen. Kritisch-genetische Edition. Herausgegeben von Joachim Schulte. Wissenschaftliche Buchgesellschaft. Frankfurt. 2001.
- Woolf Leonard.* International Government. London: Allen & Unwin, 1916.
- Wyn Jones R.* (ed.) Critical Theory & World Politics. Boulder, Colorado: Lynner Rienner, 2001.
- Zalewski M.* Feminism after postmodernism: theorising through practice. London: Routledge, 2000.
- Zimmern A.* The Third British Empire. New York: Columbia University Press, 1928.
- Zimmern A.* The League of Nations and the Rule of Law, 1918 – 1935. London: MacMillan, 1936.
- Арендт Х.* Истоки тоталитаризма. М.: ЦентрКом, 1996.
- Бауман З.* Текучая современность — Санкт-Петербург: Питер, 2008.
- Бжезинский З.* Великая шахматная доска: господство Америки и его геостратегические императивы. М.: Международные отношения, 1998.
- Богрийер Ж.* К критике политической экономии знака. М.: Библион-Русская книга, 2003.
- Бродель Ф.* Структуры повседневности. М., 1986.
- Бродель Ф.* Динамика капитализма. Смоленск: Полиграмма, 1993
- Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV – XVIII вв.: В 3 т. М.: Весь мир, 2006.
- Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV – XVIII вв.: В 3-х т. М.: Весь мир, 2007.
- Бурдьё П.* Поле науки. М.: Институт экспериментальной социологии. СПб.: Алетейя, 2002.
- Бурдьё П.* Социология социального пространства. М.: Институт экспериментальной социологии. СПб.: Алетейя, 2007.
- Валлерстайн И.* Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2008.
- Валлерстайн И.* Миросистемный анализ: Введение. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006.
- Вебер М.* Избранное. Образ общества. М.: Юрист, 1994.
- Вебер М.* Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
- Гегель.* Феноменология духа. Санкт-Петербург: Наука, 1994.
- Генон Р.* Восток и Запад. Великая триада. М., 2005.
- Генон Р.* Кризис современного мира. М.: Арктогея, 1991.
- Генон Р.* Царство количества и знаки времени. М., 2004.
- Гоббс Т.* Левиафан, или материя, форма и власть Государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Сочинения: В 2 т. М., 1991. Т. 2.
- Грамши А.* Тюремные тетради. М.: Издательство политической литературы, 1991.
- Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли. М., 1992.
- Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-романскому. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета; Издательство «Глаголь», 1995.
- Делез Ж.* Складка. Лейбниц и барокко. М.: Издательство Логос, 1997.
- Делез Ж., Гваттари Ф.* Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения. Екатеринбург, 2007.

- Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато. Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У – Фактория; М.: Астрель, 2010.
- Дугин А.Г. Мартин Хайдеггер. Возможность Русской Философии. М.: Академический Проект, 2011.
- Дугин А.Г. Четвертая Политическая Теория. СПб.: Амфора, 2009; Четвертая Политическая Теория. Альманах. N. 1 – 2, 2010 – 2011.
- Дугин А.Г. Этносоциология. М.: Академический Проект, 2011.
- Дугин А. Геополитика постмодерна. СПб.: Амфора, 2007.
- Дугин А. Геополитика России. М.: Академический проект, 2012.
- Дугин А. Геополитика. М.: Академический проект, 2011.
- Дугин А. Конец экономики. СПб.: Амфора, 2009.
- Дугин А. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. М.: Арктогея, 1997.
- Дугин А. Поп-культура и знаки времени. СПб.: Амфора, 2005.
- Дугин А. Проект «Евразия». М.: Яуза, 2004.
- Дугин А. Социология воображения. М.: Академический проект, 2010.
- Дугин А. Этносоциология. М.: Академический проект, 2011.
- Дюмон Л. Номо hierarchicus: опыт описания системы каст. М., 2001.
- Кант И. К вечному миру. М.: Московский рабочий, 1989.
- Киссинджер Г. Дипломатия. М.: Ладомир, 1997
- Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика? М.: Ладомир, 2002.
- Клаузевиц К. О войне. М.: Эксмо, СПб.: Мидгард, 2007.
- Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1977.
- Латур Бруно. Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии. — СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2006.
- Леви-Строс К. Структурная антропология. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
- Ленин В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1950.
- Лист Ф. Национальная система политической экономии. М.: Европа, 2005.
- Макиавелли Н. Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. М.: Азбука-классика, 2009.
- Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. М.: Кучково поле, 2007.
- Малиновский Бронислав. Избранное: Аргонавты западной части Тихого океана. М.: РОССПЭН, 2004.
- Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 4. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. С. 419 – 459.
- Миллс, Ч.Р. Властвующая элита. М.: Иностранная литература, 1959.
- Мосс М. Общества. Обмен. Личность. М.: Восточная литература, 1996.
- Негри А., Харгт М. Империя. Москва: Праксис, 2004.
- Негри А., Харгт М. Множество: война и демократия в эпоху империи. М.: Культурная революция, 2006.
- Ницше Ф. К генеалогии морали // Ницше Ф. Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1990.
- Основы евразийства. М. Арктогея-Центр, 2002.
- Повесть временных лет // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. СПб., 1997.
- Самнер У. Народные обычаи. М, 1914.
- Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. М.: Астрель, 2006.
- Тойнби А. Постигание истории. М.: Прогресс, 1991.

- Трубецкой Н.С.* Европа и человечество // Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. М.: Аграф, 2001.
- Трубецкой Н.С.* Наследие Чингисхана. М.: Аграф, 2000.
- Фейерабенд П.* Против метода. Очерк анархистской теории познания. М.: АСТ; Хранитель, 2007.
- Фрейд З.* Тотем и табу. М., 1923.
- Фуко Мишель.* Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. М.: Праксис, 2002.
- Фукуяма Ф.* Идеи имеют большое значение. Беседа с А. Дугиным // Профиль. 2007.
- Фукуяма Ф.* Конец истории и Последний человек. М.: АСТ, 2004.
- Фукуяма Ф.* Конец истории и последний человек. М.: АСТ, 2004.
- Хабермас Ю.* Политические работы. М.: Праксис, 2005.
- Хабермас Ю.* Философский дискурс о модерне. М.: Весь Мир, 2003.
- Шмитт К.* Диктатура. От истоков современной идеи суверенитета до пролетарской классовой борьбы. СПб.: Наука, 2005.
- Шмитт К.* Левиафан в учении о Государстве Томаса Гоббса. М.: Владимир Даль, 2006.
- Шмитт К.* Номос Земли: Civitas Terrena. М.: Владимир Даль, 2008.
- Шмитт К.* Политическая теология. М.: Канон-Пресс-Ц, 2000.
- Шмитт К.* Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. № 1. С. 35 – 67.
- Шпенглер О.* Закат Европы. Образ и действительность. М.: Наука, 1993.
- Юнг К.Г.* Проблемы души нашего времени. СПб., 2002.

МОНОГРАФИИ АВТОРА

- Дугин А.Г. Пути Абсолюта. М.: Арктогея, 1991.
- Дугин А.Г. Гиперборейская теория, М.: Арктогея, 1993.
- Дугин А.Г. Конспирология. М.: Арктогея, 1993. 2-е доп. изд. М., 2005.
- Дугин А.Г. Консервативная Революция. М.: Арктогея, 1994.
- Дугин А.Г. Мистерии Евразии. М.: Арктогея, 1996.
- Дугин А.Г. Основы геополитики. М.: Арктогея. 1-е изд. 1996; 2-е изд., 1997. 3 изд. (дополненное), 1998; 4 изд. (дополненное), 2000.
- Дугин А.Г. Метафизика Благой Вести. М.: Арктогея, 1996.
- Дугин А.Г. Тамплиеры Пролетариата. М.: Арктогея, 1997.
- Дугин А.Г. (под ред.) Конец Света (альманах по истории религий) М.: Арктогея, 1997.
- Дугин А.Г. (под редакцией) Наш Путь. М.: Арктогея, 1998.
- Дугин А.Г. Абсолютная Родина. М.: Арктогея, 1999.
- Дугин А.Г. Русская Вещь. В 2 т. Т. 1 – 2. М.: Арктогея, 2001.
- Дугин А.Г. Евразийский Путь. М.: Арктогея-Центр, 2002.
- Дугин А.Г. (под ред.). Евразийский Взгляд. М.: Арктогея-центр, 2002.
- Дугин А.Г. Философия традиционализма. М.: Арктогея-Центр, 2002.
- Дугин А.Г. Эволюция парадигмальных оснований науки. М.: Арктогея-центр, 2002.
- Дугин А.Г. (под ред.). Основы Евразийства. М.: Арктогея-центр, 2002.
- Дугин А.Г. Философия политики. М.: Арктогея, 2004.
- Дугин А.Г. Проект «Евразия». М.: Яуза, 2004.
- Дугин А.Г. Евразийская миссия Нурсултана Назарбаева. М.: Арктогея-Центр, 2004.
- Дугин А.Г. Философия войны. М.: Яуза, 2004.
- Дугин А.Г. Поп-культура и знаки времени. СПб.: Амфора, 2005.
- Дугин А.Г. Обществоведение для граждан Новой России. М.: Евразийское движение, 2007.
- Дугин А.Г. Геополитика постмодерна. СПб.: Амфора, 2007.
- Дугин А.Г. Знаки великого Норда. М.: Вече, 2008.
- Дугин А.Г. Радикальный субъект и его дубль. М.: Евразийское движение, 2009.
- Дугин А.Г. Постфилософия. Три парадигмы в истории мысли. М.: Евразийское движение, 2009.
- Дугин А.Г. Четвертая политическая теория. СПб.: Амфора, 2009.
- Дугин А.Г. Логос и мифос. Социология глубин. М.: Академический проект, 2010.
- Дугин А.Г. Социология воображения. Введение в структурную социологию. М.: Академический проект, 2010.
- Дугин А.Г. Мартин Хайдеггер: философия другого Начала. М.: Академический проект, 2010.
- Дугин А.Г. Конец экономики. СПб.: Амфора, 2010.
- Дугин А.Г. Социология русского общества. М.: Академический проект, 2011.

- Дугин А.Г. Мартин Хайдеггер: возможность русской философии. М.: Академический проект, 2011.
- Дугин А.Г. Этносоциология. М., 2011.
- Дугин А.Г. Геополитика. М.: Академический проект; Трикста, 2011.
- Дугин А.Г. Геополитика России. М.: Академический проект, 2011.
- Дугин А.Г. Теория многополярного мира. М., 2012.
- Дугин А.Г. В поисках темного логоса. М., 2013.

На иностранных языках

- Dughin A.* Continente Russia. Parma: All'isegno del veltro, 1992
- Dughin A.* Rusia. Misterio de Eurasia. Madrid:Grupo Libro 88, 1992.
- Dugin A.* Nova Hyperboreyska Revelyatsiya. Beograd, 1999.
- Dugin A.* Seminal writings, L., 3 v., 2000.
- Dugin A.* Conspirologiya. Beograd, 2001.
- A.Dugin Rus jeopolitigi avrasyaci yaklasim. Ankara, 2003.
- Dugin A.* Osnove geopolitike. 2v. Zrenjanin: Ecopress, 2004.
- Dugin Iskander.* Feisaliny jeopolitidgi. Beyruth, 2004.
- Dugin Alexander.* La Rivoluzione conservatrice in Russia. Roma, Nuove Idee, 2004.
- Dughin A.* Rivoluzione Conservatrice in Russia. Roma, 2005
- Douguine A.* Le prophete de l'eurasisme. Paris: Avatar Editions, 2006.
- Douguine A.* La grande guerre des continents. Paris: Avatar Editions, 2006.
- Dugin A.* Misyonin avrasyagilik Nursultanain Nazarbaevin. Ankara, 2006.
- Dugin A.* Moska-Ankara ekseni. Istanbul: Kaynak, 2007.
- Dugin Alexander.* Geopolitika Postmoderne. Bograd: Prevodilacka radioniza Rosic, 2009.
- Dugin Aleksandr.* A Grande Guerra dos Continentes. Lisboa: Antagonista, 2010.
- Duhgin Aleksandr.* Basele Geopoliticii si viitorul geopolitic al Rusiei. Bucuresti: Editura Eurasiatica.ro, 2011.
- Dugin Aleksandr.* Teoria do Mundo Multipolar. Lisboa: Instituto de Altos Estudos em Geopolitica & Ciencias Auxiliares, 2012.
- Dugin Alexander.* Geopolitica do mundo Multipolar. Curitiba-PR, Editora Austral, 2012.
- Dugin Alexander.* The Forth Political Theory. London, Arctos, 2012.
- Douguine Alexandre.* La Quatrieme theorie politique. La Russie et les idees politiques du XXI eme siècle. Ars Magna Editions, Nantes, 2012.
- Dugin Alexander.* A Quarta Teoria Politica, Curitiba-PR, Editora Austral, 2012.
- Dugin Aleksandr.* Evrasionismo, Zarinha Centro de Cultura, 2012.
- Dugin Aleksandr.* La Missione eurasiatica di Nursultan Nazarbayev, Parma Edizioni all insegna del Veltro, 2012.
- Os Eua E A Nova Ordem Mundial Um Debate entre Alexandre Dugin e Olavo de Carvalho, Campinas, CEDET, 2012.

ABSTRACT

The manual «International relations: paradigms, theories, sociology» is a new book written by the founder of modern Russian geopolitical school Alexander Dugin. In this edition the author is summing up the most important principles, tendencies and trends of the scientific discipline «International relations»; describes the sphere of this science, deeply connected with geopolitics and geostrategics; investigates the basic concepts of international relations: «powers», «elites», «wars», «peace», «security», «interests», «values», «mass-media», «hegemony», «civilisations» and so on. The specific theoretical and scientific interest of the author lies in his attention to the new nonclassical schools in international relations — postmodernist, constructivist, postconstructivist, feministic and others — and in a special sociological approach to international relations.

The classical methodology of the discipline «International Relations» for the first time is applied to detailed investigation of the major trends of Russian foreign policy of the previous 20 years («doctrine of Kozirev», «doctrine of Primakov», «doctrine of Putin» etc.).

The last part of the book is dedicated to explication of the Theory of Multipolar World, elaborated by the author and his scientific school, and the perspectives of Russia in this project.

ВВЕДЕНИЕ..... 3

Международные Отношения как академическая дисциплина — 3. МО как продукт политической философии Модерна (евроцентризм) — 4. Три волны дебатов в МО — 5

Часть 1

ПОЗИТИВИСТСКИЕ ПАРАДИГМЫ МО (КЛАССИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ) 7

- 1.1. Реализм (первая парадигма)..... 7
- 1.1.1. Теоретические предпосылки реализма. Философские основы..... 7
Реализм в МО как одна из основных парадигм — 7. «Князь» (Н. Макиавелли) — 8. Левиафан (Т. Гоббс) — 9. Суверенитет (Ж. Боден) — 11. Суверенное Государство как базовый актор международных отношений в Новое время — 11. Международная анархия — 12. Вестфальский мир: исторический момент возникновения нового международного порядка в Европе и мире — 12
- 1.1.2. Типы реализма в МО 13
Номенклатура реалистских подходов — 13. Абсолютный суверенитет — 14
- 1.1.3. Классический реализм 15
Ганс Моргентау: могущество (power) и опора на собственные силы (self-help) — 15. Рейнхольд Нибур: антропологический пессимизм и первородный грех — 16. Эдвард Карр: иметь или не иметь — 17. Раймон Арон: социология интернациональных систем — 18. Генри Киссинджер: судьба дипломата — 19
- 1.1.4. Геополитический реализм 20
Геополитика и МО — 20. Альфред Мэхэн: морское могущество — 21. Хэлфорд Макиндер: Море против Суши — 22. Николас Спикмен: кто контролирует Rimland? — 23. Карл Шмитт: порядок больших пространств — 24
- 1.1.5. Неореализм (структурализм)..... 25
Кеннет Уолтц: баланс могуществ и двухполярность — 25. Роберт Джилпин: теория гегемонистской стабильности и однополярный миропорядок — 26. Джон Миршаймер: наступательный реализм — 27. Защитный (оборонный) реализм — 28. Гиперреализм Б. Челлани — 29. Стивен Краснер: «сильные» против «слабых» — 29
- Резюме..... 30
- 1.2. Либерализм (вторая парадигма)..... 31
- 1.2.1. Теоретические предпосылки либерализма. Философские основы 31
Либерализм в МО как одна из основных парадигм — 31. Джон Локк: человек и его совершенство — 33. Иммануил Кант: гражданское общество и трансцендентальный рассудок — 33. 1.2.2. Принципы либерализма..... 34
Антропологический оптимизм либералов — 34. Основные принципы либерализма в МО — 35
- 1.2.3. Классические либералы в МО 36
Ричард Кобден: наднациональные институты — 36. Норман Энджелл: великая иллюзия — 37. Вудро Вильсон: глобальная демократия и ее враги — 38. Альфред Циммерн: мировое правительство — 39
- 1.2.4. Неолиберализм 40
Транснационализм — 40. Роберт Киохэйн: взаимозависимость и диверсификация акторов — 40. Джозеф Най: «мягкая сила» — 41. Уолтер Рассел Мид: «лишняя», «острая» и «притягательная» силы — 42. Джэймс Розенау: турбулентность в МО — 42. Д. Уолтон: непредсказуемость и революция в стратегии — 43. Эндрю Моравчик: либеральный структурализм — 44. Збигнев Бжезинский: мировые шахматы — 44
- 1.2.5. Институционалистское направление в либеральной парадигме МО 45
Первичность институций — 45. Морис Ориу: принципы институционализма — 46. Неоинституционализм — 46. Рациональные и исторические институционалисты — 47

1.2.6. Теории глобализации	47
Мировая политика: Дж. Мейер, Дж. Боли, Дж. Томас — 47. Теория мировой культуры: Р. Робертсон — 49. «Общество риска» и культурное пространство: С. Лэш, М. Фезерстоун — 51. Тезис «конца истории»: Ф. Фукуяма — 51. Гиперглобализм: Т. Фридман, Дж. Бхагавати — 53	
Резюме.....	54
1.3. Английская школа в МО (промежуточная парадигма).....	55
Основные принципы.....	
Гуго Гроций: естественное право — 55. Мировое общество — 56. Хэди Булл: сообщество Государств — 57. Джон Бертон: мировое общество — 59. Мартин Уайт: система Государств — 59. Барри Бузан: интернациональные системы в истории — 59	
1.4. Марксизм (третья парадигма)	61
Неомарксизм (третья парадигма).....	
Иммануил Валлерстайн: мир-система — 62. Парадоксы альтерглобализма (троцкизм и анархизм в МО) — 65	
Резюме.....	66

Часть 2**ПОСТПОЗИТИВИСТСКИЕ ПАРАДИГМЫ В МО (ПОСТМОДЕРНИСТСКИЕ ТЕОРИИ).....70**

2.1. Постпозитивистские теории в МО.....	70
Основные принципы — 70. Основные направления — 73	
2.2. Критическая теория МО	75
Гегемония у А. Грамши	
Роберт Кокс: контргегемония и контробщество — 75. Стивен Гилл: выбор интеллектуальной элиты — 76. Эндрю Линклейтер: общины диалога — 77	
2.3. Постмодернизм в МО.....	77
Ричард Эшли: интертекстуальность и воля к власти — 78. Дер Дерьян: (анти) дипломатия и дискурс — 78	
2.4. Феминизм в МО	79
Типы феминизма в МО — 79. Синтия Энлоэ: гендер Востока и Запада — 79. Анна Тикнер: женский взгляд на человечество — 80. Донна Харауэй: постмодернистский феминизм — 80	
2.5. Нормативизм в МО.....	81
Нормативизм как умеренный постпозитивизм — 81. Крис Браун: этика в МО — 81. Майкл Уолцер: «густое» описание в МО — 82	
2.6. Историческая социология в МО	83
Стивен Хобден: критика хронофетишизма и темпоцентризма — 83. Джон Хобсон: критика евроцентризма и расизма — 84	
2.7. Конструктивизм в МО	86
Когнитивизм — 86. Питер Катценштайн: конструкции социальных взаимодействий — 86. Николас Онуф: мир, который создали мы — 87. Александр Вендт: плюрализм идентичностей — 87	
Резюме: Статус постпозитивистских теорий в МО	89

Часть 3**ОСНОВНЫЕ ТЕМЫ И КОНЦЕПТЫ МО..... 90**

Введение	90
3.1. Власть, элиты, решение.....	91
3.1.1. Реализм: могущество как оно есть.....	
Предпосылки — 91. Квалифицированная власть /неквалифицированное большинство — 92. Решение в реализме — 93. Суверенитет в неореализме — 96	
3.1.2. Либерализм: преодоление силы	
Предпосылки — 97. Квалифицированный индивидуум и решение в либера-	

лизме — 98. Основные различия между реалистами и либералами — 100	
3.1.3. Английская школа: социализация Князя.....	101
Клуб правителей — 101. Решение и престиж — 102	
3.1.4. Марксизм: власть капитала.....	103
Предпосылки — 103. Капитал как субъект мирового господства — 104. Решение о Революции — 106	
3.1.5. Постпозитивистские теории: деконструкция Князя.....	108
Критическая теория: анатомия влияния — 108. Постмодернизм: правило имманентности — 110. Историческая социология: иерархия обществ — 114. Феминизм: господство мужчин — 116	
Нормативизм: наш Князь или князь мира (в) сего.....	119
Конструктивизм: создать правителя — 121	
Резюме.....	123
3.2 Война, мир, безопасность.....	123
3.2.1. Реализм: война как данность.....	123
Определения Клаузевица — 123. Справедливая война: оттенки понятия — 126. Война как состояние — 127	
3.2.2. Либерализм: мир как задание.....	129
Вечный мир — 129. Теория демократического мира — 130. Критика теории демократического мира квантитивистами — 132. Транснационализм и глобализм — 133	
3.2.3. Английская школа: война по правилам.....	135
Рационалисты в МО — 135. Война как институция — 135	
3.2.4. Марксизм: от войны к революции.....	136
Классовый подход — 136. Классовая борьба и революция — 137. Теория партизанской войны — 138	
3.3. Постпозитивизм: деконструкция агрессии.....	138
Критическая теория: выбор интеллектуала и «пассивная революция» — 139. Постмодернистская теория: экзорцизм агрессивности — 139. Феминизм: война глазами женщины — 140. Историческая социология: война войне рознь — 140. Нормативизм: этика войны — 141. Конструктивизм: война как идеация — 141	
3.4. Интересы, ценности, могущество.....	141
3.4.1. Реализм: интересы с опорой на могущество.....	141
Национальные интересы — 141. Могущество — 145. «Баланс могуществ» (неореалисты) — 147. Ценности и право сильнейшего — 148	
3.4.2. Либерализм: универсальность демократических ценностей.....	149
Коллективные интересы — 149. Универсальные ценности и институции — 149. Вопрос могущества и soft power — 150	
3.4.3. Английская школа: социализация сил.....	152
Обусловленные национальные интересы — 152. Лимитированное могущество — 153. Социальные ценности — 153	
3.4.4. Марксизм: классы и оппозиции.....	154
Классовые интересы — 154. Борьба за могущество — 155. Материальные ценности — 157	
3.4.5. Постпозитивизм: алгоритмы реальности.....	158
Интересы, ценности, могущество как конструкты — 158. Критическая теория: инструментарий гегемонии — 159. Постмодернизм: воля к власти — 160. Феминизм: гендерный индекс в деконструкции — 162. Историческая социология: универсализм и цивилизация — 163. Нормативизм: этическая структура — 166. Конструктивизм: социальная легитимация — 167	
Резюме.....	168
3.5. Международная Политическая Экономия.....	170
3.5.1. Реализм: меркантилизм.....	171
Меркантилизм в истории Европы — 171. Меркантилизм и классический реализм — 172. Автаркия больших пространств — 173. Теория Гегемонистской Стабильности — 174. Капитал и власть в международных отношениях — 176	
3.5.2. Либерализм: общества нежной торговли.....	177
Либерализм в европейской истории — 177. Противоположность либерализма и меркантилизма — 178. Неолиберализм и МПЭ — 180	

3.5.3. Марксизм: Капитал.....	183
Английская школа: невнимание к МПЭ — 183. Марксизм и капиталистическая экономика — 183. Мир-система и МПЭ — 185	
3.5.4. Постпозитивизм: материальное воображение и производство знаков	186
Критическая теория: концепция «миропорядков» — 186. Heartland Локка — 188. Социальное воспроизводство капитала — 189. Плуральность цивилизаций — 190. Иерархии эффективности (экономический расизм) — 191	
Резюме.....	192
3.6. Масс-медиа в МО.....	193
3.6.1. Социология СМИ.....	193
Социальные коммуникации в Премодерне — 193. Социальные коммуникации в Модерне — 194	
3.6.2. СМИ в позитивистских теориях МО	196
Реализм: национальные СМИ — 196. Либерализм: глобальные СМИ, виртуальность, сеть — 197. Английская школа: социализация СМИ — 198. Марксизм: классовые СМИ — 199	
3.6.3. СМИ в постпозитивистских теориях МО	200
Деконструкция СМИ — 200. Критическая теория: СМИ как поле гегемонии — 200. Постмодернизм: СМИ как текст доминанции — 201. Феминизм: гендерный аспект СМИ — 202. Историческая социология: евроцентризм глобальных СМИ — 203. Нормативизм: этические структуры и СМИ — 205. Конструктивизм: СМИ и конструирование реальности — 206	

Часть 4**РАЗДЕЛ РОССИЯ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ.....207**

4.1. Историческая перспектива.....	207
Отсутствие законченной картины — 207. Этапы русской истории — 207. Киевский период — 207. Ордынский период — 209. Московская Русь — 209. Санкт-Петербургский период — 211. Революция и СССР — 212	
4.2. МО в современной России.....	214
Перестройка в МО — 214. МО в России 90-х годов XX века — 215. Внешняя политика РФ в 2000-е годы — 218. Евразийский Союз и Теория Многополярного Мира — 219	

Часть 5**ТЕОРИЯ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА.....220**

5.1. Введение: многополярность — определение понятия и разграничение смыслов.....	220
Первые подходы к разработке ТММ — 220. Многополярность не совпадает с национальной моделью организации мира по логике Вестфальской системы — 222. Многополярность не является двухполярностью — 223. Многополярность несовместима с однополюсным миром — 225. Однополярность на практике соседствует с номинальным сохранением Вестфальской системы и с инерционными остатками двухполярного мира — 227. Многополярный мир не является бесполярным — 228. Многополярность не есть многосторонность — 229	
Резюме.....	230
5.2. Гегемония и ее деконструкция.....	232
Значение постпозитивизма — 232. Контргегемония — 233. Деконструкция воли к власти — 234. Евразийская критика евроцентризма и западного универсализма — 235. Исторические метаморфозы гегемонии — 235. Отвержение неолиберализма и глобализма — 237. Критика марксизма (евроцентризм) — 237. Критика универсализма в постпозитивистских теориях МО — 238	
5.3. Цивилизация как актор (большое пространство и политейя).....	240
Теории С. Хантингтона: введение концепта цивилизация — 240. Понятие «цивилизация» в МО — 241. Расширенный спектр понятия «цивилизация»	

в ТММ: определения — 244. Цивилизация как субстанция (онтологическая концепция цивилизации) — 244. Цивилизация как процесс (динамическая концепция цивилизации) — 245. Цивилизация как система (системическая концепция цивилизации) — 245. Цивилизация как структура (структурно-функциональная /морфологическая концепция цивилизации) — 246. Цивилизация как пайдеума (образовательная концепция цивилизации) — 246. Цивилизация как набор ценностей (аксиологическая концепция цивилизации) — 246. Цивилизация как организованное бессознательное (психоаналитическая концепция цивилизации) — 247. Цивилизация как (религиозная) культура — 247. Цивилизация как язык (филолого-лингвистическая концепция цивилизации) — 247. Цивилизация как первая производная от этноса (этносоциологическая концепция цивилизации) — 248. Цивилизация как конструкт (конструктивистская концепция цивилизации) — 248. Цивилизация как Dasein (экзистенциальная концепция цивилизации) — 249. Цивилизация как нормативное поле человека (антропологическая концепция цивилизации) — 249. Полюса многополярного мира /номенклатура цивилизаций — 250. Западная цивилизация — 250. Православная (евразийская) цивилизация — 251. Исламская цивилизация — 251. Китайская цивилизация — 252. Индуистская цивилизация — 252. Японская цивилизация — 252. Латинско-американская цивилизация — 253. Африканская цивилизация — 253. Карта потенциального многополярного мира — 254. Цивилизации как конструкции — 256. Координационный центр многополярности — 258. Границы цивилизаций — 258. Практика многополярного мира: интеграция — 259. Преко́нцепт: цивилизация и «большое пространство» — 260. «Политейя» в Теории Многополярного Мира — 262

5.4. Теория Многополярного Мира и другие парадигмы МО	267
Релевантность реализма для ТММ — 267. Релевантность либерализма для ТММ — 269. Релевантность Английской школы в МО для ТММ — 272. Релевантность марксизма и неомарксизма для ТММ — 273. Релевантность критической теории для ТММ — 275. Релевантность постмодернистской теории для ТММ — 277. Релевантность феминизма для ТММ — 279. Релевантность исторической социологии для ТММ — 280. Релевантность нормативизма для ТММ — 283. Релевантность конструктивистской теории для ТММ — 285	
Резюме.....	289
5.5. Основные темы и сюжеты МО в контексте ТММ.....	290
Власть (Князь) в ТММ — 290. Решение в ТММ — 294. Элита и массы в ТММ — 296. Диалог и война цивилизаций — 297. Дипломатия: антропология и традиционализм — 300. Экономика в ТММ — 303. СМИ в ТММ — 307	
Резюме.....	308

ПРИЛОЖЕНИЕ

КОНТРЕГЕМОНИЯ В ТЕОРИИ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА..... 310

Понимание «гегемонии» в реализме — 310. Гегемония в концепции Антонио Грамши — 311. Грамшизм в критической теории: левый уклон — 313. «Грамшизм справа» — ревизия Алена де Бенуа — 316. Денонсация евроцентризма в исторической социологии — 317. Переход к многополярности — 318. Синтаксис гегемонии/синтаксис контргегемонии — 320. Глобальная революционная элита — 322. Ресурсы контргегемонии: «ревизионеры» миропорядка и их уровни — 323. Контргегемония и Россия — 325

БИБЛИОГРАФИЯ..... 317

МОНОГРАФИИ АВТОРА..... 341

ABSTRACT..... 343

Учебное издание

Дугин Александр Гельевич

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ПАРАДИГМЫ, ТЕОРИИ, СОЦИОЛОГИЯ

Компьютерная верстка

К.А. Крылов

Научная редакция

Н.В. Мелентьева

Корректор

Е.Л. Тюрин

ООО «Академический Проект»
111399, Москва, ул. Маргеновская, 3.
СЕРТИФИКАТ СООТВЕТСТВИЯ
№ РОСС RU. АЕ51. Н 16070 от 13.03.2012.
Орган по сертификации РОСС RU.0001.11АЕ51
ООО «ПРОФИ-СЕРТИФИКАТ»

По вопросам приобретения книги просим обращаться
в ООО «Трикта»:

*111399, Москва, ул. Мартеновская, 3.
Тел.: (495) 305 3702; 305 6092; факс: 305 6088
E-mail: info@aproject.ru
Интернет-магазин: www.aproject.ru*

Подписано в печать 15.04.13.
Формат 60×90/16. Гарнитура Балтика. Бумага писчая.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 22,0. Тираж 1000 экз.
Заказ № .

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в ОАО «Дом печати — ВЯТКА».
610033, г. Киров, ул. Московская, 122.

**ИЗДАТЕЛЬСКО-КНИГОТОРГОВАЯ ФИРМА
«ТРИКСТА»**

предлагает купить через интернет-магазин книги
следующей тематики:

- ▶ психология
- ▶ философия
- ▶ история
- ▶ социология
- ▶ культурология
- ▶ учебная и справочная литература
по гуманитарным дисциплинам
для вузов, лицеев и колледжей

Наш интернет-магазин:
www.aproject.ru

Наш адрес:
*111399, Москва, ул. Мартеновская, 3,
ООО «Трикта»*

Заказать книги можно также по
тел.: (495) 305-37-02, факсу: 305-60-88

по электронной почте:
*e-mail: info@aproject.ru,
orders@aproject.ru*

Просим Вас быть внимательными и указывать полный
почтовый адрес и телефон/факс для связи.
С каждым выполненным заказом Вы будете получать
информацию о новых поступлениях книг.

ЖДЕМ ВАШИХ ЗАКАЗОВ!

**Издательство
«АКАДЕМИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ»
предлагает:**

Дугин А.Г.

ЭТНОСОЦИОЛОГИЯ

Учебное пособие для вузов. ГРИФ. 2011. — 639 с.

Книга представляет собой систематическое изложение основных принципов и аналитических стратегий дисциплины «Этносоциология», которая рассматривается как самостоятельный раздел социологии, базирующийся на исследовании трансформаций общества от простейших этнических групп до комплексных современных социальных систем (включая «гражданское общество», «общество постмодерна» и т. п.). В монографии анализируются основные зарубежные и отечественные источники и школы, оказавшие влияние на становление этносоциологии как самостоятельной и оригинальной научной дисциплины. Автор предлагает углубленный философский подход к категориям «этнос», «народ», «нация», «общество», дает четкие определения этих понятий и выстраивает обобщающую этносоциологическую таксономию. Книга отличается строгой последовательностью, широким спектром привлекаемых знаний, использованием разнообразных методологий этносоциологического анализа, сведенных в единую легко воспринимающую систему. Значительное внимание уделяется применению этносоциологического инструментария к анализу российского общества.

**Издательство
«АКАДЕМИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ»
предлагает:**

Дугин А.Г.

ГЕОПОЛИТИКА

2011. — 583 с.

Учебное пособие «Геополитика» обобщает основные тенденции, направления и школы современной геополитики. Дается подробный обзор теоретических и научных истоков геополитики, рассматривается процесс формирования различных школ — англосаксонской, евразийской, береговой. Прослеживается влияние геополитических теорий и доктрин на политическую практику. Анализируются связи геополитических методик с деятельностью таких групп влияния, как Council on Foreign Relations (CFR), Trilateral Commission, неоконсерваторы, неореалисты и т. д. Исследуются новейшие направления в геополитике: неоатлантизм, критическая геополитика, геополитика космоса и геополитика сетевых процессов. Дается геополитический анализ феномена однополярности, глобализма и «американской гегемонии». Систематически излагаются геополитические принципы многополярной модели.